

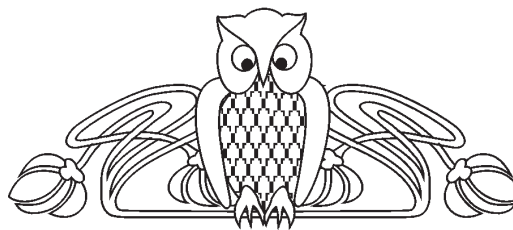

УДК 1:316.7

ГЕНЕАЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. М. Ломако

Саратовский государственный университет
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена философскому анализу социальной памяти при помощи сравнительно-исторического метода генеалогии, который позволяет рассмотреть человека в его целостности с миром, т. е. в единстве культурных и социальных связей поколений. Возможность применения философского метода генеалогии к феномену социальной памяти раскрывается через категориальное сопоставление истоков социального бытия и традиции.

Ключевые слова: социальная память, генеалогический метод, социальная философия, традиция, герменевтика, опыт, деструкция.

Genealogy and Social Memory: a Methodological Analysis

О. М. Lomako

The article is devoted to the philosophical analysis of the social memory with the comparative historical method of genealogy, which allows to consider a person in its entirety with the world, that means in the unity of the cultural and social links between generations. The possibility of using a philosophical genealogy method to the phenomenon of the social memory is revealed through the categorical comparison of the source of social life and customs.

Key words: social memory, genealogical method, social philosophy, tradition, hermeneutics, experience, destruction.

Человек живет между прошлым и будущим, подобно *границе*, которая как соединяет их через приобщение к истокам социальной памяти, так и разъединяет через забвение своего происхождения. Сейчас становится как никогда актуальным поиск такой методологии, которая позволяет рассмотреть человека в единстве культурных и социальных связей поколений. Одним из таких методов является генеалогия, направленная на выявление истоков социального бытия, неотделимого от социальной памяти. Во-первых, генеалогия – движение вниз, *к началу*, возвращение в «место первичного бытия», связанное с инстинктивным стремлением к естественному общинному состоянию. Во-вторых, этот метод способствует не столько *изложению*, сколько *осуществлению*. Рассмотрение истории происхождения (Herkunft) и поиск предельного основания явления, почвы, на которой оно возникло (Urgrund), становятся не просто процессом, а *процедурой*, напоминающей символическое действие, вскрытие, а не логическое рассуждение. Именно поэтому важнейшими методологическими приёмами генеалогии как

философского метода становятся герменевтика и деструкция, а центральным понятием – опыт, который включает в себя *старое* в виде проверенных знаний и ценностей и *новое* в виде экзистенциального состояния, переживания, испытания, события. «Подлинный опыт, – утверждает Г. Г. Гадамер, – есть тот, в котором человек осознает свою конечность <...> Подлинный опыт – это опыт собственной историчности»¹. Как отмечает В. Б. Устьянцев, «ценностный, целенаправленный характер деятельности социопамати во многом связан с духовными устремлениями человека, с его потребностями в социальном опыте прошлого. Проблема человека в истории может трактоваться как проблема субъектов социопамати. Субъектом памяти выступает как отдельный индивид, так и социальная группа, способная воспринимать, отображать, делать понятными для современников знания и опыт прошлых поколений»².

Защита прошлого неоднозначна, поскольку оно существует в виде *традиции* (консервация прошлого) и в виде *начала* (живое воспроизведение прошлого). Далеко не всякая традиция верна истине, поэтому необходимо различать традицию и исток. Традиция предполагает двойственное положение человека: он живет *внутри* памяти и в то же время выходит за ее границы, пребывает в настоящем, оценивая прошлое и отстраняясь от него. Положительная оценка прошлого порождает стремление сохранить, защитить, «музеефицировать» его в виде отдельных элементов как нечто дорогое и близкое, которое страшно потерять. Отрицательная оценка прошлого приводит к отказу от него, к разрушению его как чего-то «чужого», ненужного, мешающего освоить новое³.

Слово «исток» в метафизическом смысле родственно целому ряду понятий: родоначальник, основатель, законодатель. Исток обладает онтологическим преимуществом перед традицией, которая, подобно руслу реки, может изменяться и отклоняться. Она хранит наследие, полученное от основоположника, но изменяется, приспосабливаясь к обстоятельствам. Поиск «начала», «истока» требует *деструкции*, главная задача которой – сохранение традиции путем очищения её от паразитических наслоений и тем самым очерчивание её четких границ⁴. Смысл подобного разрушения может быть объяснен озабоченностью поиском

подлинной связи, лежащей за пределами дискурсивной практики, в глубинах человеческого бытия. Задачей дискурса становятся в таком случае прояснение и показ направлений, путей движения человеческих усилий к подлинному бытию и его подлинному пониманию⁵.

Традиция не открывает, а напротив, скрывает «начало», и для его обнаружения необходима деструкция. «Начало», скрываемое вещью, непросто уловить. Деструкция представляется как процесс, направленный против оскотенения и окаменения прошлого в форме традиции, которая способствует забвению происхождения. Это вопрос о глубине и поверхности: лежащее на поверхности более подвижно и изменчиво, но именно оно удаляется от первоначала, истока. Определяя деструкцию как «удостоверение происхождения» и «выдачу свидетельства о рождении», М. Хайдеггер вводит в «Бытии и времени» генеалогическую тему: «Традиция делает происхождение вообще забытым»⁶.

Применение к анализу социальной памяти генеалогического метода как феномена социальной философии предполагает обнаружение генеалогического истока такой памяти: исторически первоначальной организацией является *память тотемной общности*, неотделимая от магии и магического мышления и выступающая исходной формой отличия собственной общности от других. Первобытная коллективность, выражая в знакотеме свое происхождение, формирует прообраз более сложных форм идентичности. С усложнением родовых форм жизни возникает новая форма социальной памяти – *мифологическая*⁷.

При первобытном родовом строе порядок жизни был продиктован принципом выживаемости. Требование порядка лежит в основании самого первобытного мышления⁸. Мифологичность сознания древнего человека обуславливала его жизнь в соответствии с опытом предков, нашедшим свое воплощение в обрядах, ритуалах, табу. Мир древнего человека включал в себя и мир предков, представляя неразрывное единство двух уровней социального бытия и первую форму коммуникации – живых и мёртвых.

Социальное бытие не осуществляется только как накопление информации и смена знаков – необходим поиск первичных *смыслов*, без них человек обречен на неприкаянность. Важнейшей задачей генеалогии Ф. Ницше является, по определению П. Слотердайка, открыть заново фундаментальной истины греков, вступая «в родильную палату, где европейская культура заново рождается в качестве культуры трагической»⁹.

Дионисийская трагедия – огороженный, прирученный через искусство хаос. Это пространство единения можно обозначить как некое *хоровое, собирающее место*, где человек учился без страха смотреть в лицо смерти и без

отвращения воспринимать ужасы жизни, видеть разгул людских страстей и достойно переживать скорбь утраты близких. Это место встречи с бессознательным, с инстинктами, где спасаются через *объединение*. Смерть становится не явлением *во времени*, а переживанием *в пространстве*. Чтобы победить всеразрушающее время, необходимо создать *гетерогенное пространство*, в котором нет зрителей, а все оказываются участниками совместного действия. В действии, передаваемом древнегреческим глаголом *χορεύω* (дать место), подразумевается обретение места в социальной жизни. Ницше рассматривает хор как «живую стену, воздвигаемую трагедией вокруг себя, чтобы отгородиться от действительного мира» с его страхом смерти и ужасами жизни и «сохранить для себя идеальную почву и поэтическую свободу»¹⁰. Предлагаемый им проект движения к «истоку» человеческого означает возвращение к первичной фундаментальной интенции – осознанию человеком себя как смертного существа и протесту против этого ухода через событийность как причастность к «началу», – поэтому человек в генеалогии Ницше рассматривается в неразрывном единстве жизни и смерти.

Единый стиль жизни античности – пространство соревнования. Первоначальное значение *ἀγών* – место сбора, затем место состязания и уже позднее спортивное состязание, а *ἀγών λόγων* – состязание в речах. Приходится лишь удивляться, насколько вся античная жизнь и мышление связаны именно с пространством, переживаемым и осознаваемым как «место». Русское слово *вместе* – *в-месте* – замечательно передает эту интенцию. Основная мысль Ницше состоит в том, что индивид не может спастись в одиночку – выход в хоровой жизни, в возвращении к дионисийскому искусству, первейшее назначение которого заключается именно в том, чтобы преодолеть пропасть между людьми чувством единения.

Трагедия как ограниченный, «прирученный» хаос каждый раз заново воспроизводит миф, будучи своеобразным буфером между хаосом и аполлоническим порядком космоса. Чтобы быть выносимым, трагическое познание нуждается в защите и целебном действии искусства.

Поэтическое искусство содержит в себе безграничную возможность духовного переноса, только оно обладает одновременно той всеобщностью и непосредственной полнотой чувств, которые признаются важнейшим условием воспитательного воздействия. Поэзия превосходит как действительную жизнь, так и философскую рефлексию, ибо она философичнее, чем реальность, и в то же время жизненнее, чем философия. Поэзия гомеровского эпоса – духовно сложная величина, не сводимая к одной формуле. Гомер многократно изображает картины, в которых главным действующим лицом выступают поэты-

певцы – *аэды*, из песен которых вырос эпос. Певец призван сохранить воспоминание о делах людей и богов в *после-мире* (Nachwelt). В первой книге «Одиссеи» певец назван Фемисом, т. е. несущим весть, вестником славы. В имени феакийского певца Демодокса кроется указание на публичность, открытость его профессии. Это воззрение не только эллинистическое, оно исходит из естественной неразрывной связи всей поэзии с мифом, вестью о великих делах *пред-мира* (Vorwelt) и обуславливает гетерогенную, воспитательную в высоком смысле слова функцию поэта. Она заключается не в сознательном умысле повлиять на слушателей, а в тенденции удерживать живую славу в пении, что само по себе оказывает воспитывающее воздействие. Певец не просто передает информацию, не только сообщает факты, он оценивает и восхваляет то, что должно быть оценено и воспето.

Героическое сказание обладает неисчерпаемым запасом примеров, которые составляют духовное богатство нации и из которых мышление черпает свои идеалы и нормы совместной жизни. Миф – это носитель нормативных значений, поскольку они могут быть выражены не словесно, а в образной форме. Герой является вестником великого и возвышенного, обеспечивает передачу «изначального времени» (Vorzeit), а не любого материала. Связь гомеровской поэзии с мифом указывает на применение мифической парадигмы во всех мыслимых ситуациях, где человек предстает для Другого, советуя, предупреждая, взывая, воодушевляя, запрещая или приказывая. В речах эпических героев миф служит задающей масштаб инстанцией, к которой апеллирует говорящий. Иначе нельзя представить связь поэзии и мифа, ставшую у греков твердо установленным законом.

Эпос с самого начала представляет идеальный мир, а все низкое, презренное и ужасное в эпическом мире как бы исключается. Героическое пение по своей сути идеально «образовательно». По своему воспитательному значению оно далеко превосходит все виды поэзии тем, что объективно отражает целостность жизни человека в кругу судьбы и высшей цели. Влияние эпоса сказывается на стихосложении и элегии, хоровом пении и трагедии, которая является прямым продолжением эпоса. Только благодаря связи с эпосом, подчеркивает В. Йегер, а не дионисийскому происхождению трагедия приобретает воспитательное воздействие¹¹. Она связана с возникновением поэзии из героического пения, с идеей славы, хвалы героям и подражанием героям. Но источник самой поэзии и эпоса остается неясным.

Гомер ставил в центр Героя, преодолевающего испытания, побеждающего природу, почитающего муз и хранящего верность земле предков. Пытаясь в своих поэмах передать во всей полноте дорациональные слои античности, Гомер поступал достаточно последовательно. И хотя

он пользовался образами, а не понятиями, в его поэзии все четко определено и находится на своих местах. Так, появляется следующий смысловой ряд: *память – воображение – воскрешение*. В диалоге «Федр» Платон устанавливает иерархию человеческих типов в зависимости от близости к божественной истине. Первое место занимает человек, преданный музам и любви. Философы ни на мгновение не допускали, что Истина может обойтись без муз. Недаром сам дом Платона, где располагалась Академия, назывался домом муз, мусейоном.

Стремление Платона организовать свою школу осуществляется в 80–70-х гг. IV в. до н. э. Уже в «Федре» основной проблемой становится возможность взаимопонимания в логосе, что связано с критикой риторики. Только логос делает познаваемое очевидным, а значит, и возможным для практического обращения, обеспечивая вероятность взаимного *уживания* с другими людьми. В школе Платон стремится восстановить атмосферу приобщения к *особенному* и *высокому*, которую сам ощущал в присутствии Сократа. В действительности ему приходится создавать эту атмосферу заново: возвращение к прошлому становится творческим приемом, и «высокая педагогическая игра» иницирует дружеский настрой в среде слушателей-учеников. Однако для всякой игры нужны правила, первым сводом которых и стал диалог «Протагор», где стилистическим ограничением и отличительной чертой служило подчеркнутое обращение Платона к прошлому – ко времени его ученичества. Основное правило игры было простым – не выходить за хронологические рамки жизни Сократа. Современность оказалась под запретом, она была «вынесена за скобки» заданной ситуации, в рамках которой беседующие должны были артистически воспроизводить прошедшее время. Школа Платона становится местом проигрывания эпохи Сократа. В этом смысле она – и музей, и театр, и библиотека, где сохранялись имеющиеся тексты, вдохновлявшие на самостоятельное литературное творчество. Сократ предстает как воплощение *начала*, как центр особого социального пространства – школы.

В античности все школы находились под покровительством муз и первый опекаемый государством научный центр в Александрии – музей – стал ее итогом. Античную цивилизацию можно назвать *апологией памяти*. Взросление человека, его ответственность связаны с памятью. Музы, дочери памяти, объявляются всезнающими и прекрасными, а значит, свободными. *Знание, свобода, красота* – основные ценности античности. Как носительницы социального начала музы возвышают и объединяют людей через сопричастность к источнику всеведения, т. е. знания своих истоков, первоначальных событий, в которых они лично не участвовали, но которым все равно обязаны своим

существованием. Тот, кто вдохновлен музами, не подвластен реке забвения Лете. Поэзия (ποίησις) первоначально означала сотворение, созидание, творчество, принятие в число граждан. Местом поэтического творчества был музей, Мусейон – святилище муз, образовательное учреждение.

Слово «муза» (μοῦσα) многозначно: это и женское божество искусства, и образование, и ученость, и просвещенность. Глагол μοῦσάω означает обучать мусическим искусствам, просвещать, а прилагательное μουσικός – обученный, опытный, искусный. Музы близки образованию: музыка, пение, речь, слово, искусство, эпос, поэзия, образование, ученость, просвещенность – все это произошло от муз, дочерей богини памяти Мнемозины. Вначале считалось, что существуют только три музы: Μνήμη (память), Μελέτη (забота, обучение, завет) и Αοιδή (песнь, сказание). С помощью сказаний передавалось знание-забота, знание-завет, началом и итогом которого была память, и сила ее возрастала от дружного, совокупного действия всех муз искусства. Это совокупное действие и есть музей. Развитие и дифференциация сознания влекла за собой и усложнение памяти. С точки зрения античного гуманизма музы – память, единение, знание истоков, творческая активность, бессмертие в истории, а сирены – разрыв связей человека с космосом, пассивность, забвение, хаос. Их жертвы остаются непогребенными, безымянными. Сирены, от которых закрыт источник памяти, поглощают всего человека, не оставляя никакого признака для запоминания, даже имени. Этот порок назывался Siren desidia – лень-обольстительница. Противостояние муз и сирен, Аполлона и Диониса – стремление победить темные природные страсти через *пайдейю*. Сложность и противоречивость этого процесса запечатлена в образе Терпсихоры, несущем важную смысловую нагрузку: во-первых, он указывает на природное родство муз и сирен, подчеркивая в то же время их различие, а во-вторых, имеет довольно сложное самостоятельное значение, которое проясняется с помощью лингвистического анализа.

В «Одиссее» поэт в аллегорической форме посредством отношений муз и сирен показывает победу социального начала над природными инстинктами. Τέρψιχώρα (муза танца и хоровода) символизирует инстинктивное наслаждение, переживаемое индивидуально (τέρψις – удовольствие, наслаждение), и радость, которая переживается сообща (χόρα – радость, восторг, отсюда – хоровод). Такая радость социально направлена, имеет воспитательное значение, возвышает и облагораживает. Чтобы стать человеком, необходимо избавиться от собственных страстей, инстинктов, переживаний, т. е. от индивидуальности. Непредсказуемость чувств – хаос – опасна для блага целого, поэтому и изгоняется на

острова, объявляется *смертельной* для человека. Подлинно и прекрасно лишь социальное, оно и провозглашается *первичным*, началом. Терпсихора – муза, соединяющая природные наслаждения с общественным их воплощением в хороводе, – объявляется матерью сирен – естественных инстинктов, женского начала. Социальное начинает управлять через эстетическое *первичным*, природным. Получив память как дар, человек должен был *забыть*, что он – природное существо. В языке связь знания и памяти выражена со всей очевидностью: древнегреческое μνήσις означает мысль и воспоминание, а латинское mēns – ум и воспоминание¹². Таким образом, познание, обучение, воспитание и образование изначально не гносеологические проблемы, а антропологические и социальные, что означает работу с социальной памятью, которая представляет собой единство истока и традиции.

Социально-философский анализ социальной памяти сравнительно-историческим методом генеалогии устанавливает генетическое родство генеалогии памяти и генеалогии социальности через выявление их общего истока, коим является гетерогенность жизни/памяти и смерти/забвения. В этом смысле речь должна идти о сотериологическом назначении социальной памяти. Древнегреческая *сотерия* (σωτηρία) понималась многозначно: как спасение, избавление, сохранение, благо, счастье. Социальная память направлена на *спасение* от бесчеловечности, избавление от страха беспомощности и забвения, на сохранение единства социального бытия как высшего блага.

Примечания

- ¹ Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 420.
- ² Устьянцев В. Б. Социальная память : этапы исторической динамики // Ученые записки : Труды психологической лаборатории пединститута СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Вып. 8. Саратов, 2012. С. 100.
- ³ См.: Марков Б. В. Знаки бытия. СПб., 2003. С. 415–416.
- ⁴ Там же. С. 88–90.
- ⁵ См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 151.
- ⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 144.
- ⁷ См.: Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 101.
- ⁸ См.: Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 121.
- ⁹ Слотердайт П. Философ на сцене // Ницше Ф. Рождение трагедии. М., 2002. С. 580.
- ¹⁰ Nietzsche F. Die Geburt der Tragödie // Nietzsche F. Kritische Ausgabe : 15 Bd. Berlin ; N.Y., 1988. Bd 1. S. 808–809.
- ¹¹ См.: Jäger W. Paideia : 3 Bd. Bd. 1. Die Formung des griechischen Menschen. Berlin ; Leipzig, 1936. S. 70.
- ¹² См.: Ломако О. М. Генеалогия воспитания : фило-софско-педагогическая антропология. СПб., 2003. С. 230–233.

рассмотрения она не полагается изначально, а прослеживается через последовательные онто-исторические этапы, т. е. обладает подвижной онто-исторической структурой. Рассмотрим это на примере ницшеанского и хайдеггеровского описания вышеупомянутых шести этапов сущностной истории (Geschichte) онтологического нигилизма. Вот что говорит сам Хайдеггер о специфике данного подхода: «Описание всех шести этапов <...> задумано таким образом, что “истинный мир” <...> каждый раз соотносится с определенным видом человека, который относится к этому миру. Поэтому “перевертывание” платонизма и, в конце концов, выход из него изменяют самого человека <...> Под “сверхчеловеком” Ницше подразумевает не какое-то чудесное сказочное существо, но человека, который превосходит прежнего. Однако прежний человек есть тот, существование которого и его отношение к бытию определяется платонизмом в какой-либо форме или смещением нескольких форм»²³.

Иными словами, для постижения сущности «сверхчеловека» нам необходимо знание «прежнего человека», отношение которого к бытию опять же определяется одной из онто-исторических форм платонизма. Таким образом, создается подвижная структура сущности, где «конец как конец становится виден только из начала. Или наоборот»²⁴. То же самое касается и сущности онтологического нигилизма, выявляющей себя при онто-историческом подходе только в единстве целостного усмотрения и последовательного анализа этапов исторического оформления этой сущности.

УДК 316.35:1

ФЕНОМЕН КРЕАТИВНОГО КЛАССА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

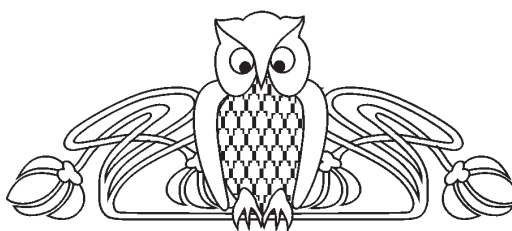
Б. С. Клементьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Boris-1@td.ru

В статье рассматривается феномен появления креативного класса, формирование которого приводит к трансформации структуры общества. Представители нового класса рассматриваются с социальных, экономических, личностных и профессиональных позиций. Происходит формирование понятия «креативность», которое воспроизводит отличную от традиционного форму мышления, что дает возможность повышения уровня инновационного развития общества. Проводится сравнение традиционного и креативного типа сообществ, рассматриваются их положительные и отрицательные черты; креативный класс анализируется в поле отечественного социального пространства.

Примечания

- ¹ Ясперс К. Ницше : Введение в понимание его философии. СПб., 2004. С. 344.
- ² Там же. С. 334.
- ³ См.: Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. : пер. с нем. СПб., 2007. Т. 2. С. 21–23.
- ⁴ Там же. С. 297.
- ⁵ Там же. С. 79–80.
- ⁶ Ницше Ф. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 2005. Т. 12. С. 193.
- ⁷ Там же. С. 195.
- ⁸ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 572.
- ⁹ См.: Ницше Ф. Воля к власти : опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 29.
- ¹⁰ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. Т. 1. С. 204–205.
- ¹¹ Там же. С. 205.
- ¹² Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁴ Деррида Ж. Шпоры : стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 136.
- ¹⁵ Ницше Ф. Соч. : 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁹ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ²⁰ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 210.
- ²¹ Там же. С. 210–211.
- ²² Деррида Ж. Указ. соч. С. 134.
- ²³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 209.
- ²⁴ Там же.

Ключевые слова: креативный класс, социальное пространство, инновации, традиции, социальный капитал, креативный капитал.

The Phenomenon of the «Creative Class» in the Social Space

B. S. Klementyev

Article discusses the phenomenon of the «creative class», which formation leads to a transformation in the structure of society. Representatives of the new class are considered from the social,

economic, personal and professional positions. Modern concept of creativity plays different from the traditional form of thinking. This makes it possible to increase the level of innovation development of society. Compares traditional and creative types of communities are considered their positive and negative features. Creative class is analyzed in the field of domestic social space.

Key words: creative class, social space, innovation, tradition, social capital, creative capital.

Современная эпоха – своеобразный переход от власти машины к власти интеллекта, что дает возможность для развития всех необходимых предпосылок в формировании абсолютно нового социального пространства. На основании множества проведенных исследований можно предположить, что одним из основополагающих факторов в развитии подобного пространства является появление абсолютно нового социального класса. В исследованиях современных западных теоретиков общества на основании данных политологии, социологии, экономики и культурологии его называют креативным. Наравне с уже существующими классами феодальной аристократии, буржуазии и рабочих происходит выделение так называемого креативного класса. В качестве решающего фактора его появления можно выделить потребность в креативной деятельности. Она легко объяснима с точки зрения непрерывного развития общества и повышенного внимания к инновационному развитию в условиях современной социальности. С формированием креативного класса связаны также многие изменения в структуре общества. К ним можно отнести изменение привычек и трансформацию устоявшихся социальных традиций, коррекцию привычных методов и условий работы, смену ценностей привычных жизненных ориентиров в условиях социальной повседневности. Новый класс неоднороден, и проявление его свойств в конкретной ситуации будет зависеть от персональных характеристик представителей этого класса в том или ином обществе.

Если принять креативность за один из основополагающих факторов инновационного развития социально-экономической среды, то креативный класс в подобных условиях вполне может претендовать на доминантное положение в современном социуме. Поэтому необходимо разобраться в феномене появления креативного поколения, определить динамику смены его ценностных ориентиров, что даст возможность проследить и прогнозировать дальнейшее развитие общества и по возможности влиять на процессы, происходящие в условиях непрерывно развивающихся социальных систем.

Активная творческая деятельность представителей нового класса отражается во многих сферах социальной действительности. Своеобразие его экономического положения обусловлено но-

вым принципом функционирования экономики. В первую очередь речь идет о способе финансового существования креативных специалистов. Если принять во внимание, что основным доходом представителей феодальной аристократии традиционно был наследственный контроль земельных владений, среди представителей буржуазии наиболее часто можно было встретить коммерсантов и фабрикантов, а основным финансовым источником для рабочего класса и обслуживающего персонала является выполнение плановых работ, то «креативный класс зарабатывает деньги, проектируя и создавая что-то новое, и делает это с большей степенью автономии и гибкости, чем другие классы»¹. Как уже говорилось, структура нового класса неоднородна и в ней можно выделить «суперкреативное ядро». К нему можно отнести людей, которые занимаются продуцированием принципиально новых технологий, методов и идей, обладающих другим уровнем креативного содержания. Большинство представителей креативного ядра можно найти в сфере творческих профессий – медицине и здравоохранении, архитектуре и дизайне, литературе и изобразительном искусстве, науке и инженерии, финансовой и правовой системе, – а также в сфере высоких технологий². По роду своих обязанностей они занимаются решением сложных задач, для чего необходимы независимость мышления, высокий уровень образования и человеческого капитала. Таким образом, в большинстве случаев речь идет о людях, существенно влияющих на формирование общественного мнения. В связи с этим происходит «подстраивание» экономической ситуации, что не означает существования этого класса за счет труда других, так как он является достаточно продуктивным. Отсюда вытекает еще одна особенность креативной социальности – независимый от других классов принцип функционирования.

Таким образом, речь идет о создании инновационных идей и самодостаточном принципе существования, что, однако, не исключает определенных сложностей во взаимоотношениях креативного слоя с другими представителями культурного сообщества. Одной из них можно считать уникальность создаваемых идей и принципов. Зачастую между появлением и принятием обществом инновационных идей и проектов проходит достаточно долгое время, что вынуждает креативных мыслителей не дожидаться признания, но выполнять проекты, соответствующие потребностям и запросам современного им общества.

Как указывалось ранее, представители этого класса формируют свой доход за счет создания инновационных идей в различных сферах человеческой деятельности. При этом методика работы является более гибкой, принятие реше-

ний – достаточно автономным, а производители этих идей готовы нести всю полноту ответственности за их реализацию. В связи с этим большинство компаний и социальных организаций, ориентированных на инновационные сферы производства, ведет нестандартную кадровую и финансовую политику. В качестве примера можно привести нестационарность таких компаний: зачастую главный офис или центр управления является мобильным и располагается в местах повышенной концентрации креативных людей как потенциальных сотрудников подобных организаций. В свою очередь представители креативного класса предпочитают места, способствующие взаимодействию креативных профессионалов и обладающие большим количеством потенциальных стимулов для креативной деятельности. Д. Хокинс в своей книге выделяет около пятнадцати отраслей, в которых преобладает количество представителей креативного класса³.

Внутренняя кадровая политика в подобных компаниях отличается открытостью, прозрачностью, толерантностью и творческой атмосферой. Так происходит формирование абсолютно нового типа предприятий, которые М. Кастельс классифицирует как сетевые. В подобных системах отдается предпочтение сотрудникам, склонным к полипрофессионализму и инициативности, обладающим особым уровнем управленческого и технического творческого потенциала. Таким образом, внутри сообщества происходит своеобразная «перегруппировка сил» с позиции капитала. Приоритетные позиции занимает финансовый капитал, обладающий наибольшей мобильностью и эффективностью. На смену пирамидальным и вертикальным структурам управления постепенно приходят горизонтальные, что уже доказало свою эффективность во многих сферах не только экономического, но и социального управления. На основании всего сказанного необходимо отметить, что особым условием формирования креативного класса является непрерывное динамическое развитие политических и общественно-социальных структур. Социокультурная среда, не восприимчивая к инновациям в социально-экономической области, не может быть динамичной, что ведет к существенной задержке её развития.

Динамические условия работы необходимы для представителей креативного класса, также предпочитающих выстраивать свою карьеру в горизонтальной плоскости, которая, в отличие от существующих систем вертикали власти, формирует запрос на решение интересных задач. Это во многом объясняет повышенную мобильность креативных кадров, которые выбирают рабочие места, соответствующие их намерению решать те или иные сложные профессиональные задачи. Необходимо упомянуть, что представители

креативного класса обладают особой мотивацией в сфере профессиональной деятельности. Основными факторами удовлетворенности своим трудом для них является не столько финансовое вознаграждение, сколько возможность повышения своей профессиональной квалификации, содержание выполняемой работы, решение инновационных задач, реализация принципиально новых проектов, требующих повышенной концентрации творческих сил и внимания, признание их профессиональных заслуг. Ярким примером, иллюстрирующим все вышесказанное, может служить сфера дистанционного образования, где, наряду с применением инновационных методик в области науки, техники и образовательных технологий, наиболее высок процент креативных профессионалов. Личные качества представителей креативного класса формируются за счет специфической трансформации социокультурных ценностей, когда на первое место выдвигаются принципы свободы и индивидуализма, что вполне объяснимо с точки зрения основного профиля деятельности нового класса.

Творческая активность сознания часто является наиболее плодотворной для осознания и реализации внутренней свободы как специфической человеческой избирательной способности. Рассмотрение креативного класса с этой стороны неслучайно, так как свободно ориентированное сознание обуславливает самостоятельное осуществление того или иного выбора. В условиях общей смены приоритетов – от производства культуры к ее потреблению – представители нового класса отличаются волевым началом, альтернативным стилем мышления и способностью принять на себя ответственность за реализацию поставленных задач.

Говоря о все большей актуализации креативного класса, необходимо отметить появление ряда новых показателей, служащих для оценки современной социокультурной действительности: к ним можно отнести понятия индекса креативности, социального и креативного капитала. Под первым понятием Р. Флорида объединяет четыре основных фактора для определения динамики развития креативного сообщества: доля креативно мыслящего населения в масштабах города или страны; инновационность социокультурной среды (индекс, который рассчитывается в зависимости от количества патентов на душу населения); динамика развития отраслей высоких технологий; открытость региона по отношению к новым людям и идеям. Учет этих факторов дает наиболее точные данные о креативном потенциале того или иного региона, так как недостаточно просто зафиксировать наличие креативного класса, надо еще и проследить социальную динамику его развития, представить результаты деятельности, выявляя индекс продуктивности. Регионы,

где по совокупности полученных данных индекс креативности достаточно высок, можно условно считать креативными центрами.

Сам по себе термин «социальный капитал» не является инновационным, так как его появление отнесят к началу XIX в. и он достаточно часто встречается в работах классиков европейской социологии⁴. Что касается современных исследований на эту тему, то наиболее интересными являются концепции Дж. Коулмана⁵, П. Бурдьё⁶ и Р. Патнема. Необходимо заметить, что понимание этого термина у каждого исследователя свое. Если под социальным капиталом Коулмен подразумевает всю полноту пользы социальных взаимоотношений для каждого человека, то Бурдьё рассматривает его в более узкой сфере социальных взаимоотношений, а именно как участие индивида в различных социальных группах и объединениях с определенной выгодой для его социального положения⁷. Несколько иной позиции придерживается Р. Патнэм, рассматривая подобный вид капитала как форму социального взаимодействия, основанного на взаимовыгодных отношениях. При этом основой Патнэм считает взаимное доверие и гражданственность. Периоды упадка социального капитала расцениваются им как кризис гражданственности, отражающийся на многих сферах функционирования общества – от системы семейных отношений и образования, до потрясения демократических устоев государства⁸.

Один из основателей теории креативного класса Р. Флорида утверждает, что произошло существенное изменение традиционных типов социальных сообществ, которые ранее являлись гарантом экономического процветания и были залогом социальной стабильности. Логика автора весьма проста: традиционные типы социальных групп представляют собой косные структуры, медленно и неохотно подстраивающиеся под какие-либо инновационные методики и тяготеющие к подавлению экономического роста. Таким образом, консервативность в пределах социума превращается в ограничивающий фактор экономического роста, а сами методы экономического развития на сегодня подверглись существенной трансформации. Все это означает, что сам социальный капитал можно расценивать и как позитивный, и как негативный фактор.

Известный специалист в области статистики и социологии Р. Кушинг провел ряд исследований, касающихся взаимозависимости социального и экономического капитала. Он выделил три критерия регионального роста – креативный, социальный и человеческий капитал. Наиболее адекватное отражение с учетом многих показателей регионального роста демонстрируют критерии не социального капитала, как предполагалось ранее, а человеческого и в более широком

смысле – креативного. Кроме того, был выявлен факт разнонаправленного движения креативных сообществ, являющихся центрами инновационного развития, и сообществ социального капитала, тяготеющих к консервативным социокультурным формам⁹. К положительным сторонам регионов с традиционно высоким уровнем социального капитала можно отнести высокий уровень стабильности, связанный с социальной изоляцией как одним из критериев безопасности. Вместе с тем, основываясь на статистических данных различных регионов США, по множеству показателей более успешными могут считаться те, в которых отмечается наибольшая концентрация креативных специалистов. Вполне логично, что города с высоким коэффициентом креативных жителей занимают ведущие позиции в мировой индустрии высоких технологий, по росту занятости населения, инновационной деятельности и человеческого капитала.

Впрочем, ситуация формирования креативного класса в структуре современного социума содержит в себе и определенные риски. При достаточно прочном укреплении позиций креативного населения существует опасность раскола общества. В социуме, обладающем стабильным уровнем как социального, так и креативного капитала, вынужденно будут развиваться два различных вида экономики и, как следствие, формироваться различные институциональные формы и общественные организации, будет существенно различаться уровень доходов населения, возрастет вариативность политических и религиозных взглядов. Очевидно, что общество с высоким уровнем концентрации креативных специалистов, скорее всего, будет доминировать в экономических сферах. Однако в отличие от общества с традиционным укладом в нем существует больший риск формирования взаимной отчужденности.

К рассмотрению креативного класса можно применить следующие методологические подходы. С позиций глобальной экономики предшественников нового сообщества относят либо к отраслевой, либо к трудовой сфере. Это легко подтверждается на примере анализа законодательных систем Англии и США, где юридически закрепляются различные креативные профессии и отрасли, а значит, и само формирование креативного класса в каждой стране в зависимости от исходных условий, темпов развития, коэффициента социального капитала и прочих индивидуальных критериев будет протекать своим совершенно уникальным способом¹⁰. Аналогичные процессы происходят и в условиях российского общества.

Анализируя понятие креативного класса в пространстве российской действительности, целесообразно обратиться к историческому фе-

номену творческой интеллигенции, которая традиционно рассматривалась как немногочисленная группа высокообразованных людей, решающих сложнейшие проблемы социального развития, занимающихся творческим трудом, активно действующих в сфере образования и культурного развития. Особое значение имеет в настоящее время появление в России креативного класса. Необходим качественный рост человеческого капитала – как интеллектуальный, так и физический, – это актуально в связи с критическим сокращением численности населения и процессами миграции высококлассных специалистов за рубеж. Подобную ситуацию можно исправить качественным изменением условий жизни и существенным повышением уровня образования. Приоритетными направлениями в формировании креативного сообщества в рамках отечественной культуры должны стать подготовка высокопрофессиональных специалистов, поддержка ученых и всестороннее содействие в развитии научных областей. Владение научными знаниями и способность к восприятию и трансформации получаемой информации, инновационная деятельность и внедрение новых методик на разных уровнях человеческой деятельности становятся основными задачами креативного класса.

Р. Флорида проводил анализ последних социокультурных показателей в России и пришел к выводу, что при ведении грамотной социальной, а как следствие, миграционной и образовательной политики у России есть огромный потенциал для воспитания талантливого креативного поколения. Однако это не единственное условие для формирования пространства новой социальной России, по мнению социолога, надо научиться исправлять совершенные исторические ошибки и переоценить отношение к человеческому ресурсу, научившись использовать «глобальные потоки таланта»¹¹. Для этого необходимо изменение социального пространства на многих уровнях, чтобы региональные и городские структуры стали привлекательны для отечественных креативных специалистов и зарубежных профессионалов – это формирует принципиально новый социальный климат. В рейтинге Р. Флорида по количеству высокопрофессиональных креативных

специалистов Россия занимает второе место после США, опережая некоторые западные страны. При этом коэффициент креативности невелик, если соотнести его с общей долей трудящегося населения страны. Следовательно, у отечественной креативной культуры существует высокий потенциал повышения индекса креативности, что, однако, невозможно без социальной трансформации. В мировом опыте уже существует прецедент подобных изменений, в том числе и в ряде американских городов, которые смогли приобрести статус мировых креативных центров, предварительно создав наилучшие условия для развития инновационных методик, использования творческих идей и формирования нового образа общественной и деловой жизни.

Примечания

- ¹ См.: Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М., 2005.
- ² См.: Маэда Дж. Законы простоты. Дизайн, технологии, бизнес, жизнь. М., 2008.
- ³ См.: Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М., 2011.
- ⁴ См.: Токвиль А. Демократия в Америке : пер. с франц. / предисл. Г. Дж. Ласки. М., 2000 ; Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М., 1996 ; Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М., 1995 ; Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. М., 1994.
- ⁵ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
- ⁶ Bourdieu P. The Social Structures of the Economy. Cambridge, 2005.
- ⁷ Бурдьё П. Социология и демократия : пер. с фр. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. М. ; СПб., 1999. С. 119–124.
- ⁸ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
- ⁹ Cushing R. Creative Capital, Diversity and Urban Growth. Austin, Texas, 2001.
- ¹⁰ Хокинс Дж. Указ. соч.
- ¹¹ Флорида Р. Указ. соч.

УДК 111+929 Ницше

СТАНОВЛЕНИЕ СУЩНОСТИ: НИЦШЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НИГИЛИЗМА

В. Г. Косыхин

Саратовский государственный университет
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

Статья посвящена исследованию вопроса о ницшеанском понимании историчности становления этапов нигилизма. Автор рассматривает характерную для онтологического историзма Ницше и Хайдеггера тенденцию полагания сущности, являющей себя только в исторических этапах становления. Особое внимание уделяется сравнению герменевтики нигилистического становления в онтологическом дискурсе Хайдеггера и Деррида.

Ключевые слова: онтология, историзм, нигилизм, Ницше, становление, сущность.

Formation of the Essence: Nietzsche and the Ontological History of Nihilism

V. G. Kosykhin

The article deals with the investigation of the question of Nietzsche's understanding of historicity of the stages of nihilist formation. The author examines the tendency of the positioning of formation of the essence which is distinctive for Nietzsche's and Heidegger's ontological historicism. Special attention is devoted to comparison of the hermeneutics of nihilist formation in the ontological discourse of Heidegger and Derrida.

Key words: ontology, historicism, nihilism, Nietzsche, formation, essence.

Ницше стал первым мыслителем, исторически подошедшим к осмыслению феномена нигилизма, который до него ни Якоби, ни Ф. Достоевским, ни кем бы то ни было еще не понимался как историческое свершение, обладающее собственными этапами непрерывного возрастания и усиления. На этот историзм мышления Ницше в свое время обратил внимание и К. Ясперс, полагавший, что «ядро притязаний Ницше вопреки всем его разоблачениям губительного воздействия изолирующего самое себя исторического сознания, вопреки его позиции, с которой прошлое временами казалось ему лишь оковами, образует *страстная привязанность к истории*»¹.

Подобной страстной привязанности соответствует и исторический стиль мышления Ницше, в котором Ясперс выделяет три аспекта: 1) созерцание исторической действительности, в котором происходит постановка вопроса о причинных связях и сущностных характеристиках этой действительности; 2) размышление над действительностью исторического сознания, в котором предметом особого внимания оказываются мотивы, формы и следствия исторической

памяти; 3) проникновение в суть современной исторической эпохи, в чем, собственно, и состоит главная цель исторического мышления Ницше.

Свое обсуждение ницшеанского историзма Ясперс заканчивает достаточно интересным выводом о том, что «хотя, в отличие от предшествовавшей ему христианской и гегелевской философии истории и их производных, Ницше не может исходя из знания мировой истории в целом определить место, в котором мы пребываем, он, тем не менее, фактически вдохновлен тем же пафосом тотальности исторического сознания, какой был присущ им»².

Тотальная историчность ницшеанского мышления, по-своему ни в чем не уступающая историчности гегелевской, отчетливо прослеживается в самом способе, каким Ницше истолковывает нигилизм. Здесь можно говорить об исторически понятой онтологической сущности этого феномена и о проявлениях сущности нигилизма в смене его разнообразных исторических форм. Разберем эти два момента, касающихся сущности и проявлений онтологического нигилизма в ницшеанской перспективе, подробнее, отметив в качестве сопутствующего примечания, что различие между ними в принципе соответствует введенному Хайдеггером различию между *Geschichte* и *Historie*, где первое обозначает «потаенную историю» какого-либо феномена, собственно историю онтологическую, а второе – видимые внешние формы и проявления «потаенной истории»³. Естественно, что потаенность этой истории требует для своего раскрытия не историографического, но метафизического, а по Хайдеггеру, и принципиально онтологического подхода, так как в качестве потаенной выступает история бытия и его истины.

В седьмой главе своего фундаментального труда о философии Ницше, имеющей характерное название «Бытийно-историческое определение нигилизма», М. Хайдеггер, указывая на онтологический и исторический характер сущности нигилизма, говорит: «Там, где сущее объявляется ничем, можно обнаружить нигилизм, но нельзя напасть на его *сущность*, которая только там появляется впервые, где nihil касается самого бытия. Сущность нигилизма есть история, в которой само бытие ввергается в ничто»⁴. Тем самым становится очевидным, что для Хайдеггера раз-

говор о какой-либо вне-исторической сущности нигилизма вообще лишен смысла, поскольку сама эта сущность онто-исторична, т. е. принадлежит *Geschichte* как «потопленной истории» бытия. Более того, для Хайдеггера «нигилизм есть история. Здесь мы имеем в виду не только мысль о том, что называемое нами нигилизмом “имеет” некую “историю”, поскольку его можно проследить исторически в его хронологическом развитии. Нигилизм *есть* история. Ницше считает, что нигилизм является сущностью западноевропейской истории <...> Нигилизм определяет саму историчность этой истории, и поэтому для понимания его сущности не так уж важно рассказывать его историю, приходящуюся на те или иные века, и описывать его форму <...> Поэтому понимание сущности нигилизма заключается не в ознакомлении с какими-либо явлениями, которые с исторической точки зрения можно представить как нигилистические: это понимание заключается в осмыслении соответствующих шагов, промежуточных ступеней и промежуточных состояний»⁵.

Мы привели здесь столь обширную цитату из Хайдеггера из-за ее крайней важности для понимания того, что означают онто-исторически интерпретируемые сущность и явление. Они имеют весьма мало общего как с *quidditas* Аристотеля, так и с диалектической трактовкой сущности и явления в духе Гегеля. Именно поэтому сущность нигилизма в ницшевском понимании следует искать не на страницах «Воли к власти», где дана диагностика нигилизма как феномена и описание его исторических форм, но там, где Ницше пытается выявить эту сущность в онтологическом смысле, демонстрируя поэтапное онто-историческое «ввержение бытия в ничто».

Поняту так искомую сущность нигилизма в истолковании Ницше, со всеми ее шагами и промежуточными ступенями, мы обнаруживаем в небольшом фрагменте из книги «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», написанной в августе 1888 г., то есть относящейся к самому позднему периоду ницшеанского творчества. Косвенным подтверждением нашей позиции по данному вопросу служит и тот факт, что летом 1886 г. в самом первом плане посвященного европейскому нигилизму сочинения «Воля к власти» четвертая, заключительная книга называлась «Вечное возвращение как молот». Впоследствии она реализовалась в виде отдельного произведения и не вошла в издание Ферстер-Ницше. Приведем этот набросок плана Ницше полностью:

«Нигилизм: гибель всеобщей тяги к почитанию (то есть моральному) нет новых интерпретирующих сил.

К истории ценностей.

Воля к власти и ее метаморфозы.

Вечное возвращение как молот»⁶.

Сразу же вслед за этим в дневниках Ницше

идет запись, излагающая 16 сущностных тезисов о европейском нигилизме, где тезис № 6 напрямую связывает нигилизм с онтологически интерпретируемым «вечным возвращением»: «Представим себе эту мысль в ее самой ужасной форме: бытие как оно есть, без смысла и цели, но неуклонно приходящее вновь, без концовки – превращения в ничто: “вечное возвращение”. Вот она, наиболее радикальная форма нигилизма: ничто (“бессмыслица”) на веки вечные!»⁷.

Постулируемая в данном отрывке наиболее радикальная форма нигилизма – нигилизм онтологический – будет в развернутом виде представлена Ницше во фрагменте из отдельно изданной книги «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом». Фрагмент, о котором идет речь, озаглавлен «Как “истинный мир” наконец стал басней. История одного заблуждения». В нем онто-историческая сущность нигилизма представлена в виде шести последовательных шагов, или этапов, каждый из которых описывает все более усиливающееся нигилистическое состояние в понимании истины бытия.

Первый этап описывается Ницше как «истинный мир, достижимый для мудреца, для благочестивого, для добродетельного, – он живет в нем, *он есть этот мир*.

(Старейшая форма идеи, относительно умная, простая, убедительная. Перифраза положения: “я, Платон, *есль* истина”)⁸.

Итак, точкой отсчета здесь выбран «истинный мир», в котором истина, соединенная с добродетелью, представляется не только достижимой, но и допускающей пребывание в ней. В определенном смысле здесь можно усмотреть даже своего рода место обитания истины бытия, из которого, собственно, в дальнейшем нигилизм, этот «самый жуткий из всех гостей», как выразится о нем Ницше уже в самом начале «Воли к власти»⁹, начнет свое движение. Русский перевод «жуткий» для слова *unheimlich* в оригинале («*unheimlichste aller Gäste*») охватывает лишь одно из значений данного понятия, отсылающего также к бездомности и неприютности, к тому, что противоположно дому, служащему убежищем (*Heim*). То есть движение из этого пункта и обозначило вектор нигилизма – движение в нигилистическую неприютность, где «истинный мир» уже не может найти себе места.

Хайдеггер в своем комментарии к этому отрывку из Ницше, опираясь на упоминание в ницшевском тексте Платона, полагает, что здесь имеется в виду истолкование бытия через осмысление идей как его сверхчувственной сущности¹⁰. При этом «истинный мир» существует самостоятельно, вне зависимости от интерпретации: «“Истинный мир” – не предмет учения, а сила вот-бытия, сверкающее присутствующее, чистое, ничем не окутанное сияние»¹¹.

Соглашаясь с тем онтологическим содержанием, которое хайдеггеровская трактовка вносит в понятие «истинного мира», отметим, однако, что для Ницше «истинность» этого мира сомнительна. На это указывают кавычки, заключающие понятие «истинного мира». С точки зрения Ницше, «истинность платонизма» является, по сути дела, отправным пунктом движения нигилизма, отрицающего жизненную силу и ценности этого мира в пользу «истины» сверхчувственного, другого мира, который обладает вечным и неизменным божественным бытием. Этот процесс усиливается на втором этапе.

«2. Истинный мир, недостижимый нынче, но обетованный для мудреца, для благочестивого, для добродетельного (“для грешника, который кается”).

(Прогресс идеи: она становится тоньше, запутаннее, непостижимее, – она становится женщиной, она становится христианской...)»¹².

Здесь перед нами первый этап выхода «истинного мира» в нигилистическую бесприютность. На этом этапе он становится «недостижимым». Недостижимость его объясняется Хайдеггером тем обстоятельством, что «сверхчувственное больше не находится в сфере человеческого вот-бытия, оно не присуще ему и его чувственному: все человеческое существование становится посюсторонним, поскольку сверхчувственное истолковывается как потустороннее. Теперь истинный мир тем истиннее, чем сильнее он вырывается из посюстороннего и уносится прочь от него»¹³. Этот разрыв между мирами, отдаление истинного мира за пределы земного бытия фиксируются в религиозной метафизике христианства, где истинный мир уже является не предметом знания мудреца, но лишь предметом веры. По сути дела, это означает начало эпохи нигилистического изгнания «истинного мира» философии.

Как комментирует этот фрагмент Ж. Деррида, «вторая эпоха, эпоха становления женщиной идеи как присутствия или как выхода на сцену истины, – это, стало быть, момент, когда Платон не может уже сказать “я емь истина”, когда философ не есть уже истина, отделяясь от нее и от самого себя, он ищет ее лишь по оставленным ею следам, отправляется в изгнание или же сам отправляет в изгнание идею. Тогда начинается история, начинаются истории»¹⁴.

Естественно, что здесь имеется в виду не начало истории как историографии (Historie), но именно начало сущностной истории бытия и истины (Geschichte), истории забвения или покидания «истинного мира» по Ницше или истории забвения бытия по Хайдеггеру. Фактически здесь начинается онто-историческое понимание сущности нигилистического движения «из центра в Икс».

Впрочем, и для Ницше, и для Хайдеггера этот «центр» не был действительным центром, поскольку «истинный мир» платонизма для обоих немецких мыслителей являлся лишь формой заблуждения относительно истины и бытия, т. е. «истинным» он являлся только как начальный пункт нигилистической шкалы отсчета. Отсюда проистекает весьма важное следствие: онтологический нигилизм с онто-исторической точки зрения проявляется не как углубление разрыва с истиной, ибо нигилизм не имеет к ней вообще никакого отношения, но как история все сильнее углубляющегося заблуждения относительно бытия и его истины. Мы полагаем, что в этом плане Хайдеггер оказывается в гораздо большей степени ницшеанцем, чем он когда-либо был склонен признавать.

«3. Истинный мир, недостижимый, недоказуемый, немогущий быть обетованным, но уже как мыслимый, утешение, долг, императив.

(Старое солнце, в сущности, но светящее сквозь туман и скепсис: идея, ставшая возвышенной, бледной, северной, кенигсбергской)»¹⁵.

Перед нами третий шаг нигилизма или упадка идеализма. Его иллюстрирует для Ницше кантовская философия, подобно тому как, с точки зрения Хайдеггера, этим шагом станет рационализм Декарта. Если на втором, «христианском» этапе истинный мир достигался не в этой жизни, но в принципе как мир «обетованный», то в кантовском трансцендентальном идеализме он становится своего рода вещью самой по себе, доказать существование которой разум уже не в силах. Отсюда смещение направления взгляда мудреца: от «истинного мира» к истинным условиям его познаваемости и императиву морального должностования, когда «истинный мир» постулируется практическим разумом. Однако при этом сама возможность существования «истинного мира» еще не отрицается.

Плавное нигилистическое соскальзывание «в Икс» сменяется резким нигилистическим рывком на четвертом этапе, где этот «Икс» проявляется вполне отчетливо.

«4. Истинный мир – недостижимый? Во всяком случае недостижимый. И как недостижимый, также *неведомый*. Следовательно, также не утешающий, не спасающий, не обязывающий: к чему может обязывать нас нечто неведомое?..

(Серое утро. Первое позевывание разума. Петуший крик позитивизма)»¹⁶.

Позитивизм уже ничего не знает о том «истинном мире», который вдохновлял мыслителей-метафизиков. Он не хочет ничего знать также и о самой метафизике, которая объявляется излишней. Тем самым история истины приходит к своему концу, превращаясь в «Икс», в нигилистическое неизвестное. На переломный характер этого этапа указывают слова Ницше о

«первом позевывании разума», становящегося из необязательно метафизического метафизически необязательным в том смысле, что он уже не чувствует никакой обязывающей, хотя бы в виде кантовского морального постулата, необходимости в существовании «истинного мира».

«5. “Истинный мир” – идея, ни к чему больше не нужная, даже более не обязывающая, – ставшая бесполезной, ставшая лишней идея, *следовательно*, опровергнутая идея – упраздним ее!

(Светлый день; завтрак; возвращение bon sens и веселости; краска стыда Платона; дявольский шум всех свободных умов)»¹⁷.

В своем комментарии этого пятого этапа шествия нигилизма Хайдеггер отмечает, что впервые выражение «истинный мир» Ницше употребляет в этом месте в кавычках (если, конечно, не считать кавычек в заглавии всего фрагмента из «Сумерек идолов»). Хайдеггер пишет: «“Истинный мир” упраздняется, но обратим внимание на причину: потому что он стал бесполезным, лишним <...> Платонизм преодолен, поскольку сверхчувственный мир как истинный упразднен, но зато остается чувственный мир, находящийся во власти позитивизма»¹⁸. На данной ступени начинается открытое, уже ничем не замаскированное пришествие нигилизма, он становится «естественным» состоянием бесприютности (Unheimlichkeit) истины вследствие полной утраты «истинного мира» в качестве места ее обитания. Но и это еще не последний этап.

«6. Мы упразднили истинный мир – какой мир остался? быть может, кажущийся?... Но нет! *вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!*

(Полдень; мгновение самой короткой тени; конец самого долгого заблуждения; кульминационный пункт человечества; INCIPIT ZARATHUSTRA)»¹⁹.

Итак, перед нами – «кульминационный пункт», завершение поэтапного выдвижения истины бытия в нигилистическую бесприютность. Здесь мы обнаруживаем двойное отсутствие – как истинного мира, так и кажущегося. Однако нигилистическое сведение как истинного, так и кажущегося к ничто высвобождает место для нового утверждения ценностей, что для Ницше означает наступление эпохи Заратустры с ее сверхчеловеческой волей к чеканке новых, преодолевающих нигилизм ценностей. Хайдеггер комментирует: «Что происходит, когда вместе с истинным миром упраздняется и кажущийся? “Истинный мир”, сверхчувственное, и кажущийся мир, чувственное, вместе составляют то, что противостоит чистому ничто. Когда оба мира упраздняются, то тогда все низвергается в пустое ничто. Ницше не может этого допустить, ибо он стремится к преодолению нигилизма в любой форме»²⁰.

Ницшеанское преодоление нигилизма видится Хайдеггеру в выстраивании новой иерархии, основанной не на отвержении чувственного и сверхчувственного, а на принятии чувственного и нечувственного, ибо сверхчувственный истинный мир как изначально ложную идею Ницше считает нужным упразднить окончательно. Фактически все шесть перечисленных стадий являлись формами распада платонизма, и преодоление нигилизма Ницше, а вслед за ним и Хайдеггер будут видеть в «переворачивании» (Umdrehung) и преодолении платонизма, соответственно, понимаемого достаточно широко – как господство сферы сверхчувственного (Ницше) или в качестве построенной на мышлении о сущем господствующей традиции метафизики (Хайдеггер).

Подводя итог своему рассмотрению данных шести этапов нигилистического нисхождения «истинного мира», Хайдеггер задается весьма важным вопросом о том, насколько широко и глубоко происходит «переворачивание платонизма» в философии Ницше, стремящегося к преобразованию платоновской иерархической схемы²¹.

Как отмечает Ж. Деррида, «Хайдеггер, таким образом, прослеживает действие Ницше до той точки, где оно выходит за пределы метафизики и платонизма. Но не для того ли только (здесь, по крайней мере), чтобы задать вопрос, оформленный все еще герменевтикой и, следовательно, тем философским строем, которое подобное действие призвано *рас-строить*: удалось ли Ницше то, что он действительно задумал, и “до какой степени” он действительно преодолел платонизм? Хайдеггер называет это “критическим вопросом” (Fragen der Kritik), который должен направляться “пере-продумыванием самой сокровенной мыслительной воли Ницше”, ее самого глубинного смысла»²².

С нашей точки зрения, «критическим вопросом» здесь является не столько вопрос о том, удалось ли Ницше, а вслед за ним и Хайдеггеру «преодолеть платонизм», сколько проблема понимания этими мыслителями самого платонизма. По крайней мере, работы А. Ф. Лосева и других исследователей платонизма у нас и за рубежом по восстановлению не искаженной позднейшими интерпретациями традиции платонизма заставляют задуматься над тем, не являлся ли тот «платонизм», о котором говорили Ницше и Хайдеггер, следствием нигилистического истолкования философии Платона в эпоху Нового времени.

Оставляя этот вопрос открытым, сформулируем выводы, к которым мы пришли относительно онто-исторического способа рассмотрения нигилизма. Этот способ особым образом полагает и даже предполагает наличие связанных между собой онто-исторических сущности и явления исследуемого феномена. В отличие от традиционного понимания сущности при данном способе

рассмотрения она не полагается изначально, а прослеживается через последовательные онто-исторические этапы, т. е. обладает подвижной онто-исторической структурой. Рассмотрим это на примере ницшеанского и хайдеггеровского описания вышеупомянутых шести этапов сущностной истории (Geschichte) онтологического нигилизма. Вот что говорит сам Хайдеггер о специфике данного подхода: «Описание всех шести этапов <...> задумано таким образом, что “истинный мир” <...> каждый раз соотносится с определенным видом человека, который относится к этому миру. Поэтому “перевертывание” платонизма и, в конце концов, выход из него изменяют самого человека <...> Под “сверхчеловеком” Ницше подразумевает не какое-то чудесное сказочное существо, но человека, который превосходит прежнего. Однако прежний человек есть тот, существование которого и его отношение к бытию определяется платонизмом в какой-либо форме или смещением нескольких форм»²³.

Иными словами, для постижения сущности «сверхчеловека» нам необходимо знание «прежнего человека», отношение которого к бытию опять же определяется одной из онто-исторических форм платонизма. Таким образом, создается подвижная структура сущности, где «конец как конец становится виден только из начала. Или наоборот»²⁴. То же самое касается и сущности онтологического нигилизма, выявляющей себя при онто-историческом подходе только в единстве целостного усмотрения и последовательного анализа этапов исторического оформления этой сущности.

УДК 316.35:1

ФЕНОМЕН КРЕАТИВНОГО КЛАССА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

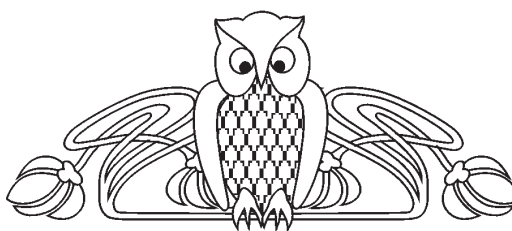
Б. С. Клементьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Boris-1@td.ru

В статье рассматривается феномен появления креативного класса, формирование которого приводит к трансформации структуры общества. Представители нового класса рассматриваются с социальных, экономических, личностных и профессиональных позиций. Происходит формирование понятия «креативность», которое воспроизводит отличную от традиционного форму мышления, что дает возможность повышения уровня инновационного развития общества. Проводится сравнение традиционного и креативного типа сообществ, рассматриваются их положительные и отрицательные черты; креативный класс анализируется в поле отечественного социального пространства.

Примечания

- ¹ Ясперс К. Ницше : Введение в понимание его философии. СПб., 2004. С. 344.
- ² Там же. С. 334.
- ³ См.: Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. : пер. с нем. СПб., 2007. Т. 2. С. 21–23.
- ⁴ Там же. С. 297.
- ⁵ Там же. С. 79–80.
- ⁶ Ницше Ф. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 2005. Т. 12. С. 193.
- ⁷ Там же. С. 195.
- ⁸ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 572.
- ⁹ См.: Ницше Ф. Воля к власти : опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 29.
- ¹⁰ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. Т. 1. С. 204–205.
- ¹¹ Там же. С. 205.
- ¹² Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁴ Деррида Ж. Шпоры : стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 136.
- ¹⁵ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁹ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ²⁰ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 210.
- ²¹ Там же. С. 210–211.
- ²² Деррида Ж. Указ. соч. С. 134.
- ²³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 209.
- ²⁴ Там же.

Ключевые слова: креативный класс, социальное пространство, инновации, традиции, социальный капитал, креативный капитал.

The Phenomenon of the «Creative Class» in the Social Space

B. S. Klementyev

Article discusses the phenomenon of the «creative class», which formation leads to a transformation in the structure of society. Representatives of the new class are considered from the social,

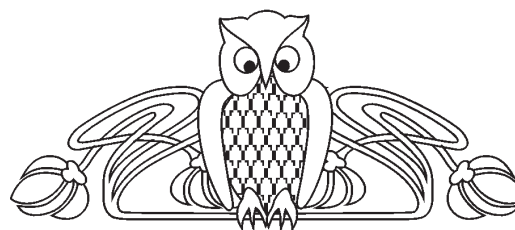

УДК 130.2(470) +929

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

И. Л. Каменчук

Саратовский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
E-mail: irinakamenchuk@gmail.com

В статье представлены различные подходы к исследованию проблемы толерантности: в контексте особого природно-детерминированного качества личности или же усвоенного в процессе воспитания; как характеристика межличностных отношений в малых группах; как принцип социального взаимодействия в рамках философии либерализма. Раскрыты современные методологические подходы к проблеме.

Ключевые слова: мультикультурализм, аксиологический, идеально-типический, онтолого-исторический, конфликтный, отклонение, несогласие, неотторжение, консоциативное, справедливость, благо, терпимость.

Tolerance: Approaches to the Problem

I. L. Kamenchuk

Article presents various approaches to the problem of tolerance: in context of special natural qualities of the personality, or assimilated into the educational process, as a characteristic of interpersonal relationships in small groups as a principle of social interaction within the framework of the philosophy of liberalism. Current methodological approaches to the problem are highlighted.

Key words: multiculturalism, axiological, ideal-typical, ontological-historical, conflicted, deviation, disagreement, unrejection, conscious, justice, good, tolerance.

Толерантность представляет собой весьма сложное понятие. В современном мире оно стало не просто широкоупотребительным и модным, его активизация отражает актуальность самой проблемы межличностного и социального взаимодействия членов социума. Проблема толерантности сейчас оказывается предметом внимания многих наук: философии, политологии, религиоведения, социологии, конфликтологии, психологии и др. Термин *толерантность*, употребляемый в разных научных парадигмах, наполняется собственным содержанием – например, она выступает как условие сохранения разнообразия, основание демократического согласия. Исторически и по существу она является альтернативой насилию в конфликтах, обусловленных противоположностью мировоззренческих позиций, т. е. представляет собой ненасильственный способ их разрешения. Она делает возможным сотрудничество между индивидами, которые придерживаются несовместимых убеждений и верований. Проблема толерантности в условиях этнических, социальных, политических, религи-

озных различий в плюралистическом обществе становится важнейшей, требующей междисциплинарного исследования.

Как предмет философского анализа категория толерантности ранее рассматривалась в контексте особого качества личности – природно-детерминированного (Л. Фейербах, М. Монтень) или же усвоенного в процессе воспитания (З. Фрейд, Э. Фромм). Основы представлений о толерантности как характеристике межличностных отношений в малых группах разработаны представителями «диалогической философии» (М. Бубер, Э. Левинас, М. Бахтин). Сейчас актуален подход к толерантности как принципу социального взаимодействия. Одной из наиболее разработанных является концепция, существующая в рамках философии либерализма. В западной науке сложилось устойчивое представление, что основы теории толерантности были заложены Д. Локком в его «Послании о веротерпимости», в XIX веке развиты Д. С. Миллем в его эссе «О свободе». Современную версию этой теории, соответствующую плюралистическому обществу, дал Д. Роулз в работах «Теория справедливости» (1971) и «Политический либерализм» (1993). Среди современных англоязычных авторов, занимающихся этой проблематикой, можно выделить М. Уолцера, П. Николсона, Д. Хейда, С. Мендус, Б. Уильямса.

В качестве самостоятельного понятия толерантность появилась в эпоху Просвещения и с тех пор, как считает Й. Подгорецкий, остается одним из наиболее фундаментальных компонентов культуры. Перемещение центра общественной жизни из религиозной сферы в политическую породило проблему расширения политических прав и свобод. И по сей день толерантность рассматривается как норма политического взаимодействия. Без политических оснований, по мнению С. Г. Ильинской, концепция либеральной терпимости не была бы сформулирована Локком, если бы в XVII столетии протестанты смогли уничтожить католиков (или наоборот)¹.

Идея толерантности Дж. Локка основана на общественном договоре и разделении частной и общественной жизни каждого человека: «Прежде всего я считаю необходимым различать вопросы государственные и религиозные

и должным образом определить границы между церковью и государством»². В своих «Письмах о веротерпимости» философ констатирует, что религиозные верования невозможно обосновать никаким способом, и делает вывод о недопустимости вмешательства государства в личную жизнь граждан. «Гражданскому правителю забота о спасении души принадлежит не более чем остальным людям. И бог не поручал ему этого, ибо нигде не сказано, что бог предоставил людям право насильно заставлять других людей принимать чуждую им религию»³. Это убеждение Локк обосновывает тем, что государственная власть правителя основана на принуждении, а «истинная же и спасительная религия состоит в глубокой внутренней вере души, без которой ничто не имеет силы в глазах Господа. Природа человеческого разума такова, что никакая внешняя сила не способна принудить его»⁴. Современным звучат сегодня мысли Дж. Локка о необходимости разделения государственной власти и церкви. «Она (церковная власть. – И. К.) должна быть ограничена пределами церкви и никоим образом не может распространяться на дела гражданские, поскольку сама церковь полностью и совершенно отделена от государства и гражданских дел. Пределы и для той и для другого твердо установлены и нерушимы. Смешивать два этих совершенно различных по своему происхождению, цели и предмету сообщества – все равно что смешивать столь несовместимейшие вещи, как небо и земля»⁵. Основанием терпимости Дж. Локк справедливо считает нравственность, призывая *прививать те ценности, которые позволяют обществу стать терпимым*, – великодушие, мягкость нравов. «Моральная сторона поступков относится к компетенции двух судов – внешнего и внутреннего – и подлежит власти как гражданского, так и домашнего владыки, т. е. государя и совести»⁶. В своем «Третьем письме» Дж. Локк провел анализ понятия «толерантность», основывая его на необходимости покориться истине. Здесь его взгляды перекликаются с позицией Вольтера, полагавшего, что существует связь между терпимостью и истиной. Являясь сторонником неравенства, Вольтер не усматривал ничего предосудительного в том, что некоторые религии играли решающую роль в отдельных обществах, а их последователи получали важные политические должности, и поэтому считал естественным, что эти должности могут принадлежать меньшинству.

Другой аспект понятия «толерантность» рассматривал Дж. С. Милль в своем эссе «О свободе». Толерантность здесь становится частью свободы индивида не только от государственного вмешательства в его частную жизнь, но и от давления гораздо более широкого – влияния большинства общества. Милль призывал сторон-

ников толерантности поддерживать отдельных индивидов, особенно тех, кто выходил за рамки существовавших в обществе правил. Представляя общество как некий дискуссионный клуб, он видел в толерантности средство стимулирования дискуссии, в ходе которой формулируются общественно полезные выводы: «Способность обсуждать обе стороны предмета, когда слышат только защитников одной стороны, – такая способность встречается едва ли не реже, чем какой-либо другой умственный атрибут, и поэтому где не могут высказываться все стороны, там совершенно безнадежно, чтобы могла быть познана истина, и наоборот: тем надежнее достижение истины, когда каждая ее сторона, каждое мнение, заключающее в себе ту или другую ее часть, находит себе защитников, и притом таких, которые умеют возбудить к себе внимание людей»⁷. Обосновывая необходимость свободы мнений и их выражения, автор эссе подчеркивает необходимость активной толерантности, которая должна прийти на помощь людям, когда подводит разум. Возражая против эгоистической индифферентности, автор считает, что благосостояние индивида прежде всего касается его самого и совершенно безразлично другим членам общества, а соответственно, «индивидуум не подлежит никакой ответственности перед обществом в тех своих действиях, которые не касаются ничьих интересов, кроме его собственных, в тех действиях, которые вредны для интересов других людей, индивидуум подлежит ответственности и может быть справедливо подвергнут социальным или легальным карам, если общество признает это нужным»⁸. Таким образом, толерантность у Милля ограничивается, во-первых, вредом, наносимым другим членам общества, и во-вторых, моральной зрелостью человека и общества, но является ценностью, поскольку содействует совершенствованию человека и общества.

Аксиологического подхода к толерантности придерживается П. Николсон. По его мнению, «толерантность есть добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, хотя бы они и отклонялись в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и хотя последний морально не согласен с ними <...>. Толерантность – благо»⁹. Говоря о толерантности как о благе, П. Николсон в то же время считает это свойство толерантности наиболее дискуссионной характеристикой понятия.

Определяя границы толерантности в работе «Толерантность как моральный идеал», П. Николсон считает, что её следует проявлять к любому выражению мнения, включая и те, которые защищают интолерантное поведение. Существенную проблему автор видит в необходимости отличать выражение мнений, к которому всегда следует

относиться толерантно, от действий на основе этих мнений, к которым не всегда следует относиться терпимо. Подвергая критике данный подход, М. Б. Хомяков пишет, что Николсон производит подмену понятия «толерантность» уважением к личности человека, которое является более широким. Позиция Николсона напоминает христианскую заповедь о ненависти к греху, но любви к грешнику. При подобном определении, считает Хомяков, утрачивается всякая ценность понятия толерантности, поскольку под ней понимается практически любое допущение иного во всяком обществе¹⁰.

Идеально-типический подход к рассматриваемому понятию берет свое начало в философии И. Канта, придавая абсолютный характер этическим ограничениям, которые он накладывает на практическую деятельность человека. Для определения нравственных позиций Кант также отсылает человека не к Богу, а к самому себе, к человеческой совести. И в области религии человек должен иметь мужество жить собственным умом, не поддаваясь соблазну купить безопасность ценой рабского подчинения чужой воле. С точки зрения разума в гражданском обществе различные формы веры должны иметь равные права. Сомнение – также право разума. Поэтому лишь толерантность обеспечивает нормальную совместную жизнь людей. Мораль как социальное понятие означает терпимость и справедливость, исключая превращение свободы в произвол, вседозволенность. Сформулированные И. Кантом законы морали, и прежде всего категорический императив, действуют в универсальном мире, и потому он лишен онтологических оснований, ибо Кант утверждает, что императив есть априорная форма человеческого разума.

Онтолого-исторический подход в исследовании толерантности демонстрирует работа М. Уолцера «О терпимости», в которой автор размышляет о проблемах мультикультурализма: «Предметом моего исследования является терпимость или, лучше сказать, то, что делает терпимость возможной, а именно мирное сосуществование групп людей с различной историей, культурой и идентичностью». Уолцер различает пять толерантных режимов, или пять типов политического устройства, допускающих терпимость: многонациональные империи, образчиками которых являются система миллетов Османской империи и Советский Союз; международное сообщество; консоциативные (со-общественные) устройства, такие как в Бельгии и Швейцарии; национальные государства, например Франция, где в ранге меньшинств находятся все, кроме одной, доминирующей группы, и иммигрантские общества (примером последнего является США).

В международном сообществе, самом толерантном из всех, по мнению автора, объектом

толерантности являются отдельные государства, обладающие суверенитетом. Толерантность является неотъемлемой чертой суверенитета. Все те, кто находится по ту сторону границы, не смогут вмешаться в происходящее по эту сторону, и суверенитет служит гарантией этому.

Суверенитет, замечает далее М. Уолцер, особенно в современных условиях, имеет свои пределы, четко обозначенные в правовой доктрине гуманитарного вмешательства. Когда государство неспособно контролировать гуманитарный конституционный порядок и внутригосударственный конфликт угрожает международному миру и безопасности, международное сообщество вмешивается во внутренние дела этого государства и ограничивает его суверенитет.

Исторически «мирное сосуществование групп людей с различными историями, культурами и идентичностями» являет собой, чрезвычайное достижение: «Терпимость делает возможным существование различий; различия же обуславливают необходимость терпимости»¹¹. По мнению М. Уолцера, терпимость легче достигается в тех обществах, где нет большого экономического неравенства, в которых индивиды обладают возможностями для продвижения вверх и где сильны ассоциации промежуточного типа – семейные, этнические, профсоюзные, политические.

Анализируя концепцию М. Уолцера, можно согласиться с позицией Э. Соловьёва, который критикует одномерность её проекции. Меньшинства – объект терпимости, но не субъект. Между тем «толерантность, как и компромисс, не может быть односторонней. Гарантией устойчивого демократического развития <...> может быть только взаимная толерантность социальных, конфессиональных, этнических и других групп»¹².

В контексте толерантности в русской философии можно анализировать идеи А. С. Хомякова, В. С. Соловьёва, Л. Н. Толстого. Осмысление проблематики социального взаимодействия отразило ряд отличительных особенностей социальных связей – духовно-нравственную содержательность, несводимость лишь к формальным контактам. Вся русская философия пронизана мыслью, что жизнь личности шире и глубже общественной. В качестве наиболее эффективного способа совершенствования общества представлялось прежде всего духовно-нравственное развитие человека, хотя нельзя сказать, что проблема значимости механизмов социального регулирования была обойдена вниманием.

С появлением в отечественной науке понятия «толерантность» в качестве синонимов стали выступать «терпение», «терпимость». Но эти понятия несут и особую смысловую нагрузку. Терпение не «пассивная слабость» или «тупая покорность» – это активная напряжённая борьба духа. «Отнимите у человека терпение, и всё рас-

падает в ничтожество: верность, скромность и смирение; любовь, сострадание и прощение», – писал И. А. Ильин¹³.

Среди современных отечественных исследователей толерантности представляет интерес работа С. Г. Ильинской «Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика», где толерантность рассматривается не как этическая категория, не как «ценность в себе», а как политическая категория. В качестве аргументов в обосновании такого подхода автор приводит необходимость переосмысления трудов классиков политической философии в соответствии с реалиями современности, а также кризис либеральных концепций толерантности.

Автор последовательно отстаивает точку зрения, что так называемые конфликты культур чаще всего имеют социально-экономическую природу, касаются вопросов доступа к власти и ресурсам. Определяя толерантность в современной России как «однобокую», С. Г. Ильинская считает, что она до сих пор не является составной частью продуманной государственной политики, поэтому в общественном сознании чаще «воспринимается не как терпимость между индивидами, а как терпимость государства по отношению к группам»¹⁴, связанным прежде всего отчётливо выраженной общностью этнического происхождения.

Формулируя отечественный вариант развития толерантности, С. Г. Ильинская указывает на возможность «избежать как некритического заимствования чужих моделей, характерных для “западничества”, так и “почвеннической” теории “особого пути” России», связывая развитие толерантности в России с существованием в отечественной философии категории Правды в отличие от универсальной Истины». Нельзя не согласиться с автором, что «эта категория, целиком принадлежащая русской традиции и одновременно сочетающая в себе два совершенно разных понятия истины и справедливости, определяет перспективы толерантности в России в форме событий различных культурных традиций»¹⁵. Между тем важно отметить, что размышляя о толерантности, нужно говорить не только о справедливости, о которой пишет С. Г. Ильинская, объясняющая «запросом на социальную справедливость <...> этническую политизацию общества и антииммигрантские настроения», но и о совести, которая высвечивает не чужую, а только собственную вину. Оценка мира – голос совести, это мысль или осознаваемое ощущение субъекта. Мы всегда жаждем справедливости, желая ее, естественно, только для себя, но часто вполне искренне считая, что и для других. Обращая внимание на специфику толерантности в России, Ильинская не исключает, а скорее, предполагает включенность ее в общемировой

процесс «стандартизации» плюралистической демократии.

Эволюция идеи толерантности начиная с эпохи Реформации с ее борьбой за веротерпимость через просветительскую концепцию автономии человека, его неотъемлемого права на свободу совести и слова, а следовательно, на религиозную и политическую толерантность в XX в. достигает своеобразной кульминации. Признание особого статуса толерантности как одного из принципов, которому надо следовать для построения справедливого, цивилизованного общества, можно рассматривать, с одной стороны, как закономерный итог многовековых споров вокруг этого понятия, а с другой – как новый этап в развитии самой идеи.

Примечания

- ¹ С. Г. Ильинская выделяет несколько основных методологических подходов к толерантности: аксиологический, трактующий терпимость как ценность саму по себе; идеально-типический, в котором толерантность выступает своего рода моральным идеалом общественного устройства; онтолого-исторический, рассматривающий эволюцию толерантности в ходе исторического развития групп; конфликтный, в центре которого борьба между группами, культурами, убеждениями в границах разумного.
- ² Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 93.
- ³ Там же. С. 95.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 103.
- ⁶ Там же. С. 119.
- ⁷ Милль Дж. С. О свободе // О Свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века) / пер. с англ. А. Н. Неведомского. М., 2000. С. 288–392.
- ⁸ Там же. С. 311.
- ⁹ Матраверс М. Д. Проблема толерантности в англо-американской философии // Толерантность : Материалы летней школы молодых ученых «Россия – Запад : философские основания социокультурной толерантности» : в 2 ч. / под ред. М. Б. Хомякова. Екатеринбург, 2001. Ч. 2. С. 3.
- ¹⁰ См.: Хомяков М. Б. Толерантность : парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 4. С. 100.
- ¹¹ Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 123.
- ¹² Соловьев Э. Толерантность в политической истории человечества : предпосылка или продукт демократии // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 4. С. 118.
- ¹³ Ильин И. А. Поющее сердце. М., 2007. С. 301.
- ¹⁴ Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия : история, теория, практика. М., 2007. С. 27.
- ¹⁵ Там же. С. 240–241.

ективности. Первый метафизический постулат он связывал с данностью собственного трансцендентального опыта и бесконечной областью многообразных отдельных опытов. Второй затрагивал познание широты трансцендентально-феноменологического опыта, поле которого не ограничивается только собственным трансцендентально очищенным *ego* философствующего, но расширяется до раскрывающихся в этом *ego* благодаря трансцендентальному вчувствованию многообразных *alter ego* и трансцендентального открытого бесконечного Я-сообщества, которое в меняющейся ориентации трансцендентально оповещает о себе в каждом *ego*.

Подвергая анализу философские искания Э. Гуссерля относительно категории «опыт», было бы весьма логично задаться вопросом: что же в действительности искал Э. Гуссерль, обращаясь к философскому наследию Р. Декарта? Видел ли он в фигуре французского философа непримиримого оппонента или великого учителя? Логический поиск ответов на поставленные вопросы подводит к «Феноменологии», написанной Э. Гуссерлем для Британской энциклопедии и опубликованной после смерти философа в 1939 г. Несмотря на достаточно скромный объем, «Феноменология» далась Гуссерлю с невероятным трудом. В ней мы находим законченное определение феноменологии как науки, сформулированное с позиции радикальной феноменологии, единственным представителем которой он продолжал оставаться. С обозначенной в статье позиции все рациональные проблемы, которые по той или иной причине стали рассматриваться как «философские», имеют свое место в рамках

феноменологии, обнаруживаются в предельном источнике трансцендентального опыта. В этом утверждении «скрывается» причина настойчивого и последовательного рассмотрения философом категории опыта.

Завершая один из своих последних научных трудов, Э. Гуссерль связывал с феноменологической философией не только возможность постижения трансцендентальности человеческой «жизни», но и развитие основных тенденций древнегреческой философии с главенствующим мотивом философии Декарта. Именно в феноменологии он видел методическую основу, способную «вдохновить науку, которая не будет иметь пределов».

Примечания

- ¹ Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С. 101.
- ² Там же. С. 16.
- ³ Гуссерль Э. Парижские доклады // Логос. 1991. № 2. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 9.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Там же. С. 17.
- ¹² Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 121.
- ¹³ Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1994. № 5. С. 16.

УДК [502.5:1](0,75.8)

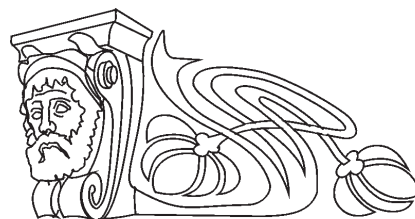
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЛАНДШАФТА КАК ПЕЙЗАЖА

Н. Я. Веретенников

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

В статье рассматриваются философский аспект восприятия ландшафта и отображение его в пейзаже. Особое внимание автор уделяет методологии исследования ландшафта и пейзажа, включающей междисциплинарность, синергичность, конвергентность, а также ментальный, сакральный характер этих феноменов.

Ключевые слова: ландшафт, пейзаж, окружающая среда, человек, философия, восприятие.

Philosophical Aspect of Perceiving Landscapes as Sceneries

N. Ya. Veretennikov

The article deals with the philosophical aspect of perceiving landscapes and reflecting the same in sceneries. The author pays particular attention to landscape and scenery research methodology, this methodology covering interdisciplinarity, synergy

and convergence alongside with mental and sacral nature of these phenomena.

Key words: landscape, scenery, environment, human being, philosophy, perception.

Рефлексивное поле познавательного процесса, исследования ландшафта и пейзажа включает в себя такие типы познаний, как междисциплинарность, синергичность, конвергентность, а также внимание к ментальному и сакральному характеру указанных феноменов.

Междисциплинарность как методологический инструмент исследования ландшафта при эпистемологическом рассмотрении предполагает ситуацию выхода за пределы отдельной дисциплины и взаимодействия различных, обладающих своими методами познания. Так, при исследовании географического ландшафта как сочетания различных природных компонентов (рельефа, климата, почв, растительного покрова) можно опираться на такие научные дисциплины, как география, геология, биология, экология, а также гуманитарные и общественные – философию, историю, искусство, психологию и т. д. Все это осуществляется в рамках фундаментальной концепции «природа – общество – человек». Социально-философский аспект исследования ландшафта несет большой мировоззренческий смысл: природный ландшафт как выражение материи един и в то же время многообразен по формам своего бытия, составляющим его природным компонентам, по его включенности в экзистенциальные взаимоотношения с человеком и обществом. Это также свидетельствует о его многомерности. Таким образом, междисциплинарность как коммуникация дисциплин дает всестороннюю полноту знаний об исследуемом объекте; одновременно с этим формируется и особый способ мышления человека.

Методологическая рефлексия, основанная на синергетической парадигме, позволяет исследовать ландшафт как сверхсложную открытую динамическую систему с внешним источником энергии, динамическими связями внутри неё, определяющими ее организацию путем информационного и энергомассообмена между компонентами земной оболочки – рельефом, растительным покровом, гидросферой и т. д. В то же время ландшафтная оболочка испытывает воздействие антропогенных факторов.

Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа представляет собой процесс целостного отражения, рождающегося при непосредственном его воздействии на рецепторные зоны органов чувств. Восприятие как вид познания предполагает осмысление и истолкование чувственных данных. Решающую роль здесь играет семантический подход к пейзажу, реализуемый в рамках феноменологии и герменевтики, т. е.

постижение смысла и символов, изначально заложенных автором живописного, поэтического или других типов отображения ландшафта. Пейзаж должен быть переосмыслен и поставлен в рамки соотнесенности его с бытием человека. Он предстает идеальной позицией для индивидуального видения мира. Природа никогда не может явить себя человеку в своей самости: уже под его взглядом она всегда очеловечивается, антропизируется. Он ее созерцает, воспринимает, оценивает, превращает в артефакт, ставит в контекст собственного опыта и традиции. Понимание как ландшафта, так и пейзажа предполагает прежде всего онтологическое самоопределение субъекта, его сращенность с бытием: пробуждается осознание того, что судьбы человечества и природы едины.

Природный ландшафт, отображенный в пейзаже, служит частью не только внешнего, но и внутреннего пространства человека: он причастен к сферам разума, духа. В ландшафте движется не только человек, но и его взгляд, мысль и переживания. Пейзаж являет собой духовное, умозрительное освоение окружающего мира, где в сознании находит место гармония естественного и культурного. Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа используется в контексте конструирования философской парадигмы многогранности бытия и человеческого мышления.

Пейзаж как идеальный образ ландшафта существует в различных видах и жанрах искусства: в живописи, литературе, графике, архитектуре. Их смысловая ценность подчинена раскрытию идеи существования природы и человека многообразных формах взаимовлияния. Философское осмысление природы соединяется с идеей ее преобразования. Каждой эпохе свойственно свое образное видение природы. Начиная с неолита в пейзажах воплощаются представления о природе как сфере действия человека и преобладают тенденции, присущие именно этой эпохе.

В русской натурфилософии природа рассматривается в первую очередь в отношении к Богу, а не человеку. Природа выступает как откровение высшего разума и сверхъестественной воли. Сакральное в пейзаже выполняет роль структурообразующего начала. Вокруг церкви на возвышенном месте располагаются другие элементы: тихая светлая речушка, сельские дворики, березки, крестьянское поле, луговое разнотравье и сами труженики русской земли. В аксиологии сакральное задает вертикаль ценностных ориентаций: оно в пейзаже воспринимается сознанием как принципиально отличное от обыденной реальности и исключительно ценное.

О философской методологии восприятия и познания сакрального в природе пишет И. А. Ильин: «В познании проявляются две аксиомы фило-

софской методологии. Суть первой состоит в том, что философское знание выстраивается на предметном опыте, на адекватном восприятии изучаемого предмета. Однако это совсем не означает, что всякий опыт есть чувственный опыт, то есть что он состоит в восприятии вещи телесными “чувствами”. Бесспорно, всякий чувственный опыт есть опыт, но далеко не всякий опыт есть опыт чувственный. И вот философия творится именно нечувственным опытом; в этом вторая аксиома философской методологии»¹. Далее философ замечает, что обычное сознание занято по большей части чувственным восприятием: звуками, красками, пространственными образами, формулируемыми ощущениями тела. Но душа человека, по Ильину, может испытывать многое нечувственное. Искание сверхчувственной истины по-особому обнаруживается: сверхчувственное в человеке при восприятии пейзажа рождается при аффекте как душевном волнении, религиозно обращенном к Богу, этически к добру и познавательно – к Истине.

Сакральное в пейзаже – святые места – это запечатленное остановившееся время, отраженная «вечность». В изображении святых мест пейзаж символизирует священную историю, но одновременно и является ею. Святые места пейзажа предстают как земля, благословенная самим Господом: например, Святая земля, на которой находился Эдем – райские кущи, избранные Господом для явления Мессии. В религиозной духовности представления о сакральности конкретизируются благодаря священным местам, образам и священному слову – Логосу. Для крестьянского сознания на Руси земля – это лоно человеческой жизни, этическое, нравственно-духовное начало. В сакральном пейзаже как объективированном духе мы снова познаем живой дух, который говорит с нами через это живописное произведение.

В исследовании пейзажа необходимо увидеть его слитность с менталитетом народа, с его душевным складом, образом мыслей, ценностями, моделями поведения и жизни. Связь с элементами ландшафта предстает как идентификация, уподобление, обожествление. В региональных ландшафтах и пейзажах особенно ярко заметны специфические черты менталитета пребывающих в этом географическом месте народа, нации. В менталитете проявляются наиболее устойчивые структуры моделей поведения, отношения к родной земле, которые не изменяются со сменой поколений. Природа, оказывая большое влияние на людей, формирует у них во взаимоотношениях с ней жизненные, практические способы хозяйствования, устойчивый образ родного края, традиции, обряды, чувство патриотизма, эмоциональное состояние, которое находит место в философской лирике, в творениях живописцев. Мо-

делирование фольклорного образа окружающего природного пространства происходит на основе соотношения реального наблюдаемого людьми ландшафта и его мифологической проекции в сознании носителей традиционной культуры. Так, Л. Н. Виноградов пишет: «В оценочном восприятии географического пространства, которое отмечается по данным славянского фольклора и мифологии, менее значимыми оказываются такие утилитарные характеристики местности, как пространственная протяженность, ориентация по частям света, хозяйственная пригодность и т. п. Более важным являются приписываемые природным локасам свойства мест “хороших” и “плохих”, “святых” и “нечистых”, опасных или безопасных, основанных человеком и диких участков»². «Дьявольские» места приобретают общенегативный смысл. А вот дороги и тропы, переправы «говорят» о связях, отношениях с другими общностями людей, их культурой, обычаями, о желательных и нежелательных встречах и контактах, о том, в какие стороны ведут.

Если в славянском мире ландшафт, представленный в пейзаже, оказывает большое влияние на формирование ментальных черт той или иной социальной общности, то в китайской культуре осмысление ландшафта смыкается с философией и воспринимается как зримое воплощение философских принципов, практическая демонстрация их функционирования. Здесь ландшафт воспринимается не только как природный мир, но и как некая символическая реальность. «Ландшафт, предстающий перед нами в китайской пейзажной живописи, поэзии, ландшафтной архитектуре, не списан с натуры. Он является своего рода <...> изображением мира во всей его совокупности, создающим при взгляде на картину чувство ирреальности, подобное тому, что возникает во сне»³. Заложенные в китайской философии представления о мироустройстве охватывают не только пространство и время, но и все вещи, все элементы ландшафта, которые соединены в целостную структуру и оживлены единым ритмом, называемым также Дао. Все сущее, таким образом, существует не в статике, а в динамике, постоянно преображаясь, изменяясь, претерпевая различные метаморфозы. Пейзаж в китайской культуре, философии конструируется мыслью, неизменными атрибутами его являются горы и воды, символизирующие два мироустроительных начала. В рукотворном пейзаже более всего ценились не простота и естественность, а его «фантастичность». Здесь каждый объект уводит в лабиринт символов, ассоциаций, воспоминаний. В пейзаже раскрывается принцип единственности макро- и микрокосмоса – базисная интенция китайского философского мышления. Главное его достоинство в том, что наиболее полно он постигается в сознании.

С. Л. Франк отмечает: «Природный хаос – наше материнское лоно – таится в глубине нашей собственной души, и поэтому он при всей его таинственности откликается в каждом человеческом сердце»⁴. В славянских странах, где связь человека с природой была гораздо менее опосредована культурой и цивилизацией, сложилась цельная система гармонического со-бытия Бога, природы, святых и простых людей, занятых на земле своим делом, ведущих свой образ жизни и вырабатывающих самобытное отношение к природе. И все это отражалось, правда, в более позднее время, в русских пейзажах. Концепция географического детерминизма была предложена философами позже.

Исследование российского ландшафта, как и живописного пейзажа, усложняется особенностями географии нашей страны, которая представляет собой разнообразные климат и ландшафты. Н. А. Бердяев писал: «Много загадочного в русской истории, в судьбе русского народа и русского государства. Но не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства»⁵. Самобытность жизни русского человека прежде всего связана с землей-матушкой, что нашло отражение в пейзаже русских живописцев, в философской лирике, в литературе. В искусстве раскрывается целостный национальный образ русской природы. Интерпретация своеобразия национальной природы как источника состояния русского духа есть у большинства отечественных поэтов.

Первооткрывателями национального пейзажа в русской лирической натурфилософии явились А. С. Пушкин и П. А. Вяземский, у них мы находим романтически точные детали, характерные для среднерусского пейзажа. «Ветер скучной осени», «воды тусклые», «ветви голые», «дуб чернел в лесу пустом», «природа бледная с унылостью в чертах» – эти подробности предвосхищают «бедный», «невзрачный» пейзаж. Это говорит о неприхотливости, неяркости, неживописности, вызывающей умиление и тоску, жалость и горечь. В более поздних стихах Пушкина преобладает точка зрения не созерцателя, но путешественника – дорога словно впервые распаивает перед поэтом всю ширь родной природы, вводит в самый процесс ее пространственного и духовного освоения. И все-таки обобщенный национальный пейзаж у него («19 октября», «Роняет лес багряный свой убор...», «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы») менее ярок и красочен, чем у русских живописцев, – бескрайняя однообразная равнина («Одна равнина справа, слева»), и по этой уплощенной земле кое-где разбросаны низенькие деревеньки. Постройки и сооружения как бы врастают в природу, ветшают, приобретают неприхотливый, неприметный вид, становятся

частью естественного ландшафта: «Скривилась мельница, насилиу крылья // Ворочая при ветре»; «...калитка, сломанный забор»; «...во рву, водой размытом, под разобранным мостом».

И в природе господствуют подвижные стихии – дождь и ветер, растворяющие все твердые очертания: дорога изрыта дождями, ветер крутит снежные вихри, тучи выются. Природа переживается как обступающая, неотвратимая – не как географический или климатический фактор, а как сама судьба, принявшая наглядные, осязаемые черты. И сквозь эту мглистую пелену порой прорываются черты другой, ослепительно яркой природы. «Национальный пейзаж у Пушкина очень сложен, далек от какой бы то ни было эмоциональной однозначности. Здесь и печаль, и любовь, и суровость, и кроткость – все то, чем может жить душа, находя в природе прообраз своих страданий и своего просветления»⁶.

В поэзии М. Ю. Лермонтова впервые наглядно заявлена тема родного простора – не той географически развернутой панорамы, где называются лишь края (от ... до), но постигаемого изнутри. Пейзаж наполнен запахом дыма, пронизан печальными огнями деревень, одушевлен чувством дороги и приметам малой теплящейся жизни. В «Родине» речь идет о степи: этот распластанный простор, зримый в южной России, – самое главное и дорогое для Лермонтова в русской природе:

Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

«Родина» – первый в русской поэзии опыт обобщенного и вместе с тем духовно наполненного пейзажа, сочетающий возвышенность лирического гимна с реализмом «бедных» подробностей.

Поэзия С. Есенина – самый значительный этап в формировании национального пейзажа, который наряду с традиционными мотивами грусти, запустелости, нищеты включает удивительно яркие, контрастные краски, словно взятые из лубков: «Синее небо, цветная дуга, / Край мой! Любимая Русь и Мордва!»; «О Русь, малиновое поле / И синь, упавшая в реку...»; «Ой ты, Русь моя, милая родина, / Сладкий отдых в шелку купырей». Этот образ яркой и звонкой, васильковой России со сладкими запахами, шелковистыми травами, голубой прохладой именно Есениным был привнесен в самосознание народа. По-новому изображает Есенин небесные и атмосферные явления – более картинно, изобразительно, используя зооморфные и антропоморфные сравнения – так, ветер у него живое существо: «рыжий ласковый осленок», «отрок», «тонкогубый», «пляшет трепака»; очеловечиваются образы березы, клена. Береза, во многом благодаря Есенину, стала национальным поэти-

ческим символом России. С особой болью он говорит о мучительных взаимоотношениях природы и побеждающей цивилизации: «...живых коней победила стальная конница»; «...сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе».

Поэзия, разумеется, не представляет природу в системе понятийных категорий так, как это делает философия. Но она, по М. Н. Эпштейну, богатая живыми лексическими корнями, вырастает в мир природы. «Небо», «огонь», «вода», «свет», «воздух» – наглядные, конкретные представления и вместе с тем предельно общие, неразложимые понятия, которыми пользуются и поэзия, и философия, тем самым через природу «природняясь» друг другу.

Творения великих художников оказывают глубочайшее влияние на нашу жизнь, они направляют наши переживания, пробуждают скрытое видение, изменяют уровень осмысления реальности, раскрывают знаки духовных путей в земном пространстве. Огромное значение имеют пейзажи Н. К. Рериха, которые открывают нам географический мир, самобытную жизнь народов многих стран, помогают осмыслить прошлое в его символическом созвучии с настоящим, представить основные вехи в истории человечества как цепь многократных мировых катаклизмов, как эпизоды единой «космической» эволюции. В философии, архитектуре его живописных полотен выражен многообразный ментально-духовный мир народов Востока.

Русские художники В. М. Васнецов, И. Е. Репин, В. А. Серов, А. К. Саврасов, И. И. Левитан и другие благодаря особому пейзажному мышлению раскрывают духовную гармонию русского человека с окружающим ландшафтом, развивают эстетическое чувство.

О взаимоотношенности российской ментальности и русского пейзажа свидетельствует самобытный характер жизни русского человека, связанной с землей-матушкой. Русский человек – человек земли: «И вся народная русская земля есть лишь глубинный слой каждого русского человека, а не вне его и вдали лежащая обетованная земля»⁷. Без изначальной и стихийной любви к России невозможен никакой пейзаж. О ментальном в русском пейзаже говорят русское миропонимание и русская душа. В философской литературе о пейзаже нашли отражение типичные направления мышления и духовные мотивы русского национального характера. Подобный опыт слияния с окружающей природой, опыт внутреннего переживания гармонии мира, глубокой внутренней полноты природного мира раскрывает Даниил Андреев: «И когда луна вступила в круг моего зрения, бесшумно передвигаясь за узорно-узкой листвой развесистых ветвей, начались те часы, которые остаются едва

ли не прекраснейшими в моей жизни <...> Я слышал, как Нерусса (река в Брянских лесах. – Н. В.) струится не позади, в нескольких шагах за мною, но как бы сквозь мою собственную душу <...> в поток, струившийся сквозь меня, влилось все, что было на земле, и все, что могло быть на небе <...> И все, что мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством»⁸.

На всемирно известном полотне И. И. Левитана «Вечерний звон» церковь символизирует место лучших чувств и мыслей: сюда русский человек нес свой ум и свое сердце. И все в пейзаже – церковь, река, лес, уходящие вдаль просторы полей – в удивительной гармонии подчеркивает согласие природы и людей в их совместном бытии. Русские художники-передвижники направили свое внимание на размышления о русском ландшафте и бескрайних просторах родины, на тяжелый труд, величие, силу, мудрость русского народа. Пейзажи передвижников отличаются психологизмом и социальным обобщением.

Эвристические возможности пейзажа обогатились, когда со времен Великих географических открытий в состав экспедиций стали включать художников. Часто «чтение» ландшафта приближается к аксиологическому, когнитивному научному уровню. Переноса взгляд с одного конкретного места ландшафта или пейзажа на другое, познающий человек как бы перемещается от одного события к другому, возникает особый хоронотоп, своеобразный пространственно-временной континуум – синтез географии и истории, – расширяющий духовный мир.

Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа заполняет теоретический вакуум, что нуждается в рациональном осмыслении и обсуждении.

Примечания

- ¹ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2003. С. 37.
- ² Виноградова Л. Н. Ментальный образ ландшафта в народной культуре // Ландшафты культуры. М., 2007. С. 45.
- ³ Волчкова Е. В. Конструирование ландшафта в китайской традиционной культуре // Там же. С. 335.
- ⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 484.
- ⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2004. С. 95.
- ⁶ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 20.
- ⁷ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 106.
- ⁸ Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991. С. 43.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.62 (430) + 929 Гуссерль

МЕСТО ОПЫТА «ДРУГОГО» В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

А. А. Алебастрова

Саратовский государственный университет
E-mail: alebastrova_70@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению опыта в поздних работах Э. Гуссерля посредством обращения к философскому наследию Р. Декарта. Через осмысление опыта философия XX века раскрывает отношение человека к «Другому» индивиду. Обращаясь к опыту, Э. Гуссерль видел в нем основы феноменологии как науки более высокой формации.

Ключевые слова: «Другой», опыт, феноменология, Dasein, «Другое Я», Э. Гуссерль.

Experience of «The Other» in Husserl's Phenomenological Project

A. A. Alebastrova

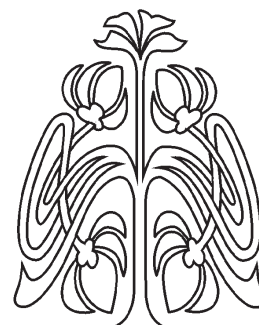
Article is devoted to consideration of experience in late Husserl's works through the appeal to Descartes' philosophical heritage. Through judgment of experience the philosophy of the 20th century opens the relations the person to «The Other» individual. Addressing to E. Husserl experience, saw in it phenomenology bases as sciences of higher formation.

Key words: «The Other», experience, phenomenology, Dasein, «Alter ego», Husserl.

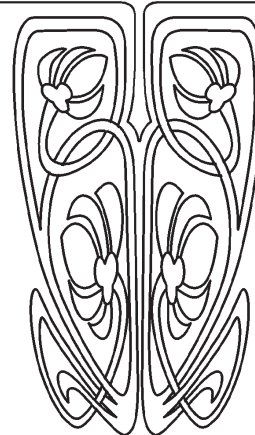
Человечество, вступая в эпоху информационного общества и в очередной раз переживая мучительный процесс взросления, напоминает хрупкого мальчика-подростка, ищущего в «Других» недостающий ему опыт, ибо, по меткому замечанию Фихте, разумное существо не имеет ничего вне опыта. Он содержит в себе весь материал человеческого мышления: лишь в этом случае возникает живая жизнь, порождающая из себя другую жизнь. И в этом контексте кажется далеко не случайным философское осмысление опыта как темы дискурса, развернувшегося вне времени и вне эпохи, берущего на себя право определения основных направлений развития человечества. В нем находит отражение трансформация восприятия человека в философии новейшего времени в контексте сосуществования отношений человека к иному индивиду как к «Другому» через деятельное соучастие с мирами иных «Я».

Обращение Э. Гуссерля к категории «опыт» в философских трудах, созданных в первой четверти XX столетия, можно рассматривать как закономерный итог непростых и порой мучительных рассуждений ученого, пытавшегося языком философии осознать противоестественность кризиса, обрушившегося на Европу и проявившегося в том числе и в кризисе европейской науки. Именно в этой «неслучайности» апелляции к категории «опыт» проявляется особая специфика деятельности философа, ищущего «связный порядок категорий» в «связном дискурсе», трансформировавшемся со временем в «логику философии».

В императивах философии опыт воспринимается как фундамент непонятного знания о действительности. Герменевтика, в XX в.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

приобретшая черты философской дисциплины и испытывавшая на себе существенное влияние идей феноменологии, разработанных Э. Гуссерлем, выделяет «опыт» человечества с позиции духа и морали, сравнивая его с уникальным сокровищем, которое человек накапливает на протяжении всей своей жизни. При этом «человек могущий» («l'homme capable») не в состоянии воспроизвести «культурный опыт» великих – Сократа, Декарта, Леонардо да Винчи, – поскольку сохраняя воспоминания о жизни величайших представителей человечества и после их смерти, мы не «обладаем памятью о человечестве в целом, которая значительно глубже и вместе с тем неуловимее памяти об этих людях»¹. В то же время это не мешает философии признавать за человеком XXI в. способность вступать в общение с «Другими», вмешиваться в ход вещей, рассказывать о своей жизни, формируя свою собственную идентичность, основываясь на своих воспоминаниях (опыте), и осознавать себя субъектом, неся ответственность как вменяемое лицо².

Осмысление Э. Гуссерлем категории опыта происходило на фоне изменяющейся научной составляющей интеллектуальной парадигмы. Образ науки, сформировавшийся в Новое время как сокровищница уже готового знания, замещается таким, в котором она превращается в инструмент для достижения нового знания, «из склада готовой продукции» – в «фабрику» по созданию знаний.

Принято считать, что европейская феноменологическая школа родилась в 1904 г. в Мюнхене, во время встречи Э. Гуссерля с Т. Липпсом, положившей начало первым заседаниям Психологического союза, превратившегося со временем в настоящий дискуссионный философский клуб. С 1910 по 1912 г. Э. Гуссерль активно выступает с докладами, проводит занятия и семинары. В 1910 г. он публикует свою знаменитую работу-манифест «Философия как строгая наука». Трагические события начала XX в., спровоцировавшие кризис «старой Европы», прервали развитие феноменологического движения. Вновь «возродившаяся» в послевоенный период во Фрайбурге феноменология, отдавая дань времени, достаточно легко уходит от проблем взаимоотношений естествознания и философии, заменяя их проблематикой историчности.

Формально с 1930 г. Э. Гуссерль остается единственным философом, представляющим радикальное крыло феноменологии. Именно в этот период появляются знаменитые «Парижские доклады» (1929) и «Картезианские размышления» (1931), отличавшиеся от ранее написанных работ осознанной ясностью и четкостью формулировок, открывающих новые грани феноменологии. Главным виртуальным оппонентом Гуссерля в его осознании феноменологии как нового научного

метода становится «отец новоевропейской философии» Р. Декарт. В представлении Э. Гуссерля Декарт являлся не просто великим мыслителем Франции, но подлинным праотцом феноменологии, поскольку благодаря ему появляется философия нового вида. Философия, предложенная миру Р. Декартом, позволила совершить «радикальный поворот от наивного объективизма к трансцендентальному субъективизму»³.

Отдавая дань уважения философскому наследию Декарта и определяя себе роль «радикально начинающего философа», Э. Гуссерль предлагает вместе пройти путь, ведущий к трансцендентальной феноменологии, начало которого лежит в «донаучной жизни», в мире, где науки лишены какой-либо значимости, но в котором Э. Гуссерлю необходимо присутствие «Другого».

Относя к миру все существующие науки, включая практическую (*handelnde*) жизнь, Э. Гуссерль связывает бытие (*Dasein*) мира понятием «Другой», находя в этой связи логическую закономерность, не вызывающую сомнений. «Бытие (*Dasein*) мира разумеет само собой прежде всего “Другого” – настолько, что никто не может даже подумать о том, чтобы эксплицитно выразить его в каком-либо положении. Ведь мы имеем опыт мира, в котором этот мир как постоянно и несомненно суший находится перед нами»⁴.

Не признавая серьезности критики Р. Декарта, прибегавшего к чувственному опыту, «доказывая мыслимость небытия мира», Э. Гуссерль предлагает лишить наивной значимости опыт мира, поскольку «бытие мира не может более быть для нас само собой разумеющимся фактом, но лишь проблемой значимости»⁵.

Но отрицая значимость мира, не утрачивает ли человечество бытийной почвы, столь необходимой для обоснования универсальности философии? Отвечая на этот вопрос, Э. Гуссерль совершает «поворот», возвращающий его к, казалось бы, забытому наследию Р. Декарта, чтобы обосновать сформулированное им же основание радикальной философии: «...полностью следуя Декарту, мы делаем великий поворот, который, правильно осуществленный, ведет к трансцендентальной субъективности: поворот к *ego cogito* как к аподиктически достоверной и последней почве для суждения, на которой должна быть основана всякая радикальная философия»⁶.

Э. Гуссерлю важно понять, почему радикальная философия, к представителям которой он относит себя, может не иметь ни значимой науки, ни сущего мира, несмотря на возможность существовать, осознавать значимость бытия в сфере опыта, довольствуясь лишь притязанием на бытие. Но кто же тогда скрывается под маской «Другого»? Для Э. Гуссерля это не только люди, но и звери, которых человек воспринимает лишь благодаря своему чувственному опыту. «Вместе

с Другими я, конечно, теряю также и весь строй социальности и культуры, короче говоря, весь конкретный мир есть для меня не сущий, но лишь феномен бытия»⁷.

Вводя феноменологическое эпохэ, определяемое Р. Декартом как *cogito*, Э. Гуссерль использует его для обозначения универсального запрещения по отношению к объективному миру. Феноменологическое эпохэ есть «все относящееся к миру, все пространственно-временное бытие <...> благодаря тому, что я испытываю его, воспринимая его, вспоминаю, сужу или как-либо мыслю о нем, оцениваю его или стремлюсь к нему»⁸.

Однако, постигая субъективность трансцендентальной философии, Р. Декарт с позиций феноменологии так и не сумел преодолеть границы истинной трансцендентальной философии. «Свободное эпохэ в отношении бытия <...> как раз и показывает этот величайший и удивительнейший из всех фактов <...> что я и моя жизнь остаются незатронутыми в своей бытийной значимости независимо от того, существует мир или нет, и вообще независимо от какого-либо по этому поводу решения. Если я в естественной жизни говорю: «Я есть, я мыслю, я живу», то это значит: Я, эта человеческая личность среди Других людей в мире, благодаря моему телу находящаяся в реальной связи природы, в которую теперь включены также и мои *cogitationes*, мои восприятия, воспоминания, суждения и т. д. как психофизические факты»⁹.

Следовательно, человек может вступать в трансцендентальный опыт, не удовлетворяясь смутным *ego cogito*. В то же время трансцендентальное эпохэ в отношении сущего мира со всеми узанными в опыте объектами как феноменами опыта составляет главную тему феноменологической дескрипции. «Следовательно, достигая последней мыслимой для опыта и познания точки зрения, в которой я становлюсь незаинтересованным созерцателем моего естественно-мирского Я и жизни Я, которое есть при этом лишь особая часть или особый слой моей раскрытой теперь трансцендентальной жизни»¹⁰.

Итогом размышлений в «Парижских докладах», затрагивающих кризис европейских наук, становится сравнение Э. Гуссерлем повседневной практической жизни с наивным опытом, благодаря которому происходит вживание в мир, при этом осуществляющий опыт не имеет ни малейшего представления ни о повседневной практической жизни: «...не знает он ничего и о работающем мышлении: числа, предикативные положения вещей, ценности, цели, творения появляются благодаря скрытой работе [сознания]»¹¹.

Аппрезентация опыта «Другого» Э. Гуссерлем развивается в «Картезианских размышлениях», самым своим названием определивших

генетическую связь с именем Р. Декарта, в латинском варианте звучащим как Картезий. Раскрывая трансцендентальность опыта «Другого», еще не осмысленного им как человеческий опыт, Э. Гуссерль определяет его лишь как способ осознания действительности применительно к опыту, в котором дан некий человек. Не осмысляя «Другого» как человека, Э. Гуссерль допускает его живое воплощение, поскольку ни переживания «Другого», ни его проявления не могут выступать изначальной данностью, что позволяет говорить об аппрезентации. В этом сочинении Гуссерль выводит из структуры сознания трансцендентальное *ego*, или «мое “Я”», оставаясь одним и тем же, проживает то или иное *cogito*. При этом поле опыта трансцендентального *ego* представляет сферы собственного опыта и опыта «Другого». Вводя понятие «Другой», Э. Гуссерль делает шаг в сторону от восприятия «Другого» посредством чувственного опыта. «Мы можем руководствоваться смыслом слова “Другой” – “Другое Я”; *alter* означает *alter ego*, и *ego*, которое здесь имплицитно содержится, это я сам, конституированный внутри моей собственной сферы первого порядка, и притом конституированный в своей единичности как психофизическое единство (первопорядковый человек) – как личное Я, непосредственно властвующее в моем (единственном) живом теле»¹².

При этом, подводя итог «Картезианских размышлений», Э. Гуссерль стремился показать необходимость исследования трансцендентального опыта посредством познания человеком опыта самого себя и опыта «Другого». Призывая довериться этому опыту в силу его жизненной очевидности, философ видел в нем «контуры необъятной проблематики» феноменологии как науки более высокой формации.

В «Амстердамских докладах» (1925) Гуссерль впервые обращается к осмыслению категории внутреннего опыта, подвергая критике Р. Декарта. По его убеждению, Декарт лишь приблизился посредством обоснования метода сближения к идее «чистого сознания», заложившей основы новоевропейской философии, но так и не сумел ее раскрыть, а лишь только «разбудил» трансцендентальную мысль.

В философской концепции Э. Гуссерля трансцендентальная мысль означает, что все вокруг является объективно реальным, следовательно, и мир, окружающий человека, может иметь «для нас бытие и так-бытие только как действительное и возможное *cogitatum* нашего собственного *cogitatio*, как возможное опытное содержание наших собственных опытов»¹³.

Апеллируя к Р. Декарту, Гуссерль формулирует два основных постулата существования трансцендентальной философии как строгой науки, выстраиваемой на почве опыта интерсубъ-

ективности. Первый метафизический постулат он связывал с данностью собственного трансцендентального опыта и бесконечной областью многообразных отдельных опытов. Второй затрагивал познание широты трансцендентально-феноменологического опыта, поле которого не ограничивается только собственным трансцендентально очищенным *ego* философствующего, но расширяется до раскрывающихся в этом *ego* благодаря трансцендентальному вчувствованию многообразных *alter ego* и трансцендентального открытого бесконечного Я-сообщества, которое в меняющейся ориентации трансцендентально оповещает о себе в каждом *ego*.

Подвергая анализу философские искания Э. Гуссерля относительно категории «опыт», было бы весьма логично задаться вопросом: что же в действительности искал Э. Гуссерль, обращаясь к философскому наследию Р. Декарта? Видел ли он в фигуре французского философа непримиримого оппонента или великого учителя? Логический поиск ответов на поставленные вопросы подводит к «Феноменологии», написанной Э. Гуссерлем для Британской энциклопедии и опубликованной после смерти философа в 1939 г. Несмотря на достаточно скромный объем, «Феноменология» далась Гуссерлю с невероятным трудом. В ней мы находим законченное определение феноменологии как науки, сформулированное с позиции радикальной феноменологии, единственным представителем которой он продолжал оставаться. С обозначенной в статье позиции все рациональные проблемы, которые по той или иной причине стали рассматриваться как «философские», имеют свое место в рамках

феноменологии, обнаруживаются в предельном источнике трансцендентального опыта. В этом утверждении «скрывается» причина настойчивого и последовательного рассмотрения философом категории опыта.

Завершая один из своих последних научных трудов, Э. Гуссерль связывал с феноменологической философией не только возможность постижения трансцендентальности человеческой «жизни», но и развитие основных тенденций древнегреческой философии с главенствующим мотивом философии Декарта. Именно в феноменологии он видел методическую основу, способную «вдохновить науку, которая не будет иметь пределов».

Примечания

- ¹ Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С. 101.
- ² Там же. С. 16.
- ³ Гуссерль Э. Парижские доклады // Логос. 1991. № 2. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 9.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Там же. С. 17.
- ¹² Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 121.
- ¹³ Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1994. № 5. С. 16.

УДК [502.5:1](0,75.8)

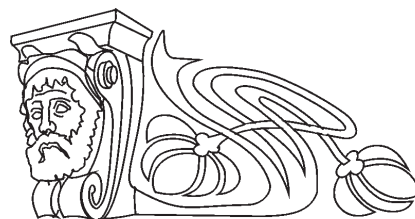
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЛАНДШАФТА КАК ПЕЙЗАЖА

Н. Я. Веретенников

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

В статье рассматриваются философский аспект восприятия ландшафта и отображение его в пейзаже. Особое внимание автор уделяет методологии исследования ландшафта и пейзажа, включающей междисциплинарность, синергичность, конвергентность, а также ментальный, сакральный характер этих феноменов.

Ключевые слова: ландшафт, пейзаж, окружающая среда, человек, философия, восприятие.

Philosophical Aspect of Perceiving Landscapes as Sceneries

N. Ya. Veretennikov

The article deals with the philosophical aspect of perceiving landscapes and reflecting the same in sceneries. The author pays particular attention to landscape and scenery research methodology, this methodology covering interdisciplinarity, synergy

С. П. Позднева более 20 лет возглавляет кафедру философии и методологии науки, все сотрудники которой имеют ученую степень доктора философских наук и должность профессора, и в этом ее несомненная заслуга. Она неоднократно выступала в качестве научного руководителя и оппонента на защитах диссертаций – например, в 2011/2012 учебном году один сотрудник кафедры защитил докторскую и двое – кандидатские диссертации. Светлана Павловна разработала и читает учебные курсы и спецкурсы «Философия», «Культурология», «Концепции современного естествознания», «Междисциплинарные понятия в структуре научного знания» для студентов естественных и гуманитарных факультетов СГУ.

С. П. Позднева имеет благодарность Федерального агентства по образованию «За большие успехи в научно-педагогической деятельности и многолетний плодотворный труд в системе высшего профессионального образования». В философском сообществе Поволжья Светлана Павловна зарекомендовала себя как специалист высокой квалификации, пользующийся уважением студентов и преподавателей.

Основными работами профессора С. П. Позднейвой являются: «Принцип симметрии и категория структуры в теории элементарных частиц» // Проблемы структуры в научном познании. Саратов, 1965 ; «К вопросу об эстетических критериях

оценки научных теорий» // Вопр. эстетики. Вып. 3. Саратов, 1969 ; «Интуиция как творческий акт с точки зрения системно-структурного анализа» // Методологические вопросы науки. Вып. 6. Саратов, 1978 ; «Диалектика и общенаучные понятия : философско-методологический анализ категориального строя науки». Саратов, 1987 ; «Наука как феномен культуры» // Цивилизация. Культура. Человек на пороге XXI века. Саратов, 1996 ; «Современный словарь междисциплинарных понятий : к деловому общению научных сообществ». Саратов, 2000 (в соавторстве с Г. В. Яковлевой и В. В. Афанасьевой) ; «Культурология. 1 часть. Истоки культуры». Саратов, 2001 (в соавторстве с В. Ю. Антоновым и Р. В. Масловым) ; «Концепции современного естествознания». Саратов, 2002 (в соавторстве с Е. Ю. Алтшулером и Р. В. Масловым) ; «Категориальный язык современной науки» // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2006. Т. 6. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1/2 ; «Образы научного языка». Саратов, 2009 ; «Человек в русле русской философии». Саратов, 2009 ; «История и философия науки» (в соавторстве). Саратов, 2010 и др.

Деканат и преподаватели философского факультета СГУ желают Светлане Павловне творческой активности и жизненной энергии, оптимизма и долголетия.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ РОЖКОВ: К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Vladimir Petrovich Rozhkov: 65th anniversary

Владимир Петрович Рожков – философ любви

*– А есть ли настоящие люди среди нас, рядом с нами?
– Есть, наверное...
– А вот хотя бы Рожков...*

17 октября исполняется 65 лет профессору, доктору философских наук, заведующему кафедрой религиоведения

и философской антропологии Владимиру Петровичу Рожкову. Сфера его научных интересов сегодня – история русской религиозной фило-

софии, проблемы культуры и цивилизации. Владимир Петрович – автор книг «Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания», «Абсолют любви», «Русское религиозное мировоззрение», соавтор учебников «История западной и русской философии», «Религиозная философия», монографий «Русская идея как выражение традиции: богословие, философия, литература», «Русская философия: единство и многообразие» и т. д. Он руководит работой целой научной школы студентов, аспирантов и соискателей.

В. П. Рожков обладает колоссальным опытом организационной и научно-исследовательской работы, он – один из инициаторов открытия религиоведческого отделения на философском факультете. Под его руководством сформировалась и прошла непростой путь становления кафедра религиоведения и философской антропологии, коллектив которой объединяет ведущих

профессоров и молодых ученых – выпускников философского факультета, многие из которых являются его учениками. Творческий ресурс кафедры позволяет находить оптимальные варианты совершенствования учебного процесса и открывать новые направления научных исследований. Кафедра успешно перешла на двухуровневую систему образования. В настоящее время открыта магистратура по истории русской философии (руководитель В. П. Рожков) и по религиозной и социальной антропологии (рук. В. А. Фриауф). Находятся на утверждении документы на открытие магистратуры по православной теологии и религиоведению (рук. В. П. Рожков). Кафедра, руководимая Владимиром Петровичем, активно участвует в грантовой деятельности.

В. П. Рожков родился в селе Перелюб Перелюбского района Саратовской области, в детстве самым близким и любимым человеком была мама Татьяна Федоровна. Именно в ней воплотился для него образ материнской жертвенной любви. С детства он любил читать книги, представляя сказочных героев в играх с друзьями. Как и у всех мальчишек, в его воображении возникали образы русских богатырей, защищающих родную землю; по вечерам, затаив дыхание, слушали воспоминания фронтовиков – соседей по дому. Послевоенный двор в небольшом районном городке Ершов, в который переехали Рожковы, жил, как одна семья, именно здесь появились первые верные друзья.

Володя переходил из класса в класс с похвальными грамотами. Всегда первым его называли, когда избирали членов совета дружины и комитета комсомола школы. Значительным событием для него стало участие в школьном ансамбле «Юность», в котором он был солистом и с которым проехал от ершовских степей до Урала. Душой ансамбля был любимый всеми учениками Н. М. Кадушкин, фронтовик, замечательный педагог, творческая личность. Еще в школе на одном из концертов Владимир познакомился с девушкой Наташей, которая позже стала его женой. Всем мальчишкам на зависть он умел водить машину – однажды вернулся с отцом из дальней поездки сияющий: отец баранку доверил. Но настоящей страстью его была и остается рыбалка: без улова никогда домой не приходил.

В городской суете Владимир Петрович часто вспоминает эти часы, проведенные среди деревенской природы, и рассказывает так, что я почти ощущаю свежесть предзарященного утра и вижу его, притаившегося на мостках, терпеливо ждущего своего рыбацкого счастья.

После школы Владимир Рожков заканчивает техникум электронного приборостроения, проходит практику на заводе, но понимает, что это не его дело. Однажды он заявляет: «Иду на исторический... история может быть далека от техники, но мне она близка». «Гены» взяли свое – отец, Петр Лукьянович – заслуженный учитель РФ, историк, отдавший школе сорок лет, начинал свою просветительскую деятельность с борьбы

с неграмотностью. В Великую Отечественную войну прошел он самые трагические 1941 и 1942 годы, был тяжело ранен под Воронежем в контратаке в июле 1942 года. Именно этот период войны представляет для Владимира Петровича постоянный и больше чем научный интерес.

Когда Владимир принес документы на кафедру, Владимир Иванович Кац, секретарь приемной комиссии, долго беседовал с абитуриентом, узнав о его интересе к археологии. В. Рожков снова стал студентом... По его словам, это были самые счастливые годы. «Володю, хотя он учился и не на нашем курсе, многие знали. А кто знал, не мог его не полюбить. Он, действительно, стоящий парень», – писали товарищи. Ожидала его и еще одна радость: его школьная любовь Наташа согласилась стать его женой, а еще через два года он стал отцом – у них родилась дочь.

Уже студентом Владимир Рожков находит оригинальную взаимосвязь истории естественных и точных наук, занимается археологией и философией в кружке Тамары Константиновны Никольской – так начался путь Ученого.

Когда он был на третьем курсе, ему неожиданно предложили помочь школе в Екатерининском районе и поработать учителем истории. Десятиклассники, конечно, устраивали «проверки»: то о какой-нибудь книге спросят, то каверзный вопрос зададут. Но экзамен на «зрелость» Владимир сдал успешно. Старшие классы для молодого педагога – это посвящение. Очевидно, что этими каверзными вопросами Владимир Петрович заразился на всю жизнь. К нам в первую саратовскую гимназию он пришел уже с сединой, но сколько накопил этих вопросов! Хотя Владимир Петрович почему-то не рассказывал самого интересного, – как три года они с однокурсниками ездили в археологические экспедиции от Ленинградского отделения Всесоюзного института археологии и проводили раскопки греческих сельских усадеб на полуострове Тарханкут. Владимиру Рожкову тогда поручили опробовать метод электроразведки с группой ленинградских студентов: здесь-то и пригодились знания по электротехнике.

На пятом курсе Владимира избрали секретарем комитета комсомола университета, но самые яркие воспоминания комсомольской юности связаны у него со стройотрядами. Это была настоящая, напряженная работа, в которой проявлялась сущность человека, завязывалась дружба. С особой теплотой он вспоминает интернациональный стройотряд «Юность», командиром которого был.

Особый период у Владимира Рожкова начался со студенческой работы «Человек и техника в системе управления обществом»: эта тема увлекла его всерьез и была положена в основу диссертации. В 1974 г. он оканчивает исторический факультет. Отличник, именной стипендиат в годы учебы, Владимир Петрович Рожков таковым и остался – упорным, верным делу и цельным как в научном поиске, так и в любви. Семья Владимира Петровича – это

не только любимая супруга Наталья Дмитриевна, дочь Лилия, внук, но и – друзья, ученики. Вначале не понимаешь, почему к тебе отнеслись как к родному, смотришь недоверчиво, силясь улыбнуться: может, это прием такой? А потом понимаешь, что просто все мы для Владимира Петровича близкие, родные, в какой-то мере – дети.

Его манера говорить – спокойно, убедительно, как бы рассуждая с самим собой – всегда поражает даже тех, кто знает его много лет. Он все делает «без шума и треска», спокойно, но не равнодушно. Ну разве сможет он, например, «нажать»? Оказывается – может. И заставить, и потребовать, и строго поговорить. Делает он все не быстро, зато основательно. Можно сказать, что трудолюбие доведено у него до высшей степени.

Около тридцати лет Владимир Петрович отдал Саратовскому госуниверситету, именно его он считает школой жизни, научного творчества и духовного прозрения. В начале 1990-х гг. Владимир Петрович включает в сферу научного интереса проблемы общественного сознания и цивилизационной динамики, начинает разрабатывать вопросы истории отечественной философии и русского религиозного мировоззрения, активно участвует в разворачивающейся дискуссии о роли русской интеллигенции и отечественной религиозной философии в гуманистической переориентации общественного сознания, заявляя о своей позиции в специальных изданиях, местной прессе, по телевидению, на научных конференциях регионального, всероссийского и международного уровня, в том числе и на Первом российском философском конгрессе в Санкт-Петербурге (1997). В январе 1999 г. в СГУ он защищает докторскую диссертацию на тему «Цивилизационная нормативно-ценностная ориентация общественного сознания».

В основе разработанной им концептуальной реконструкции духовно-нравственных приоритетов русской религиозной философии выделяется абсолют любви, добра и жизнотворения. Такая точка зрения позволяет ему обозначить алгоритм этизированной рациональности в русском философско-религиозном миропонимании и выявить нравственно-виталистические составляющие мировоззренческой переориентации общественного сознания в условиях повышения риска массовой моральной деградации. Одновременно Владимир Петрович занимается широкой педагогической и философско-просветительской деятельностью. С сентября 1975 г. он преподает, пройдя все ступени квалификационного роста от ассистента до профессора, освоив все виды учебно-педагогической деятельности, и постоянно совершенствует лекторское мастерство, разрабатывает новые курсы и спецкурсы. Им подготовлены для студентов философского, культурологического и религиозно-философского отделений учебные курсы, посвященные истории русской философии, социальной философии, культуре Серебряного века, философии политики, социологии культуры, религиозной

философии, социологии религии, свободе совести, методологии философии истории, социальным идеям русской философии, а также спецкурсы по философии русской идеи, мировоззрению Древней Руси, общественному сознанию и религиозному мировоззрению. Содержание его лекционных курсов отражено в учебных пособиях «Философия политики» (Саратов, 2001), «Русское религиозное мировоззрение. Курс лекций» (Саратов, 2005), «История русской философия (курс лекций)» (Саратов, 2006, в соавторстве с В. Н. Беловым) и др. Курс лекций по истории русской философии опубликован под грифом учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию РФ и награжден дипломом в номинации «Лучшее учебное издание по гуманитарным наукам» Первого приволжского регионального конкурса «Университетская книга – 2007». Об интенсивности и качестве его учебно-методической и научной деятельности свидетельствует тот факт, что под его руководством выполнено более 30 дипломных работ и защищено 9 кандидатских и докторских диссертаций. В апреле-мае 2004 г. им проведен мастер-класс на тему «Русская религиозная философия: В. С. Соловьев и Ф. М. Достоевский» на английском языке в университете Турина (Италия). В 2007–2008 гг., участвуя в инновационной образовательной программе Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского по специальности «Религиоведение», он разработал электронный учебно-методический комплекс по дисциплине «История философии: история отечественной философии».

Своими знаниями, методическим опытом Владимир Петрович всегда готов поделиться с коллегами: он читает циклы лекций, спецкурсы в школах, гимназиях Саратова, выступает перед учителями. Свою задачу в научной и просветительской работе он усматривает в раскрытии и распространении идеи приоритетности нравственно-ценностных оснований мировидения, являющейся лейтмотивом русской философско-религиозной мировоззренческой традиции.

Самым дорогим для Владимира Петровича, наряду с философией, книгами, коллегами, учениками, общением с друзьями, являются семья и природа, особенно Волга и заволжская степь, дающая ощущение воли, свободы. Студенты его уважают за желание слушать, за стремление во всем разобраться:

– Владимиру Петровичу невозможно отказать. И не сделать нельзя. Ругать, может быть, не станет, а так посмотрит – совесть замучит!

– Когда Рожков рядом, как-то легче дышится. Он может многое, и тебе кажется, что ты тоже на многое способен.

Использованы материалы: интервью и материалы семейного архива; «Ровесники, ровесницы». Приволжское книжное издательство. Саратов, 1975; материалы сайта www.sgu.ru

PERSONALIA

СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА ПОЗДНЕВА: к 75-летию со дня рождения

Svetlana Pavlovna Pozdneva: 75th anniversary

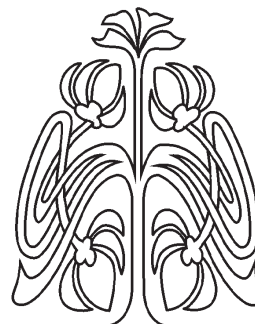
Светлана Павловна Позднева – известный в Саратове специалист по онтологии и теории познания, а также методологии науки. Она много лет заведует кафедрой философии и методологии науки Саратовского государственного университета, окончила физический факультет Саратовского государственного университета (1960), аспирантуру на кафедре философии и защитила диссертацию на тему «Методологическое значение принципа симметрии в современной физике» (1967), с 1964 г. работает в Саратовском государственном университете (в 1979–1980 гг. работала

преподавателем-консультантом философского факультета Гаванского университета на Кубе). В 1989 г. докторскую диссертацию на тему «Категориальный строй современной науки: генезис, функции, перспективы развития» Светлана Павловна защитила в Москве, была ответственным редактором сборников «Русская философская мысль конца XIX – начала XX в.» (Саратов, 1981), «Наука и культура» (Саратов, 2000), «Наука. Ценности. Человек». (Саратов, 2001), «Философия науки: идеи, проблемы, перспективы развития» (Саратов, 2002).

С. П. Позднева известна научной общественности как один из первых специалистов по междисциплинарному знанию, автор учебников «Концепции современного естествознания» (Саратов, 2002, 13 п. л.), «Культурология» (Саратов, 2001, 20 п. л.) и др. Всего на сегодняшний день ею опубликовано 130 работ, в том числе 6 монографий (3 в соавторстве), подготовлено 15 докторов и кандидатов философских наук. С. П. Позднева является членом двух диссертационных советов – диссертационного совета Д 212.243.09 (по специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания») и диссертационного совета ДМ 212.242.12 (по специальности 24.00.00.01 «Теория и история культуры»), – входит в редколлегию журнала «Известия Саратовского университета», она – член Ученого совета факультета философии СГУ.

Основные темы исследований С. П. Позднейвой – категориальный аппарат науки и аксиологические детерминанты научного поиска, в рамках развиваемой ею концепции утверждается единство генетического, структурного, функционального, методологического и аксиологического общенаучных понятий. На этой основе ею разрабатывается теоретическая модель системы общенаучных понятий.

В энциклопедическом словаре П. В. Алексеева «Философы России XXI в.» (М., 2009) С. П. Позднева названа в ряду известных философов современности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

С. П. Позднева более 20 лет возглавляет кафедру философии и методологии науки, все сотрудники которой имеют ученую степень доктора философских наук и должность профессора, и в этом ее несомненная заслуга. Она неоднократно выступала в качестве научного руководителя и оппонента на защитах диссертаций – например, в 2011/2012 учебном году один сотрудник кафедры защитил докторскую и двое – кандидатские диссертации. Светлана Павловна разработала и читает учебные курсы и спецкурсы «Философия», «Культурология», «Концепции современного естествознания», «Междисциплинарные понятия в структуре научного знания» для студентов естественных и гуманитарных факультетов СГУ.

С. П. Позднева имеет благодарность Федерального агентства по образованию «За большие успехи в научно-педагогической деятельности и многолетний плодотворный труд в системе высшего профессионального образования». В философском сообществе Поволжья Светлана Павловна зарекомендовала себя как специалист высокой квалификации, пользующийся уважением студентов и преподавателей.

Основными работами профессора С. П. Позднейвой являются: «Принцип симметрии и категория структуры в теории элементарных частиц» // Проблемы структуры в научном познании. Саратов, 1965 ; «К вопросу об эстетических критериях

оценки научных теорий» // Вопр. эстетики. Вып. 3. Саратов, 1969 ; «Интуиция как творческий акт с точки зрения системно-структурного анализа» // Методологические вопросы науки. Вып. 6. Саратов, 1978 ; «Диалектика и общенаучные понятия : философско-методологический анализ категориального строя науки». Саратов, 1987 ; «Наука как феномен культуры» // Цивилизация. Культура. Человек на пороге XXI века. Саратов, 1996 ; «Современный словарь междисциплинарных понятий : к деловому общению научных сообществ». Саратов, 2000 (в соавторстве с Г. В. Яковлевой и В. В. Афанасьевой) ; «Культурология. 1 часть. Истоки культуры». Саратов, 2001 (в соавторстве с В. Ю. Антоновым и Р. В. Масловым) ; «Концепции современного естествознания». Саратов, 2002 (в соавторстве с Е. Ю. Алтшулером и Р. В. Масловым) ; «Категориальный язык современной науки» // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2006. Т. 6. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 1/2 ; «Образы научного языка». Саратов, 2009 ; «Человек в русле русской философии». Саратов, 2009 ; «История и философия науки» (в соавторстве). Саратов, 2010 и др.

Деканат и преподаватели философского факультета СГУ желают Светлане Павловне творческой активности и жизненной энергии, оптимизма и долголетия.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ РОЖКОВ: К 65-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Vladimir Petrovich Rozhkov: 65th anniversary

Владимир Петрович Рожков – философ любви

*– А есть ли настоящие люди среди нас, рядом с нами?
– Есть, наверное...
– А вот хотя бы Рожков...*

17 октября исполняется 65 лет профессору, доктору философских наук, заведующему кафедрой религиоведения

и философской антропологии Владимиру Петровичу Рожкову. Сфера его научных интересов сегодня – история русской религиозной фило-

софии, проблемы культуры и цивилизации. Владимир Петрович – автор книг «Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания», «Абсолют любви», «Русское религиозное мировоззрение», соавтор учебников «История западной и русской философии», «Религиозная философия», монографий «Русская идея как выражение традиции: богословие, философия, литература», «Русская философия: единство и многообразие» и т. д. Он руководит работой целой научной школы студентов, аспирантов и соискателей.

В. П. Рожков обладает колоссальным опытом организационной и научно-исследовательской работы, он – один из инициаторов открытия религиоведческого отделения на философском факультете. Под его руководством сформировалась и прошла непростой путь становления кафедра религиоведения и философской антропологии, коллектив которой объединяет ведущих

мотивационной направленности на творческую деятельность; зрелости познавательной потребности, укрепления любознательности и перерастания ее в целенаправленную познавательную и творческую деятельность;

когнитивной готовности (качества знаний, умений и навыков) и степени вовлеченности в творческую деятельность, собственной исследовательской активности;

потребности в поисковой активности, эвристического потенциала выполняемой работы, полноты выполнения авторской исследовательской программы;

степени рефлексии (осмысления собственного сознания и своих действий, самопознания, самооценки, самовыражения); соотношения целей и результатов, коррекции, выявления ошибок и затруднений.

В качестве показателей (обобщенной характеристики свойств какого-либо объекта), характеризующих уровни сформированности потребности в творческой деятельности, нами выделены следующие:

развитость способностей, обеспечивающих эффективность творческой деятельности (умение анализировать, выделять главное, логически связно описывать явление, давать определения, доказывать, классифицировать, систематизировать; эвристические способности; генерация идей, ассоциативность мышления, способность видеть противоречие, проблему);

креативность знаний, процедур их получения (инициативность, проявление творческой активности и самостоятельности), высокий уровень познавательной потребности;

сформированность способности самоуправления и саморегуляции в ходе творческой деятельности (внутренняя готовность реализовать функцию управления деятельностью, взять на себя ответственность за достижение этой цели);

развитость коммуникативно-творческих способностей (способности аккумулировать и использовать творческий опыт других, сотрудничать в процессе творческой деятельности, избегать конфликтов и разрешать их).

Указанные критерии и показатели позволяют дифференцировать уровни сформированности потребности в творческой деятельности у учащихся в процессе интерактивного обучения.

Примечания

- 1 См.: *Тырсин Д. Г.* Технология формирования потребности в творческой деятельности в процессе интерактивного обучения // Научное творчество XXI века : сб. статей (по итогам V Междунар. науч.-практ. конф.) : в 3 т. / науч. ред. Я. А. Максимова. Красноярск, 2012. Т. 1. С. 268–272.
- 2 См.: *Абдулаева О. А.* Уровни познавательной деятельности учащихся при решении учебных задач // Вестн. Красноярск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2/3. С. 99.
- 3 См.: *Гафитулин М. С.* Уровни творчества или рождение новизны. URL: <http://www.trizminsk.org/e/23201.htm> (дата обращения: 2.03.2012).
- 4 См.: *Горбунова Т. И.* Влияние информационных коммуникационных технологий на познавательную активность школьников // Электронный сетевой журнал «Вопросы интернет-образования». URL: http://vio.uchim.info/Vio_59/cd_site/articles/art_4_3.htm (дата обращения: 2.03.2012).
- 5 См.: *Ханаев М. Х.* Развитие творческих способностей старшеклассников в условиях дополнительного образования // Вестн. Ставропольск. гос. ун-та. Ставрополь, 2007. № 48. С. 172–173.
- 6 См.: *Юркевич В. С.* Развитие начальных уровней познавательной потребности у школьника // Вопр. психологии. 1980. № 2. С. 84–85.

УДК 338.2:316

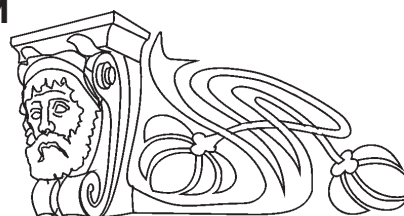
ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

О. В. Скорикова

Саратовский государственный университет
E-mail: olgaolga87@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов проблемы ответственности в деятельности управленческих кадров; проведен анализ сущности понятия «ответственность», на основе которого определены содержание и структура данного феномена.

Ключевые слова: управленческая деятельность, ответственность, ответственное отношение.

Responsibility Problem in Activity Administrative Shots

O. V. Skorikova

The article is devoted consideration of theoretical aspects of a problem responsibility in activity of administrative staff. The essence analysis is carried out concept «responsibility» which basis on maintenance and structure of this phenomenon are defined.

Key words: administrative activity, responsibility, responsible relation.

В условиях существенных преобразований в социально-экономической и социокультурной сферах, качественного изменения ценностей и потребностей нашего общества резко возросли роль и значение подготовки специалистов управленческого профиля, обладающих высоким уровнем общей и профессиональной культуры, способных к творческому саморазвитию, продуктивной деятельности в соответствии с профессиональной функциональностью, социальными приоритетами и индивидуальными потребностями. В настоящее время это становится возможным только в условиях проведения кардинальных изменений в системе управленческого образования, повышения психолого-педагогической культуры его субъектов на всех этапах подготовки будущих управленческих кадров.

В современной социокультурной, политической и экономической ситуации в России возрастает социальный заказ на подготовку управленческих кадров, обладающих готовностью к решению профессиональных задач в условиях рыночных отношений. Особую значимость приобретают задачи управления производством, менеджмента, обеспечения эффективности принятия управленческих решений в ситуациях временного и ресурсного дефицита, противоречивости поступающего объема информации.

Принятие управленческих решений требует ответственного подхода, последовательного проведения принципов приоритетности человека и общечеловеческих ценностей. Основными качествами менеджера, занимающегося управленческой деятельностью, являются: умение брать на себя ответственность в ситуациях, сопряженных с принятием и реализацией управленческих решений, инициативность, самостоятельность, способность устанавливать горизонтальные и вертикальные управленческие связи, знание своих внутренних ресурсов, уверенность в правильности управленческого выбора.

В этих условиях вектор профессиональной подготовки будущих менеджеров должен быть направлен прежде всего на формирование у них ответственного отношения к профессиональной деятельности в целом и принятию управленческих решений в частности, обеспечивая функционирование института управленческой деятельности как социально-профессиональной и нравственно-этической системы, сферы приложения личностных качеств менеджеров как ее активных субъектов.

Термин «ответственность» (от лат. *respondere* – отвечать) стал употребляться в русском языке во второй половине XIX в. Русское «ответственность», немецкое «*verantwortlichkeit*»,

английское «*responsibility*» означают «держать ответ», «давать отчет», «быть притянутым к ответу»¹. В «Словаре современного русского литературного языка» ответственность определяется как «возлагаемое на кого-либо или взятое кем-либо обязательство отчитываться в каких-нибудь своих действиях и принять на себя вину за возможные их последствия»². В данном определении речь идет об обязательствах, под которыми понимаются «обещание или договор, требующие от принявшего их безусловного выполнения». В подобной трактовке ответственность затрагивает лишь конечный этап деятельности субъекта и выполняет функцию контроля и возложения вины на основании «обязательства отчитываться за действия» и «обязательства принять на себя вину за последствия своих действий». Однако если рассмотреть приведенные в словаре примеры употребления понятия «ответственность», то его объем расширяется: 1) брать, принимать на себя ответственность; 2) ответственность лежит на ком-либо, падает на кого-либо; 3) нести ответственность за кого-, что-либо; 4) слагать, снимать с себя, с кого-либо ответственность; 5) привлекать к ответственности. Следует отметить, что все действия, связанные с понятием ответственности, предполагают активность субъекта вне зависимости от того, взял он на себя ответственность сам или она была навязана ему извне; в этом смысле ответственность, принятая субъектом на основании обязательств, предполагает осознанную активность субъекта.

По мнению Н. А. Минкиной, «ответственность представляет собой аспект любых отношений, в которых реально находятся люди, реализующие как субъекты сознательных действий объективно возлагаемые на них обязанности»; в категориальном отношении Н. А. Минкина определяет ответственность как «философско-социологическую категорию, которая отражает объективно необходимые взаимоотношения между личностью, коллективом, обществом, выражающие исторический характер их взаимных обязанностей, реализующихся в сознательном и волевом поведении и деятельности»³. Здесь следует отметить: вне зависимости от того, что отношения ответственной зависимости фиксируются как аспект объективных связей, само понятие ответственности может быть применимо только к анализу таких объективных связей, в которые вступают субъекты сознательных действий.

По мнению Л. И. Диментий, ответственность является ресурсной личностной характеристикой. Определяя ресурсы личности как такие характеристики, качества человека, наличие которых обеспечивает ему конструктивное отношение к жизни, способность разрешать противоречия и жизненные трудности, достигать успеха, Л. И. Диментий делает акцент на том, что

благодаря ответственности человек способен соотносить и соизмерять свои способности и возможности с требованиями внешней среды, общества и других людей⁴.

К. А. Абульханова-Славская считает, что ответственность является центральной личностной характеристикой, определяющей стиль жизни, дающей возможность личности оптимальным способом разрешать противоречия и трудности жизни⁵. Она говорит о гарантированном достижении ответственной личностью результата своими силами, невзирая на непредвиденные обстоятельства и трудности. Вместе с тем она выдвигает комплекс существенных характеристик ответственности личности: самостоятельность, уверенность, способность к самоконтролю, обращенность требований к самому себе, готовность к преодолению трудностей, независимость от окружающих, их оценок и влияния, способность оценивать свои возможности и недостатки. При этом ответственность предполагает наличие контроля деятельности субъекта на разных ее этапах, характеризуя ответственность либо с позиции общества (внешние санкции), либо с позиции самого субъекта ответственности (внутренняя ответственность). В первом случае ответственность выступает как средство внешнего контроля и внешней регуляции деятельности личности, которая выполняет должное вопреки своему желанию. Во втором речь идет об ответственности, которая отражает отношение к должному самого субъекта, его активность и готовность осуществлять должные действия (ответственность служит здесь средством внутреннего контроля и внутренней регуляции деятельности личности, которая выполняет должное сознательно и добровольно).

Определяя структуру ответственности, Н. А. Минкина выделяет несколько постулатов: 1) нельзя структурировать ответственность, учитывая лишь отношения личности и общества и исключая многочисленные личные и межличностные отношения; 2) такая структура подразумевает объективные социально-экономические, политические, социокультурные и иные связи, которые складываются в реальных условиях общественной жизни, из них вытекают вполне определенные обязанности и ответственность за их реализацию; 3) структурировать ответственность можно в зависимости от субъекта – носителя объективных отношений ответственной зависимости⁶.

Анализируя структуру ответственности мы будем исходя из последнего постулата, говоря о субъекте ответственных действий как деятелем, реализующем объективные отношения ответственной зависимости. При этом отметим, что ответственное отношение личности к принятию управленческих решений представляет

собой объективное отражение связи менеджера и других субъектов управленческой деятельности на основе приоритета его нравственной позиции, управленческой компетентности и самостоятельности в управленческих действиях.

Н. А. Минкина в структуре ответственности отмечает три компонента: познавательный, волевой и практический (ответственное поведение и ответственная деятельность)⁷; Г. В. Атаманчук выделяет материальную, моральную (нравственную), политическую, юридическую ответственность⁸; В. Н. Козин и С. В. Литягина структуру ответственности образуют из свободы воли, осознания долга, внутренней мотивации и мер внешнего воздействия на человека⁹. Мы придерживаемся последней точки зрения на структурирование феномена ответственности, полагая, что в условиях управления и принятия управленческих решений она наиболее приемлема. Вместе с тем подчеркнем, что, соглашаясь с авторами в целом по вопросу о структуре ответственности, в качестве интегрирующего начала в деятельности менеджера и в структуре ответственности мы выделяем нравственный компонент (нравственную ответственность) как понимание менеджером нравственных требований общества, общественной необходимости выбираемого решения, глубинного смысла намечаемых действий и их последствий для себя, коллектива сотрудников, социальной группы и всего общества, самостоятельность (автономность, независимость) личности и компетентность.

Управленческая деятельность по своим функциям, общественной значимости, интеллектуальной и психофизиологической нагрузке является одной из самых сложных и ответственных ввиду ее социальной обусловленности и вариативности принимаемых специалистом решений, основанных на профессиональном опыте и личностной компетентности в поле действия социально-нравственных норм, регулирующих роль которых становится сегодня важнейшим фактором повышения эффективности и авторитета управленческой деятельности. Очевидно, что именно нравственные нормы являются основным регулятором профессиональной деятельности специалистов управленческого профиля, обеспечивая функционирование института управления как социально-профессиональной и морально-нравственной системы, сферы приложения личностных качеств менеджеров как ее субъектов.

Ситуации, в которых приходится действовать менеджерам, исполняя свои обязанности в соответствии с профессиональным предназначением, требуют высокого уровня моральной ответственности, четко выраженной нравственной позиции по отношению к различным сферам

общественного бытия, оказывающимся в круге профессиональных интересов специалистов управленческого профиля. Формирование ответственного отношения личности будущего менеджера к принятию управленческих решений – сложный и длительный процесс, требующий творческого подхода всего коллектива управленческого вуза, системности и непрерывности воспитательного воздействия на личность студента с учетом специфики предстоящей профессиональной деятельности и спектра формируемых качеств личности. Процесс формирования у студентов управленческого вуза ответственного отношения к принятию управленческих решений в русле общих закономерностей и принципов формирования личности как таковой включает определенную систему взаимообусловленных и взаимодействующих факторов – внешних и внутренних, интенсивных и экстенсивных, поступающих из различных по значимости источников и детерминирующих превращение потока информации в установки ответственности и ориентации на определенные

формы поведения в процессе принятия и реализации управленческих решений.

Примечания

- ¹ См.: Канке В. А. Этика ответственности. М., 2003.
- ² Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М., 1959. Т. 8. 1840 стб.
- ³ Минкина Н. А. Воспитание ответственностью : учеб. пособие. М., 1990.
- ⁴ Диментий Л. А. Типология ответственности и личностные условия ее реализации : дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
- ⁵ См.: Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1986.
- ⁶ См.: Минкина Н. А. Указ. соч.
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. 4-е изд., стер. М., 2006.
- ⁹ См.: Кодин В. Н., Литягина С. В. Как работать над управленческим решением. Системный подход : учеб. пособие. М., 2008.

ляли по результатам комплекса тестов, характеризующих уровень развития основных физических качеств (гибкость, выносливость, быстрота, сила, скоростно-силовые способности). Уровень технической подготовленности определялся методом экспертной оценки в процессе прохождения каждого физкультурно-спортивного вида в результате сравнения индивидуально демонстрируемой техники выполнения упражнения с эталонной. Психологическая составляющая включала оценку психической напряженности студентов в процессе исполнения роли педагога на учебных занятиях в вузе и во время производственной практики в школе (по результатам модифицированного теста стресс-толерантности Б. С. Рашелла и определения напряжения регуляторных систем организма, проводимого на основе математического анализа динамической электрокардиограммы по методике Р. М. Баевского). Результаты каждой составляющей оценивались по пятибалльной шкале.

Коэффициент профессиональной готовности (КПГ) определялся нами для каждого студента по формуле

$$\text{КПГ} = \frac{\sum \text{СПГ}}{\text{МВО}},$$

где $\sum \text{СПГ}$ – сумма оценок, характеризующих различные стороны профессиональной готовности; МВО – максимально возможная сумма оценок.

Таким образом, предлагаемый нами дифференцированный подход позволит увеличить профессионально-педагогическую составляющую

в процессе изучения физкультурно-спортивных дисциплин, а объективный мониторинг – оценить степень эффективности данного педагогического подхода в обучении студентов.

Примечания

- 1 См.: *Абдуллина О. А.* Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. М., 1990.
- 2 Там же.
- 3 См.: *Кравченко А. В.* Теоретико-методические основы формирования навыка физкультурно-оздоровительной работы в подготовке будущего учителя : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2007.
- 4 См.: *Поварницын А. П.* Ценностные ориентации специалистов по физической культуре и спорту на этапе обучения в вузе // Теория и практика физической культуры. 2005. № 12. С. 22–26.
- 5 См.: *Багина В. А.* Профессиональная готовность студентов к педагогической практике // Там же. 2005. № 9. С. 48–51.
- 6 См.: *Бурухин С. Ф., Незнакомова Е. Ю.* Дифференцированный подход на уроках физической культуры в женской гимназии // Ярославский пед. вестн. 2010. № 3. С. 86–89.
- 7 См.: *Адеев С. А.* Индивидуально-дифференцированный подход в физическом воспитании студентов вуза в условиях Кольского Заполярья : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Мурманск, 2000.

УДК 37.373

ПОКАЗАТЕЛИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ПОТРЕБНОСТИ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Д. Г. Тырсин

Саратовский государственный университет
E-mail: fimit@rambler.ru

Творческая деятельность и интерактивное обучение – важные составляющие современного учебно-воспитательного процесса. В статье предложен критериально-диагностический аппарат, включающий уровни, критерии и показатели, определяющие степень сформированности потребности в творческой деятельности у учащихся средних общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: потребность, творческая деятельность, интерактивное обучение, уровни, критерии, показатели.

Indexes and Levels of Formed Necessity in Creative Activity of Students in the Process of Interactive Teaching

D. G. Tirsin

Creative activity and interactive teaching are important components of modern teaching process. The criterias and diagnostic parameters

including levels, criterias and indexes which determining the degrees of formed necessity in creative activity of students of general education schools are suggested.

Key words: necessity, creative activity, interactive teaching, levels, criterias, indexes.

В условиях быстро меняющейся действительности современному обществу нужен выпускник самостоятельно и критически мыслящий, умеющий видеть и творчески решать возникающие проблемы, творчески реализовать себя. На первый план выдвигается задача развития личности учащегося на основе его внутреннего потенциала. Если интеллектуальный потенциал выступает как

способность человека осуществлять адекватную жизнедеятельность в конкретном социальном окружении, помогает адаптации к определенным условиям, то творческий выступает в качестве предпосылки и условия для саморазвития, осуществления деятельности, цель которой в выражении самости, утверждении субъектности.

Поэтому в организации учебно-воспитательного процесса особенно востребованы те виды деятельности, в ходе которых развивается личность и формируется ее устойчивая потребность в разностороннем творчестве. В период развития рыночной экономики востребована активная творческая деятельность всех слоев общества, и особенно актуальна проблема реализации творческих начал в период обучения. От того, как будут формироваться в школе элементы творческой деятельности, во многом зависит будущее нашего общества.

Главной задачей, стоящей перед педагогами, является всестороннее содействие становлению и развитию индивидуальности каждого учащегося, объектом пристального внимания при этом становится личность с её внутренним миром, интересами, потребностями, творческими возможностями. Естественно, на первый план выдвигается проблема обеспечения нового подхода к организации обучения, акценты в котором должны быть смещены с простой трансляции знаний на развитие и реализацию сущностных сил ученика.

Проблема целенаправленного формирования потребности в творческой деятельности является сложной и многогранной: такая деятельность охватывает многие стороны учебного процесса. Она выступает и целью формирования личности, и результатом, обусловленным способом организации учебной деятельности, и средством повышения эффективности процесса обучения. Для достижения этого результата необходимо пересмотреть имеющиеся и создать специальные методики решения творческих задач и активизации творческого потенциала, осуществить переход на формы и методы обучения, способствующие развитию творческой самостоятельности индивида. В настоящее время наиболее актуальным и эффективным является использование в школьной практике разнообразных возможностей интерактивного обучения.

Нами была разработана педагогическая технология формирования у учащихся потребности в творческой деятельности, основанной на принципах интерактивного обучения¹. Под интерактивным обучением понимается сложный, разноплановый и многоэтапный процесс познания в условиях становления и развития диалогового взаимодействия и партнерства участников процесса обучения в группах сменного состава.

Методическая суть интерактивного обучения состоит в том, что учащийся играет равноправную роль в процессе обучения, выступает его субъек-

том, несмотря на то что исходно ученик обладает меньшими знаниями и опытом их применения, чем педагог. Однако постоянное его нахождение в ситуации, когда он должен активно искать и перерабатывать нужную для выполнения учебного задания информацию, осваивать способы использования новых знаний, обеспечивает, с одной стороны, тренинг умений и навыков творческого напряжения, с другой – выработку моральной и психологической готовности к систематическому вхождению в это состояние, а также удовлетворение от успешного выполнения таких учебных заданий, что позволяет сформировать устойчивую потребность в творческой деятельности.

Педагогический эксперимент по апробации авторской технологии проходил в условиях учебно-воспитательного процесса в гимназии № 5 г. Саратова. Важнейшим в апробации педагогической технологии явилось наличие конкретных результатов, однако наиболее существенную роль играет определение качественных уровней сформированности потребности в творческой деятельности, их критериев и показателей на основе анализа работ О. А. Абдулаевой², М. С. Гафитулина³, Т. И. Горбуновой⁴, М. Х. Хапаева⁵, В. С. Юркевич⁶ и других авторов. Существует несколько качественных уровней потребности в творческой деятельности.

Нулевой (низкий или начальный) уровень. Интерес к творческой деятельности проявляется без осознания ее необходимости и значимости; потребность связана с впечатлениями, поступающими извне, выражается в стремлении индивида к новым стимулам; не сформирована система убеждений и установок на реализацию творческого потенциала. Познавательная активность на этом уровне еще мало дифференцирована, нет стремления к получению новых знаний; отсутствуют понятия об основных закономерностях, этапах, приемах и способах творческой деятельности; способность осуществлять отбор и классификацию материала для такой деятельности не проявляется. Осознание проблемы и выдвижение гипотезы учащиеся осуществляют совместно с учителем, слабо проявляют самостоятельность на этапе поиска решения; пассивны, с трудом включаются в творческую деятельность; частично владеют способами творческой деятельности. Отсутствуют или слабо развиты активность и самостоятельность; не происходит осмысления собственных творческих действий и их закономерностей, самопознание, самооценка и самовыражение отсутствуют; отсутствует владение знаниями и умениями, приемами для осуществления анализа ситуации; способности к рефлексии не сформированы. В групповой работе такие ученики занимают позицию исполнителя, у них не сформирован навык работы в диалоговом режиме.

Репродуктивный (средний) уровень. Интерес к творческой деятельности проявляется со слабым осознанием ее значимости, потребность тесно связана с любознательностью к объекту в целом; начинает формироваться система убеждений и установок на реализацию творческого потенциала. Познавательная активность на этом уровне гораздо более целенаправленна, возникают и укрепляются разнообразные формы личностного отношения к знанию; любознательность выражается в интересе к тем или иным занятиям, в склонности к изучению некоторых предметов, появляется потребность в знании.

Начинают формироваться понятия об основных закономерностях, этапах, приемах и способах творческой деятельности; наблюдаются личностный отбор и классификация той информации, которая поступает к учащемуся и которую он сам способен получить для творческой деятельности. Проблема ставится учителем (не исключается частичная помощь учеников), а учащимся предлагается при ее решении самостоятельно выдвинуть гипотезу и попытаться самим ее доказать; применяется моделирование, используются новые способы решения задач в нестандартных условиях; в процессе решения не применяются интуитивные приемы.

Творческая деятельность носит стихийно-эмоциональный характер, часто эмоции заслоняют цель деятельности. Постепенно начинаются осмысливаться собственные действия, хотя их закономерности недостаточно осознаются, самооценка и самовыражение присутствуют, самопознание еще отсутствует; появляются знания и умения, позволяющие осуществить анализ и оценку результатов творческой деятельности; соотношение целей и результатов проявляется слабо. Умение видеть перспективы деятельности и пути ее корректировки не всегда эффективно, выявление возможных ошибок сопряжено с трудностями, рефлексия еще не формируется. В групповой работе школьники участвуют на эмоционально-деловой основе, остаются в позиции исполнителя, вносят организационно-практический вклад в работу группы, но функций лидера не исполняют, у них сформировано умение общения в диалоговом режиме внутри группы и они находят пути разрешения конфликтов.

Продуктивный (высокий) уровень. Интерес к творческой деятельности с осознанием ее значимости и необходимости повышенный; потребность в ней, сформированная как объективная необходимость, приобретает целенаправленный характер, она становится более зрелой по методам и организации; создана устойчивая система убеждений и установок, направленных на максимальную реализацию творческого потенциала; потребность в творческой деятельности опосредуется социально значимыми целями. Удовлетво-

рение отражает жизненные ценности личности, они связаны со стратегической целью – провести научное исследование и т. д. Познавательная и творческая деятельность объективно имеет социально полезный результат, но субъективно эта деятельность по-прежнему должна быть радостью и необходимостью. Творческая деятельность проявляется как устойчивое стремление индивида к той или иной области знаний, как становление его склонности к определенной деятельности и, наконец, как профессиональное призвание. Сформированы глубокие понятия о сущности и особенностях, основных закономерностях и этапах, приемах и способах осуществления творческой деятельности; проявляется стабильное умение самостоятельно осуществлять отбор и классификацию содержательного материала, необходимого для творческой деятельности.

Учащиеся самостоятельно ставят проблемы и находят пути их решения, избирая новые, нестандартные, самостоятельно проверяют полученные результаты; они не просто проникают в сущность явлений, их взаимосвязь, а пытаются найти для этой цели новый способ. Творческая активность носит уникальный, субъективный характер; позиция учащегося характеризуется готовностью включиться в нестандартную учебную ситуацию, поиском новых средств для ее разрешения с использованием интуитивных приемов деятельности.

В процессе творческой деятельности ярко выражены активность и самостоятельность; цель деятельности ставится сознательно, определяются пути ее реализации, осмысливаются промежуточные результаты, определяются перспективы работы и пути ее корректировки, что позволяет эффективно решить проблему. Ученики критически осмысливают собственные действия и их закономерности, а также творческий опыт других, модернизируют и совершенствуют его в соответствии с индивидуальными способностями, комбинируют нестандартные способы деятельности, что часто приводит к решению проблемы принципиально новым способом; их самооценка, самопознание, самовыражение сформированы. Учащиеся организуют работу в группе на эмоционально-деловой основе, эффективно разрешают конфликтные ситуации, представляют опыт творческой работы внутри и вне группы.

Все вышеперечисленные уровни связаны, каждый последующий обусловлен предыдущим, а переход от одного к другому позволяет оценить динамику формирования потребности в творческой деятельности у учащихся общеобразовательного учреждения в условиях интерактивного обучения. Основным критерием измерения динамики потребности в творческой деятельности служит продвижение на более высокие уровни сформированности компонентных характеристик:

мотивационной направленности на творческую деятельность; зрелости познавательной потребности, укрепления любознательности и перерастания ее в целенаправленную познавательную и творческую деятельность;

когнитивной готовности (качества знаний, умений и навыков) и степени вовлеченности в творческую деятельность, собственной исследовательской активности;

потребности в поисковой активности, эвристического потенциала выполняемой работы, полноты выполнения авторской исследовательской программы;

степени рефлексии (осмысления собственного сознания и своих действий, самопознания, самооценки, самовыражения); соотношения целей и результатов, коррекции, выявления ошибок и затруднений.

В качестве показателей (обобщенной характеристики свойств какого-либо объекта), характеризующих уровни сформированности потребности в творческой деятельности, нами выделены следующие:

развитость способностей, обеспечивающих эффективность творческой деятельности (умение анализировать, выделять главное, логически связно описывать явление, давать определения, доказывать, классифицировать, систематизировать; эвристические способности; генерация идей, ассоциативность мышления, способность видеть противоречие, проблему);

креативность знаний, процедур их получения (инициативность, проявление творческой активности и самостоятельности), высокий уровень познавательной потребности;

сформированность способности самоуправления и саморегуляции в ходе творческой деятельности (внутренняя готовность реализовать функцию управления деятельностью, взять на себя ответственность за достижение этой цели);

развитость коммуникативно-творческих способностей (способности аккумулировать и использовать творческий опыт других, сотрудничать в процессе творческой деятельности, избегать конфликтов и разрешать их).

Указанные критерии и показатели позволяют дифференцировать уровни сформированности потребности в творческой деятельности у учащихся в процессе интерактивного обучения.

Примечания

- 1 См.: *Тырсин Д. Г.* Технология формирования потребности в творческой деятельности в процессе интерактивного обучения // Научное творчество XXI века : сб. статей (по итогам V Междунар. науч.-практ. конф.) : в 3 т. / науч. ред. Я. А. Максимова. Красноярск, 2012. Т. 1. С. 268–272.
- 2 См.: *Абдулаева О. А.* Уровни познавательной деятельности учащихся при решении учебных задач // Вестн. Красноярск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2006. Вып. 2/3. С. 99.
- 3 См.: *Гафитулин М. С.* Уровни творчества или рождение новизны. URL: <http://www.trizminsk.org/e/23201.htm> (дата обращения: 2.03.2012).
- 4 См.: *Горбунова Т. И.* Влияние информационных коммуникационных технологий на познавательную активность школьников // Электронный сетевой журнал «Вопросы интернет-образования». URL: http://vio.uchim.info/Vio_59/cd_site/articles/art_4_3.htm (дата обращения: 2.03.2012).
- 5 См.: *Ханаев М. Х.* Развитие творческих способностей старшеклассников в условиях дополнительного образования // Вестн. Ставропольск. гос. ун-та. Ставрополь, 2007. № 48. С. 172–173.
- 6 См.: *Юркевич В. С.* Развитие начальных уровней познавательной потребности у школьника // Вопр. психологии. 1980. № 2. С. 84–85.

УДК 338.2:316

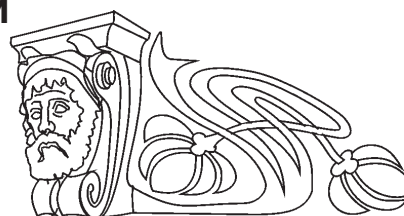
ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ

О. В. Скорикова

Саратовский государственный университет
E-mail: olgaolga87@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов проблемы ответственности в деятельности управленческих кадров; проведен анализ сущности понятия «ответственность», на основе которого определены содержание и структура данного феномена.

Ключевые слова: управленческая деятельность, ответственность, ответственное отношение.

Responsibility Problem in Activity Administrative Shots

O. V. Skorikova

The article is devoted consideration of theoretical aspects of a problem responsibility in activity of administrative staff. The essence analysis is carried out concept «responsibility» which basis on maintenance and structure of this phenomenon are defined.

не создает синтеза, отношение внутри развивающегося синтеза нельзя уподобить отношению «физического следствия», когда определенные начальные условия детерминируют последующее состояние системы. Синтез никоим образом не заложен в содержании тезиса и антитезиса; помимо старых идей, которые синтез «сохраняет», он всегда воплощает новую идею, которую нельзя редуцировать к более ранним стадиям диалектического развития.

Рассмотрение философских посылок проблемы преемственности в обучении на основе изучения внутренней структуры строения этого процесса, рассматриваемого с точки зрения диалектического развития, позволит, на наш взгляд,

проследить за проявлением преемственности и установить, какие составные ее части трансформировались, а какие удержаны и сохранены.

Примечания

- ¹ Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963. С. 262.
- ² Поннер К. Что такое диалектика // Вопр. философии. 1995. № 1. С. 120.
- ³ См.: Швырев В. С. Как нам относиться к диалектике // Там же. С. 153.
- ⁴ См.: Кустов Ю. А. Преемственность в системе подготовки технических специалистов / под ред. А. А. Кыверялга. Саратов, 1982. С. 114.

УДК 796.06

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. Н. Рыльский

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: rylsky_oleg@mail.ru

Дифференцированный подход в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов физической культуры в вузе предполагает активное включение студентов в процесс преподавания базовых физкультурно-спортивных дисциплин; уровень профессиональной готовности оценивается по педагогической, физической, технической и психологической составляющим.

Ключевые слова: обучение в вузе, профессиональная подготовка, дифференцированный подход, навыки преподавания.

Differential Approach to Professional Training of Physical Training Teachers

O. N. Rylsky

According to the differential approach model used in the process of professional training of physical training teachers at the university, the students must be actively involved in the teaching process for basic sports subjects. While estimating the level of their professional readiness we take into consideration pedagogical, physical, technical and psychological elements.

Key words: studying at the university, professional readiness, differential approach, teaching skills.

Современное российское высшее образование предъявляет высокие требования к подготовке выпускников вуза, в том числе и будущих преподавателей физической культуры. Их профессиональная деятельность включает педагогическую составляющую, одним из элементов которой

является понимание выпускником вуза важности и сложности педагогической задачи, связанной с обучением, воспитанием и оздоровлением обучающихся.

Совершенствование процесса профессиональной физкультурной подготовки требует нового подхода к организации учебного процесса в сфере высшего образования, эффективных путей повышения качества обучения студентов факультетов физической культуры. Масштабность и сложность проблемы оздоровления населения страны актуализирует процесс подготовки физкультурных работников, обладающих высоким уровнем профессионализма, осознающих ответственность за качество и результаты своей профессиональной деятельности.

Профессиональная подготовка будущего педагога для системы образования – важнейшая функция существования и развития человеческого общества¹. Высшее учебное заведение является последним этапом перед вступлением будущего специалиста на самостоятельный профессиональный путь, поэтому значимость профессионально-практической подготовки в стенах института высока. Разработка обозначенной проблемы лежит в рамках более общей – совершенствования учебно-воспитательного процесса в образовательном пространстве высшей школы. Современный

подход к решению этой проблемы нашел свое отражение в трудах представителей разных научных областей (А. Г. Афанасьева, Ю. К. Бабанского, В. П. Беспалько, П. Я. Гальперина, С. Д. Неверковича, В. В. Серикова и др.). Решению проблемы совершенствования профессиональной подготовки в системе вузовского обучения посвящены труды С. Я. Батышева, Г. И. Железниковой, В. А. Сластенина, Н. Ф. Талызиной, Н. В. Тельтевской и др. Большой интерес в решении проблемы профессиональной подготовки в сфере физкультурного образования представляют работы по теории и практике обучения физической культуре авторов отечественных (Л. П. Матвеева, Н. Г. Озолина, В. П. Филина и др.) и зарубежных (Х. М. Зиммермана, В. Ломан и др.).

Важное место в системе профессиональной подготовки специалистов отводится педагогической практике, являющейся связующим звеном между теоретическим обучением будущих специалистов и практической деятельностью молодых педагогов. Однако ряд исследователей отмечают, что несмотря на возросшие требования к уровню профессионализма выпускников педагогических вузов традиционная вузовская модель не до конца отвечает этим требованиям. Эффективность профессиональной подготовки студентов снижается из-за недостаточной разработанности научно-теоретического и методического обеспечения данного процесса. Например, О. А. Абдулина отмечает, что уязвимым звеном в подготовке выпускников вуза является слабая связь между теоретическими знаниями и использованием их в практической деятельности². С ней согласен А. В. Кравченко, отмечающий такие недостатки профессиональной подготовки, как неспособность применять знания в профессиональной педагогической деятельности, трудности с установлением контакта со школьниками и учетом их индивидуальных психологических особенностей³.

Решающей фигурой в процессе перестройки системы образования является учитель, потому удельный вес его профессиональной подготовленности к педагогической деятельности приобретает особую значимость. Подготовка к педагогической деятельности должна осуществляться в ходе реальной практики будущего учителя в стенах вуза. Чем раньше будущий педагог начнет использовать полученные знания, тем больше у него возможностей для повышения своего профессионального уровня, совершенствования имеющихся профессиональных навыков, овладения педагогическим мастерством. Включение в образовательный процесс вуза системы практических заданий, задач, ситуаций позволяет формировать у студентов практические умения и навыки, имеющие важное значение для будущей профессиональной деятельности и необходимые в дальнейшей работе по овладению основными педагогическими функ-

циями. В повышении уровня профессиональной подготовки будущих педагогов предметом особой заботы должно стать применение в вузовском учебно-воспитательном процессе активных методов обучения – моделирования элементов практической педагогической деятельности и ситуаций, возникающих в работе учителя.

А. П. Поварницын отмечает, что хорошо подготовленными к работе учителя считают себя лишь около 25% опрошенных студентов⁴. К аналогичным выводам на основании проведенных исследований пришли В. А. Багина и др.⁵ Это свидетельствует о необходимости формирования профессионально-педагогических умений в период обучения в вузе.

Главной целью процесса подготовки учителей физической культуры в системе высшего образования является обеспечение готовности выпускников к решению задач обучения, оздоровления и воспитания школьников. Личностными предпосылками, обуславливающими профессиональную компетентность выпускников, являются уровень профессионально важных качеств и положительное эмоционально-ценностное отношение к избранной профессии. Эти факторы являются важными в становлении профессиональной готовности: степень их выраженности во многом определяет эффективность усвоения знаний и формирование необходимых в профессиональной деятельности умений и навыков. В то же время значимость приобретаемых студентами теоретических знаний проявляется в совершенствовании профессиональной готовности лишь в той степени, в какой эти знания востребованы в практической деятельности, способствующей процессу формирования необходимых умений и навыков.

Таким образом, профессионально-педагогические умения занимают в системе обеспечения профессиональной готовности особое положение: как целостное образование, объединяющее в себе способности, знания и интересы студентов, как основная цель профессиональной подготовки и критерий оценки уровня профессиональной готовности. Одним из эффективных направлений формирования профессиональной готовности является, на наш взгляд, использование дифференцированного подхода в процессе обучения в вузе. Такой подход является прежде всего целенаправленным педагогическим воздействием на студентов, которых можно объединить в группы, характеризующиеся сходными признаками, или выделить в соответствии с индивидуальными личностными качествами. Дифференцированный подход способствует педагогической поддержке студента на пути совершенствования его личности. Дифференциация является одним из средств реализации личностно-ориентированного обучения, которое, в свою очередь, способствует

построению индивидуальной образовательной траектории ученика с учетом его субъектного опыта, предпочтений и ценностей. Основным принципом, как считает Ю. К. Бабанский, является оказание дифференцированной помощи студентам со стороны педагогов. А. А. Кирсанов, Е. С. Рабунский и другие рассматривают дифференциацию как средство повышения активности учащихся.

М. В. Артюхов под дифференцированным обучением подразумевает способность педагогов учитывать индивидуальные особенности учащихся, ставя перед учениками индивидуальные образовательные цели, обеспечивая им разные условия и время обучения. Схожее мнение по этому вопросу высказывает В. И. Загвязинский, рассматривая дифференцированный подход как основной метод работы с учащимися, группами учеников, проявляющийся в особенности организации учебной работы, различной по объёму, содержанию, сложности, приемам и методам. Исследуя возможности дифференцированного обучения, С. Ф. Бурухин и Е. Ю. Незнакомова отметили учебно-воспитательные и здоровьесберегающие преимущества раздельного обучения перед традиционным⁶. Для повышения мотивации и активности на занятиях физической культурой С. А. Адеев разработал систему поэтапного осуществления индивидуально-дифференцированного подхода, основанную на учете показателей физической подготовленности⁷.

Проблемы дифференцированного физического воспитания рассматриваются в диссертационных исследованиях последних лет (В. В. Бойко, 2008; Н. В. Губарева, 2009; А. М. Пятахин, 2009; А. И. Рахматов, 2010 и др.). Однако следует отметить, что все они посвящены в основном решению вопросов физического воспитания различных категорий занимающихся физической культурой. Ощущается дефицит работ, касающихся применения дифференцированного подхода в процессе профессиональной подготовки в вузе будущих преподавателей физической культуры. Несмотря на то что вопросы применения дифференцированного подхода в педагогическом процессе остаются в рамках проблемного поля исследователей, в настоящее время все еще существуют противоречия между необходимостью осуществления дифференцированного подхода для обеспечения принципа гуманизации в обучении, с одной стороны, и отсутствием научно обоснованных и апробированных методик формирования физической культуры личности, с другой; между личностно осознаваемой потребностью студентов в двигательной активности, стремительно снижающимся уровнем их здоровья и отсутствием научно обоснованных педагогических условий дифференцированного подхода в физическом воспитании. Не хватает работ, посвященных на-

учно-теоретическому и дидактическому обеспечению дифференцированного подхода в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов физической культуры.

Предлагаемый нами дифференцированный подход, применяемый в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов физической культуры, предполагает систему целенаправленного педагогического воздействия, осуществляемого на протяжении всего периода обучения в вузе. В основу профессиональной подготовки положена педагогическая идея активного включения студентов в процесс преподавания базовых физкультурно-спортивных дисциплин с целью формирования у них навыков профессионально-педагогической деятельности. Выделение и учет физкультурно-спортивных способностей и интересов студентов позволяют в процессе обучения ориентировать их на осознанное освоение методики преподавания практических учебных дисциплин. Кроме того, программой подготовки будущих педагогов физической культуры предусматривается большая по объему методическая и практическая подготовка студентов, являющаяся основой обеспечения готовности к профессиональной деятельности и позволяющая самостоятельно использовать ее методы, средства и формы в целях самообразования и самосовершенствования.

Организация процесса формирования профессиональной готовности предполагает, что при изучении базовых физкультурно-спортивных видов в качестве педагогов выступают сами студенты, для которых эта учебная дисциплина является предметом спортивной специализации. При этом комплект рабочей учебной документации (рабочая программа, конспекты занятий) разрабатывается студентом, выступающим в роли педагога, под руководством преподавателя вуза, отвечающего за качество освоения студентами данной дисциплины. Сам процесс обучения строится на основе разработанной нами программы, учитывающей особенности каждой физкультурно-спортивной дисциплины. За период изучения базовых физкультурно-спортивных видов все студенты учебной группы должны не менее одного-двух раз выступить в качестве педагога и помощника педагога.

Основными составляющими профессиональной готовности являются педагогическая, физическая, техническая и психологическая. Уровень педагогической готовности студентов оценивался в процессе проведения ими учебных занятий в качестве педагогов. Показатели качества определялись при анализе учебного занятия и физиологической кривой нагрузки, оценивалась общая и моторная плотность занятия. Степень индивидуальной физической подготовленности будущих педагогов физической культуры опреде-

ляли по результатам комплекса тестов, характеризующих уровень развития основных физических качеств (гибкость, выносливость, быстрота, сила, скоростно-силовые способности). Уровень технической подготовленности определялся методом экспертной оценки в процессе прохождения каждого физкультурно-спортивного вида в результате сравнения индивидуально демонстрируемой техники выполнения упражнения с эталонной. Психологическая составляющая включала оценку психической напряженности студентов в процессе исполнения роли педагога на учебных занятиях в вузе и во время производственной практики в школе (по результатам модифицированного теста стресс-толерантности Б. С. Рашелла и определения напряжения регуляторных систем организма, проводимого на основе математического анализа динамической электрокардиограммы по методике Р. М. Баевского). Результаты каждой составляющей оценивались по пятибалльной шкале.

Коэффициент профессиональной готовности (КПГ) определялся нами для каждого студента по формуле

$$\text{КПГ} = \frac{\sum \text{СПГ}}{\text{МВО}},$$

где $\sum \text{СПГ}$ – сумма оценок, характеризующих различные стороны профессиональной готовности; МВО – максимально возможная сумма оценок.

Таким образом, предлагаемый нами дифференцированный подход позволит увеличить профессионально-педагогическую составляющую

в процессе изучения физкультурно-спортивных дисциплин, а объективный мониторинг – оценить степень эффективности данного педагогического подхода в обучении студентов.

Примечания

- 1 См.: *Абдуллина О. А.* Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования. М., 1990.
- 2 Там же.
- 3 См.: *Кравченко А. В.* Теоретико-методические основы формирования навыка физкультурно-оздоровительной работы в подготовке будущего учителя : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2007.
- 4 См.: *Поварницын А. П.* Ценностные ориентации специалистов по физической культуре и спорту на этапе обучения в вузе // Теория и практика физической культуры. 2005. № 12. С. 22–26.
- 5 См.: *Багина В. А.* Профессиональная готовность студентов к педагогической практике // Там же. 2005. № 9. С. 48–51.
- 6 См.: *Бурухин С. Ф., Незнакомова Е. Ю.* Дифференцированный подход на уроках физической культуры в женской гимназии // Ярославский пед. вестн. 2010. № 3. С. 86–89.
- 7 См.: *Адеев С. А.* Индивидуально-дифференцированный подход в физическом воспитании студентов вуза в условиях Кольского Заполярья : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Мурманск, 2000.

УДК 37.373

ПОКАЗАТЕЛИ И УРОВНИ СФОРМИРОВАННОСТИ ПОТРЕБНОСТИ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У УЧАЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРАКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Д. Г. Тырсин

Саратовский государственный университет
E-mail: fimit@rambler.ru

Творческая деятельность и интерактивное обучение – важные составляющие современного учебно-воспитательного процесса. В статье предложен критериально-диагностический аппарат, включающий уровни, критерии и показатели, определяющие степень сформированности потребности в творческой деятельности у учащихся средних общеобразовательных учреждений.

Ключевые слова: потребность, творческая деятельность, интерактивное обучение, уровни, критерии, показатели.

Indexes and Levels of Formed Necessity in Creative Activity of Students in the Process of Interactive Teaching

D. G. Tirsin

Creative activity and interactive teaching are important components of modern teaching process. The criterias and diagnostic parameters

including levels, criterias and indexes which determining the degrees of formed necessity in creative activity of students of general education schools are suggested.

Key words: necessity, creative activity, interactive teaching, levels, criterias, indexes.

В условиях быстро меняющейся действительности современному обществу нужен выпускник самостоятельно и критически мыслящий, умеющий видеть и творчески решать возникающие проблемы, творчески реализовать себя. На первый план выдвигается задача развития личности учащегося на основе его внутреннего потенциала. Если интеллектуальный потенциал выступает как

УДК 37.01:001.8

ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

В. П. Жуковский

Саратовский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
E-mail: vl0971@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению философских аспектов проблемы преемственности в образовании. Проведен анализ сущности понятия «преемственность» с использованием диалектического метода «тезис – антитезис – синтез».

Ключевые слова: преемственность, диалектика, диалектическая триада «тезис – антитезис – синтез».

Continuity Problem in Education: the Philosophical Approach

V. P. Zhukovsky

Article is devoted consideration of philosophical aspects of a problem continuity in education. The analysis of essence of concept «continuity» with use of a dialectic method by means of the dialectic scheme «thesis – antithesis – synthesis» is carried out.

Key words: continuity, dialectics, dialectic triad «thesis – antithesis – synthesis».

Современный этап развития педагогической науки характеризуется всесторонней разработкой ее понятийного аппарата, в ходе которой происходит уточнение, переосмысление и обогащение новым содержанием ряда основных категорий педагогики. Подобное изменение педагогических понятий обусловлено как обобщением материала современной науки, так и сдвигами в самом строе научного мышления, вызванными существенными изменениями в социокультурных ориентациях общества. Однако необходимым моментом в таком развитии педагогических категорий являются учет, изучение и творческое применение материала, касающегося эволюции этих понятий в истории отечественной и зарубежной педагогики и психологии.

К числу быстро развивающихся категорий педагогики с полным основанием можно отнести такую, как преемственность. Она в настоящее время претерпевает значительные изменения, связанные с проводимой реформой системы образования. Уместно в связи с этим процитировать Г. Клауса: «Исторический опыт учит нас тому, что там, где мы старые понятия формируем по-новому, в рамках новой, более широкой теории, мы всегда получаем нечто большее, чем просто новое повторение старого. Само старое получает в рамках новой понятийной системы новое содержание»¹.

Проблема преемственности в обучении возникла в связи с потребностью передачи следую-

щим поколениям социального опыта, накопленного предшествующими поколениями человечества. Люди каждого поколения включаются в жизнь, в мир предметов и отношений, знаков и символов, используя то ценное, что накоплено предшественниками.

Общенаучное понятие преемственности является, как это трактуется в философии, одной из сторон закона отрицания отрицания. На наш взгляд, рациональный подход к диалектике как методу научного анализа должен не преувеличивать и не приуменьшать ее значение. Такая адекватная оценка предполагает отказ от идеологической предвзятости. Проведем краткий анализ исследуемой проблемы, используя методологические основы диалектики, которая, применительно к нашему исследованию, не потеряла своей конструктивной значимости.

При анализе философских посылок преемственности в обучении мы будем использовать терминологический аппарат гегелевской диалектики, в основе которой лежит так называемая диалектическая триада: тезис, антитезис и синтез. Согласно утверждению К. Поппера, «диалектическая триада довольно хорошо описывает определенные ступени в истории мышления, особенно в развитии идей и теорий, а также социальных движений, опирающихся на идеи и теории»². По терминологии Г. Гегеля и тезис, и антитезис посредством синтеза оказываются, во-первых, редуцированными до компонентов (синтеза), во-вторых, тем самым отмененными (подвергнутыми отрицанию, аннулированным, отвергнутыми или оставленными), в-третьих, в то же время сохраненными (сбереженными, спасенными или удержанными) и, в-четвертых, повышенными (или поднятыми на более высокий уровень). Часто диалектическую триаду описывают с помощью терминов – «отрицание» взамен «антитезиса», «отрицание отрицания» взамен «синтеза», – а сам процесс преемственности объясняют в большей степени действием всеобщего закона двойного отрицания. Нам представляется, что более корректным по отношению к диалектике было бы не употреблять этих формулировок, чтобы не вызывать терминологической путаницы из-за смешения диалектики и логики.

Преемственность в нашем понимании определяется с помощью вышеупомянутой диалектической схемы. На наш взгляд, при достаточно широком и в то же время точном истолковании этой структуры она действительно выражает специфику диалектического подхода в мыслительной деятельности, задает систему координат, в которой реализуется та схема развития мысли, которую правомерно называть диалектической. В этой связи необходимо провести краткий обзор исходных теоретических посылок. Во-первых, тезис и антитезис являются моментами (переходами) развития одного понятия (теории), соответственно, они находятся внутри этого понятия. Во-вторых, синтез в триадном понимании – это обнаружение высшего тождества тезиса и антитезиса в некой новой теоретической структуре, предполагающей взаимоотношение, взаимоотрицание и тезиса, и антитезиса. В-третьих, смысл триады состоит в схематизме внутреннего тождества, логического обоснования и развития одной теории. Мы согласны с В. С. Швыревым, что диалектическая схема предполагает наличие противоречий между «тезисом» и «антитезисом», которые не устраняются за счет отказа от «тезиса» или от «антитезиса». Более оптимальный вариант – не сужение, ограничение, а развитие, обогащение исходных позиций, позволяющее нарастить исходное содержание, охватывающее новые познавательные перспективы³.

Для нас наибольший интерес представляют диалектические противоречия в учебном познании, которые служат стимулом развития знания, объективно обусловлены его состоянием. Их возникновение является показателем того, что знание сталкивается с ситуациями, которые превышают его возможности, и что требуется его усовершенствование и развитие. Процесс разрешения противоречий в учебном познании, на наш взгляд, следует рассматривать исходя из понятия единичного акта преемственности, предложенного Ю. А. Кустовым⁴. Он считает, что развитие формируемого понятия представляет собой совокупность единичных актов преемственности, образующих определенную структуру в виде возрастающих в своем размере звеньев. Каждое звено состоит из элемента целого или ядра, зародыша будущего, вносимого нового, отрицаемого или снимаемого элемента. Динамика самого перехода с элементарным проявлением преемственности предполагает выполнение следующих условий: в предшествующем этапе или звене заметны признаки последующего; в последующем сохраняется сердцевина предыдущего в преобразованном виде; получает развитие то новое, что было в предыдущем состоянии; получает закрепление и развитие сердцевина формируемого; при переходе от одного этапа или звена к другому отбрасывается, отрицается часть предыдущего.

На наш взгляд, единичный акт преемственности, учитывая указанные выше теоретические посылки, имеет смысл выразить в терминологическом контексте диалектической триады. Возьмем, к примеру, процесс преемственности формирования учебной деятельности в образовательных системах разного иерархического уровня.

В процессе формирования осуществляется преемственность в учебном познании. Формирование учебной деятельности в системах более высокого порядка происходит на основе тех достижений, которые должны быть достигнуты в системах более низкого порядка. Следуя диалектической схеме, учебную деятельность в системах более низкого порядка обозначим как тезис. Он в своем развитии на определенном этапе вызывает противоположение, которое является по отношению к нему антитезисом и направлено против первого.

«Борьба» между тезисом и антитезисом продолжается до тех пор, пока не находится такое решение, которое является их высшим тождеством в новой теоретической структуре, предполагающей, с одной стороны, взаимоотношение, взаимопредложение, взаимоотрицание и тезиса, и антитезиса, а с другой – сохранение их достоинства и относительной ценности. Это решение – третий диалектический шаг – называется синтезом. Однажды достигнутый синтез, в свою очередь, может стать первой ступенью новой диалектической триады и действительно становится им на новом витке развития. В последнем случае вновь возникает противоположение, а значит, синтез можно будет рассматривать как новый тезис, который, в свою очередь, породил новый антитезис. Таким образом, диалектическая триада возобновится на более высоком уровне; она может подняться на третий уровень, когда достигнут второй синтез, и, аналогично, на любой другой уровень при условии достижения синтеза на предыдущей ступени.

Полагая абсолютно верным утверждение Ю. А. Кустова о структуре единичного акта преемственности, мы считаем необходимым внести некоторое уточнение в динамику перехода от начального состояния (ядра) до конечного (синтеза). С одной стороны, синтез, являясь высшим тождеством тезиса и антитезиса, сохраняет в себе, согласно Ю. А. Кустову, «сердцевину предыдущего», вместе с тем отрицая часть старого. С другой стороны, синтез может полностью отрицать предыдущее при наличии принципиально нового качества. В этом случае он будет являться абсолютно новым, не преобразованным ядром.

Следует отметить, что диалектическая схема «тезис – антитезис – синтез» намечает только общие контуры соответствующего познавательного процесса. В данном случае речь не идет об алгоритмизации, вычислении антитезиса и синтеза. Никакая борьба между тезисом и антитезисом

не создает синтеза, отношение внутри развивающегося синтеза нельзя уподобить отношению «физического следствия», когда определенные начальные условия детерминируют последующее состояние системы. Синтез никоим образом не заложен в содержании тезиса и антитезиса; помимо старых идей, которые синтез «сохраняет», он всегда воплощает новую идею, которую нельзя редуцировать к более ранним стадиям диалектического развития.

Рассмотрение философских посылок проблемы преемственности в обучении на основе изучения внутренней структуры строения этого процесса, рассматриваемого с точки зрения диалектического развития, позволит, на наш взгляд,

проследить за проявлением преемственности и установить, какие составные ее части трансформировались, а какие удержаны и сохранены.

Примечания

- ¹ Клаус Г. Кибернетика и философия. М., 1963. С. 262.
- ² Поннер К. Что такое диалектика // Вопр. философии. 1995. № 1. С. 120.
- ³ См.: Швырев В. С. Как нам относиться к диалектике // Там же. С. 153.
- ⁴ См.: Кустов Ю. А. Преемственность в системе подготовки технических специалистов / под ред. А. А. Кыверялга. Саратов, 1982. С. 114.

УДК 796.06

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О. Н. Рыльский

Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета
E-mail: rylsky_oleg@mail.ru

Дифференцированный подход в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов физической культуры в вузе предполагает активное включение студентов в процесс преподавания базовых физкультурно-спортивных дисциплин; уровень профессиональной готовности оценивается по педагогической, физической, технической и психологической составляющим.

Ключевые слова: обучение в вузе, профессиональная подготовка, дифференцированный подход, навыки преподавания.

Differential Approach to Professional Training of Physical Training Teachers

O. N. Rylsky

According to the differential approach model used in the process of professional training of physical training teachers at the university, the students must be actively involved in the teaching process for basic sports subjects. While estimating the level of their professional readiness we take into consideration pedagogical, physical, technical and psychological elements.

Key words: studying at the university, professional readiness, differential approach, teaching skills.

Современное российское высшее образование предъявляет высокие требования к подготовке выпускников вуза, в том числе и будущих преподавателей физической культуры. Их профессиональная деятельность включает педагогическую составляющую, одним из элементов которой

является понимание выпускником вуза важности и сложности педагогической задачи, связанной с обучением, воспитанием и оздоровлением обучающихся.

Совершенствование процесса профессиональной физкультурной подготовки требует нового подхода к организации учебного процесса в сфере высшего образования, эффективных путей повышения качества обучения студентов факультетов физической культуры. Масштабность и сложность проблемы оздоровления населения страны актуализирует процесс подготовки физкультурных работников, обладающих высоким уровнем профессионализма, осознающих ответственность за качество и результаты своей профессиональной деятельности.

Профессиональная подготовка будущего педагога для системы образования – важнейшая функция существования и развития человеческого общества¹. Высшее учебное заведение является последним этапом перед вступлением будущего специалиста на самостоятельный профессиональный путь, поэтому значимость профессионально-практической подготовки в стенах института высока. Разработка обозначенной проблемы лежит в рамках более общей – совершенствования учебно-воспитательного процесса в образовательном пространстве высшей школы. Современный

ПЕДАГОГИКА

УДК 378:744

ДИДАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНЖЕНЕРНОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ

Д. А. Гаранов

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: garanovda777@mail.ru

В статье освещаются дидактические условия, которые способствуют качественному обучению будущих бакалавров при формировании у них инженерной графической культуры.

Ключевые слова: графическая культура, инженерная графическая культура, дидактические условия.

Didactic Conditions of Formation of Engineering Graphic Culture of Future Bachelors

D. A. Garanov

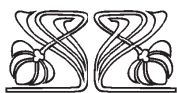
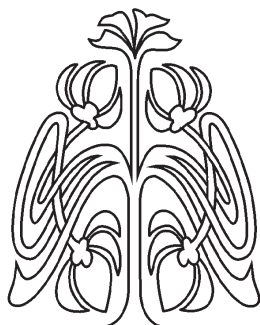
The article highlights the didactic conditions that contribute to quality education for future bachelors in the formation of their engineering graphic culture.

Key words: graphic culture, engineering graphic culture, didactic conditions.

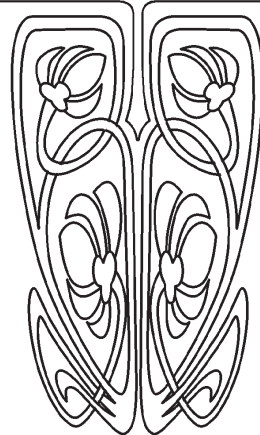
Формирование инженерной графической культуры является важнейшей составляющей подготовки будущих бакалавров технических направлений. В процессе ее формирования у будущих бакалавров развивается пространственное и логическое мышление, расширяются коммуникативные возможности для общения с другими специалистами в своей сфере профессиональной деятельности, воспитывается эстетический вкус оформления инженерной технической документации, развиваются творческие способности к анализу и синтезу пространственных форм и отношений на основе их графических отображений¹. В то же время анализ педагогической практики ряда технических вузов (СГАУ им. Н. И. Вавилова, СГТУ, МГАУ им. В. П. Горячкина) показывает, что данные функции не всегда эффективно реализуются в ходе профессионального обучения бакалавров.

Отмечаются слабые интеграционные связи дисциплин профессионального цикла, формирующих инженерную графическую культуру. Её знания, умения и навыки, получаемые студентами на первом курсе в ходе изучения начертательной геометрии и инженерной графики, не получают должного развития в процессе изучения других профессиональных дисциплин. При изучении последних зачастую допускается небрежность в оформлении технических рисунков, эскизов, чертежей, отступления от требований Единой системы конструкторской документации и других стандартов. Поэтому то, чему студенты научились на первом, во многом утрачивается к четвертому (выпускному для бакалавров) курсу.

Отсутствует должное внимание со стороны преподавателей к аксиологической составляющей инженерной графической куль-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

туры. Будущие бакалавры иногда не понимают важность приобретения ими знаний, умений и навыков инженерной графической культуры как основы учебной и будущей профессиональной деятельности, что отрицательно сказывается, в конечном счете, на формировании таких важнейших профессиональных и личностных качеств, как ответственность, самостоятельность, способности увидеть свои достижения и недостатки в отражении разных мнений, переносить знания, умения и навыки в новые (нестандартные для себя) условия.

В ходе формирования инженерной графической культуры переоцениваются компьютерные технологии создания и оформления чертежей и недооценивается «ручная» технология, что мешает развитию пространственно-образного и логического мышления, творческих способностей будущих бакалавров.

Существует оторванность обучения инженерной графике от графической культуры вообще. В силу ограниченного времени, используемого для изучения курса «Инженерная графика», она рассматривается не как составная часть графической культуры, а как некая самостоятельная система, что сужает возможности инженерной графической культуры в формировании общей и профессиональной будущих бакалавров.

Поиски путей преодоления этих и других (отмеченных разными исследователями инженерной графической подготовки) недостатков, являются, на наш взгляд, актуальной педагогической задачей. Эти поиски должны основываться на требованиях федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, не менять сложившейся в течение десятилетий системы дидактических форм организации учебной деятельности, методов и средств инженерной графической подготовки в техническом вузе. В то же время они должны способствовать преодолению отмеченных недостатков, повышая эффективность формирования инженерной графической культуры.

Исходя из этого мы предлагаем создать дидактические условия, способствующие формированию у студентов ценностных установок на приобретение необходимых для учебной и будущей профессиональной деятельности графических знаний, умений и навыков, обусловленных культурологическим и контекстным подходами и позволяющих осуществлять данную работу в процессе профессионального становления будущих бакалавров в течение всего периода обучения. К числу этих условий мы относим:

интеграцию дисциплин профессионального цикла на основе метода «проектного» обучения². Его применение способствует становлению согласованных связей между преподавателями профессиональных дисциплин, что обеспечива-

ет единство подходов и требований к освоению студентами необходимых графических знаний и умений на протяжении всего периода профессиональной подготовки, последовательное, поступательное, поэтапное формирование инженерной графической культуры. На первом, пропедевтическом, этапе в ходе изучения собственно графических дисциплин усвоение знаний, умений и навыков инженерной графики (ее визуально-изобразительных и логико-семантических средств) создает основу для формирования комплекса характеристик идеальных действий; происходит начальное приобщение будущего бакалавра к социокультурному контексту профессии; элементарные профессиональные характеристики формируются в виде системы начальных представлений и понятий, причем их реализация на этом этапе возможна лишь в репродуктивных формах, воспроизводящих профессионально значимые аналоги и образцы. На втором, теоретическом, этапе в ходе изучения общепрофессиональных дисциплин вырабатывается профессионально определенный тип инженерного графического мышления и нормативно заданные методы графической деятельности, ориентированные на проектную деятельность. На третьем, практическом, этапе в ходе изучения студентами дисциплин вариативной части профессионального цикла происходит активное формирование аксиологической составляющей инженерной графической культуры, что, в свою очередь, обуславливает активное углубление и прочность усвоения графических знаний и умений, развитие творческих способностей, связанных с применением инженерных графических средств в профессиональной деятельности;

иницирование рефлексии как механизма формирования аксиологической составляющей инженерной графической культуры будущих бакалавров³. В процессе рефлексии у будущих бакалавров вырабатываются способности самостоятельно видеть, находить личностные пробелы в знаниях и умениях использования графических средств для решения учебных задач; аналитически мыслить, переносить приобретенные знания, умения, навыки в новые, нестандартные условия; находить новые условия для их применения; комбинировать, синтезировать ранее усвоенные умения и навыки графического отображения в личностные для студента; анализировать свои действия, переживать и решать возникающие проблемы в ходе выполнения самостоятельных графических заданий. Основными механизмами рефлексии являются: оценивание актуального состояния личностного уровня инженерной графической культуры и его соотношение с планируемыми результатами освоения; целеполагание – от каждодневного определения текущих до перспективных целей освоения инженерной графической

культуры; анализ значимости приобретаемых знаний, умений и навыков инженерной графической культуры для будущей профессиональной деятельности; осознание места инженерной графической культуры в деятельности любого инженерно-технического работника;

*реализацию в ходе графической подготовки будущих бакалавров принципов культурологического подхода в обучении*⁴. Во-первых, сама инженерная графическая деятельность является феноменом культуры, поэтому ее формирование может быть обеспечено только в социально-культурно-исторических рамках; во-вторых, бакалавр технического направления подготовки не только субъект культурного саморазвития, но и транслятор культурных образцов, что возможно лишь при условии сформированности у него личностно-творческого отношения к инженерной графике, позволяющего воспроизводить усвоенные образцы графической культуры и создавать новые приемы и способы отображения. Реализация культурологического подхода предполагает: усвоение информации познавательного характера об инженерной графической культуре, ценность и человеческую значимость которой необходимо выявить, поскольку нельзя ценить «ничто», если не знаешь для чего это нужно; восприятие ценностной информации об инженерной графике, которая должна оказать эмоциональное воздействие и вызвать интерес к изучаемому предмету; формирование самостоятельного или иницилируемого отклика на изучаемое, трансформирующегося в эмоциональные реакции, побуждающего к активному самостоятельному изучению материала; осмысление ценности инженерного графического знания, включение ее в систему имеющихся, соотнесение с другими профессиональными ценностями и определение возможности руководствоваться ею в практической деятельности; становление ценности инженерного графического знания как языка общения в профессиональной деятельности, руководства в ситуации выбора технических проектов;

*взаимосвязь «ручных» и «компьютерных» графических технологий на принципах контекстного обучения*⁵. Основой реализации данного условия являются нормативные документы, определяющие цели и содержание подготовки бакалавров, а также требования к его результатам (компетенции, которыми он должен овладеть). На основе анализа нормативных документов определяется совокупность умений, формирую-

щихся при овладении инженерной графической культурой. Эти умения сопоставляются с темами рабочих программ, что позволяет выявить тематические зоны для последующего поиска адекватных им форм и методов обучения; они являются формой функционирования знаний, фундаментом опыта творческой деятельности, одним из объектов ценностно-эмоциональных отношений. Основные приемы, обеспечивающие взаимосвязь ручных и компьютерных графических технологий: имитационное моделирование конкретных условий профессиональной деятельности, проблем при формировании инженерной графической культуры; совместная деятельность участников в условиях ролевого взаимодействия, разделения и интеграции имитируемых в игре производственных функций бакалавров; диалогическое общение и взаимодействие преподавателей и студентов.

Работоспособность и эффективность данных условий были проверены в ходе опытно-экспериментального исследования в ситуации реального образовательного процесса технического вуза. Полученные результаты показали, что данные дидактические условия значительно повышают качество подготовки будущих бакалавров, создают благоприятную образовательную среду для формирования инженерной графической культуры.

Примечания

- ¹ См.: *Ботвинников А. Д., Ломов Б. Ф.* Научные основы формирования графических знаний, умений и навыков. М., 1979; *Покровская М. В.* Инженерная графика: панорамный взгляд (научно-педагогическое исследование). М., 1999.
- ² См.: *Безрукова В. С.* Педагогическая интеграция: сущность, состав, реализация. Свердловск, 1987; *Берулава М. Н.* Интеграция содержания образования. М., 1998.
- ³ См.: *Рефлексивное управление* / под ред. В. Е. Лепского. М., 2000.
- ⁴ См.: *Ариарский М. А., Бутиков Г. П.* Прикладная культурология на службе личности // Педагогика. 2001. № 8. С. 9–16; *Гайсина Г. И.* Культурологический подход в теории и практике педагогического образования. М., 2002; *Крылова Н. Б.* Формирование культуры будущего специалиста. М., 1990.
- ⁵ См.: *Афанасьев В. Г.* Человек, компьютер, творчество // Советская педагогика. 1991. № 5. С. 50–56; *Вербицкий А. А.* Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 23–38.

группы рассмотренные в исследовании монетарные аттитюды (сохранение, неадекватность, безопасность).

Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект «Влияние социокультурных факторов на экономическое сознание» (№ 10-06-00086-а).

Примечания

- ¹ Healy T., Côté S., John H., Field S. The Well-Being of Nations : The Role of Human and Social Capital. P., 2001. P. 148.
- ² См.: Kilkeny M., Nalbarte L., Besser T. Reciprocated community support and small town – small business success // Entrepreneurship and Regional Development, 1999. Vol. 11, № 3. P. 231–246 ; Woolcock M. Social capital and economic development : toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27, № 2. P. 151–208.
- ³ См.: Handbook of social capital. The Troika of Sociology, Political Science and Economics / eds. G. T. Svendsen, G. L. H. Svenddsen. Cheltenham, 2010.
- ⁴ См.: Putnam R. Social capital measurement and consequences // Canadian J. of Policy Research. 2001. Vol. 2, № 1. P. 41–51.
- ⁵ См.: Coleman J. S. Foundations of Social Theory. Harvard ; Cambridge, 1990.
- ⁶ См.: Kilkeny M., Nalbarte L., Besser T. Op. cit.
- ⁷ См.: Putnam R., Leonardi R., Nanett R. Making Democracy Work : Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.

- ⁸ См.: Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge ; P., 1982.
- ⁹ См.: Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Westport, 2002.
- ¹⁰ См.: Perkins D., Hughey J., Speer P. Community psychology perspectives on social capital theory and community development practice // J. of the Community Development Society. 2002. Vol. 33, № 1. P. 33–52.
- ¹¹ См.: Shockley-Zalabak P., Kathleen E., Gaynelle W. Organizational trust : What it means, why it matters // Organization Development J. 2000. Vol. 18, № 4. P. 35–48.
- ¹² См.: Healy T., Côté S., John H., Field S. Op. cit.
- ¹³ См.: Ssewamala F., Karimli L., Chang-Keun H. [et al.]. Social Capital, Savings and Educational Outcomes of Orphaned Adolescents in sub-Saharan Africa // Children and Youth Services Review. 2010. Vol. 32, № 12. P. 1704–1710.
- ¹⁴ См.: Barbieri P., Paugam S., Russel H. Social capital and unemployment exits // Regimes and the experience of unemployment in Europe / eds. D. Gallie, S. Paugam. Oxford, 2000. P. 200–217.
- ¹⁵ См.: Miller N. Contributions of social capital theory in predicting rural community inshopping behaviour // J. of Socio-Economics. 2001. Vol. 30, № 6. P. 475–493.
- ¹⁶ См.: Furnham A. Many sides of the coin: the psychology of money usage // Personality and Individual Differences. 1984. Vol. 5. P. 95–103 ; Furnham A., Lewis A. The Economic Mind : The social psychology of economic behaviour. L., 1986.
- ¹⁷ См.: Arbuckle J. IBM SPSS Amos 19 user's guide // Amos Development Corporation. 2010.

УДК 34:15

ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

А. Л. Южанинова

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: Juzhaninova-Alla@yandex.ru

В статье показана целесообразность использования специальных социально-психологических знаний при расследовании и судебном рассмотрении групповых преступлений; предложено понимание предмета судебно-психологической экспертизы преступной группы, а также выделены основные методологические принципы, лежащие в основе судебно-экспертного психологического исследования.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза преступной группы, предмет судебного социально-психологического экспертного исследования группы, методологические принципы психолого-экспертного исследования преступной группы.

The Subject and Methodological Principles of the Judicial Socio-Psychological Expert Examination of the Criminal Group

A. L. Yuzhaninova

The advisability of the special socio-psychological knowledge which using in the investigation and judicial proceedings group crimes were shown in the article. The understanding of the subject of the judicial psychological examination of the criminal group was proposed. Also the main methodological principles underlying the forensic psychological research were highlighted there.

Key words: judicial psychological examination of the criminal group, subject of the judicial socio-psychological expert examination of the group, methodological principles of psycho-expert examination of the criminal group.

В период с января по октябрь 2011 г. в России организованными группами или преступными сообществами было совершено 14,2 тыс. (24,3%) тяжких и особо тяжких преступлений. В 2010 г. было совершено 21,2 тыс. (28,4%), в 2009 г. – 29,6 тыс. (15,2%) преступлений данной категории¹. Таким образом, за последние три года от 20 до 30% преступлений приходится на тяжкие и особо тяжкие, совершенные организованными группами или преступными сообществами. В этой связи велика значимость использования современных научных достижений для анализа групповых способов совершения преступлений в целях их расследования и предупреждения.

В настоящее время при расследовании групповых преступлений для их правовой квалификации перед следователем и судом стоит задача определения вида преступной группы по степени её организованности: группа лиц, совершившая преступление без предварительного сговора (ч. 1 ст. 35 УК РФ); группа лиц, совершившая преступление по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ); организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ); преступное сообщество (ч. 4 ст. 35 УК РФ).

В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ другой важный вопрос касается установления роли каждого участника при совершении групповых преступлений (кто из них был организатором, исполнителем, подстрекателем, пособником) в целях индивидуализации уголовной ответственности. В п. 15 Постановления Пленума Верховного суда РФ №1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» по этому поводу имеется следующее разъяснение: «Обратить внимание судов на важность неукоснительного соблюдения принципа индивидуализации ответственности при назначении наказания лицам, виновным в бандитизме. В этих целях следует тщательно выяснять и учитывать всю совокупность обстоятельств дела и данных о личности подсудимых: роль и степень участия лица в организации и преступной деятельности банды, тяжесть последствий, наступивших в результате совершенных ею нападений и т. п.»².

Представляется, что решение этих задач – определение степени организованности преступной группы и установление особенностей личности ее участников – может осуществляться с помощью привлечения к расследованию психологов в качестве специалистов или судебных экспертов. Однако, по данным В. Н. Китаевой, с судебной психологической экспертизой преступных групп сталкивались в своей работе всего 25% судей и

16,2% прокуроров и следователей³. При расследовании групповых преступлений межличностные отношения в группе и преступное поведение ее участников, как правило, определяются с помощью тактических приемов и методик допросов и иных следственных действий, разработанных в криминалистике⁴.

Вместе с тем еще в середине и конце прошлого века на практике была доказана целесообразность применения специальных психологических знаний при расследовании групповых преступлений. Так, при расследовании преступной деятельности группы, совершившей серию убийств, краж, разбойных нападений в г. Балашове в конце 1960-х гг., в качестве специалиста-психолога консультативную помощь следствию оказывал сотрудник НИИ Генеральной прокуратуры РФ М. М. Коченов. Анализируя материалы уголовного дела, психолог установил особенности социально-психологической обстановки в селе накануне создания банды, психологические характеристики направленности личности и мотивации преступной деятельности участников группы, социально-психологические особенности самой группы (ее структуру, устойчивость, организованность, характер взаимоотношений в ней). Учет распределения ролей при совершении преступлений и индивидуального личностного смысла действий каждого, установленный М. М. Коченовым, позволил следователю дифференцированно подойти к вопросу об уголовной ответственности участников группы⁵.

Один из первых в нашей стране случаев привлечения психолога к расследованию групповых преступлений касается психологического исследования банды, совершавшей дерзкие нападения на колхозные фермы, инкассаторов, состоятельных граждан одного из районов Ростовской области в 1970–1980 гг. С помощью судебно-психологической экспертизы (СПЭ) удалось опровергнуть показания членов преступной группировки о том, что в ней не было руководителя и что она возникала стихийно всякий раз, когда совершалось преступление⁶. В литературе приведен пример одного из первых в России случаев использования СПЭ при моделировании криминального события, когда тело потерпевшего не было обнаружено, а сообщники, совершившего преступление, вели себя неискренне, перекадывая вину друг на друга⁷. Другие примеры применения СПЭ преступных групп, совершавших преступления в различных регионах России в конце прошлого века, приведены в диссертационном исследовании В. Н. Китаевой⁸, а также в книге Н. Н. Китаева и В. Н. Китаевой⁹.

Таким образом, уже первые в нашей стране опыты привлечения психологов в качестве консультантов, а также судебных экспертов при расследовании групповых преступлений показали

целесообразность использования специальных психологических знаний при установлении мотивации участников преступлений, возможного лидера группировки, моделировании криминального события, психологической достоверности показаний подследственных. Вместе с тем отметим, что среди ученых не существует однозначного мнения по вопросу необходимости применения СПЭ преступной группы. Одни исследователи (С. Н. Шишков, Н. А. Ратинова) высказывают отрицательное отношение к возможности установления иерархии преступной группы средствами СПЭ, поскольку, по мнению авторов, вероятностный характер экспертных выводов лишает их доказательственного значения по делу¹⁰. Другие ученые (В. Ф. Енгальчев, С. С. Шипшин, В. Л. Васильев, В. В. Нагаев, В. Н. Китаева, И. В. Гецманова и др.), напротив, считают экспертный подход в установлении психологических особенностей такой группы вполне приемлемым¹¹. По мнению же О. Д. Ситковской, проведение СПЭ целесообразно в большинстве таких дел. Она отмечает, что недостатком практики является то, что следователи и суды не всегда уделяют должное внимание обоснованию вывода о том, что налицо именно организованная преступная структура. Вместе с тем в процессе доказывания по этим делам возникают серьезные сложности, связанные с характером самого доказательственного материала – оценки латентных для следствия и суда взаимоотношений участников организованной группы (сообщества), – в связи с чем возможны серьезные ошибки при решении вопроса о действительном статусе конкретного субъекта преступления¹².

Одним поводом для назначения СПЭ может быть необходимость получения доказательств наличия признаков организованной преступной группы, другим – противоречивые показания обвиняемых о роли каждого из них в совершении инкриминируемого им деяния¹³. Однако даже при отсутствии разногласий в сообщаемых подследственными сведениях не исключается вероятность разыгрывания ими заранее разработанного сценария, касающегося роли каждого при совершении преступления и сокрытия реального лидера. С помощью СПЭ преступной группы может быть проверена состоятельность утверждений ее членов об их участии в совершении преступления¹⁴.

В литературе психологическая экспертиза по делам о групповых преступлениях называется по-разному, например она может называться судебно-психологической экспертизой групповых преступлений¹⁵. В зависимости от объекта экспертизы (группа как субъект преступления или участники группового способа совершения преступления) выделяют такие ее виды: судебно-психологическая экспертиза преступной группы¹⁶, судебно-психологическое исследование преступной группировки¹⁷, судебно-психологи-

ческая экспертиза членов преступных групп¹⁸. На основании выделения частного предмета экспертизы преступной группы ее виды называют судебно-психологической экспертизой структуры преступной группы¹⁹, психологической экспертизой иерархии преступной группы и индивидуально-ролевого статуса ее членов²⁰. В случаях когда объектом экспертизы становятся участники группового преступления, ее называют экспертизой психологических особенностей членов преступной группы²¹.

Иногда специально подчеркивается социально-психологический характер психолого-экспертного исследования преступных групп или их участников. В таких ситуациях психологическое судебно-экспертное исследование, соответственно, называют судебно-психологической экспертизой социально-психологической структуры преступной группы²², а также экспертизой социально-психологических особенностей членов преступной группы²³ или экспертным исследованием участников преступной группы с применением социально-психологических методов²⁴.

Все авторы, по-разному называющие экспертные исследования, проводимые при расследовании группового способа совершения преступлений, сходятся в одном: они обозначают данную экспертизу как психологическую. Представляется, что судебно-психологическое исследование, объектами которого являются преступная группа и ее участники, а предметом – социально-психологические особенности группы и ее членов, в котором в качестве инструментария используются социально-психологические методы, по своей природе является социально-психологическим. Следовательно, судебная экспертиза в таком случае относится к классу судебной психологической экспертизы и к роду судебной социально-психологической экспертизы.

В целях определения предмета СПЭ преступной группы нами анализировалось содержание рекомендуемых вопросов в экспертных заданиях, приведенных в вышеперечисленных работах. Обобщив различные мнения, предлагаем в качестве основных выделить следующие вопросы экспертного задания, очерчивающие предмет и объекты судебной социально-психологической экспертизы (ССПЭ) преступной группы:

1) имеются ли в группе социально-психологические признаки высокой организованности, сплоченности, и если имеются, то в чем они выражаются;

2) учитывая социально-психологические особенности группы, характер групповых взаимоотношений, индивидуально-психологические качества участников группы, а также характер и обстоятельства совершенных ими деяний, высказать мнение о роли каждого в совершенных групповых действиях;

3) кто был лидером группы при совершении инкриминируемых деяний.

Таким образом, предметом ССПЭ преступной группы являются уровень ее организованности, а также групповой статус и ролевая дифференциация ее членов при совершении группового преступления или ведении групповой преступной деятельности. В качестве объектов выступают группа как совокупный субъект преступления, члены преступной группы, их действия и обстоятельства совершения группового преступления (преступлений).

Междисциплинарный характер судебно-экспертных психологических исследований преступной группы предполагает, что методологической основой их служат принципы общепсихологического, социально-психологического, психолого-юридического, психолого-экспертного подхода. В качестве основного психологического принципа может быть назван принцип *личностного подхода*, реализуемый при установлении индивидуальных и личностных особенностей членов преступной группировки. Другим психологическим принципом является *принцип деятельности* (Г. М. Андреева), согласно которому группа рассматривается как совокупный субъект совместной групповой деятельности, при этом анализ актов индивидуальной деятельности вне определенного «социального контекста» недопустим²⁵.

Другим исходным психологическим принципом можно назвать *принцип единства общения и деятельности*, сформулированный Б. Ф. Ломовым. Он писал, что неверно представлять общение и деятельность как независимые стороны человеческой жизни – они неразрывно связаны. В то же время совместная деятельность и общение – не одно и то же: эти понятия близки, но не тождественны. Общение является существенной «составляющей» совместной деятельности и играет в ее организации важнейшую роль²⁶.

Игнорирование при экспертном исследовании групповой деятельности принципов деятельности и единства общения и деятельности приводит к выполнению экспертизы не в социально-психологическом, а общепсихологическом ключе. В результате «из анализа выпадает целый пласт крайне существенной информации, касающейся функционирования группы как самостоятельного целостного субъекта деятельности. Будучи изъятыми из группового контекста, поступки и действия отдельных участников не могут быть адекватно поняты лишь через анализ их личностных характеристик, специфику индивидуально-психологических особенностей»²⁷.

Реализация *принципа системного исследования группы*²⁸ при экспертном установлении групповых феноменов (лидерства, ролей, сплоченности группы) и их влияния на поведение в

юридически значимой ситуации состоит в рассмотрении их как многомерных и многоуровневых систем.

Проведение социально-психологического исследования преступной группы в соответствии с *принципом развития* означает, что психологический анализ необходим для каждого криминального эпизода с учетом возможной групповой динамики. Первые эпизоды могут совершаться слабо структурированной и организованной группой (ролевая дифференциация почти не выражена, роли совмещаются, группа ограничивается лишь самым общим планом действий и ведет себя ситуативно, взаимодействие ее членов основывается на личных предпочтениях и симпатиях), которая впоследствии становится более устойчивой, организованной и сплоченной.

Среди принципов судебно-психологической экспертологии, используемых при проведении ССПЭ группы, можно выделить *принцип ретроспективной диагностики* поведения и состояния подэкспертных лиц в юридически значимых ситуациях, сформулированный М. М. Коченовым и О. Д. Ситковской²⁹. Реализация данного принципа для исследования группы как совокупного субъекта преступления состоит в том, что экспертный анализ групповых феноменов также должен быть направлен на определение их особенностей не на момент проведения экспертизы, а на момент совершения противоправного деяния.

Судебную социально-психологическую экспертизу преступной группы можно отнести к формирующемуся виду судебно-психологической экспертизы, поскольку ее теоретические, методологические и методические положения до конца не отработаны и нуждаются в дальнейших исследованиях.

Примечания

- 1 См.: Состояние преступности // Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/> (дата обращения: 12.11.2011).
- 2 Постановление Пленума Верховного суда РФ №1 от 17 января 1997 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюл. Верховного суда РФ. 1997. № 3.
- 3 См.: *Холопова Е.Н.* Судебно-психологическая экспертиза как основная форма использования психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений // Вестн. криминалистики. 2006. Вып. 4(20). С. 25–33.
- 4 См.: *Быков В. М.* Тактика выявления организаторов преступных групп // Следователь. 1997. № 3. С. 15.
- 5 См.: *Коченов М. М.* Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М., 2010. С. 254–323.
- 6 См.: *Енгальчев В. Ф., Шитшин С. С.* Судебно-психологическая экспертиза. Метод. руководство. 2-е изд. Калуга, 1997. С. 142–146.

- ⁷ См.: *Китаев Н. Н., Архипова А. Н.* Судебно-психологическая экспертиза при расследовании убийства «без трупа» // *Вестн. криминалистики*. 2008. Вып. 4(28). С. 87.
- ⁸ См.: *Китаева В. Н.* Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002.
- ⁹ См.: *Китаев Н. Н., Китаева В. Н.* Экспертные психологические исследования в уголовном процессе. Иркутск, 2002.
- ¹⁰ См.: *Шишков С. Н.* Могут ли психологические и психиатрические заключения служить доказательством? // *Законность*. 1997. № 7. С. 43–44 ; *Рапинова Н. А.* Психология насильственных групповых преступлений и их экспертная оценка. М., 2001. С. 32.
- ¹¹ См.: *Енгальчев В. Ф., Шитшин С. С.* Указ соч. ; *Васильев В. Л.* Юридическая психология. СПб., 2000. С. 521–525 ; *Нагаев В. В.* Основы судебно-психологической экспертизы : учеб. пособие для вузов. М., 2000. С. 189–192 ; *Гецманова И. В.* Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе : учеб. пособие. М. ; Воронеж, 2006. С. 153–163.
- ¹² См.: *Ситковская О. Д.* Судебно-психологическая экспертиза индивидуально-психологических особенностей обвиняемого и мотивов противоправных действий // *Ситковская О. Д., Конышева Л. П., Коченов М. М.* Новые направления судебно-психологической экспертизы : справочное пособие. М., 2000. С. 33–35.
- ¹³ См.: *Енгальчев В. Ф., Шитшин С. С.* Указ. соч. С. 143.
- ¹⁴ См.: *Ситковская О. Д.* Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Судебно-психологическая экспертиза групповых преступлений. URL: <http://vuzlib.net/beta3/html/1/12837/12936/> (дата обращения: 11.11.2011).
- ¹⁶ См.: *Гецманова И. В.* Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе. С. 153–163.
- ¹⁷ См.: *Енгальчев В. Ф., Шитшин С. С.* Указ. соч. С. 142–146.
- ¹⁸ См.: *Висковатова Т. П.* Особенности проведения судебно-психологической экспертизы членов преступных групп и написания заключительного акта. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/bozk/2007/16text/gl16_03.htm (дата обращения: 11.11.2011) ; *Шутемова Т. В.* О следственной подготовке проведения судебно-психологической экспертизы членов преступной группы // *Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Калуга, 2010. С. 358–363.
- ¹⁹ См.: *Курмаева Н. А.* Роль и значение судебно-психологической экспертизы для установления структуры преступной группы. URL: <http://kraspubl.ru/content/view/183/64/> (дата обращения: 11.11.2011).
- ²⁰ См.: *Шутемова Т. В.* Указ соч.
- ²¹ См.: *Войде А. Г.* Экспертиза особенностей членов преступной группы // *Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации...* С. 98–100.
- ²² См.: *Психология : учебник для гуманитарных вузов / под ред. В. Н. Дружинина*. СПб., 2009.
- ²³ *Васильев В. Л.* Указ. соч. С. 521–525.
- ²⁴ См.: *Рапинова Н. А., Сулимовская Е. И.* Возможности применения социально-психологических методов в экспертном исследовании // *Юридическая психология : сб. науч. тр. Вып. 2 / под ред. Г. Х. Ефремовой, О. Д. Ситковской*. М., 2001. С. 63–73.
- ²⁵ См.: *Андреева Г. М.* Социальная психология : учебник для высш. учеб. заведений. М., 2008. С. 49.
- ²⁶ См.: *Ломов Б. Ф.* Проблема общения в психологии. М., 1981. С. 3–23.
- ²⁷ *Рапинова Н. А., Сулимовская Е. И.* Указ. соч. С. 64–65.
- ²⁸ *Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М.* Психология малой группы : теоретический и прикладной аспекты. М., 1991. С. 35–37.
- ²⁹ См.: *Ситковская О. Д.* Психологические основания уголовной ответственности. Баку, 1992. С. 26 ; *Коченов М. М.* Указ. соч. С. 323.

УДК 159.9316.6

МОНЕТАРНЫЕ АТТИТЮДЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ

А. Н. Татарко

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва
E-mail: tatarako@yandex.ru

Рассмотрена связь социального капитала и отношения к деньгам. Высказано предположение, что социальный капитал может выполнять регулятивную функцию в отношении людей к материальным ресурсам, которая может проявляться на индивидуальном уровне в особенностях отношения к деньгам. Установлено, что социальный капитал на индивидуальном уровне отрицательно влияет на выраженность следующих групп монетарных аттитюдов: «накопление», «власть», «неадекватность», «безопасность».

Ключевые слова: социальный капитал, монетарные аттитюды, гражданская идентичность, доверие.

Attitudes Towards Money and Social Capital

A. N. Tatarko

The correlation between social capital and relationships to money was discussed. We suggested that social capital may perform a regulatory function in the people's relation to material resources, which may occur at the individual level in relation to money. It was found that social capital at the individual level, demonstrates a negative effect on the following groups of monetary attitudes: «retention», «power» «inadequacy», «security».

Key words: social capital, monetary attitudes, civil identity, trust.

Понятие социального капитала все чаще используется для объяснения различных социальных и экономических процессов, происходящих в обществе. Социальный капитал можно определить как «ресурс, принадлежащий социальным отношениям и способный увеличить продуктивность целенаправленных действий»¹. Популярность данного понятия связана с тем, что оно имеет высокую объяснительную ценность в качестве одного из ключевых факторов экономического развития и благополучия, а также как концепт для объяснения причин экономического прогресса². Экономические эффекты социального капитала продемонстрированы в достаточно большом количестве исследований³, показано, что наличие социального капитала способствует экономическому росту, увеличению доли инвестиций в ВВП, создает условия для экономического роста, способствует снижению неравенства в доходах. Однако эти исследования фиксируют результат действия социального капитала, но не позволяют в достаточной мере понять психологические механизмы его функционирования.

Основой социального капитала является доверие⁴ – именно этот показатель используется в большинстве исследований в качестве основного

индикатора социального капитала. В целом же, как отмечал Дж. Колмен, социальный капитал определяется через собственную функцию: это не какая-либо одна сущность, а различные, имеющие характеристики целого, и все они представляют собой определенные аспекты социальной структуры и ускоряют некоторые действия индивидов, которые находятся внутри неё⁵. При этом немаловажное значение имеет и восприятие самими индивидами социальной общности, в которую они включены. Восприятие социального капитала общности может влиять и на эффективность взаимодействия индивидов внутри нее. Этот тезис подтверждается эмпирическими исследованиями. В частности, показано, что восприятие социального капитала имеет значение для ориентации людей на собственные успех и экономическую активность. Например, М. Килкенни с коллегами, опираясь на данные эмпирического исследования 800 небольших фирм в 30 городах штата Айова в США, показали, что воспринимаемая поддержка местного сообщества в сочетании с равноправием и поддержкой внутри фирм позитивно и высокозначимо связаны с представлением сотрудников об успехе их фирм⁶.

На уровне общества социальный капитал связан с такими характеристиками социальной структуры, как доверие, нормы взаимодействия, плотность социальных сетей, т. е. тем, что может повышать эффективность развития общества⁷. Взаимное доверие, соблюдение общих норм и включенность в социальные сети возможны, когда люди внутри социальной структуры обладают чувством общности. Осознание принадлежности к социальной общности вместе с эмоционально-оценочным отношением к этой принадлежности, называемое социальной идентичностью, регулирует отношения с представителями аут-групп⁸. Можно сказать, что для общества в целом такую функцию выполняет гражданская идентичность. Целостная и гармоничная групповая, коллективная идентичность очень важна для личности. В частности, Д. Тейлор отмечал, что коллективная идентичность должна быть *определенной*: последствия отсутствия определенности коллективной идентичности катастрофичны. Психологически здоровый индивид всегда должен иметь определенную коллективную (этническую, культурную, гражданскую) идентичность; такой индивид *готов* к осмысленному, позитивному

взаимодействию с физической и социальной средой, а также *способен* взаимодействовать с изменяющимся и сложным современным миром⁹. Таким образом, помимо доверия, степени включенности в социальное взаимодействие важным измерением социального капитала общества является состояние гражданской идентичности его представителей. Социальная (групповая) идентичность и ранее рассматривалась в качестве измерения социального капитала¹⁰, в том числе и в качестве одного из индикаторов социального капитала организаций¹¹.

Таким образом, в процессе эмпирического исследования социального капитала общества путем анализа агрегированных ответов респондентов релевантными будут следующие индикаторы социального капитала: социальное доверие, гражданская идентичность, восприятие социального капитала общества.

Цель настоящей работы состоит в рассмотрении одного из возможных психологических механизмов, посредством которого социальный капитал может влиять на экономическое поведение. Мы полагаем, что благодаря тому, что различные виды капитала могут конвертироваться друг в друга (это одно из свойств капитала вообще), социальный капитал может принимать на себя часть психологических функций, которые несет финансовый капитал.

Исследования показывают, что социальный капитал связан с экономическим поведением людей, повышая его активность и продуктивность. Уровень доверия влияет на инвестиционное и финансовое поведение: в частности, было показано, что в регионах Италии с высоким уровнем социального доверия люди пользуются в большей степени чеками, чем наличными, больше инвестируют в акции¹². Финансовое поведение людей, переехавших из одного региона в другой, в большей степени определяется уровнем доверия в среде, куда они переехали, а не того, откуда они. Доверие связано с тем, что люди начинают более активно пользоваться кредитами. Социальный капитал связан со сберегающим поведением, установлено его влияние на такое поведение у подростков¹³. Сети как элемент социального капитала меняют поведение людей при поиске работы и делают его более успешным¹⁴.

В исследовании, посвященном изучению предсказательной способности теории социального капитала по отношению к покупательскому поведению, было показано, что социальный капитал действительно позволяет предсказать покупательское поведение¹⁵. В данном случае играет роль то, что люди принадлежат к одной общности, т. е. наличие у них единой социальной идентичности, которая рождает отношения взаимности. В исследовании выявлено, что взаим-

ность выступает медиатором принадлежности к общности и покупательского поведения.

Социальный капитал выполняет функцию психологической поддержки индивида в процессе реализации им собственного экономического поведения, дает людям чувство уверенности, что повышает их экономическую активность. Если рассмотреть функции денег с психологической точки зрения, нетрудно заметить, что они выполняют аналогичную функцию.

Таким образом, *общая гипотеза исследования* состоит в том, что социальный капитал отрицательно связан с монетарными аттитюдами, характеризующими стремление человека к накоплению денег, использованию их как агента влияния на других людей и как средства обеспечения собственной безопасности. Выборка составила 634 респондента, из них 304 – мужчины, 330 – женщины. Возраст респондентов от 20 до 59 лет ($M = 41$). Образование: среднее общее – 2,4%; среднее специальное – 21,1%; незаконченное высшее – 21,5%; высшее – 55% опрошенных. Основным методом исследования выступил анкетный опрос. Специально разработанная анкета включала методики для оценки социального капитала и опросник А. Фёнема «Шкала денежных убеждений и поведения» (Money Beliefs and Behavior Scale)¹⁶.

При обработке данных была проведена оценка связи показателей социального капитала с монетарными аттитюдами путем моделирования с помощью структурных уравнений¹⁷ и графически представлены как сами модели, так и их характеристики. Здесь и далее обозначения на рисунках: «Мон. атт.» – это «Монетарный аттитюд»: утверждение для измерения монетарных аттитюдов с соответствующим порядковым номером; гр. ид-ти – гражданской идентичности. Совокупность утверждений составляет конструкт «Сохранение», который целиком рассматривается в модели как зависимая переменная (рис. 1).

Результаты моделирования показывают, что доверие и характеристики гражданской идентичности оказывают влияние на блок монетарных аттитюдов «Сохранение» (см. рис. 1). Модель имеет достаточно высокие показатели надежности. Направленность влияния является обратной. Рассмотрим результаты моделирования связи показателей социального капитала с блоком монетарных аттитюдов «Неадекватность» (рис. 2).

Данная шкала объединяет установки индивида, характеризующие его постоянные конфликты с близкими людьми из-за денег, сравнение своих финансовых возможностей с аналогичными возможностями окружающих людей и т. д. Модель показывает, что характеристики индивидов (доверие к окружающим, позитивная и выраженная гражданская идентичность), объединяе-

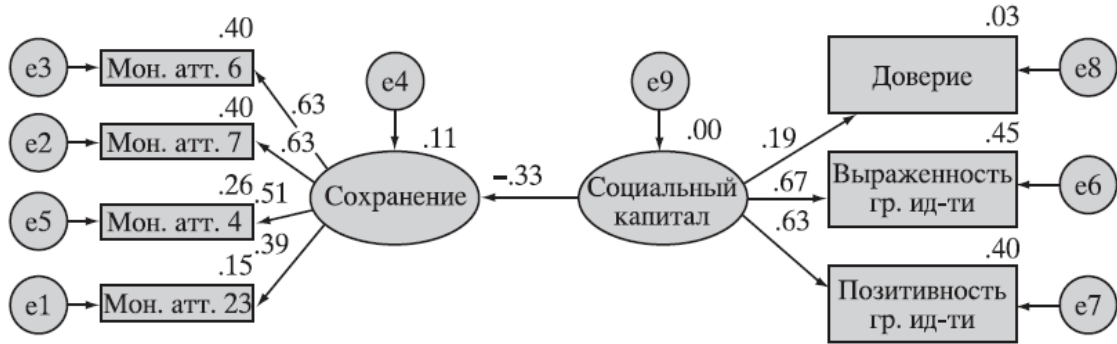

Рис. 1. Модель влияния социального капитала на блок монетарных аттитудов «Сохранение»: $\chi^2 = 12,6$; $df = 13$; $p = 0,45$; CFI=1,0; RMSEA = 0,000

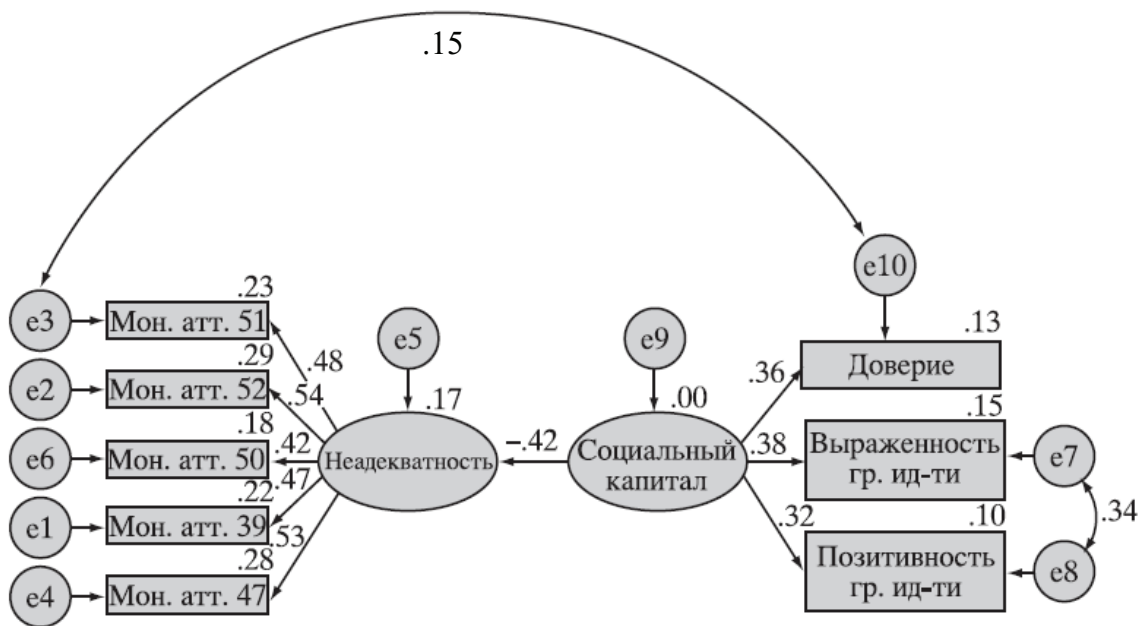

Рис. 2. Модель влияния социального капитала на блок монетарных аттитудов «Неадекватность»: $\chi^2 = 21,9$; $df = 17$; $p = 0,19$; CFI = 0,99; RMSEA = 0,02

мые понятием «социальный капитал», имеют негативный эффект для указанной группы монетарных аттитудов. С группой монетарных аттитудов

«Безопасность» оказались взаимосвязаны только характеристики гражданской идентичности (рис. 3).

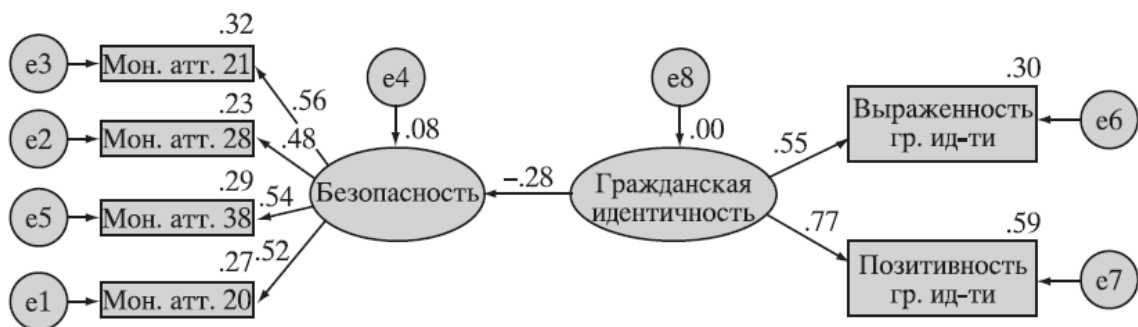

Рис. 3. Модель влияния социального капитала на блок монетарных аттитудов «Безопасность»: $\chi^2 = 8,73$; $df = 8$; $p = 0,37$; CFI = 0,99; RMSEA = 0,01

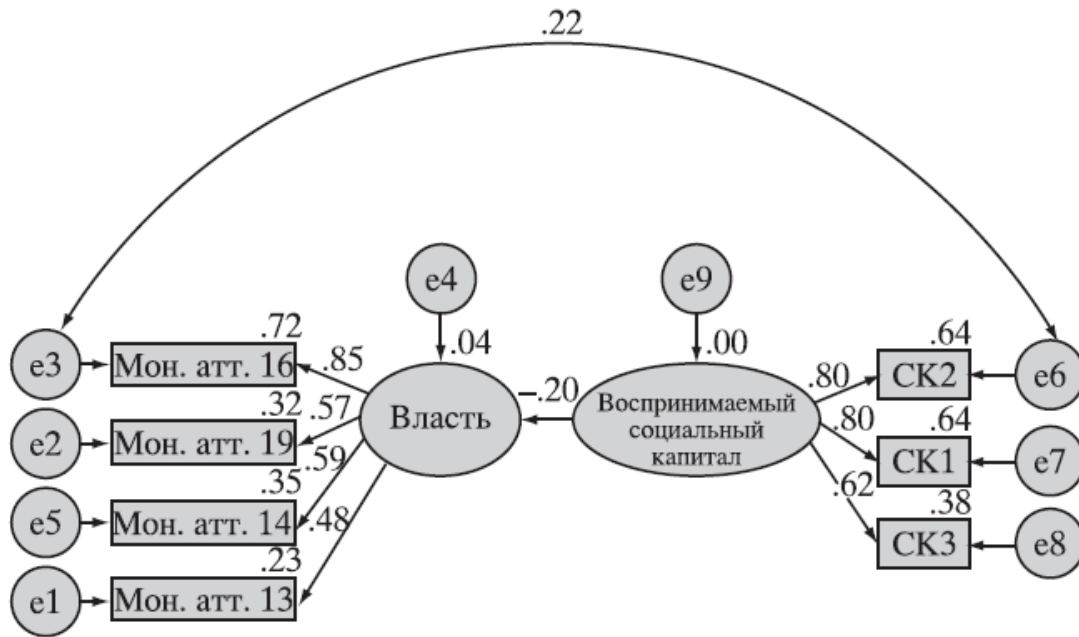

Рис. 4. Модель влияния социального капитала на блок монетарных аттитюдов «Власть»: $\chi^2 = 16,5$; $df = 12$; $p = 0,17$; CFI = 0,99; RMSEA = 0,02

Таким образом, можно предположить, что люди, уверенные в своей стране, имеющие выраженную позитивную гражданскую идентичность, в меньшей степени склонны рассматривать деньги как средство защиты. Для них менее характерно представление, что деньги могут решить все их проблемы, и, соответственно, они меньше ориентированы на накопление денег для обретения уверенности в своей защищенности. Проанализируем модель влияния социального капитала на блок монетарных аттитюдов «Власть» (рис. 4). Обозначения на рисунке: СК – это «социальный капитал»: утверждение для измерения воспринимаемого социального капитала с соответствующим порядковым номером. Совокупность утверждений составляет конструкт (Воспринимаемый социальный капитал), который целиком рассматривается в модели как независимая переменная.

На группу монетарных аттитюдов «Власть» (см. рис. 4) оказывает влияние только воспринимаемый социальный капитал. Модель является надежной, но при этом нельзя утверждать, что влияние воспринимаемого социального капитала на данную группу монетарных аттитюдов достаточно сильное. Однако можно предположить, что люди, склонные высоко ценить готовность окружения к взаимопомощи, в целом меньше склонны ориентироваться на деньги как средство управления людьми. Объективные показатели социального капитала – доверие и состояние гражданской идентичности – не продемонстрировали эффекта для блока монетарных аттитюдов «Власть / использование».

При моделировании связей социального капитала с группой монетарных аттитюдов «Одержимость» не удалось построить модели со статистически достоверными показателями. Таким образом, можно отметить, что используемые в проведенном исследовании индикаторы социального капитала не оказывают значимого влияния на группу монетарных аттитюдов «Одержимость», т. е. чрезмерное стремление индивида к активному накоплению денег.

В заключение можно сказать, что социальный капитал связан отрицательно с негативными по своей коннотации монетарными аттитюдами. В частности, выявлена отрицательная связь индикаторов социального капитала с монетарными аттитюдами «Накопление» (Retention), «Неадекватность» (Inadequacy), «Безопасность» (Security), «Власть / использование» (Power / spending).

Общим эффектом социального капитала является его отрицательная связь с зависимостью от денег. Стремление к накоплению денег, использование их как источника влияния, источника защиты делает человека зависимым от них, заставляет постоянно о них думать. Высокий социальный капитал, обеспечивающий социальную поддержку, вероятно, будет способствовать и снижению подобной зависимости от денег.

Наиболее часто и сильно связанным с монетарными аттитюдами компонентом социального капитала явилась гражданская идентичность. Установлено, что гражданская идентичность (наряду с доверием) обладает наибольшей предсказательной силой относительно того, в какой степени будут присутствовать у индивида или

группы рассмотренные в исследовании монетарные аттитюды (сохранение, неадекватность, безопасность).

Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект «Влияние социокультурных факторов на экономическое сознание» (№ 10-06-00086-а).

Примечания

- ¹ Healy T., Côté S., John H., Field S. The Well-Being of Nations : The Role of Human and Social Capital. P., 2001. P. 148.
- ² См.: Kilkeny M., Nalbarte L., Besser T. Reciprocated community support and small town – small business success // Entrepreneurship and Regional Development, 1999. Vol. 11, № 3. P. 231–246 ; Woolcock M. Social capital and economic development : toward a theoretical synthesis and policy framework // Theory and Society. 1998. Vol. 27, № 2. P. 151–208.
- ³ См.: Handbook of social capital. The Troika of Sociology, Political Science and Economics / eds. G. T. Svendsen, G. L. H. Svenddsen. Cheltenham, 2010.
- ⁴ См.: Putnam R. Social capital measurement and consequences // Canadian J. of Policy Research. 2001. Vol. 2, № 1. P. 41–51.
- ⁵ См.: Coleman J. S. Foundations of Social Theory. Harvard ; Cambridge, 1990.
- ⁶ См.: Kilkeny M., Nalbarte L., Besser T. Op. cit.
- ⁷ См.: Putnam R., Leonardi R., Nanett R. Making Democracy Work : Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, 1993.

- ⁸ См.: Tajfel H. Social identity and intergroup relations. Cambridge ; P., 1982.
- ⁹ См.: Taylor D. The Quest for Identity. From minority groups to Generation Xers. Westport, 2002.
- ¹⁰ См.: Perkins D., Hughey J., Speer P. Community psychology perspectives on social capital theory and community development practice // J. of the Community Development Society. 2002. Vol. 33, № 1. P. 33–52.
- ¹¹ См.: Shockley-Zalabak P., Kathleen E., Gaynelle W. Organizational trust : What it means, why it matters // Organization Development J. 2000. Vol. 18, № 4. P. 35–48.
- ¹² См.: Healy T., Côté S., John H., Field S. Op. cit.
- ¹³ См.: Ssewamala F., Karimli L., Chang-Keun H. [et al.]. Social Capital, Savings and Educational Outcomes of Orphaned Adolescents in sub-Saharan Africa // Children and Youth Services Review. 2010. Vol. 32, № 12. P. 1704–1710.
- ¹⁴ См.: Barbieri P., Paugam S., Russel H. Social capital and unemployment exits // Regimes and the experience of unemployment in Europe / eds. D. Gallie, S. Paugam. Oxford, 2000. P. 200–217.
- ¹⁵ См.: Miller N. Contributions of social capital theory in predicting rural community inshopping behaviour // J. of Socio-Economics. 2001. Vol. 30, № 6. P. 475–493.
- ¹⁶ См.: Furnham A. Many sides of the coin: the psychology of money usage // Personality and Individual Differences. 1984. Vol. 5. P. 95–103 ; Furnham A., Lewis A. The Economic Mind : The social psychology of economic behaviour. L., 1986.
- ¹⁷ См.: Arbuckle J. IBM SPSS Amos 19 user's guide // Amos Development Corporation. 2010.

УДК 34:15

ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СУДЕБНОГО СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЫ

А. Л. Южанинова

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: Juzhaninova-Alla@yandex.ru

В статье показана целесообразность использования специальных социально-психологических знаний при расследовании и судебном рассмотрении групповых преступлений; предложено понимание предмета судебно-психологической экспертизы преступной группы, а также выделены основные методологические принципы, лежащие в основе судебно-экспертного психологического исследования.

Ключевые слова: судебная психологическая экспертиза преступной группы, предмет судебного социально-психологического экспертного исследования группы, методологические принципы психолого-экспертного исследования преступной группы.

The Subject and Methodological Principles of the Judicial Socio-Psychological Expert Examination of the Criminal Group

A. L. Yuzhaninova

The advisability of the special socio-psychological knowledge which using in the investigation and judicial proceedings group crimes were shown in the article. The understanding of the subject of the judicial psychological examination of the criminal group was proposed. Also the main methodological principles underlying the forensic psychological research were highlighted there.

⁹ Крылов А. А., Ронгинская Т. И. Исследование личности с помощью модифицированной формы В опросника FPI // Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. А. Крылова. Л., 1990. С. 51–60.

¹⁰ Польская Н. А. К проблеме эмпирического изучения самоповреждающего поведения // Экспериментальная психология в России : традиции и перспективы / под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2010. С. 714–720.

УДК 008.2 (063)

О ЕДИНОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ТЕОРИИ

А. А. Понукалин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: ponukalin@sstu.ru

Статья посвящена проблеме научного обоснования единой общественной теории, необходимой для объяснения причин, предсказания последствий мирового системного кризиса и выработки концепции социального идеала желаемого будущего.

Ключевые слова: общественные теории, мировой кризис, исторические циклы, силы созидания и разрушения, социальный идеал, евразийская цивилизация.

On Unified Social and Humanitarian Theory

А. А. Ponukalin

The article is devoted to the scientific basis for a unified social theory needed to explain the reasons, to predict the aftermath of the global systemic crisis and to develop the concept of social ideal of desired future.

Key words: social theory, global crisis, historical cycles, forces of creation and destruction, social ideal, Eurasian civilization.

Единая социально-гуманитарная теория необходима для объяснения многообразия известных и прогнозируемых явлений, взаимосвязанных в системе природа – общество – человек. Такая теория позволит разработать перспективные стратегии общественного развития на основе достоверных прогнозов. Современное общество достигло той стадии эволюции, когда его дальнейшее существование зависит от управления жизнедеятельностью, а управление, эффективное в контексте эволюционных перспектив, должно основываться на адекватной реальному миру общественной теории.

Для России сегодня общественная теория необходима, наверное, как никогда, поскольку решается политическая проблема сохранения её суверенитета в условиях обострения противоречий локальных мировых цивилизаций, которые привели к системному общемировому кризису. Последствия этого затягивающегося до бесконечности кризиса отрицательно скажутся на инновационном и технологическом развитии мировой экономики, а такое развитие потребует значительных энергетических затрат, тогда как в

ситуации кризиса возникают проблемы в первую очередь с энергетикой.

Общемировая ситуация такова, что целый ряд событий окажет, надо полагать, значительное влияние на макроэкономическое состояние общества. Влияние подобных событий на цивилизационное развитие необходимо рассматривать в плоскости научно-технических проектов, реализация которых скажется на всех сторонах жизни человечества, при этом вся цивилизация будет осуществлять их. Они поддерживаются нынешними «власть имущими», поскольку сулят возможность производства всё новых и новых видов вооружений, необходимых для поддержания мирового порядка разносчиками вируса «либеральной демократии». Тревожат не только последствия, но и тенденция увеличивать количество энергии, затрачиваемой на познание глубин мироздания, что может закончиться «энергетическим коллапсом».

Энергетическая картина мира и энергетический способ познания сейчас начинают уступать место информационной картине мира и информационному способу познания природы как единого целого, поэтому всё большие усилия будут направляться на изучение сознания как явления природы и освоение законов взаимодействия субъективной и объективной реальности с целью постепенного освобождения духовно и нравственно развивающегося Человека от материальной зависимости.

Сегодня общепризнано, что классическая парадигма «рыночной экономики» оказалась несостоятельной. Она исчерпала себя, и её реализация служит одной из причин катаклизмов, наблюдаемых в мировой экономике. «Рыночная экономика» в духовном плане представляется, скорее, «дьявольским» искушением человечества: вначале она приводит к неограниченному росту благ, а затем наступает период расчеловечивания, когда богом становится прибыль и людей охватывает неодолимое желание потреблять всё больше и больше. Как известно, соблазнён-

ным приходится расплачиваться за «проданную» душу вечной мукой и страданиями.

Ключевым фактором нового экономического уклада служат нанотехнологии, позволяющие решать, как полагают энтузиасты, самые острые проблемы человечества. Основная идея реализации нанотехнологий – конструирование и изготовление программируемых нанороботов, способных материализовать на атомарном уровне проекты самых разных товаров и продуктов. Последствия внедрения нанотехнологий малопредсказуемы по разным причинам, но многое будет зависеть от тех, кто станет определять «нанополитику». Скорее всего, распространение нанотехнологий в значительных масштабах будет сопровождаться также масштабными конфликтами – борьбой за превосходство одних над другими. Мир разделится на две смертельно враждующие половины – носителей «добра» и «зла» – в преддверии того, что в религиозных учениях носит название Армагеддон.

Всё более очевидной становится необходимость следовать принципам регулируемой экономики, конечно, если для цивилизации актуальна потребность самосохранения. В таком случае впереди – создание плановых хозяйственных «анклавов», распределённых на территориях стран каких-либо содержания и ориентированных на рациональные потребности духовно и нравственно развивающегося сообщества. В этой связи следует отметить создание евразийской цивилизации, центром которой становится Россия, – пока что в форме единого экономического пространства на евразийской территории, в которое могут войти многие страны Европы и Азии.

Поставлена глобальная задача – создание евразийской инновационной системы, способной принципиально улучшить качество жизни людей, обеспечить им высокую степень безопасности, способствовать ускорению общественного развития в контексте целей мирового эволюционного процесса. Намечаются широкие перспективы для Саратова как возможного центра инновационной системы и модели Евразийского сообщества в контексте конструирования цивилизации с новым экономическим укладом. Что касается нового (шестого) экономического уклада, то его признаки очевидны и, конечно, результаты многих научных исследований, инновации будут практически реализованы. Пока ещё речь идёт лишь о формировании институтов развития нового экономического уклада и связывать с ним ближайшие перспективы нельзя. При этом одна из важнейших экономических проблем – масштабы распространения современных технологий, которые сулят «сказку сделать былью», что принципиально изменит социальную сущность человечества.

Накануне политико-экономических изменений, соответствующих национальным интересам

нашей страны и её значению для мирового сообщества, России необходима общественная теория в качестве основы для разработки современной политической доктрины, позволяющей сохранить суверенитет и статус одной из ведущих держав мира. Специалистами разработана концепция социально-экономического развития России до 2020 г. и «Стратегия-2020». В основе этих разработок не находится какая-либо общественная теория – это, скорее, планы достижения желаемых показателей жизнедеятельности страны, что, конечно, играет положительную роль в формировании здоровой социально-психологической атмосферы в обществе.

Если в качестве оснований общественной теории рассматривать социологические, то они выполняют констатирующую функцию и не всегда в состоянии объяснить глубинную природу и суть происходящих в обществе процессов. Возможности усиления объяснительной функции социологической теории заключены в феноменах социопсихологии (влияние социальной среды на психику масс и личности) и психосоциологии (влияние массовой психологии и личности на социальную среду).

Анализ взаимосвязи психического и социального приводит к предположению о существовании некой природной субстанции, выполняющей регулятивные функции по отношению к экзистенциальным характеристикам человека и общества. Возможно, её природа столь же глубока, сколь и природа бессознательного, и она не производна от психики, а первична, в ней индивидуальная психика формируется онтогенетически относительно «Эго-центра» человека. Феноменология природной регуляции биологических преобразований, массовых психических проявлений, опосредующих социальные процессы, существует в форме, например, солнечно-земных связей, изученных в свое время А. Л. Чижевским, а затем и другими.

Методология разработки проблем единой социально-гуманитарной теории строится на принципах мировоззрения, отражающего представление о симметрично-асимметричном характере природы, имеющей системное строение в глобальных и локальных областях объективно возникающих явлений, т. е. представление о природе, целесообразно устроенной и управляемой в соответствии с законами протекания универсального мирового процесса. основополагающим законом, на базе которого строится теория, служит закон диалектики – единства и борьбы противоположностей. Его реальные проявления обнаруживаются практически во всех локальных изученных к настоящему времени областях природы: материи, человеку, обществе. Данный закон характеризует способ, каким существуют различные формы материи, – способ асимметрии, служащей источником энергии самодвижения материи, условием

её объективных проявлений. Асимметрия и есть борьба противоположностей, составляющих некую целостность, существующую только таким образом и потому самодвижущуюся как энергетическая субстанция; симметрия же означает внеэнергетическую субстанцию, обездвиженную в пространстве и времени.

Динамические проявления асимметричного способа существования мира выражаются в том, что в нём действуют одновременно полярные, но взаимосвязанные процессы «разрушения» и «созидания». Результаты их действия обнаруживаются в самых разных формах материального бытия, и в том числе в форме цивилизационных процессов в человеческом обществе. Регулятивное действие созидательно-разрушительных начал проявляется в воспроизводстве человеческих особей, наделенных от рождения типологическими психогенетическими качествами и предназначенностью быть «разрушителями» или «созидателями». Степень асимметрии, определяющая характеристики эволюционного процесса, служит объектом управления как со стороны естественных регуляторов, так и со стороны самого общества, его институтов.

Обобщение многочисленных данных по феноменологии природной регуляции массовых психических проявлений, в том числе и наших исследований, позволяет предположить, что существует некая высшая природная инстанция, влияющая на массовую психологию, социальную среду и протекающие в ней процессы. Источник влияния на психосоциальные процессы скрыт в глубинах природы и находится на высших уровнях иерархии регулятивных центров мегасистемы, организующей целесообразно различные явления природы, воспроизводя её объективные законы. Единая социально-гуманитарная теория строится на гипотезе о наличии высших, возникающих в природе сил, обуславливающих психосоциальную регуляцию на фундаментальном уровне социального бытия и отражающих глобальные законы природы.

Аргументом в пользу гипотезы о существовании сил психосоциальной регуляции могут служить теории исторических циклов созданные в разные времена, в частности «Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики» В. А. Мошкова – фундаментальное исследование, изданное в Варшаве в начале XX в. Автор задает вопрос: «Говорят, что порядок в стране зависит от личности монарха, но мы знаем примеры, когда при государях слабоумных в стране был порядок, и наоборот, при талантливых и энергичных – порядка не было, почему?»¹. В. А. Мошков писал, что все великие и малые государства и народы совершают «непрерывный цикл оборотов», которые он назвал историческими; каждый цикл длится

ровно 400 лет. Пройдя его, народ возвращается к тому, с чего начал. Цикл равен четырем векам, и они образуют последовательность: золотой, серебряный, медный и железный век. Железный век характеризуется упадком, затем начинается восходящая половина нового 400-летнего цикла. В сущности этого цикла жизни локального общества прослеживается аналогия с четырьмя всадниками Апокалипсиса, символизирующими четыре периода жизни человека².

Начало исторических циклов в России В. А. Мошков отсчитывает с 812 г. – объединения славянских племён и возникновения государства Киевская Русь. С тех пор прошло три цикла, сейчас заканчивается железный век третьего и начинается золотой век с первых 50 лет относительного упадка.

Автор выделил признаки последних 50 лет *железного века*: изучение наук сводится к бессмысленному зазубриванию мудрости прежних времён и погоне за дипломами, дающими преимущество в борьбе за существование; в литературе – декаданс и порнография; для многих погоня за наслаждением становится единственной целью в жизни; люди делаются падки до всякого рода игр, в особенности азартных, предаются пьянству, злоупотреблению всевозможными наркотиками, кутежам и разврату; ложь и обман становятся добродетелями; имущество ближних возбуждает, кроме зависти, желание отнять; пускаются в ход вымогательство, шантаж, мошенничество, воровство и, наконец, просто грабёж. Эти признаки, проявившиеся во всей своей полноте через сто лет после написания книги в России конца третьего железного века, свидетельствуют о достаточной надёжности самой теории. Налицо также и признаки упадка в этот исторический период.

Интерес представляет соотношение этого цикла с другими, имеющими значение для мировой истории с точки зрения места и роли России в судьбе цивилизации, например солнечными 12-летними за последние 100 лет: 1905 – 1917 – 1929 – 1941 – 1953 (в 1961 г. закончились первые 50 лет железного века, в 1962 г. начались вторые 50 лет) – 1965 – 1977 – 1989 – 2001 – 2012. Это естественные микроциклы, составляющие медицинский цикл Мошкова. Естественные макроциклы представлены последним годом очередного из них в календаре мая. Из этого соотношения следует, что исторические циклы синхронизированы с естественными микро- и макроциклами и можно сказать, что исторические циклы естественны по своей природе. Существует представление и о том, что накопление космической энергии и информации происходит в течение трех лет, включая високосный, а её разрядка происходит на следующий, «послевисокосный» год³. 1905 г. был «послевисокосным», таким же будет и 2013 г. –

первый год золотого века, и энергия масс может быть направлена на созидание и творчество, а не на разрушение.

Вряд ли В. А. Мошков знал что-либо о календаре мая в то время, когда определил 812 г. как начало отсчёта циклов для России. Образование нашего государства, следовательно, имеет некий сакральный смысл: выявляемые сейчас межциклические совпадения свидетельствуют об особой роли России в том, что будет происходить в следующем мегацикле истории человечества, который начинается с её золотого века. Пройдя путь невероятных страданий и жертв ради блага цивилизации, Россия не может лишиться эпохи возрождения во имя будущего цивилизации, а это значит, что не будет предрекаемого многими провидцами (в большинстве своём шарлатанами) «конца света», т. е. гибели цивилизации, и мистический Армагеддон (как последняя великая война между светом и тьмой) состоится лишь тогда, когда Россия достигнет высшего состояния духовного просветления. Армагеддон есть вариант конечной цели эволюции человека, когда его просвещённая душа поднимется до союза со своим духовным «Я», это последняя битва между плотью и духом.

Одним из оснований разработки единой социально-гуманитарной теории служит положение о том, что человеческая цивилизация творится природой через регуляцию биологических, психических и социальных явлений, определяющих направленность и динамику популяционных процессов. Эта регуляция осуществляется под воздействием двух фундаментальных («высших») сил природы – созидания и разрушения, – которые могут принимать самые разные формы материализации. Эти силы производны от идей (в контексте философии И. Канта), концептуализированных цивилизацией как божественные или сатанинские, поэтому Бог и Сатана – две объективные природные ипостаси, носителями идей которых (в тех или иных формах материализации) служат люди.

Механизмы действия «высших» сил, очевидно, психогенетические. Первичные идеи материализуются в психогенетических особенностях людей и ими овеществляются в общественных процессах, направляемых типами личностей – «созидателями» и «разрушителями». Они порождаются природой в определённом соотношении в соответствующую историческую эпоху. Однако современное общество (организованные и управляемые массы) способно влиять на такие процессы, усиливая или ослабляя проявления

психогенетической асимметрии. В наше время международное сообщество уже в состоянии само выбрать своё будущее, но этот выбор может быть и не вполне осознанным.

Исходный постулат теории – управление социальной средой со стороны природы осуществляется на психогенетическом уровне путем воспроизводства противоположных человеческих типов. Единство социальной субстанции образуется при их взаимодействии, когда созидание нового строится на разрушении старого. Реальные социальные процессы прогрессивного или регрессивного характера зависят от соотношения в обществе этих типов: если преобладают «разрушители», общество регрессирует, если «созидатели» – оно прогрессирует. Включённость цивилизации в естественный процесс эволюции обуславливается асимметрией воспроизводимых психогенетических типов в случае, когда преобладают «созидатели» – в противном случае общество инволюционирует.

С точки зрения соотношения внешних и внутренних регуляторов состояния общества возникает вопрос о реальном распределении (и его динамике) в обществе психогенетического признака внешней регуляции социальной реальности. В отношении к отдельной стране это проблема прогнозов будущего и самого будущего как желаемого или не желаемого для большинства либо отдельных слоёв общества. Такой подход определяет общественное значение научных разработок массовой психологии, которая как система научного знания способна изучать социальные проявления психогенетических особенностей современного общества, обнаруживать закономерности, оценивать перспективы и выработать рекомендации по управлению состоянием общества на основе социального идеала, отражающего желания большинства и не противопоставляемого объективным законам эволюции человека и общества.

Примечания

- ¹ Бумагин В. Невероятные пророчества генерала Мошкова // Невероятное, легендарное, очевидное. Калейдоскоп. 2012. № 3. С. 21.
- ² См.: Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии. Новосибирск, 1992.
- ³ См.: Решетников И. Судьбой Земли правит космос // Невероятное, легендарное, очевидное. Калейдоскоп. 2012. № 5. С. 6; Холл М. П. Указ. соч.

- ⁴ См.: Поваренков Ю. П. Соотношение конструктивных и деструктивных тенденций...
- ⁵ См.: Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания : диагностика и профилактика. 2-е изд. М. ; СПб. ; Н. Новгород. 2008.
- ⁶ См.: Jacobs S. R., Dodd D. K. Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload // J. of College Student Development. 2003. № 2. P. 23–28.
- ⁷ См.: Неруш Т. Г. Проблема профессионального выгорания : история и современные тенденции // Психология и экономика. 2011. Т. 4, № 1. С. 92–97.
- ⁸ См.: Зеер Э. Ф. Указ. соч.
- ⁹ См.: Орел В. Е. К проблеме формирования профессиональных деструкций URL: http://www.yspu.yar.ru/images/1/1c/05_Орел_В.Е..pdf. (дата обращения: 21.11.2011).
- ¹⁰ См.: Орел В. Е. Синдром психического «выгорания» личности. М., 2005.
- ¹¹ См.: Жеглова К. Ю. Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2007.
- ¹² См.: Адаменко Н. В. Факторы формирования синдрома профессионального угасания (На примере коммуникативных и помогающих профессий) : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2006.
- ¹³ См.: Поваренков Ю. П. Психология профессионализации личности...
- ¹⁴ См.: Орел В. Е. Синдром психического «выгорания» личности.

УДК 159.923:316.624

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ С АКТАМИ САМОПОВРЕЖДЕНИЯ БОЛЬНЫХ ОПИЙНОЙ НАРКОМАНИЕЙ

Н. А. Польская

Саратовский государственный университет
E-mail: polskayana@yandex.ru

В статье обсуждаются результаты исследования взаимосвязи временной перспективы, личностных черт и самоповреждающего поведения наркозависимых пациентов. В исследуемой выборке статистически выделяются высокие значения по шкалам «депрессивность», «раздражительность», «реактивная агрессивность»; временная перспектива характеризуется гедонистической и фаталистической фиксацией на настоящем, негативной оценкой прошлого и неопределенностью будущего; выявлена высокая частота актов самоповреждения.

Ключевые слова: самоповреждение, личность, временная перспектива, наркозависимость.

The Link between Time Perspective, Personality Traits and Self-Injurious Behaviour of Opiate-Dependent Patients

N. A. Polskaya

The article covers the results of the study on time perspective, personality traits and self-injurious behaviour of drug-addicted patients. Statistically high rates of depression, irritability and reactive aggression are distinguished; time perspective is characterized by hedonistic and fatalistic fixation on the present, negativistic evaluation of the past and uncertainty of the future; there is a high rate of self-injurious acts in the sample.

Key words: self-injury, personality, time perspective, drug abuse.

Личностные черты пациентов с наркотической зависимостью, с одной стороны, служат

основой формирования данного типа зависимости, а с другой – претерпевают существенные негативные изменения при длительном употреблении наркотических веществ¹. В частности, изменяются показатели, связанные с социальной адаптацией, ценностно-смысловой сферой и системой отношений личности². Сниженная способность к адаптации, включающая в себя зависимость от окружающих, отчужденность, депрессивность, конфликтность и агрессивность, выступает личностным индикатором наркотической зависимости³.

В ряде исследований отмечается, что предрасположенность к наркотической зависимости связана с поиском ощущений и временной перспективой личности⁴. Специфика переживания времени наркозависимой личностью характеризуется фиксацией на прошлом и настоящем и достаточно аморфным представлением о будущем⁵.

Изменение поведения наркозависимой личности выражается прежде всего в формировании различных форм аутодеструкции: так, у пациентов, страдающих опийной наркоманией (злоупотребление препаратами опийной группы – героином, метадонем, опиумом, кодеином и др.), развивается самоповреждающее поведение. Существуют данные, доказывающие, что зло-

употребление опиатами, кокаином и седативными средствами значительно сильнее увеличивает риск суицидального поведения, чем употребление других наркотических веществ⁶.

Вызывают интерес результаты исследования, посвященного построению типологии самоповреждающего поведения пациентов с героиновой зависимостью⁷. Авторами были статистически выделены четыре компонента самоповреждающего поведения: «самоповреждения с помощью объектов», «кусание, расчесывание, выдергивание волос», «удары» и «сковыривание болячек». Выявив с помощью кластерного анализа три группы пациентов – «низкой частоты самоповреждений», «высокой частоты сковыривания болячек» и «высокой частоты ударов и порезов», – исследователи не обнаружили связи этих различий с героиновой зависимостью. По сути, не факт наркомании оказывается условием формирования самоповреждающего поведения, а личностные предпосылки и деформация вследствие употребления наркотических веществ. Другими словами, склонность к самоповреждению является результатом болезненного «заострения» некоторых особенностей личности и деформации всей системы ее отношений.

Для изучения взаимосвязи личностных характеристик и склонности к самоповреждению было проведено эмпирическое исследование в группе пациентов мужского пола с опиоидной наркоманией ($n = 34$, $M_{\text{возр}} = 30,21$; SD (стандартное отношение) = 6,94). Исследование проводилось на 10–20-й день добровольной госпитализации в связи с проявлениями физической и психической абстиненции. Критерием включения пациентов в исследовательскую выборку являлось отсутствие у них острых абстинентных явлений и сопутствующей психопатологии.

Все респонденты госпитализировались в прошлом с диагнозом «наркомания»; стаж наркотизации по злоупотреблению препаратами опиоидной группы составил 1–10 лет (в среднем 5,2 года), максимальная продолжительность ремиссии заболевания не превышала 5,5 месяца.

В контрольную группу вошли психически здоровые респонденты мужского пола, не употребляющие наркотических веществ ($n = 34$, $M_{\text{возр}} = 27,23$; SD = 3,13).

В исследовании были использованы: методика временной перспективы (ZTPI) Ф. Зимбардо (в адаптации А. Сырцовой, О. В. Митиной)⁸, измеряющая ориентацию индивида на прошлое, настоящее и будущее, которая применялась с целью выявления специфических особенностей временной перспективы пациентов с опиоидной наркоманией; модифицированная форма В фрайбургского личностного опросника FPI (J. Fahrenberg, H. Selg; А. А. Крылов, Т. И. Ронгинская⁹), которая применялась с целью определения

личностных индикаторов нарушения адаптации пациентов с опиоидной наркоманией; шкала самоповреждающего поведения (Н. А. Польская¹⁰), которая предназначалась для выявления фактов самоповреждения в исследуемой выборке. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью пакета SPSS-14 for Windows (описательные статистики, частоты, дисперсионный, корреляционный и кластерный анализ, t -критерий Стьюдента).

Таблица 1

Средние значения по методике временной перспективы

Фактор	Среднее	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Негативное прошлое	3,34	2,22
Гедонистическое настоящее	3,71	3,12
Будущее	3,39	3,84
Позитивное прошлое	3,66	3,57
Фаталистическое настоящее	3,23	2,20

Результаты исследования свидетельствуют, что средние значения по факторам «негативное прошлое», «гедонистическое настоящее», «фаталистическое настоящее» оказались существенно выше, а по фактору «будущее» ниже в группе наркозависимых пациентов, чем в контрольной группе (табл. 1). Применение t -критерия Стьюдента для сравнения средних значений между группами доказало значимость различий по всем факторам, за исключением фактора «позитивное прошлое» (табл. 2).

Таблица 2

Значения t -критерия Стьюдента по методике временной перспективы

Фактор временной перспективы	t -критерий Стьюдента	Двусторонняя значимость
Негативное прошлое	7,647	0,000
Гедонистическое настоящее	4,629	0,000
Будущее	-2,903	0,005
Позитивное прошлое	0,775	0,441
Фаталистическое настоящее	5,539	0,000

Вполне очевидно, что у наркозависимой личности временная перспектива существенно изменена: оценка настоящего связана с гедонистическими и фаталистическими установками. Прошлое расценивается преимущественно негативно, а будущее не связано с определением конкретных целей и видением перспектив. Фиксация на настоящем связана с гедонистической жадной удовлетворений и покорностью судьбе.

Таблица 3

Средние значения по методике FPI

Шкала FPI	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Реактивная агрессивность	8,29	1,00	5,15	2,20
Открытость	8,26	1,36	6,91	1,88
Раздражительность	7,79	1,27	4,41	2,50
Депрессивность	7,03	1,96	3,15	1,67
Невротичность	6,74	1,62	3,06	2,33
Спонтанная агрессивность	6,68	1,70	4,59	2,34
Эмоциональная лабильность	6,68	1,82	3,29	1,77
Экстраверсия / интроверсия	6,41	1,67	5,71	1,70
Застенчивость	6,20	2,27	3,21	2,28
Маскулинность / феминность	5,97	1,91	6,24	2,08
Уравновешенность	5,50	1,94	6,38	2,30
Общительность	4,41	1,97	5,35	1,94

Средние значения по шкалам «раздражительность», «депрессивность», «реактивная агрессивность» относятся к группе высоких, что указывает на доминирование в поведении респондентов дезадаптивных паттернов поведения, которые обусловлены ослаблением волевого контроля, психомоторной заторможенностью, нарушенной саморегуляцией (табл. 3).

Определение значимости различий между группами с помощью *t*-критерия Стьюдента показало статистически достоверные различия по девяти шкалам (табл. 4), что позволяет говорить о нарушении социальной адаптации респондентов с опийной наркоманией, обусловленной ярко выраженными астено-невротическими и агрессивными чертами, прогрессирующей депрессивностью и отчужденностью личности.

Таблица 4

Значения *t*-критерия Стьюдента по методике FPI

Шкала FPI	<i>t</i> -критерий Стьюдента	Двусторонняя значимость
Депрессивность	8,783	0,000
Эмоциональная лабильность	7,772	0,000
Реактивная агрессивность	7,582	0,000
Невротичность	7,544	0,000
Раздражительность	7,029	0,000
Застенчивость	5,441	0,000
Спонтанная агрессивность	4,213	0,000
Открытость	3,403	0,001
Общительность	-1,986	0,051

Показатели самоповреждающего поведения (табл. 5) отражают высокую частоту актов самоповреждения в экспериментальной группе. Самопорезы совершали 55,9% респондентов,

на намеренное выдергивание волос и удары по собственному телу указали 20,6%, самоудары о твердые поверхности и расчесывание кожи свойственны 44,1%, самоожоги и сковыривание болячек – 29,4% респондентов. Интенсивность актов самоповреждения в контрольной группе существенно ниже. Если в экспериментальной группе самоповреждение является привычным действием и имеет регулярный характер, то самоповреждение в контрольной группе чаще всего случайно.

Таблица 5

Частотное распределение актов самоповреждения, в %

Акт самоповреждения	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Самопорезы	55,9	8,82
Выдергивание волос	20,6	14,7
Самоудары (о твердые поверхности)	44,1	23,53
Самоожоги	29,4	5,88
Сковыривание болячек	29,4	17,65
Самоудары (по собственному телу)	20,6	14,7
Расчесывание кожи	44,1	8,82

Для определения специфики связи между фактами самоповреждения, факторами временной перспективы и личностными особенностями в группе пациентов с опийной наркоманией были использованы процедуры однофакторного дисперсионного анализа, корреляционный и кластерный анализ. Дисперсионный анализ выявил связь между средним значением самоповреждающего

поведения в группе пациентов с опийной наркоманией и факторами «фаталистическое настоящее» ($F = 2,858, p \leq 0,03$) и «невротичность» ($F = 3,057, p \leq 0,02$).

Корреляционный анализ (коэффициент Пирсона) выявил значимую взаимосвязь самоповреждающего поведения и факторов: «негативное прошлое» ($r = 0,36$ при $p \leq 0,05$), «фаталистическое настоящее» ($r = 0,39$ при $p \leq 0,05$), «невротичность» ($r = 0,57$ при $p \leq 0,01$).

С помощью кластерного анализа (кластеризация К-средними) экспериментальная выборка была разделена на две группы: в первый кластер вошли 9 респондентов, во второй – 25. У респондентов второго кластера – более высокие значения самоповреждающего поведения личностных показателей, связанных с нарушениями адаптации и искажением временной перспективы.

Все это указывает на связь актов самоповреждения с дезадаптивными характеристиками личности и нарушением временной перспективы. Наркотическая зависимость усложняет и усугубляет дезадаптацию личности, что отражается в различных формах аутодеструктивного поведения.

Представленные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы. Временная перспектива наркозависимой личности в оценке настоящего связана с гедонистическими и фаталистическими установками. Прошлое расценивается преимущественно негативно, а будущее не связано с определением конкретных целей и видением перспектив. Фиксация на настоящем связана с гедонистической жадой удовольствий и покорностью судьбе.

Высокие значения шкал «депрессивность», «раздражительность», «реактивная агрессивность», «невротичность» указывают на доминирование в поведении респондентов дезадаптивных паттернов поведения, обусловленных психомоторной заторможенностью, плохой саморегуляцией, снижением волевого контроля, отсутствием высших социальных чувств.

Акты самоповреждения являются привычной практикой респондентов и включены в проблемное поведение наркозависимой личности. Факт наркотической зависимости не является определяющим для формирования самоповреждающего поведения, но наркотическая деформация личности, приводящая к дезадаптивным формам поведения, становится основой различных способов и форм саморазрушения. Мотивация самоповреждения в данном случае может быть чрезвычайно разнообразной – поиск новых ощущений, преодоление аддиктивного влечения, манипулирование окружающими, имитация суицида или подготовка к суициду, определение телесных границ и границ Я, подражание.

Выявленная взаимосвязь самоповреждающего поведения и таких показателей, как негативное

прошлое, фаталистическое настоящее и невротичность, позволяет предположить, что самоповреждающее поведение наркозависимой личности носит копинговый характер, т. е. акт самоповреждения выступает в качестве способа преодоления неуверенности, беспокойства, безнадежности и беспомощности. Но по своей сути подобная поведенческая стратегия является разрушительной для личности, служащей симптомом дезадаптации и усугубляющей ее.

В заключении следует отметить, что самоповреждающее поведение наркозависимого пациента – это симптом не только психологического неблагополучия, но и личностной дезинтеграции, носящей психопатологический характер.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Психологические механизмы самоповреждающего поведения» (грант №10-06-00511а).

Примечания

- 1 См.: Lavelle T., Hammersley R., Forsyth A. Personality as an explanation of drug use // J. of Drug Issues. 1991. № 21. P. 593–604.
- 2 См.: Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплекс. эксперим.-психол. исслед.) / под ред. С. В. Березина, К. С. Лисецкого. Самара, 1998 ; Букановская Т. И. Эмоциональное переживание и психологическая защита в структуре синдрома зависимости у больных опийной наркоманией // Вопр. наркологии. 1992. № 3–4. С. 157–161.
- 3 См.: Соловьева С. Л., Ерофеева М. Г. Личностные особенности наркозависимых с разным стажем употребления героина с учетом гендерных различий // Вестн. Санкт-Петербург. гос. мед. академии. 2006. № 2. С. 177–179.
- 4 См.: Jaffe L. T., Archer R. P. The prediction of drug use among college students from MMPI, MCMI, and sensation seeking scales // J. of Personality Assessment. 1987. № 51. P. 243–253 ; Keough K. A., Zimbardo P. G., Boyd J. N. Who's Smoking, Drinking, and Using Drugs? Time Perspective as a Predictor of Substance Use // Basic And Applied Social Psychology. 1999. № 21(2). P. 149–164.
- 5 См.: Федоров А. И. Психология зависимости : влияние темпоральных нарушений на формирование и развитие аддиктивного поведения. Ульяновск, 2005.
- 6 См.: Maloney E., Degenhardt L., Darke S. [et al.]. Suicidal behaviour and associated risk factors among opioid-dependent individuals : a case-control study // Addiction. 2007. № 102. P. 1933–1941.
- 7 См.: Perez de los Cobos J., Trujols J., Ribalta E., Pinet C. A typology of heroin-dependent patients based on their history of self-injurious behaviours // Psychiatry Research. 2009. № 167. P. 169–177.
- 8 См.: Сырцова А., Митина О. В. Возрастная динамика временных ориентаций личности // Вопр. психологии. 2008. № 2. С. 41–54.

⁹ Крылов А. А., Ронгинская Т. И. Исследование личности с помощью модифицированной формы В опросника FPI // Практикум по экспериментальной и прикладной психологии / под ред. А. А. Крылова. Л., 1990. С. 51–60.

¹⁰ Польская Н. А. К проблеме эмпирического изучения самоповреждающего поведения // Экспериментальная психология в России : традиции и перспективы / под ред. В. А. Барабанщикова. М., 2010. С. 714–720.

УДК 008.2 (063)

О ЕДИНОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ТЕОРИИ

А. А. Понукалин

Саратовский государственный технический университет
E-mail: ponukalin@sstu.ru

Статья посвящена проблеме научного обоснования единой общественной теории, необходимой для объяснения причин, предсказания последствий мирового системного кризиса и выработки концепции социального идеала желаемого будущего.

Ключевые слова: общественные теории, мировой кризис, исторические циклы, силы созидания и разрушения, социальный идеал, евразийская цивилизация.

On Unified Social and Humanitarian Theory

А. А. Ponukalin

The article is devoted to the scientific basis for a unified social theory needed to explain the reasons, to predict the aftermath of the global systemic crisis and to develop the concept of social ideal of desired future.

Key words: social theory, global crisis, historical cycles, forces of creation and destruction, social ideal, Eurasian civilization.

Единая социально-гуманитарная теория необходима для объяснения многообразия известных и прогнозируемых явлений, взаимосвязанных в системе природа – общество – человек. Такая теория позволит разработать перспективные стратегии общественного развития на основе достоверных прогнозов. Современное общество достигло той стадии эволюции, когда его дальнейшее существование зависит от управления жизнедеятельностью, а управление, эффективное в контексте эволюционных перспектив, должно основываться на адекватной реальному миру общественной теории.

Для России сегодня общественная теория необходима, наверное, как никогда, поскольку решается политическая проблема сохранения её суверенитета в условиях обострения противоречий локальных мировых цивилизаций, которые привели к системному общемировому кризису. Последствия этого затягивающегося до бесконечности кризиса отрицательно скажутся на инновационном и технологическом развитии мировой экономики, а такое развитие потребует значительных энергетических затрат, тогда как в

ситуации кризиса возникают проблемы в первую очередь с энергетикой.

Общепризнанная ситуация такова, что целый ряд событий окажет, надо полагать, значительное влияние на макроэкономическое состояние общества. Влияние подобных событий на цивилизационное развитие необходимо рассматривать в плоскости научно-технических проектов, реализация которых скажется на всех сторонах жизни человечества, при этом вся цивилизация будет осуществлять их. Они поддерживаются нынешними «власть имущими», поскольку сулят возможность производства всё новых и новых видов вооружений, необходимых для поддержания мирового порядка разносчиками вируса «либеральной демократии». Тревожат не только последствия, но и тенденция увеличивать количество энергии, затрачиваемой на познание глубин мироздания, что может закончиться «энергетическим коллапсом».

Энергетическая картина мира и энергетический способ познания сейчас начинают уступать место информационной картине мира и информационному способу познания природы как единого целого, поэтому всё большие усилия будут направляться на изучение сознания как явления природы и освоение законов взаимодействия субъективной и объективной реальности с целью постепенного освобождения духовно и нравственно развивающегося Человека от материальной зависимости.

Сегодня общепризнано, что классическая парадигма «рыночной экономики» оказалась несостоятельной. Она исчерпала себя, и её реализация служит одной из причин катаклизмов, наблюдаемых в мировой экономике. «Рыночная экономика» в духовном плане представляется, скорее, «дьявольским» искушением человечества: вначале она приводит к неограниченному росту благ, а затем наступает период расчеловечивания, когда богом становится прибыль и людей охватывает неодолимое желание потреблять всё больше и больше. Как известно, соблазнён-

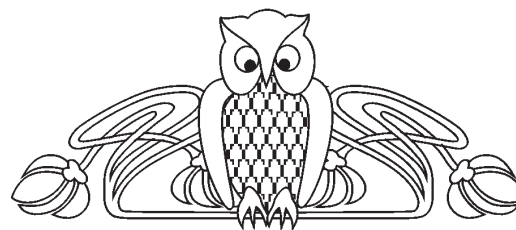

УДК 159.9

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕСТРУКЦИЙ

Т. Г. Неруш

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: tgner@mail.ru

Статья посвящена результатам сравнительного анализа терминологического аппарата, используемого для обозначения феномена «выгорания», и современных эмпирических исследований данного феномена у представителей различных профессиональных групп. Подчеркивается необходимость исследования динамики структуры профессионального выгорания в процессе профессионализации с позиций системогенетического подхода.

Ключевые слова: профессионализация, профессиональные деструкции, профессиональное выгорание.

Professional Burnout as a Specific Form of Professional Destructions

T. G. Nerush

The article is devoted to the results of a comparative analysis of terminology used to describe the phenomenon of «burn-out» and modern empirical studies of this phenomenon among representatives of various professional groups. Emphasizes the need to study the dynamics of the structure of professional burnout in the process of professionalization in terms of sistemogenetic approach.

Key words: professionalization, professional destructions, professional burn-out.

Сегодня, в условиях модернизации экономики России и жесткой конкуренции, психологические проблемы профессионального становления и развития личности (профессионализации) приобретают все большую остроту и актуальность. Трансформация, происходящая с человеком в процессе профессионализации, связана с появлением в структуре его деятельности и личности конструктивных и деструктивных профессиональных новообразований. Конструктивные новообразования (профессиональные знания, умения, способности, мотивы и т. п.) повышают профессиональную идентичность личности, эффективность ее деятельности и способствуют более успешному профессиональному развитию, а негативные оказывают противоположное воздействие: разрушают профессиональную идентичность, затрудняют профессиональное развитие личности и снижают эффективность профессиональной деятельности¹. Негативные новообразования, независимо от психологического содержания, принято называть профессиональными деструкциями². Профессиональные деструкции

касаются личности (выражаются и проявляются на мотивационном, когнитивном уровне и на уровне качеств личности в искажении, гиперразвитии и разрушении профессионально важных и профессионально значимых качеств личности) и деятельности профессионала (нарушение целеполагания, отражения ситуации, планирования, контроля и регуляции). Негативное влияние профессии на личность профессионала может проявляться в виде профессиональных заболеваний, профессионального стресса, девиантного поведения, профессиональной деформации личности, профессионального выгорания³. Последний феномен и его последствия рассматриваются как одна из форм профессиональных деструкций личности (Э. Ф. Зеер, В. Е. Орел, Ю. П. Поваренков). Изучение профессионального выгорания с этих позиций существенно углубляет и расширяет представление о его психологическом содержании, а также способствует созданию эффективных средств его профилактики и коррекции⁴.

Исследования профессионального выгорания, проводимые в нашей стране и за рубежом, говорят о его распространенности среди различных профессиональных групп; оно приводит к психологическим и экономическим последствиям: ухудшению физического и психического здоровья сотрудников, появлению у них различных форм личностного неблагополучия, снижению трудоспособности, производительности труда и доходов, потере квалифицированных специалистов.

Данный феномен изучается в контексте профессионального становления личности и рассматривается как динамический процесс, который развивается во времени и характеризуется нарастанием его проявлений. Авторы связывают начало выгорания с напряжением, появляющимся вследствие противоречия между ожиданиями, намерениями, идеалами и повседневной реальностью (К. Чернис, Дж. Эделвич, Р. Бродски, Л. Холлстен, М. Буриш и др.), и подчеркивают, что оно возникает при наличии у сотрудника сильной начальной мотивации и детерминировано длительным стрессом, фрустрирующей трудовой средой. Его дальнейшее развитие поддерживается использованием неадекватных копинг-стратегий и психологической защиты. Накоплены данные

о том, что профессиональное выгорание проявляется на всех этапах профессионализации⁵. В последние годы внимание исследователей привлекают проблемы достаточно широкого распространения профессионального выгорания среди студентов⁶. Проявления данного феномена могут выражаться в форме разочарования в профессии, деморализации, все чаще появляющихся раздумий о том, чтобы сменить профессию, ухудшения физического и психического здоровья, склонности к употреблению психоактивных веществ и алкоголя.

История, современное состояние и ключевые вопросы проблемы профессионального выгорания проанализированы в нашей предыдущей публикации⁷. Остановимся на результатах анализа терминологического аппарата, используемого для обозначения данного феномена, соотнесения понятия профессионального выгорания с другими психологическими категориями, а также рассмотрения эмпирических исследований проявлений и динамики профессионального выгорания у представителей различных профессиональных групп.

В современной отечественной психологии наблюдается терминологическая путаница: для обозначения феномена выгорания используются различные понятия («эмоциональное выгорание», «психическое выгорание» и «профессиональное выгорание»). Анализ более чем 30 определений данных понятий, предлагаемых отечественными и зарубежными авторами (П. Брилл, Д. Диез и К. Р. Херрера, К. Маслач и С. Джексон, К. Маслач и Т. Марек, В. Шауфели, А. Пайнс и Е. Аронсен, К. Чернис, К. Кондо, А. Лэнгле, Н. Е. Водопьянова, А. Н. Густелева, В. Н. Димова, Н. В. Мальцева, В. Е. Орел, А. А. Рукавишников, Л. Н. Юрьева и др.), показал, что в большинстве из них выгорание понимается как профессиональный феномен, представляющий собой комплекс негативных (деструктивных) симптомов и включающий три компонента – эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Во всех определениях делается акцент на профессиональном характере синдрома выгорания, при этом выгорание рассматривается как результат профессиональных проблем. В связи с этим мы полагаем, что синдром выгорания целесообразно обозначать как «профессиональное выгорание», так как данный термин, с нашей точки зрения, является наиболее адекватным для психологии профессионального становления и развития личности и отражающим сущность изучаемого феномена.

Соотнесение понятия «профессиональное выгорание» с другими психологическими категориями позволило сделать следующие выводы. Профессиональные деструкции не сводятся к профессиональному выгоранию, так как выделяются и другие разновидности профессиональных деструкций (профессиональная деформация, про-

фессиональная акцентуация характера, стагнация и др.)⁸. Профессиональное выгорание, не являясь самостоятельным феноменом, рассматривается как специфическая форма профессиональных деструкций, но понятие «профессиональное выгорание» не следует отождествлять с понятием «профессиональная деформация», а надо рассматривать как относительно самостоятельный, отличный от профессионального стресса и профессиональной деформации феномен профессионального развития личности⁹.

Отметим основные свойства профессионального выгорания как специфической разновидности профессиональных деструкций (В. Е. Орел), состоящие в том, что оно:

1) связано с эмоциональным истощением личности, понимаемым как чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное собственно работой;

2) приводит к особым формам деперсонализации личности, проявляющимся в циничном отношении к труду и его объектам;

3) сопровождается редукцией и недооценкой специалистом своих профессиональных достижений, что связано с возникновением чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, акцентуации внимания на неудачах;

4) является сугубо профессиональным, т. е. фиксируется и проявляется в специфических условиях профессиональной деятельности и развития;

5) оказывает негативное воздействие на все стороны личности и ее поведение, снижая, в конечном счете, эффективность профессиональной деятельности и удовлетворенность трудом;

6) является необратимым – его нельзя полностью преодолеть в ходе специальных форм воздействия, можно только затормозить развитие;

7) представляет собой регресс профессионального развития, так как затрагивает личность в целом, разрушает ее и оказывает отрицательное влияние на эффективность трудовой деятельности;

8) является общепрофессиональным феноменом и не ограничено лишь одной профессиональной сферой, а проявляется и во «внепрофессиональной» жизни;

9) осознается субъектом – это проявляется в воссоздании им основных его симптомов и стремлении сменить работу, а также реализации этого стремления;

10) оказывает существенное влияние на основные параметры профессиональной деятельности и профессиональной идентичности;

11) может появиться в начале профессионального становления как результат несоответствия между требованиями профессии и притязаниями личности¹⁰.

На основе проведенного теоретического анализа нами предлагается следующее определение

рассматриваемого феномена. *Профессиональное выгорание – это имеющие стадийный характер деструктивные изменения личности, возникающие, развивающиеся и проявляющиеся в процессе ее профессионализации как комплекс негативных симптомов, выражающихся в эмоциональном истощении, деперсонализации и редукции профессиональных достижений, приводящие к снижению эффективности профессиональной деятельности и нарушению взаимодействия с другими участниками данного процесса.*

Сравнительный анализ проявлений профессионального выгорания у представителей различных профессий «субъект-субъектного» и «субъект-объектного» типов осуществлен на основе сопоставления результатов современных отечественных эмпирических исследований профессионального выгорания у педагогов (Э. Р. Ганеева, О. Н. Гнездилова, М. В. Борисова, Е. Г. Ожогова, Т. В. Темиров, В. Н. Феофанов и др.); психологов (Д. А. Кутузова, О. Б. Полякова и др.) медицинских работников (Е. Р. Исаева, Л. В. Золотухина, И. В. Лозинская и др.), руководителей (Н. С. Савина), административных работников (Ю. И. Виданова), водителей автотранспорта (Т. И. Диордичук), работников локомотивных бригад (А. А. Саршанова, О. А. Францева), работников атомной отрасли (Н. А. Гюнтер), сотрудников дорожно-строительных, энергетических организаций и организаций технического сервиса (М. А. Буякина) и др., полученных с помощью инструментария, разработанного на основе трехфакторной модели профессионального выгорания (К. Маслач): «Профессиональное выгорание» (Н. Е. Водопьянова), «Опросник психического выгорания для работников социальных профессий» (В. Е. Орел, И. Г. Сенин), «Опросник психического выгорания-3» (А. А. Рукавишников). Полученные результаты показали гетерогенность структуры профессионального выгорания у представителей разных профессий, детерминированную спецификой профессиональной деятельности. Однако сопоставление результатов, полученных разными авторами, демонстрирует неоднозначность и противоречивость данных о проявлениях профессионального выгорания у специалистов в рамках одной профессиональной группы (педагогов, медицинских работников, административных работников и др.). Например, М. В. Борисова и О. В. Полякова отмечают в структуре профессионального выгорания учителей максимальную степень выраженности редукции профессиональных достижений; по результатам исследований Т. В. Темирова – это эмоциональное истощение; по материалам Е. Г. Ожеговой, А. Н. Густелевой и В. И. Гавриловой – деперсонализация; по данным В. Н. Феофанова и Н. В. Водопьяновой – эмоциональное истощение и редукция профессиональных достижений.

По нашему мнению, зафиксированная гетерогенность проявлений профессионального выгорания объясняется особенностями обследованных выборок, в которых респонденты не различаются и не группируются в соответствии с этапами их профессионального становления. Авторы, как правило, исследуют неоднородные по составу профессиональные группы, характеризующиеся достаточно широким диапазоном возраста и стажа, не акцентируя внимания на этапах профессионального развития респондентов.

На основе анализа работ, посвященных изучению динамики исследуемого феномена (Х. Дж. Фрайденбергер, К. Чернис, Д. Гоулд, М. Буриш, Р. Е. Смит, Р. Т. Голембиевски, В. В. Бойко, К. Ю. Жеглова, В. Е. Орел, Л. Н. Юрьева и др.), нами сформулированы следующие выводы:

1) ключевыми вопросами, нуждающимися в дальнейшей научной разработке, являются:

а) выявление стадий, этапов, фаз развития профессионального выгорания;

б) определение последовательности появления его структурных компонентов;

в) соотнесение стадий развития данного феномена и последовательности возникновения его структурных компонентов, а также степени их выраженности со стадиями профессионального становления и развития личности;

г) решение вопроса об обратимости профессионального выгорания;

2) в большинстве отечественных исследований по проблеме динамики профессионального выгорания изучается степень его выраженности в зависимости от курса обучения студентов В. В. Кустова, А. А. Папанова, О. В. Полунина, О. А. Семиздралова), а также от возраста и стажа работы сотрудников (Н. В. Мальцева, А. Н. Густелева, Н. В. Адаменко, В. В. Лукьянов, Л. Н. Юрьева, К. Ю. Жеглова, Ю. И. Виданова, И. Н. Асеева и др.). В работах отмечены следующие тенденции:

а) вероятность развития профессионального выгорания в период обучения в вузе;

б) зависимость специфики структуры профессионального выгорания сотрудников от возраста и стажа работы;

в) увеличение взаимосвязи компонентов профессионального выгорания в процессе возрастного и профессионального развития;

г) специфика протекания профессионального выгорания в зависимости от профессиональной деятельности;

д) волнообразная зависимость развития структурных компонентов профессионального выгорания от профессионального стажа.

Обнаруживаются неоднозначные, а иногда и противоречивые данные, касающиеся динамики изучаемого феномена. Например, в работе К. Ю. Жегловой¹¹ отмечается, что у педагогов

уровень редукции профессиональных достижений остается неизменным в течение всего профессионального пути, что противоречит результатам, полученным Н. В. Адаменко¹², и выводу, что с увеличением стажа работы педагога увеличивается показатель «редукция профессиональных достижений». В качестве временных отрезков, на которых проявляется наибольшая выраженность профессионального выгорания, авторами называются различные периоды после начала профессиональной карьеры: 1–2 года, 3–5 лет; более 6 лет (Н. В. Водопьянова); 4–10 лет, более 10 лет (И. Н. Асеева); 6–7 и 25–26 лет (В. Е. Орел), 6–10 лет и более 10 лет (Е. В. Каменева и А. В. Зеленкова); 10–14 лет (Л. Н. Юрьева), 10–20 лет (В. В. Лукьянов, Н. В. Мальцева). Подчеркивается, что максимально подвержены профессиональному выгоранию профессионалы наиболее продуктивного возраста – 31–40 лет (А. Н. Густелова), старше 35 лет (Н. Е. Водопьянова), – а также сотрудники в возрасте 41–55 лет (Н. В. Мальцева). Отметим, что все проанализированные работы основаны на периодизации профессионального развития, где в качестве временного фактора используется либо хронологический возраст субъекта труда, либо его «профессиональный возраст» (стаж). Недостаток подобной периодизации состоит в том, что решение задач профессионализации связано с определенным возрастом (например, выбирать профессию можно только в 14–17 лет, а не в 30–40–50). Велика вероятность того, что субъекты труда, включенные в описываемые авторами группы, решают различные задачи профессионального становления и те средние значения степени выраженности составляющих профессионального выгорания, которые получены, не отражают истинной картины развития данного феномена.

При рассмотрении динамики профессионального выгорания в процессе профессионализации, с нашей точки зрения, целесообразно опираться на периодизацию профессионального становления, разработанную Ю. П. Поваренковым¹³, в которой последовательность стадий не зависит от хронологического возраста субъекта труда и учитывается реальная последовательность задач профессионализации, им решаемых (например, стадии профессионального обучения, самостоятельной профессиональной деятельности, посткарьерного развития).

Мы полностью согласны с В. Е. Орлом¹⁴, полагающим, что адекватное раскрытие сущности профессионального выгорания как деструктивного феномена профессионального становления и развития личности возможно на основе системогенетического подхода (В. Д. Шадриков, А. В. Карпов, Ю. П. Поваренков, В. Е. Орел). Данный подход позволяет анализировать феномен

профессионального выгорания с полисистемных позиций, а не в рамках какой-то одной системы (профессии, социальной сферы), что обеспечивает возможность выделения его особенностей, характерных для различных профессий, а также более четкого определения его психологической структуры и установления специфики ее проявления на этапах профессионализации личности. Таким образом, системогенетический подход позволяет рассматривать профессиональное выгорание как деструктивную тенденцию профессионального развития личности, отслеживая динамику развития основных составляющих данного феномена и механизмов их возникновения.

Итак, анализ современных исследований профессионального выгорания показал необходимость дальнейшего изучения данного феномена для развития теории профессионального выгорания с учетом системогенетического подхода к профессионализации. Представляются перспективными: выявление специфики структуры профессионального выгорания у представителей профессий «субъект-субъектного» и «субъект-объектного» типа на различных этапах профессионализации, что значимо для определения общих и специфических закономерностей динамики структуры изучаемого феномена; описание количественных и качественного изменения данной структуры на различных этапах профессионализации; выявление и описание типологических профилей структуры профессионального выгорания у специалистов различных профессиональных групп на разных этапах профессионализации. Полученные результаты могут послужить основой для разработки адекватной системы профилактики профессионального выгорания в процессе профессионализации.

Исследование выполнено в рамках проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (мероприятие 1.2.1-III, № 2011-1.2.1.-301-012/027), тема «Стратегия модернизации России и поведенческие факторы стимулирования инновационной активности».

Примечания

- ¹ См.: Поваренков Ю. П. Соотношение конструктивных и деструктивных тенденций развития в процессе профессионального становления личности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ярославль, 2011. С. 23–32.
- ² См.: Зеер Э. Ф. Психология профессий. М., 2005.
- ³ См.: Поваренков Ю. П. Психология профессионализации личности : основные этапы становления и современное состояние // Современные тенденции в сфере экономической психологии. Саратов, 2010. С. 188–214.

- ⁴ См.: Поваренков Ю. П. Соотношение конструктивных и деструктивных тенденций...
- ⁵ См.: Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания : диагностика и профилактика. 2-е изд. М. ; СПб. ; Н. Новгород. 2008.
- ⁶ См.: Jacobs S. R., Dodd D. K. Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload // J. of College Student Development. 2003. № 2. P. 23–28.
- ⁷ См.: Неруш Т. Г. Проблема профессионального выгорания : история и современные тенденции // Психология и экономика. 2011. Т. 4, № 1. С. 92–97.
- ⁸ См.: Зеер Э. Ф. Указ. соч.
- ⁹ См.: Орел В. Е. К проблеме формирования профессиональных деструкций URL: http://www.yspu.yar.ru/images/1/1c/05_Орел_В.Е..pdf. (дата обращения: 21.11.2011).
- ¹⁰ См.: Орел В. Е. Синдром психического «выгорания» личности. М., 2005.
- ¹¹ См.: Жеглова К. Ю. Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2007.
- ¹² См.: Адаменко Н. В. Факторы формирования синдрома профессионального угасания (На примере коммуникативных и помогающих профессий) : дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2006.
- ¹³ См.: Поваренков Ю. П. Психология профессионализации личности...
- ¹⁴ См.: Орел В. Е. Синдром психического «выгорания» личности.

УДК 159.923:316.624

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ И ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ С АКТАМИ САМОПОВРЕЖДЕНИЯ БОЛЬНЫХ ОПИЙНОЙ НАРКОМАНИЕЙ

Н. А. Польская

Саратовский государственный университет
E-mail: polskayana@yandex.ru

В статье обсуждаются результаты исследования взаимосвязи временной перспективы, личностных черт и самоповреждающего поведения наркозависимых пациентов. В исследуемой выборке статистически выделяются высокие значения по шкалам «депрессивность», «раздражительность», «реактивная агрессивность»; временная перспектива характеризуется гедонистической и фаталистической фиксацией на настоящем, негативной оценкой прошлого и неопределенностью будущего; выявлена высокая частота актов самоповреждения.

Ключевые слова: самоповреждение, личность, временная перспектива, наркозависимость.

The Link between Time Perspective, Personality Traits and Self-Injurious Behaviour of Opiate-Dependent Patients

N. A. Polskaya

The article covers the results of the study on time perspective, personality traits and self-injurious behaviour of drug-addicted patients. Statistically high rates of depression, irritability and reactive aggression are distinguished; time perspective is characterized by hedonistic and fatalistic fixation on the present, negativistic evaluation of the past and uncertainty of the future; there is a high rate of self-injurious acts in the sample.

Key words: self-injury, personality, time perspective, drug abuse.

Личностные черты пациентов с наркотической зависимостью, с одной стороны, служат

основой формирования данного типа зависимости, а с другой – претерпевают существенные негативные изменения при длительном употреблении наркотических веществ¹. В частности, изменяются показатели, связанные с социальной адаптацией, ценностно-смысловой сферой и системой отношений личности². Сниженная способность к адаптации, включающая в себя зависимость от окружающих, отчужденность, депрессивность, конфликтность и агрессивность, выступает личностным индикатором наркотической зависимости³.

В ряде исследований отмечается, что предрасположенность к наркотической зависимости связана с поиском ощущений и временной перспективой личности⁴. Специфика переживания времени наркозависимой личностью характеризуется фиксацией на прошлом и настоящем и достаточно аморфным представлением о будущем⁵.

Изменение поведения наркозависимой личности выражается прежде всего в формировании различных форм аутодеструкции: так, у пациентов, страдающих опийной наркоманией (злоупотребление препаратами опийной группы – героином, метадонем, опиумом, кодеином и др.), развивается самоповреждающее поведение. Существуют данные, доказывающие, что зло-

терминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии : в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 513–556.

³ См.: Горбачева Е. И., Купрейченко А. Б. Отношение личности к деньгам : нравственные противоречия в

оценках и ассоциациях // Психол. журн. 2006. Т. 27, № 4. С. 26–37.

⁴ Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М., 2007.

УДК 159.9

КОГНИТИВНЫЕ РАМКИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ ВРЕМЕН АРХАИКИ И КЛАССИКИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В. Ю. Михайлин

Саратовский государственный университет
E-mail: vmikhailin@yandex.ru

Автор рассматривает пространство древнегреческого симпозиума, включающее в себя и проективную реальность симпотиаческой вазописи с точки зрения стоящих за ними когнитивных механизмов.

Ключевые слова: древнегреческая вазопись, архаическая и классическая, симпосий, историческая антропология, иконология, культурный код, когнитивная диспозиция.

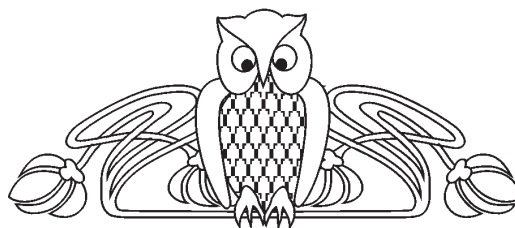
**Cognitive Frames of Archaic and Classical Greek
Vase-Painting Perception: Spatial and Contextual Aspects**

V. Yu. Mikhailin

Author examines the space of Ancient Greek symposium, as including in itself the projective realities of the sympotic vase-painting, from the point of view of cognitive patterns underlying it.

Key words: Greek vase-painting, archaic and classic, symposium, historical anthropology, iconology, culture code, cognitive dispositions.

Восприятие любых реалий, относящихся к культурному контексту, который не совпадает с тем контекстом, в рамках которого мы привыкли выстраивать собственную идентичность, уже представляет собой цепочку связанных друг с другом когнитивных проблем. Даже в тех случаях, когда тот или иной инокультурный феномен ориентирован (в пределах собственной культуры) на «прямое считывание», задействуя свойственные человеку навыки автоматизированного достраивания информации (так называемые инферентные системы) с опорой на относительно небольшое число привычных информационных раздражителей, элементарное несовпадение привычных для индивида навыков подобного достраивания с теми, что значимы в культуре-источнике, зачастую приводит к существенному искажению

логики инференции при сохранении у индивида базовой уверенности в том, что полученная в итоге картина «естественна» и логична.

Ситуация существенно усугубляется в тех случаях, когда инокультурный феномен ориентирован (в пределах собственной культуры) на восприятие, принципиально проблематизирующее сам процесс инференции, сталкивая в рамках мессиджа, который воспринимается как внутренне цельный и связный, значимые отсылки к разным инферентным системам и разным базовым классификационным категориям. А поскольку значительную часть феноменов, дошедших до нас в тех или иных материальных формах от культур минувших времен, имеет смысл подозревать именно в такой когнитивной ориентированности (к ним относятся прежде всего артефакты и стоящие за ними социокультурные явления сфер ритуала, культа, художественного творчества, составительных и демонстративных практик и т. п.), то и вопрос о рамках восприятия подобных явлений превращается в одну из ключевых проблем, связанных с интерпретацией данных, полученных в результате исследований археологических, иконологических, палеографических, текстологических, да и вообще исторических, филологических и искусствоведческих в широком смысле каждого термина.

Положение о том, что каждую культуру следует изучать исходя не из наших собственных «привычек и навыков», а из «привычек и навыков», значимых в том обществе, культура которого является для нас предметом изучения, косвенным образом вытекает еще из определения, данного культуре как таковой сэром Эдвардом Тайлором,

отцом-основателем культурной антропологии¹. Но применительно к нашей теме это положение следовало бы дополнить обоснованием необходимости выявлять ту когнитивную «грамматику», которая стоит за каждой такой привычкой и каждой системой навыков и неизбежно вписана в сложную и многоуровневую систему взаимодействия базовых для культуры-объекта когнитивных механизмов, зачастую отсылающих при этом к принципиально разным поведенческим моделям, совмещенным с разным культурным пространством и, соответственно, с контекстуальным фоном, принципиально противоположным в разных случаях.

Древнегреческий симпосий – одна из базовых форм культурной активности населения греческих и находящихся под греческим культурным влиянием областей в VII–IV вв. до н. э. (а также в несколько измененной форме и в позднейшей Античности вплоть до утверждения христианства) – представляет собой в этом отношении прекрасную модель подобного взаимодействия как с точки зрения количества и качества дошедших до нас источников (что позволяет с достаточной степенью уверенности верифицировать предложенную интерпретацию), так и с точки зрения его «образцового» расположения на стыке двух основных для каждого греческого мужчины и четко противопоставленных друг другу культурных пространств, а следовательно, связанного с ними когнитивного и поведенческого контекста: пространства домашнего, семейного и – маргинального, воинского. Немаловажное значение имеет и тот факт, что едва ли не большинство нынешних европейских форм культурной деятельности – как то наука, философия, литературное творчество, театр и т. д. – восходит именно к составным элементам греческого симпосия. Последнее обстоятельство, с одной стороны, усложняет задачу исследователя, вынужденного постоянно фальсифицировать собственную позицию с учетом неизбежных установок в духе *post hoc*, а с другой – дает ему прекрасную возможность отслеживать необходимость подобной фальсификации и отрабатывать соответствующие процедуры и навыки.

Симпосий можно определить как *частный дружеский праздник*, и в этом определении, акцентирующем прежде всего социальный контекст симпосия, в равной степени будут значимы все составляющие его смысловые компоненты. Начнем с последнего из них – праздника, о сути которого у автора в последние десять с небольшим лет сложилось представление, несколько отличающееся от традиционно принятого в отечественном гуманитарном знании. С нашей точки зрения, праздник есть необходимый механизм динамизации социальных систем, позволяющий вывести из равновесия уже существующую иерархизированную структуру социального капитала с целью

переоценки последнего и последующим восстановлением той же иерархизированной структуры, но уже с учетом новой социально значимой информации. Механизм этот совершенно необходим, так как позволяет разрешить очевидную апорию: «отменить» уже сложившуюся социальную систему (на любом уровне – от микрогруппового до политического) невозможно, поскольку она «правильна» по определению и любая попытка скорректировать ее равносильна разрушению этой «правильности», совершенно недопустимому. В то же время ее необходимо время от времени пересматривать (даже если исключить радикальные варианты) в целях ее же сохранения, связанного с неизбежной социальной динамикой – статусно-возрастной, обусловленной сменой ведущих форм деятельности и т. д. Именно этой цели служит весь известный набор непрременных атрибутов праздника: особое пространство, выгороженное из бытового как с точки зрения пространственных, так и с точки зрения временных рамок происходящего; особое праздничное поведение, включающее в себя элементы демонстративного нарушения повседневного режима поведения; специфическая сюжетика – как нарративная, так и перформативная, – позволяющая сводить в едином проективном пространстве обычно несовместимые уровни ситуативного кодирования, и особые кодовые системы, «обслуживающие» эту сюжетнику. Последняя характеристика праздника, связанная со сведением в едином пространстве (семантическом, нарративном, физическом) несовместимых в рамках обыденности уровней ситуативного кодирования и связанных с ними поведенческих модусов, представляется базовой. За счет этой же особенности празднику обеспечивается крайне привлекательное в любом человеческом сообществе качество контринтуитивности – грубо говоря, способности «обманывать ожидания» за счет совмещения принципиально несовместимых информационных полей, связанных с ключевыми инферентными системами и базовыми классификационными категориями.

Частный характер симпосия противопоставляет его публичной, гражданской сфере. Противопоставление это в известной мере условно, поскольку участники симпосия ни в коей мере не утрачивали своего гражданского статуса, а темы застольных бесед и тем более отдельные пассажи, судя по дошедшим до нас источникам, бывали вполне совместимы с областью гражданско-политических отношений. Более того, симпосии, устраиваемые значимыми в городе лицами с приглашением других значимых лиц, могли служить предметом повышенного общественного интереса, становясь заметным событием в общественной жизни города и оставляя после себя впечатляющий культурный след (ср. экспозицию платоновского «Пира»). Однако, несмотря

на сказанное выше, данное противопоставление имеет принципиальный характер, ибо при всей проницаемости симпозиа для общегражданского контекста структура и сущностные особенности поведенческих стратегий его участников отталкиваются от оппозиции «симпосиастическое – гражданское» как от базовой и системообразующей.

Дружеский характер симпозиа противопоставляет его другой сфере, не менее значимой для древнегреческой полисной культуры, чем сфера гражданская, – семейно-родовой. Две эти сферы формируют привычную всеобъемлющую оппозицию, части которой взаимно дополняют друг друга, не оставляя, казалось бы, места для каких бы то ни было иных элементов в замкнутой и внутренне уравновешенной системе культуры греческого полиса: все исключенное из публичной сферы является достоянием сферы семейной – и наоборот. Симпосий в этом смысле являет собой значимое исключение из общего правила. Практики, связанные с «дружескими объединениями» (гетериями, фиасами и т. д.) и во многом являющие собой реликты архаических воинских мужских союзов, как правило, в исходном варианте суть неотъемлемый элемент *куротрофии*, воспитания молодежи и четко вписаны в гражданско-ориентированную логику «социального взросления». Объединяя связанных семейно-родовых и социальных групп, они впоследствии служат средством своеобразной «альтернативной социализации», оказывая порой существенное влияние на политическую жизнь общины. Симпосий также может быть использован в политическом контексте (скажем, как время и место, где могут встретиться, не опасаясь привлечь к самому факту встречи излишнего внимания, заговорщики), но именно использован, поскольку суть его совсем иная. Точно так же симпосий соприкасается и с семейно-родовой сферой, поскольку проводится под крышей конкретного дома и отдельные его участники могут быть связаны между собой родственными узами: однако и в этом случае «домашние» и «родственные» контексты носят внешний по отношению к сути происходящего характер.

Любой праздник, как было сказано выше, и симпосий в этом отношении не является исключением, нуждается в специфическом образом организованном, маркированном и ограниченном праздничном пространстве, противопоставляющем его повседневности. В случае с симпосием необходимость подобного рода вычленения особой пространственной зоны тем более значима, что принятое в его рамках принципиальное смешение несмешиваемых в обычной жизни когнитивных установок и поведенческих матриц невозможно ни в каком другом социальном контексте. Пространство симпозиа явственным образом распадается на две составляющие –

реальную и проективную, – которые при этом строго зависимы друг от друга и постоянно между собой взаимодействуют².

Пространство реальное представлено *андроном* – большой мужской залой древнегреческого частного дома, которая на время симпозиа практически утрачивает свои бытовые характеристики и приобретает характеристики сугубо симпосиастические, перейдя под контроль Диониса – божества, связанного прежде всего с перерождением, перевоплощением, кажимостью и т. д. Присутствие Диониса в симпосиастическом пространстве маркируется несколькими его неперенными атрибутами, каждый из которых несет самостоятельную смысловую нагрузку, поддерживая при этом общий смысл превращения, происходящего волею бога как с самой комнатой, так и с теми людьми, которые из обычных граждан – мужей и отцов семейств – преобразуются в симпосиастов. Прежде всего это, конечно, вино – напиток, в котором «живет» Дионис, волшебным образом вселяющий часть своей преобразующей власти в виноградный сок, отжатый вполне обычными людьми из вполне обычных ягод. Затем следует упомянуть еще об одном неперенном атрибуте симпозиа – о гирляндах, которые украшают стены андрона и, собственно, замыкают собой симпосиастическое пространство. Третьим обязательным маркером симпозиа является анфасное изображение самого Диониса, представленное маской и/или изображениями на симпосиастической расписной посуде.

Разговор о семантических полях, связанных с вином и Дионисом, отложим на недалекое будущее: им, среди прочего, будет уделено внимание в следующей статье, которая станет продолжением настоящей и будет специально посвящена функционировавшим в рамках симпозиа культурным кодам. Сейчас же, поскольку речь идет прежде всего о пространственных и контекстуальных аспектах восприятия симпосиастического пространства (составной частью которого является и изобразительное пространство симпосиастической вазописи), сосредоточимся на тех смысловых маркерах, которые данные аспекты по преимуществу и определяют – на гирляндах и анфасных изображениях.

Наша нынешняя когнитивная диспозиция не предполагает какой-то особой реакции на присутствие в жилом помещении живых цветов или других растений. Для греков же любая растительность, не обработанная и не предназначенная для еды, есть принадлежность того места, где она выросла и, следовательно, того бога (или тех богов), под чьим «присмотром» данное место находится. Культурные растения, выращенные в пределах территории, которую сами греки именовали *chora* и которая представляла собой пояс полей и огородов вокруг поселения, были посажены самими

людьми под рукой своих/благих мертвых и таких специфических божеств, как Деметра. Растения же, не предназначенные в пищу или для хозяйственных надобностей, суть принадлежность *eschata* – территорий войны, охоты и отгонного скотоводства, находящихся под покровительством таких божеств, как Аполлон, Артемида, Арес или Пан, – и как таковые с домашним пространством категорически несовместимы³. Правило, согласно которому симпосиарх «выставлял» от себя только две вещи – вино и гирлянды, – говорит само за себя: украшая большую залу собственного дома по периметру (а также и самих симпосиастов) «диким» плющом, он переводил ключевое мужское домашнее пространство в довольно специфический когнитивный статус, сочетающий в себе четко выраженные отсылки к двум противоположным культурным зонам – зоне *oikos* – дома – и зоне *eschata*, а также «передавал» их под покровительство божества, которое заведовало в греческой мифологии подобным совмещением несовместимого, – Диониса.

Знаком ситуативной принадлежности тому или иному богу у греков служил венок, сплетенный из ветвей атрибутивного растения, – нужно ли особо напоминать о том, что симпосиасты с завидной регулярностью изображаются с венками из плюща на головах? Использование для украшения симпосиастического пространства (и, соответственно, в качестве одного из атрибутов Диониса) именно плюща имеет очень простое объяснение: симпосий есть практика прежде всего зимняя, маргинальные мужские практики, такие как война и охота, привязаны к летнему времени года, а плющ – растение вечнозеленое, способное создать когнитивный мостик не только между «домашним» и «диким», но и между зимним/пиршественным пространством и пространством летним/маргинальным. По этой же причине совместим с симпосием и мирт – растение также вечнозеленое, принадлежащее Афродите и создающее, таким образом, в симпосиастическом пространстве повышенную эротическую диспозицию.

Возложив на себя венок и расположившись в зале, хозяином которой является Дионис, участник симпосия вполне осознанно делается участником игры, основанной на базовых атрибутивных умениях этого бога, – игре кажимостями и балансировании на грани между мирами и состояниями. Стимулы, как когнитивные (системы соответствующих кодовых маркеров), так и психофизиологические (вино, эротическое возбуждение), помогают столкнуться между собой не только домашнее и маргинальное культурное пространство, но и различные статусно-возрастные комплексы (симпосий – то место, где статусные сорокалетние граждане полиса могут впасть в состояние *paidiá*, т. е., собственно, ребячиться, вести себя,

как безответственные дети), а также – и это самое главное – пространство, воспринимаемое как «реальное», и пространство откровенно проективное. Именно здесь и вступает в игру расписная симпосиастическая керамика, изобразительные ряды которой представляют взгляду симпосиаста широкий спектр возможностей для погружения в проективную реальность, а также для сопоставления ее со «здесь и сейчас», наблюдения за тем, как одно перетекает в другое, и оценки возможности собственного участия в этом процессе.

Главным сигналом к такому участию является весьма своеобразный визуальный ход, связанный с разрушением границ между проективным пространством – двухмерным изобразительным полем, помещенным на вазе, – и тем пространством, в котором физически находится симпосиаст. Ход этот организован вокруг фронтального изображения лица. Дело в том, что проективное пространство сюжетов, представленных на расписной посуде, симпосиаст воспринимает словно бы со стороны – этой диспозиции способствует то обстоятельство, что практически все вазописные персонажи, как правило, изображаются в профиль. Это касается как богов, так и людей, а также всех прочих возможных участников, представленных на керамике сцен: животных (реальных и фантастических), персонажей так называемой низовой мифологии (сатиров, кентавров, менад, нимф, карликов) и т. д. И только одно божество с завидной регулярностью изображается анфас, и божество это, естественно, – Дионис. Зритель, блуждающий взглядом по расписной поверхности сосуда, считывающий написанные на ней сцены как далекий и беспристрастный свидетель, вдруг натывается на четко направленный на него пристальный взгляд бога и неожиданно для себя оказывается включенным в игру взаимопроникающих проективных пространств, в которых реальность и ирреальность свободны вступать в самые неожиданные отношения между собой. Греческие художники достаточно рано открыли весьма несложный изобразительный прием, благодаря которому взгляд изображенного на двухмерной поверхности лица начинает восприниматься зрителем как «следящий», а реакция человека на постоянно направленный на него взгляд с когнитивной точки зрения вполне предсказуема и связана с активизацией тех или иных коммуникативных стратегий, практически не становящихся предметом симультанной рефлексии. Более того, если взгляд этот направлен на человека с близкого расстояния, а чаша, со дна которой на выпившего вино симпосиаста с завидной регулярностью смотрел Дионис, оказывалась, естественно, у самого лица пирующего, то и воспринимается он как «допущенный» в интимизированную ближнюю зону, отчего реакция на него только усиливается⁴. Дионис, «добрый бог», изображается анфас часто;

Горгона, маркирующая оборотную, злую сторону самой возможности «кочевать между реальностями», изображается исключительно анфас – как отрезвляющее предостережение всякому, кто может заиграться. Анфас же (ситуативно) изображаются и другие персонажи, находящиеся в промежуточном между разными реальностями состоянии: спящие, умирающие, пьяные люди и сатиры – полулюди-полукони, вечные спутники Диониса.

Маска Диониса, водруженная на видном месте, часто встречается на изображениях симпосиев, и она неизменно представлена анфас. Дионис еще и бог масок как одного из значимых средств создания кажимости, и именно в культуре симпосия берет свое начало афинский театр – родоначальник всей последующей европейской театральной традиции, основанной на мимесисе, который следует понимать скорее как *репрезентацию*, возможность ощутить соприсутствие, нежели как *подражание* в платоновском смысле слова⁵. Роль маски ситуативно выполняет и *килик* – симпосиастическая расписная чаша, из которой пьют, держа ее с двух сторон за ручки (по-гречески буквально уши), так что она полностью закрывает лицо пьющего. Именно по этой причине частым мотивом при росписи *киликов* является пара глаз – Дионис может не только предложить симпосиасту «нырнуть» в проективную вазописную реальность, он вполне в состоянии в любой момент войти и в реальность посюстороннюю, подменив лицо любого из возлежащих напротив тебя людей своим собственным ликом.

Примечания

- ¹ См.: *Tylor E. Primitive Culture* : in 2 vol. N.Y., 1964 [1871]. Vol. 1(2). P. 1.
- ² Существующая на данный момент литература о древнегреческом симпосии и о симпосиастической вазописи весьма обширна. Одну из лучших книг в этой области написал Франсуа Лиссарраг, экс-директор парижского Центра Луи Жерне (см.: *Lissarrague F. Un flot d'images. Une esthétique du banquet grec*. P., 1987). На русский язык эта книга переводилась в Саратове (см.: *Лиссарраг Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира* / пер. Е. Решетниковой; предисл. В. Михайлина. М., 2008). Кроме того, нельзя не назвать еще хотя бы нескольких базовых изданий (см.: *Beazley J. D. Attic Black-figure Vase-painters*. L., 1956; *Boardman J. Athenian Black-figure Vases*. L., 1974; *Boardman J. Athenian Red-figure Vases. The Archaic Period*. L., 1975; *Boardman J. Athenian Red-figure Vases. The Classical Period*.

L., 1989; *Schnapp A. Le chasseur et la cité*. P., 1997; *Neer R. T. Style and politics in Athenian vase-painting. The craft of democracy, ca 530-460 B.C.E.* Cambridge, 2002; *Sympotica : a symposium on the symposion* / ed. by O. Murray. Oxford, 1990; *Matheson S. T. Polygnotos and vase painting in Classical Athens*. Madison (Wisc.), 1995; *Greek vases : images, contexts and controversies* / ed. by C. Marconi. Leiden; Boston, 2004; *Ancient Greek and related pottery* / ed. by H. A. G. Brijder. Amsterdam, 1984; *Schefold K. Götter- und Heldensagen der Griechen in der spätarchaischen Kunst*. München, 1978). На русском языке см.: *Михайлин В. Дионисова борода : природа и эволюция древнегреческого пиршественного пространства* // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 5(43). С. 73–81; *Михайлин В. Вечно молодой, вечно пьяный : трансформации традиционных возрастных иерархий в урбанистическом пространстве* // *Отечественные записки*. 2006. № 30. С. 21–40.

- ³ Греческая традиция, относящаяся к архаической и классической эпохам, причем традиция как текстуальная, так и визуальная, красноречиво умалчивает о наличии каких бы то ни было растений в домашнем пространстве – если только речь не идет о симпосиях или о сюжетах, с симпосиастическим дискурсом самым непосредственным образом связанных, вроде сюжета о дочерях Миния (см.: *Ovidius Naso. Metamorphoses*. 1–40; 390–415; *Antononous Liberalis. Metamorphoses*. 10; *Aelianus Claudius. Varia historia*. iii, 42; *Plutarchus. Aetia graeca*. 38). Так называемые садики Адониса в частных домах, даже если не принимать во внимание их ритуального и кратковременного характера, суть, судя по всему, нововведение уже эллинистических времен, связанное с резкими переменами в стиле жизни и, соответственно, в когнитивной диспозиции огромной в процентном измерении массы грекоговорящего населения (см.: *Theocr. Idyl. XV, 113*). Более ранние свидетельства никак не увязывают эту реалию с собственно домашним пространством.
- ⁴ Касательно той роли, которую анфасные изображения играли в древнегреческом пиршественном пространстве (см. прежде всего докторскую диссертацию Франсуази Фронтизи-Дюкру: *Frontisi-Ducroux F. Prosopon. Valeurs grecques du masque et du visage. Thèse de Doctorat d'Etat*. P., 1987. Той же тематике посвящен и ряд ее опубликованных в дальнейшем работ, см.: *Frontisi-Ducroux F. Le dieu-masque. Une figure du Dionysos d'Athènes*. P., 1991; *Frontisi-Ducroux F. Du masque au visage. Aspects de l'identité en Grèce ancienne*. P., 1995). Кроме того, см.: *Korshak Y. Frontal faces in Attic vase painting of the Archaic Period*. Chicago, 1987).
- ⁵ См.: *Михайлин В. Ю. Древнегреческая симпосиастическая культура и проблема происхождения афинского театра* // *Литература и театр*. Самара, 2011; *Sarrazaac J.-P. Critique du théâtre. De l'utopie au désenchantement*. P., 2000.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716а)

Примечания

- 1 Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. О. Социальная психология : учеб. пособие. М., 2006.
- 2 Сухов А. Н., Бодалева А. А., Казанцев В.Н. [и др.]. Социальная психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003.
- 3 Василюк Ф. Е. Психология переживания : анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
- 4 Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping // Stress and Coping : An Anthology / ed. by A. Monat, R. S. Lazarus. N. Y., 1991. P. 189–206.

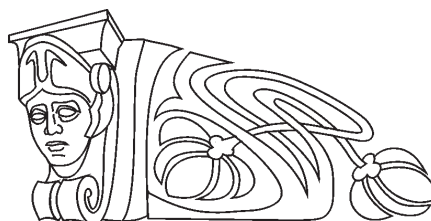
- 5 Ремимидт Х. Подростковый и юношеский возраст : Проблемы становления личности. М., 1994.
- 6 Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies : a theoretically based approach // J. of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. P. 267–283.
- 7 Малышев И. В., Галаев С. В. Характеристика социально-психологической адаптации и копинг-поведения старшеклассников в стрессовых ситуациях // Адаптация личности в современном мире : Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 61–70.
- 8 Малышев И. В. Принципы построения коррекционной программы, направленной на профилактику и преодоление синдрома эмоционального выгорания у представителей экстремальных профессий // Уч. зап. пед. ин-та Сарат. гос. ун-та. Сер.: Психология. Педагогика. 2009. Т. 2, № 2(6). С. 39–44.

УДК 159.9

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ К ДЕНЬГАМ

Т. Ю. Миронова

Саратовский государственный университет
E-mail: tasya141@mail.ru

В статье излагаются результаты исследования внешних и внутренних факторов (возраста, половой принадлежности испытуемых, места их проживания, личностных качеств, особенностей ценностной сферы и уровня воспитанности), влияющих на формирование отношения подростков и юношей к деньгам. Описано влияние этих факторов на представления и отношение подрастающего поколения к деньгам.

Ключевые слова: личность, экономическая социализация, отношение к деньгам.

Certain Factors of Teenagers Attitude to Money

T. Yu. Mironova

This article is about the results of the research about external and internal factors (age, sex, geographic location, personal characteristics, features of value sphere and the level of breeding), which influence on the development of teenagers attitude to money. These factors were detected with the help of empirical study and there is a description of how money can shape the teenagers attitude to it.

Key words: personality, economical socialisation, attitude to money.

Отношение к материальным благам является сложным, многоаспектным и во многом определяется социокультурными и социально-психологическими факторами. В связи с этим особое

значение приобретают исследования, раскрывающие психологическую составляющую данного отношения. М. Ю. Семенов, изучая особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости, отмечает, что трансформация экономической среды, возникновение разных форм собственности, финансовое расслоение общества приводят к дифференциации экономического сознания и экономических отношений, в том числе к появлению различных социально-психологических типов людей, по разному относящихся к деньгам¹. В. А. Хашченко выделяет два таких типа: для одного деньги – цель жизни, для другого – условие существования, и каждому из них свойственно определенное монетарное поведение². Отечественными психологами выявлены специфические особенности отношения к деньгам, присущие российским респондентам. В частности, установлено, что у значительной части испытуемых деньги ассоциируются с полярными категориями: свободой и зависимостью, правдой и ложью, справедливостью и несправедливостью, ответственностью и безответственностью и т. п. (О. С. Дейнека; Е. И. Горбачева, А. Б. Купрейченко)³. Подобная двойственность приводит к

формированию противоречивого, конфликтного отношения к деньгам у значительной части россиян, что сказывается, с одной стороны, на их экономическом поведении, с другой – на условиях экономической социализации подрастающего поколения⁴. Таким образом, изменения, происходящие в обществе, а также необходимость адаптации к ним зрелого поколения ставят проблему влияния данных условий на процесс и эффекты экономической социализации подростков и юношей.

В связи с этим нами проводится исследование, цель которого заключается в выявлении внешних и внутренних факторов, влияющих на формирование у подростков и юношей отношения к деньгам. В исследовании приняли участие 230 учащихся с 8-х по 11-е классы МОУ «СОШ № 4» города Саратова и МОУ «СОШ № 1» поселка Котово Волгоградской области. Чтобы проследить особенности отношения к деньгам, испытуемые были разделены на три группы: младшие подростки 13–14 лет, подростки 15–16 лет, юноши и девушки 17–18 лет. Выбор данной возрастной группы обусловлен особыми психологическими свойствами этого возраста, которые определяют как собственную перспективу жизни подростка, так и будущее общества.

Для решения поставленной задачи использовался опрос на основе разработанной нами анкеты. В ней предполагалось ответить на ряд вопросов, касающихся различных аспектов экономической социализации, в частности представлений о деньгах и особенностях отношения к ним. Наряду с опросом использовались: 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла, анкета «Индекс воспитанности школьников» Л. Д. Столяренко, опросник «Отношение к деньгам школьников» М. Ю. Семенова, «Морфологический тест жизненных ценностей» В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной.

Анализ результатов исследования позволил выявить факторы, влияющие на формирование отношения подростков и юношей к деньгам. В первую очередь хотелось бы отметить точки зрения подростков на деньги, а именно их конкретное назначение в жизни испытуемых и общества в целом. Большинство респондентов сходятся во мнении, что деньги необходимы в первую очередь для обеспечения жизнедеятельности (первая группа – 64%, вторая – 61%, третья – 59%) (таблица). У испытуемых из старших подгрупп в большей степени, чем у младших школьников, представлены такие варианты, как «вложить в будущее», «обеспечить будущее детей» и «получение образования». В данном случае помимо ярко выраженной ориентации старших подростков на будущее наблюдаются представления о том, что их потребности, в том числе в будущем, должны быть приоритетной статьёй в расходах их родителей. Кроме эгоцентричной направленности испытуемых данные результаты демонстрируют

сильную экономическую зависимость от родителей. В ответах младших школьников содержится больше вариантов, предполагающих обретение независимости через обладание деньгами и терапевтическую функцию денег. Несмотря на стремление к независимости, свойственное данному возрасту, в процессе экономической социализации на рассматриваемом этапе данная задача не выполняется. Это объясняется в первую очередь малой включенностью подростков и юношей в какую-либо экономическую деятельность.

Функции денег в представлениях испытуемых разных возрастных групп, %

Функция	Испытуемые		
	13–14 лет	15–16 лет	17–18 лет
Обеспечение жизнедеятельности	64	61	59
Создание стабильности в будущем	4,5	5	8
Средство достижения удовольствия	10	4	4
Обеспечение детей	15	23	25
Обретение независимости	6	1	–
Мера стоимости	4,5	6	4
Средство платежа, предоставляющее возможность удовлетворения любых потребностей	15	20	15
Возможность получения образования	10	7	15

Примечание. У испытуемых была возможность дать несколько вариантов ответа.

Далее раскроем влияние некоторых факторов на особенности отношения испытуемых к деньгам. Для девушек в значительной степени денежные средства играют терапевтическую роль ($r = -0,23$, $p < 0,001$): они часто думают о деньгах, используют их как средство против плохого настроения, нередко совершают поступки под влиянием первого эмоционального впечатления. Юноши склонны испытывать, скорее, тревожность из-за денег ($r = 0,14$, $p < 0,05$) и негативное отношение к ним ($r = 0,14$, $p < 0,05$); при этом денежные средства строго контролируются и юноши испытывают зависть к финансовому благополучию окружающих, одновременно ощущая тревогу и чувство вины. Представленные данные раскрывают содержание установок, связанных с гендерными особенностями монетарного поведения, существующими в обществе и усвоенными в процессе экономической социализации подрастающим поколением. Взрослея, подростки становятся более активными субъектами экономической социализации, и тогда происходит изменение их отношения к деньгам. В ответах младших

школьников содержится больше вариантов, указывающих, что деньги воспринимаются ими как средство обретения независимости и получения удовольствия от жизни. Старшие подростки начинают относиться к деньгам более рационально, овладевая искусством управлять личными финансами, одновременно у них появляются гордость и ощущение свободы благодаря обладанию деньгами. В данном случае деньги выступают как средство, поднимающее настроение.

Отмеченная функция денег имеет особое значение для испытуемых, проживающих в поселках городского типа: они склонны воспринимать деньги как объект, доставляющий удовольствие и дающий возможность почувствовать себя уверенно и свободно ($r = -0,17, p < 0,05$). Кроме того, эти испытуемые часто нервничают и переживают из-за отсутствия или недостатка личных финансов, тогда как подростки, проживающие в городе, более спокойны и уверены в финансовом плане: личные финансы редко находятся в центре их внимания ($r = -0,16, p < 0,05$). Интересно отметить, что испытуемые, проживающие в Саратове, представляя свое материальное обеспечение в будущем, указывают более высокий его уровень, в отличие от подростков из поселков городского типа ($r = 0,17, p < 0,05$). Это же касается оценки ими своих шансов стать богатыми людьми ($r = 0,21, p < 0,01$). Данные результаты объясняются существующей разницей в уровне материального благосостояния населения, проживающего в населенных пунктах разного типа. Этот разрыв способствует возникновению чувства зависти к проживающим в городе сверстникам и повышает ценность денег, что, в свою очередь, приводит к тому, что они становятся для подростков, проживающих в поселке, символом уверенности в себе и независимости, а также объектом тревоги и негативных переживаний. Подростки, проживающие в Саратове, в меньшей степени склонны к тревоге из-за денег: они демонстрируют более оптимистичное представление о своем будущем. Можно сказать, что проживание в городе способствует формированию более адекватного отношения к деньгам и большей уверенности в экономической сфере.

Подобная картина наблюдается и при анализе представлений девушек и юношей. Девушки в будущем рассчитывают на более высокий уровень материального положения, чем юноши ($r = -0,16, p < 0,05$). При этом они значительно выше оценивают и свои шансы стать богатыми людьми ($r = 0,19, p < 0,01$). Демонстрируя свои представления о будущем, девушки, в отличие от юношей, отмечают более ранний возраст, в котором они смогут планировать свою жизнь ($r = 0,25, p < 0,001$) и станут профессионалами в своем деле ($r = 0,22, p < 0,01$). Юноши, в отличие от девушек, в более раннем возрасте планируют

обладать собственностью, например машиной ($r = -0,25, p < 0,001$). Интересно, что молодые люди в значительно большей степени, чем девушки, склонны положительно относиться к не облагаемым налогами доходам ($r = 0,22, p < 0,01$). Данные результаты согласуются с описанными выше гендерными особенностями отношения к деньгам. Однако при отношении к деньгам как к средству против плохого настроения и высоком уровне притязаний девушки делают акцент на профессиональном росте и способности планировать свою жизнь, тогда как юноши рассматривают в первую очередь обзавестись внешними атрибутами, демонстрирующими их материальное положение, пренебрегая при этом, если необходимо, законом.

Дальнейший анализ полученных данных позволил проследить влияние личностных качеств испытуемых на формирование установок по отношению к деньгам. Тревожность из-за денег ($r = -0,3, p < 0,001$) и негативное отношение к ним ($r = -0,22, p < 0,01$) связаны с такими качествами личности, как конформизм / неконформизм (фактор Q2 16 PF-опросника Р. Кеттелла). Другими словами, чем в большей степени человек склонен к зависимости от группы, ориентируется на социальное одобрение и следует общественному мнению, тем сильнее развивается указанное выше отношение к деньгам. Возможно, неуверенность, выражающаяся в общении с другими как конформизм, в экономическом сознании проявляется как тревожность и негативное отношение к деньгам. Отдельно на формирование тревоги в отношении денежных средств влияет прямолинейность / дипломатичность испытуемых (фактор N 16 PF-опросника Р. Кеттелла). Чем более прямолинеен, наивен и непосредствен человек, тем в большей степени он склонен переживать, нервничать, завидовать и переоценивать значимость денег ($r = -0,15, p < 0,05$). Данные результаты, скорее, говорят об открытом и непосредственном поведении, которое, в свою очередь, способствует демонстрации в том числе и тревожности из-за денег, тогда как более сдержанные и дипломатичные испытуемые стараются не демонстрировать данного факта. Школьники, склонные негативно относиться к деньгам, считая, что это зло, обладают высоким интеллектом, абстрактностью мышления, сообразительностью и быстрой обучаемостью ($r = 0,15, p < 0,05$) (фактор В 16 PF-опросника Р. Кеттелла), сдержанны и пессимистичны в восприятии действительности, часто беспокоятся о будущем и ожидают неудачи ($r = -0,19, p < 0,01$) (фактор F 16 PF-опросника Р. Кеттелла). Интересно, что формированию положительного ($r = -0,19, p < 0,01$) и спокойного ($r = -0,22, p < 0,01$) отношения к деньгам способствуют высокое напряжение, повышенная мотивация и активное

неудовлетворение стремлений (фактор Q4 16 PF-опросника Р. Кеттелла). Таким образом, положительному и спокойному отношению к деньгам, что говорит и о более высоком уровне адаптированности в экономической сфере, способствует не высокий интеллект, а повышенная мотивация и наличие не удовлетворенных стремлений.

В процессе анализа были получены данные, демонстрирующие влияние уровня воспитанности на отношение к деньгам: чем в большей степени развиты нравственный ($r = 0,15, p < 0,05$) и трудовой ($r = 0,14, p < 0,05$) аспекты, тем больше фиксация на деньгах и тем сильнее выражена склонность переоценивать их значимость. Для испытуемых с низким уровнем развития экологического аспекта воспитанности особое значение приобретает терапевтическая функция денег, и наоборот ($r = -0,18, p < 0,01$). В этом случае если для подростков природа выступает объектом получения удовольствия и своеобразным лекарством от депрессии и плохого настроения, они используют терапевтическую функцию денег.

Если соотнести установки относительно денег с особенностями ценностной сферы подростков, можно отметить, что фиксация на деньгах происходит у испытуемых, в ценностной структуре которых особое значение имеет развитие в сферах профессии ($r = 0,21, p < 0,01$); образования ($r = 0,3, p < 0,001$), семьи ($r = 0,2, p < 0,01$), общества ($r = 0,22, p < 0,01$), увлечений ($r = 0,25, p < 0,001$), но не физической культуры. Стремление человека получать объективную информацию о своих особенностях характера, тяга к самосовершенствованию и желание самореализации, серьезное отношение к своим обязанностям и компетентность в делах тесно связаны с переоценкой значимости денег и выраженным мотивом экономии. Также фиксация на деньгах происходит у испытуемых, в системе ценностей которых особое значение приобретают активные социальные контакты и достижения, в сферах ценности «активные социальные контакты» (профессия ($r = 0,2, p < 0,01$), образование ($r = 0,2, p < 0,01$), семья ($r = 0,16, p < 0,05$), общество ($r = 0,21, p < 0,01$), увлечения ($r = 0,2, p < 0,01$), физическая культура ($r = 0,14, p < 0,05$)) и ценности «достижения» (профессия ($r = 0,22, p < 0,01$), образование ($r = 0,21, p < 0,01$), семья ($r = 0,26, p < 0,001$), общество ($r = 0,17, p < 0,05$), увлечения ($r = 0,4, p < 0,001$), физическая культура ($r = 0,18, p < 0,01$)).

Таким образом, испытуемые, стремящиеся к личностному развитию и достижениям в различных сферах и обладающие высоким уровнем нравственности, склонны переоценивать значимость денег. У них ярко выражен мотив экономии, не демонстрируя своего финансового положения, они стараются одеваться скромно и сочувствуют бедным. Другими словами, при высокой значи-

мости денег существует запрет на демонстрацию этой значимости. Данные результаты объясняются влиянием советской идеологии, когда человек не должен был высоко ценить материальные блага и реализовывать в своем монетарном поведении экономический интерес. Несмотря на значительную трансформацию общественного сознания, старшее поколение в процессе социализации и в настоящее время транслирует эти представления детям и подросткам.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что на формирование отношения к деньгам особое влияние оказывают возрастные особенности подростков и юношей. Если для испытуемых 13–14 лет финансы становятся в первую очередь символом независимости, то с возрастом в представлениях подростков о деньгах заметна большая ориентация на будущее.

Анализ данных, полученных в результате исследования, позволил раскрыть содержание гендерных установок монетарного поведения, существующих в обществе и усвоенных подрастающим поколением в процессе экономической социализации.

Значительное влияние на формирование отношения к деньгам оказывает место проживания подростков и юношей. Испытуемые, проживающие в поселке, в отличие от школьников Саратова, в большей степени склонны испытывать тревогу из-за денег и негативное отношение к ним. Таким образом, проживание в городе способствует формированию более адекватного отношения к деньгам и большей уверенности в экономической сфере.

Тревожность из-за денег связана с такими личностными качествами, как конформизм и прямолинейность. Негативное отношение к деньгам формируется чаще у испытуемых с высоким уровнем интеллекта, склонных к пессимистичному и беспокойному восприятию будущего. Положительному отношению к деньгам способствуют повышенная мотивация и наличие не удовлетворенных стремлений.

Испытуемые, стремящиеся к личностному развитию и достижениям в различных сферах, обладающие высоким уровнем нравственности, склонны переоценивать значимость денег: они экономны, не демонстрируют своего финансового положения, стараются скромно одеваться и сочувствуют бедным, т. е. при высокой значимости денег существует запрет на демонстрацию этой значимости.

Примечание

¹ Семенов М. Ю. Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.

² См.: Хащенко В. А. Социально-психологические де-

терминанты экономической идентичности личности // Проблемы экономической психологии : в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 513–556.

³ См.: Горбачева Е. И., Купрейченко А. Б. Отношение личности к деньгам : нравственные противоречия в

оценках и ассоциациях // Психол. журн. 2006. Т. 27, № 4. С. 26–37.

⁴ Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Экономическое самоопределение. Теория и эмпирические исследования. М., 2007.

УДК 159.9

КОГНИТИВНЫЕ РАМКИ ВОСПРИЯТИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ ВРЕМЕН АРХАИКИ И КЛАССИКИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В. Ю. Михайлин

Саратовский государственный университет
E-mail: vmikhailin@yandex.ru

Автор рассматривает пространство древнегреческого симпозиума, включающее в себя и проективную реальность симпозиумической вазописи с точки зрения стоящих за ними когнитивных механизмов.

Ключевые слова: древнегреческая вазопись, архаическая и классическая, симпозиум, историческая антропология, иконология, культурный код, когнитивная диспозиция.

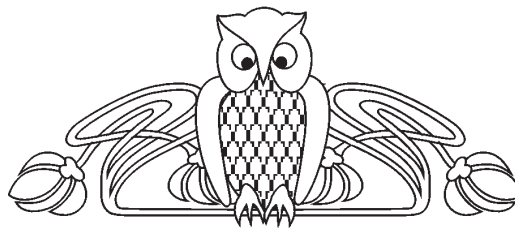
**Cognitive Frames of Archaic and Classical Greek
Vase-Painting Perception: Spatial and Contextual Aspects**

V. Yu. Mikhailin

Author examines the space of Ancient Greek symposium, as including in itself the projective realities of the sympotic vase-painting, from the point of view of cognitive patterns underlying it.

Key words: Greek vase-painting, archaic and classic, symposium, historical anthropology, iconology, culture code, cognitive dispositions.

Восприятие любых реалий, относящихся к культурному контексту, который не совпадает с тем контекстом, в рамках которого мы привыкли выстраивать собственную идентичность, уже представляет собой цепочку связанных друг с другом когнитивных проблем. Даже в тех случаях, когда тот или иной инокультурный феномен ориентирован (в пределах собственной культуры) на «прямое считывание», задействуя свойственные человеку навыки автоматизированного достраивания информации (так называемые инферентные системы) с опорой на относительно небольшое число привычных информационных раздражителей, элементарное несовпадение привычных для индивида навыков подобного достраивания с теми, что значимы в культуре-источнике, зачастую приводит к существенному искажению

логики инференции при сохранении у индивида базовой уверенности в том, что полученная в итоге картина «естественна» и логична.

Ситуация существенно усугубляется в тех случаях, когда инокультурный феномен ориентирован (в пределах собственной культуры) на восприятие, принципиально проблематизирующее сам процесс инференции, сталкивая в рамках мессиджа, который воспринимается как внутренне цельный и связный, значимые отсылки к разным инферентным системам и разным базовым классификационным категориям. А поскольку значительную часть феноменов, дошедших до нас в тех или иных материальных формах от культур минувших времен, имеет смысл подозревать именно в такой когнитивной ориентированности (к ним относятся прежде всего артефакты и стоящие за ними социокультурные явления сфер ритуала, культа, художественного творчества, составительных и демонстративных практик и т. п.), то и вопрос о рамках восприятия подобных явлений превращается в одну из ключевых проблем, связанных с интерпретацией данных, полученных в результате исследований археологических, иконологических, палеографических, текстологических, да и вообще исторических, филологических и искусствоведческих в широком смысле каждого термина.

Положение о том, что каждую культуру следует изучать исходя не из наших собственных «привычек и навыков», а из «привычек и навыков», значимых в том обществе, культура которого является для нас предметом изучения, косвенным образом вытекает еще из определения, данного культуре как таковой сэром Эдвардом Тайлором,

альная полезность», в анализе также используется *t*-критерий Стьюдента. В шкале мотивационного профиля «Творческая активность» был выявлен наиболее значимый уровень различий, которые и сформировали конечный результат (табл. 2). Мотивы творчества, таким образом, являются определяющими в общей мотивационной структуре личности и наиболее влиятельными для социальной активности студентов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: в группе студентов, проявляющих активность в сфере религии, значительно ниже развиты мотивы творческой активности, жизнеобеспечения и социальной полезности. У политически активных студентов, по сравнению с другими, сильно развиты мотивы комфорта. Мотивационные профили творческой активности, жизнеобеспечения и комфорта у респондентов в каждой группе социальной активности компенсируют друг друга. Мотивационный профиль общей активности, творчества и

социальной полезности определяется в основном творческой активностью студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026а).

Примечания

- ¹ Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 14.
- ² Петровский В. А. Человек над ситуацией. М., 2010. С. 32.
- ³ См.: Психология : словарь. С. 15.
- ⁴ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002. С. 507.
- ⁵ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

УДК 316.6+159.923

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ

И. В. Малышев

Саратовский государственный университет
E-mail: iv.999@list.ru

В статье рассматривается проблема социально-психологической адаптации личности в контексте преодоления ею сложных и стрессовых ситуаций. Представлены результаты анализа социально-психологических характеристик адаптации личности и основных копинг-поведенческих стратегий учащихся старших классов и студентов младших курсов. Установлена взаимосвязь изучаемых явлений и намечены пути эффективного преодоления стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: адаптационные характеристики, социально-психологическая адаптация личности, стратегии копинг-поведения.

Interrelation of the Social-Psychological Adaptation of a Personality and the Coping-Behaviour Strategies of Pupils and Students

I. V. Malyshev

The problem of social-psychological adaptation of a personality in the context of the overcoming difficult and stressful situations is considered in the article. The result of an analysis of socio-psychological characteristics of personality adapts and the basic coping-behaviour

strategies of pupils of the higher forms and underclassmen. Interaction between the studied effects is established and the ways of an effective overcoming of the stressful situations are nominated.

Key words: adaptation characteristics, social-psychological adaptation of a personality, coping-behaviour strategies.

Проблематика социально-психологической адаптации личности занимает ведущее положение в современных исследованиях. Во многом это определено трудностями адаптации личности в сложных условиях взаимодействия с обществом, что нередко приводит к негативным последствиям, выраженным в её дезадаптированности.

Социально-психологическая адаптация является ведущим и определяющим механизмом социализации личности. Одной из существенных адаптационных характеристик становится не только устойчивость к длительному воздействию стрессов, но и способность к их эффективному преодолению: активно противостоять стрессам невозможно без изучения совладающего пове-

дения, предполагающего выработку личностью наиболее приемлемых стратегий преодоления стрессовых ситуаций.

Как отмечает А. Л. Журавлев, социальная адаптация – одна из наиболее важных функций социальной психики: «Это процесс приобретения людьми определенного социально-психологического статуса, овладения теми или иными социально-психологическими функциями». По мнению автора, в ходе осуществления данного процесса повышается адаптированность, проявляющаяся в степени приспособленности ее к жизни в социуме¹. А. Н. Сухов, указывая на взаимосвязь социализации и адаптации, полагает, что социально-психологическая адаптация – это конкретный процесс социализации: «Социально-психологическая адаптация представляет собой овладение личностью роли при вхождении в новую социальную ситуацию»².

Но на сегодняшний день изучение социально-психологической адаптации личности и ее характеристик не должно ограничиваться только одной констатацией психологических данных и выявленных закономерностей. Определенный интерес вызывает и исследование способов преодоления личностью сложных или стрессовых ситуаций в контексте ее социально-психологической адаптации. В психологической науке представление о поведении совладающем, адаптивном, или копинг-поведении (от англ. coping – преодолевать, справляться), появилось на Западе в 1950–60-х гг. и рассматривается как процесс преодоления человеком трудных жизненных ситуаций. В отечественной психологии разработано и широко используется близкое по определению понятие «переживание». В соответствии с положениями Ф. Е. Василюка основу конструктивных способов преодоления конфликтов и трудностей составляют механизмы психологической регуляции или совладания, главнейшей задачей которых считается достижение реалистического приспособления к окружающему миру³.

Наибольшее распространение в настоящее время получила концепция преодолевающего (совладающего) поведения, предложенная Р. Лазарусом и С. Фолкман. Они характеризуют копинг как «когнитивные и поведенческие попытки управлять специфическими внешними и/или внутренними требованиями, которые оценены как вызывающие напряжение или чрезвычайные для ресурсов человека»⁴. Независимо от того что копинг-поведение связано с повышением адаптации личности к среде, данный процесс может быть неконструктивным и неэффективным, т. е. приводить к дезадаптации и ухудшению функционирования человека в социуме. Проблема эффективности и неэффективности копинга во многом связана с копинг-стратегиями. Под ними подразумевают те приемы и способы, с помощью

которых и происходит процесс совладания. Данное понимание копинга отражено в концепции Х. Ремшидт⁵.

По мнению К. С. Карвера, М. Ф. Шреера и Дж. К. Вейнтрауба, наиболее адаптивными копинг-стратегиями являются те, которые направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации⁶. К группе копинг-стратегий относятся и те, которые, по мнению авторов, в некоторых случаях помогают человеку адаптироваться к стрессовой ситуации и справиться с ней, но не являются адаптивными. Это такие приемы преодоления, как: «фокус на эмоциях и их выражение»; «отрицание» (отрицание стрессового события); «поведенческое отстранение» (отказ от разрешения ситуации) и т. д.

Важное значение приобретают проблема социально-психологической адаптации личности и выработка ею эффективных копинг-поведенческих стратегий в системе образования – это относится к учащимся старших классов и студентам младших курсов. В раннем юношеском возрасте происходит начальная профессиональная социализация личности, это этап становления ее многих профессионально важных качеств и стиля поведения в сложных или экстремальных ситуациях. Исходя из этого целью нашего исследования является изучение взаимосвязи социально-психологической адаптации личности и копинг-поведенческих стратегий учащихся и студентов.

В эмпирическом исследовании для изучения адаптации личности использовалась методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, для изучения копинг-поведения старшеклассников был выбран опросник копинг-поведения в стрессовых ситуациях С. Нормана, Д. Ф. Эндлера, Д. А. Джеймса, М. И. Паркера (в адаптации Т. А. Крюковой). Адаптационные характеристики личности исследовались с помощью теста Мини-Мульт (сокращенный вариант ММПИ). Статистическая обработка выполнялась с применением корреляционного анализа (метод Пирсона). Выборку исследования составили студенты факультетов очного отделения Саратовского государственного университета (70 человек в возрасте 17–18 лет) и учащиеся 10-х классов средних общеобразовательных школ Саратова (53 человека в возрасте 15–16 лет).

Первый этап исследования включал изучение особенностей социально-психологической адаптации студентов и старшеклассников. При рассмотрении показателей студентов у 70% из них был выявлен высокий уровень адаптивности, у 30% – средний (среднее арифметическое значение адаптивности – 142,6). У 50% испытуемых средний уровень дезадаптивности, у 44% низкий и только у 6% – высокий (среднее значение –

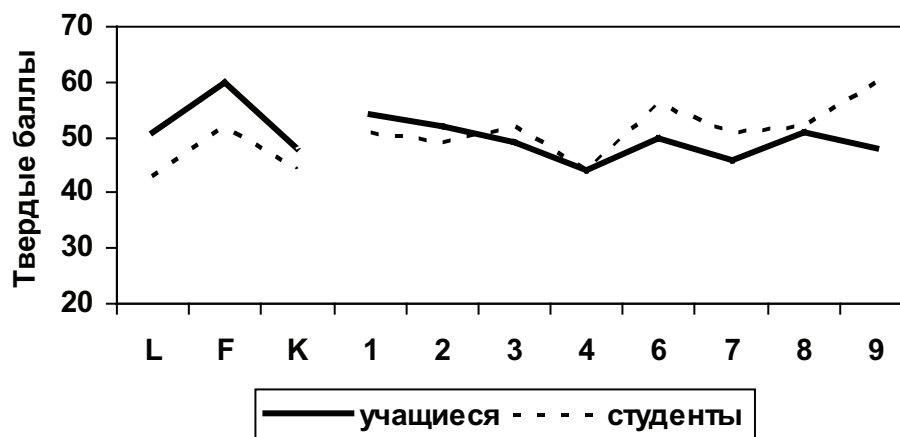

73,7). Показатель принятия себя имеет высокие значения у 80% студентов, высокий уровень непринятия себя выявлен только у 10% испытуемых. У 74% студентов высокий уровень принятия других. Показатель непринятие других находится в пределах нормы у 36% испытуемых и у 53% он низкий. Такая характеристика социально-психологической адаптации как эмоциональный комфорт имеет средний уровень у 58% студентов, у 39% – высокий. У 73% испытуемых обнаружен высокий показатель внутреннего контроля. Средний уровень внешнего контроля выявлен у 44% студентов, а низкий – у 50%. У 40% студентов высокий уровень доминирования, у 44% – средний. Интегральный показатель ведóмости находится в пределах нормы у 56% испытуемых. Бегство от проблем как характеристика социально-психологической адаптации выявлено у 20% в высоких значениях, у 61% – в пределах нормы. Заметно, что адаптивность значительной части студентов в целом высокая или средняя. Значительное влияние на уровень их социально-психологической адаптации оказывают все ее интегральные компоненты, которые имеют высокие значения или находятся в пределах нормы.

Как следует из результатов изучения уровня социально-психологической адаптации учащихся старших классов, все показатели адаптации

в основном находятся в пределах нормы⁷. Так, более чем у половины учащихся старших классов (70%) выявлен средний уровень адаптивности, у 20% старшеклассников он высокий (среднее значение – 114). У 84% испытуемых средний уровень дезадаптивности, у 12% – низкий и только у 4% обнаружен высокий уровень дезадаптивности (среднее значение – 93). В целом адаптивность у большинства старшеклассников хорошая. Однако показатель дезадаптивности имеет низкие значения только у 12%, у других испытуемых он высокий или средний. Кроме того, отмечается достаточно высокий уровень показателя бегства от проблем, а характеристики эмоционального комфорта и стремления к доминированию более чем у половины учащихся средние. Сравнивая результаты, можно сказать, что уровень социально-психологической адаптации школьников ниже, чем у испытуемых-студентов.

При изучении адаптационных характеристик личности студентов посредством теста Мини-Мульт (данные были обобщены и выражены количественно в виде средних значений шкал) обнаружено, что у большинства испытуемых присутствуют следующие характеристики: позитивный эмоциональный фон, оптимистичность, преобладание уверенности в успехе, стремление к самоутверждению, активность (рисунок).

Профили личности учащихся старших классов и студентов: шкалы: L – искренность; F – достоверность; K – коррекция; 1 – ипохондрия; 2 – депрессия; 3 – истерия; 4 – психопатия; 6 – паранойяльность; 7 – психастения; 8 – шизоидность; 9 – гипомания

Мотивация направлена на достижение целей и отстаивание своих прав. Несмотря на то что активность не всегда целенаправленна, реакция на стресс устойчивая с опорой на собственную интуицию. Кроме этого, обнаружены склонность к риску, решительность и смелость, артистичность, завышенная самооценка. Однако, несмотря на отсутствие явных негативных психических изменений, можно отметить нетерпеливость, не всегда адекватную реакцию на критические заме-

чания, упрямство, стремление к независимости, обостренное чувство справедливости. В целом испытуемые данной группы более устойчивы к воздействию стрессов.

Адаптационные возможности личности старшеклассников характеризуют: неудовлетворенность собой, колебания настроения, чувствительность к внешним раздражителям, склонность к грусти и переживаниям, пессимистичность, мнительность, стремление избегать сверхответ-

ственных поручений. Присутствует сочетание разнонаправленных мотивов: стремление к достижению цели и избегание неуспеха. Реакция на стресс предполагает страх и неуверенность, ориентацию поведения на установку мнения большинства или авторитетной личности, стремление действовать согласно проверенным правилам; возможна конфронтация с окружением, при этом отмечается сниженная выносливость к стрессу. Личности свойственны отсутствие непосредственности в поведении, вдумчивость, а также неуверенность в себе, потребность в поддержке и понимании из-за чувства страха перед неопределенностью. Подверженность личности испытываемым стрессовому воздействию повышает ее невротизацию; при длительном эмоциональном напряжении возможны развитие депрессивного состояния, ухудшение самочувствия, излишняя сосредоточенность на своем здоровье, ограничение активности и в целом трудности социальной адаптации, которые с учетом усиления внешних требований будут возрастать.

Анализ результатов изучения основных копинг-поведенческих стратегий в стрессовых ситуациях у студентов показывает, что для 61% испытуемых характерен копинг с ориентацией на решение задачи (среднее арифметическое значение – 56,6), для 26% копинг, ориентированный на избегание (среднее значение – 51,5) и для 13% – с ориентацией на эмоции (среднее значение – 43). В то же время у 52% испытуемых-старшеклассников копинг с ориентацией на решение задачи (среднее значение – 50), у 28% копинг, ориентированный на избегание (среднее значение – 48), и у 20% – с ориентацией на эмоции (среднее значение – 49). При сопоставлении полученных результатов копинга с анализом социально-психологической адаптации личности студентов и школьников видно, что у испытуемых с более высоким уровнем адаптационных возможностей преобладает копинг-стратегия с ориентацией на решение задачи, далее следует копинг на избегание и на эмоции. К ним в первую очередь относятся студенты, у которых результаты социально-психологической адаптации выше, чем у старшеклассников. Необходимо отметить позитивное влияние данных стратегий – паттернов поведения на адаптационные возможности личности, которые в целом снижают факторы риска дезадаптации. Также у значительной части студентов и учащихся отсутствует ярко выраженная копинг-стрессовая поведенческая стратегия: это видно из равномерно распределенных средних значений копинг-стратегий.

Прослеживается зависимость между уровнем социально-психологической адаптации и выбором соответствующих копинг-стратегий поведения. Исходя из этого предположения был проведен корреляционный анализ изучаемых

явлений. На его основе у студентов выявлена положительная связь между шкалой копинга, ориентированного на задачу, и интегральными показателями социально-психологической адаптации – адаптивность ($r = 0,247, p < 0,05$), внутренний контроль ($r = 0,340, p < 0,01$) – и отрицательная связь между данным копинг-поведением и шкалой «ведомость» ($r = -0,228, p < 0,05$). Анализируя полученную взаимосвязь, следует отметить, что наиболее приемлемая копинг-поведенческая стратегия, направленная в целом на решение задачи, во многом определяет возможности социально-психологической адаптации. Об этом свидетельствуют как показатель адаптивности испытуемых, так и необходимый для адаптации личности внутренний контроль. Ведомость как свойство личности, напротив, не способствует формированию данной стратегии поведения, т. е. имеет отрицательную взаимосвязь и низкие показатели у большинства студентов. Все это позволяет современной личности выбрать оптимальный путь адаптации и копинг-поведенческую стратегию, ориентированную на разрешение стрессовых ситуаций.

В то же время копинг с ориентацией на эмоции положительно коррелирует с такими характеристиками адаптации, как дезадаптивность ($r = 0,521, p < 0,01$), непринятие других ($r = 0,422, p < 0,01$) эмоциональный дискомфорт ($r = 0,561, p < 0,01$), внешний контроль ($r = 0,580, p < 0,01$) эскапизм ($r = 0,332, p < 0,01$). Значительная часть данных интегральных характеристик отражает сложности адаптации личности, поэтому некоторые испытуемые ориентированы на «эмоциональную» копинг-стратегию, которая до определенного момента сдерживает негативное воздействие стрессов, но при этом не всегда является эффективной и приемлемой формой поведения. Скорее всего, данная взаимосвязь свидетельствует о наличии осознанных или неосознанных проблем личности на эмоциональном уровне и попытках их разрешить посредством выбора данного копинга. Также копинг, ориентированный на эмоции, отрицательно взаимосвязан с такими показателями социально-психологической адаптации, как адаптивность ($r = -0,389, p < 0,01$), принятие себя, ($r = -0,278, p < 0,05$) принятие других ($r = -0,408, p < 0,01$), эмоциональный комфорт ($r = -0,259, p < 0,05$). Данные корреляции ещё более подтверждают высказанное ранее предположение о взаимосвязи социально-психологической адаптации и копинг-поведения личности. В этом случае «эмоциональный» копинг не способствует в полной мере адаптации личности, т. е. ее адаптивности, способности принимать себя и других, степени эмоциональной комфортности. Необходимо также отметить положительную взаимосвязь показателей эмоционального комфорта

и копинг-стратегии, направленной на избегание ($r = 0,274, p < 0,05$): вероятно, испытуемые ощущают безопасность и эмоциональное спокойствие в ситуациях избегания. Выбор данной стратегии поведения, скорее всего, продиктован быстрым разрешением потребности в комфорте.

Кроме этого обнаружена отрицательная корреляция между показателем копинга «решение задачи» и личностной шкалой «истерия» ($r = -0,385, p < 0,01$): при выборе копинга, связанного с принятием решения, личность склонна к избыточным демонстративным эмоциональным проявлениям, неустойчивой самооценке, с этим и связано снижение адаптационных возможностей. К тому же выявлены положительные связи между копинг-стратегией «эмоции» и большей частью шкал, отражающих личностные особенности испытуемых: с ипохондрией ($r = 0,387, p < 0,01$), депрессией ($r = 0,359, p < 0,05$), истерией ($r = 0,445, p < 0,01$), паранойальностью ($r = 0,472, p < 0,01$), шизоидностью ($r = 0,398, p < 0,01$). Видно, что для испытуемых с данной копинг-стратегией в стрессовом состоянии характерны обостренное внимание к своему здоровью, ориентация на правила, социальные требования, инертность в принятии решений, избегание серьезной ответственности, неудовлетворенность и пессимистичность, неуверенность в себе и своих возможностях, незрелость социальных установок; отмечаются чувство соперничества, упрямство, недостаточная гибкость в общении. Также этим лицам свойственны индивидуальность, оригинальность суждений, иногда – их субъективизм, аналитический склад мышления и творческая ориентированность; возможны своеобразие и непредсказуемость поступков, в стрессовых ситуациях – растерянность.

У учащихся также выявлена положительная корреляция между шкалой копинга, ориентированного на задачу, и следующими интегральными показателями адаптации: адаптивность ($r = 0,466, p < 0,05$), принятие себя ($r = 0,602, p < 0,01$), внутренний контроль ($r = 0,461, p < 0,05$) и доминантность ($r = 0,542, p < 0,01$); обнаружена положительная корреляция между копинг-стратегией «избегание» и шкалой теста Мини-Мульт «шизоидность» ($r = 0,439, p < 0,05$).

В соответствии с результатами корреляционного анализа и данными психодиагностики копинг «решение задачи» положительно влияет на основные характеристики адаптации как старшеклассников, так и студентов. В то же время нельзя исключать, что хорошо адаптированная личность преимущественно выбирает наиболее эффективный путь преодоления стрессовых ситуаций. Из предыдущих результатов исследования видно, что только половине учащихся свойственна копинг-стратегия с ориентацией на решение задачи. Не

исключено, что это также влияет на уровень их социально-психологической адаптации, который определен как средний или высокий. В свою очередь, для других старшеклассников характерны малоэффективные пути преодоления сложных ситуаций в виде поведенческой направленности на избегание или эмоции. В целом это оказывает тормозящее воздействие на адаптационные возможности учащихся.

Таким образом, представленные результаты исследования указывают на взаимосвязь социально-психологической адаптации личности и копинг-поведенческой стратегии. Это отчетливо проявляется в большинстве выявленных корреляционных связей у студентов и школьников, отражающих разные способы преодоления сложных стрессовых ситуаций.

Уровень социально-психологической адаптации личности большинства студентов и учащихся старших классов характеризуется как высокий и хороший. В то же время характеристики адаптации могут быть значительно выше в случае выбора оптимальных копинг-поведенческих стратегий в стрессовых ситуациях. Особенно это заметно у старшеклассников, уровень адаптации которых ниже, чем у студентов. Как у учащихся, так и у студентов обнаружена зависимость между уровнем социально-психологической адаптации личности и доминирующей копинг-поведенческой стратегией в стрессе. В целом хорошо адаптированная личность выбирает, как правило, наиболее эффективный копинг, в нашем случае более всего направленный на решение задачи, то есть прослеживается определенная модель паттерна-копинга, в которой доминирующая составляющая – ориентация социально зрелой и активной личности на разрешение задач и проблемных ситуаций.

Для преодоления сложных жизненных ситуаций целесообразно использовать специальные коррекционные программы, учитывающие результаты социально-психологической адаптации личности и стратегии её копинг-поведения. В частности, может быть полезен опыт создания психокоррекционных программ, реализуемых в рамках социально-психологического тренинга. Примером является модель коррекционной программы, направленной на профилактику и преодоление раннего проявления синдрома эмоционального выгорания⁸. Она включает: формирование позитивного отношения к действительности через рефлексию и когнитивную переоценку основных жизненных ценностей; обучение навыкам саморегуляции и конструктивного поведения в экстремальных ситуациях; развитие профессионально важных качеств в различных ситуациях взаимодействия; формирование индивидуального стиля деятельности и профессиональной компетентности и т. д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие адаптационных способностей выпускников школы в процессе взаимодействия с образовательной средой» (грант № 11-06-00716а)

Примечания

- ¹ Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. О. Социальная психология : учеб. пособие. М., 2006.
- ² Сухов А. Н., Бодалева А. А., Казанцев В.Н. [и др.]. Социальная психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003.
- ³ Василюк Ф. Е. Психология переживания : анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
- ⁴ Lazarus R. S., Folkman S. The concept of coping // Stress and Coping : An Anthology / ed. by A. Monat, R. S. Lazarus. N. Y., 1991. P. 189–206.

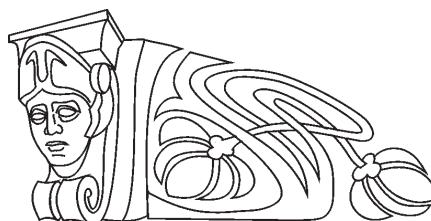
- ⁵ Ремимидт Х. Подростковый и юношеский возраст : Проблемы становления личности. М., 1994.
- ⁶ Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. Assessing coping strategies : a theoretically based approach // J. of Personality and Social Psychology. 1989. Vol. 56. P. 267–283.
- ⁷ Малышев И. В., Галаев С. В. Характеристика социально-психологической адаптации и копинг-поведения старшеклассников в стрессовых ситуациях // Адаптация личности в современном мире : Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 61–70.
- ⁸ Малышев И. В. Принципы построения коррекционной программы, направленной на профилактику и преодоление синдрома эмоционального выгорания у представителей экстремальных профессий // Уч. зап. пед. ин-та Сарат. гос. ун-та. Сер.: Психология. Педагогика. 2009. Т. 2, № 2(6). С. 39–44.

УДК 159.9

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И ЮНОШЕЙ К ДЕНЬГАМ

Т. Ю. Миронова

Саратовский государственный университет
E-mail: tasya141@mail.ru

В статье излагаются результаты исследования внешних и внутренних факторов (возраста, половой принадлежности испытуемых, места их проживания, личностных качеств, особенностей ценностной сферы и уровня воспитанности), влияющих на формирование отношения подростков и юношей к деньгам. Описано влияние этих факторов на представления и отношение подрастающего поколения к деньгам.

Ключевые слова: личность, экономическая социализация, отношение к деньгам.

Certain Factors of Teenagers Attitude to Money

T. Yu. Mironova

This article is about the results of the research about external and internal factors (age, sex, geographic location, personal characteristics, features of value sphere and the level of breeding), which influence on the development of teenagers attitude to money. These factors were detected with the help of empirical study and there is a description of how money can shape the teenagers attitude to it.

Key words: personality, economical socialisation, attitude to money.

Отношение к материальным благам является сложным, многоаспектным и во многом определяется социокультурными и социально-психологическими факторами. В связи с этим особое

значение приобретают исследования, раскрывающие психологическую составляющую данного отношения. М. Ю. Семенов, изучая особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости, отмечает, что трансформация экономической среды, возникновение разных форм собственности, финансовое расслоение общества приводят к дифференциации экономического сознания и экономических отношений, в том числе к появлению различных социально-психологических типов людей, по разному относящихся к деньгам¹. В. А. Хашченко выделяет два таких типа: для одного деньги – цель жизни, для другого – условие существования, и каждому из них свойственно определенное монетарное поведение². Отечественными психологами выявлены специфические особенности отношения к деньгам, присущие российским респондентам. В частности, установлено, что у значительной части испытуемых деньги ассоциируются с полярными категориями: свободой и зависимостью, правдой и ложью, справедливостью и несправедливостью, ответственностью и безответственностью и т. п. (О. С. Дейнека; Е. И. Горбачева, А. Б. Купрейченко)³. Подобная двойственность приводит к

- 6 *Зубарев С. М.* Смертельное чувство // Психотерапия. 2009. № 11. С. 51.
- 7 *Орлов Ю. М.* Стыд. Зависть. М., 2005. С. 62.
- 8 *Леонтьев Д. А.* Пожирательница души. URL: <http://www.nsad.ru/index.php?issue=80§ion=10029&article=1421> (дата обращения: 5.03.2012).
- 9 *Шамионов Р. М.* Завистливость и «оправдание» зависти // Профессиональное и личностное самоопределение в современной России : материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2010. С. 47.
- 10 *Муздыбаев К.* Психология зависти // Психол. журн. 1997. Т. 18, № 6. С. 7.
- 11 *Barret K. C.* A Functionalist Approach to Shame and Guilt / eds. Tangney J. P., Fisher K. Self-conscious emotions : The psychology of shame guilt, embarrassment, and pride. N. Y., 1995. P. 25–63.
- 12 *Silver M., Sabini J.* The social construction of envy // J. of the Theory of Social Behavior. 1986. № 8. P. 45–59.
- 13 *Мальшев М. А.* Человек и мир его переживаний. Екатеринбург, 2000. С. 82.
- 14 *Дмитриева Н. В.* Психология зависти // Сибирск. психол. журн. 2005. № 2. С. 133.
- 15 См.: *Бондаренко О. Р., Лукан У.* Указ. соч. С. 270.
- 16 См.: *Лабунская В. А.* Зависть, безнадежность и надежда как способы преобразования бытия субъекта // Личность и бытие : субъектный подход. Личность как субъект бытия : теоретико-методологические основания анализа. Краснодар, 2005. С. 120–137.
- 17 *Муздыбаев К.* Указ. соч. С. 6, 10.
- 18 *Глухов А. П.* Обоснование легитимности идеи социального равенства : этико-психологическая и социально-интегративная перспективы // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (социология). 2006. Вып. 12(63). С. 62–69.
- 19 Там же. С. 496.
- 20 *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали / пер. с польск. К. В. Душенко ; общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1987. С. 359.

УДК 316.37

МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЁЖИ

А. В. Григорьев

Саратовский государственный университет
E-mail: muadibone@gmail.com

Статья посвящена проблеме мотивации социальной активности учащейся молодежи. Выявляются различия в мотивационной структуре личности молодых людей в зависимости от вида социальной активности.

Ключевые слова: социальная активность, мотивация, личность, деятельность.

Motivation Social Activity of Youth

A. V. Grigoryev

The article is devoted to the motivation of social activity for students. Revealed differences in the motivational structure of the personality of young people, depending on the type of social activity.

Key words: social activity, motivation, personality, activity.

Проблема активности и её детерминации традиционна для психологии. Активность рассматривается как «всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика, как источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром»¹. По мнению А. В. Петровского, «судьба понятия “активность” в психологии является своеобразным зеркалом ее исторического становления и обособления в качестве самостоятельной науки»².

Для социальной психологии важна прежде всего социальная активность личности, которую можно определить как способность человека производить социально значимые преобразования в мире на основе присвоения культурных ценностей и единства мировоззрения и деятельности³. Изучение социальной активности личности предполагает анализ её нормативности, сфер прилежания, интенсивности и наиболее значимых побудителей. Определение последних позволит определить условия развития социально полезной активности членов общества, задать вектор социального развития человека.

Учитывая особенности мотивационной структуры личности, можно добиться эффективного социального взаимодействия. Особенно выражена такая взаимосвязь в общественно значимой деятельности активной молодёжи. Большинство социально активной молодёжи составляют студенты вузов – ежедневно они контактируют с другими учащимися и своими педагогами. В процессе этого социального взаимодействия выделяются субъекты, играющие исключительную роль в понимании и формировании мотивационной структуры личности студентов, – это педагоги, преподаватели, кураторы, тренеры, научные и по-

литические руководители, организаторы клубов. Их деятельность с точки зрения формирования мотивационной сферы личности хорошо описывает Е. П. Ильин: «Целенаправленное формирование мотивационной сферы личности – это, по существу, формирование самой личности, т. е., в основном, педагогическая задача по воспитанию нравственности, формированию интересов, привычек и т. д.»⁴. Другими словами, мотивационная структура личности молодых людей формируется под влиянием социальных факторов в процессе общения и взаимодействия с другими субъектами социального взаимодействия. Мотивация как детерминация деятельности определяет её качественные и структурные характеристики, сферу приложения, задает направленность деятельности⁵.

Рассмотрим показатели мотивационной структуры личности студентов в зависимости от видов социальной активности. В исследовании принимали участие студенты вузов города Саратова; выборка состоит из двухсот человек. Для определения показателей социальной активности использовалось анкетирование, для выявления особенностей мотивационной структуры личности – тестирование по методике В. Э. Мильмана «Диагностика мотивационной структуры личности». Целью исследования является выявление различий в мотивационной структуре личности молодых людей в зависимости от вида социальной активности. Вид социальной активности определялся анализом свободных ответов на открытые вопросы анкеты. Были выделены следующие группы испытуемых в зависимости от видов социальной активности: политически активные, культурно активные, проявляющие активность на развлекательных мероприятиях, в спорте, религиозно активные и активные в сфере туризма.

Согласно выбранной методике выделяются следующие шкалы мотивационного профиля испытуемого: мотивы поддержания жизнеобеспечения, комфорта, общения, общей активности, творческой активности, социальной полезности. Различия определялись методом расчёта *t*-критерия Стьюдента.

Наибольшее количество различий с другими группами в проявлении мотивов творческой активности у респондентов с социальной активностью в сфере религии (табл. 1). Их творческая активность в меньшей степени побуждается и проявляется ($M = 19$), чем творческая активность остальных респондентов ($M = 21-23$). Поскольку мотивы творческой активности побуждают осмысливать противоречия и продуцировать новые идеи, такого рода активность не способствует восприятию религиозных знаний, норм и ценностей. Возможно, вероисповедание связано с безусловным, некритическим восприятием идей, закреплённых в религии.

Особенно значимые различия проявляются в мотивах творческой активности в группах социально активных в религии с одной стороны и в группах социально активных в культуре и спорте – с другой. Понятие культуры в большей степени связано с творческой деятельностью, чем с религиозной. У людей, которые посещают культурные мероприятия или принимают участие в их подготовке, развиты художественные качества, которых не требуется от людей религиозных. Творческая деятельность – это процесс создания чего-то субъективно нового, уникального, тогда как мероприятия религиозного характера, как правило, консервативны.

Таблица 1

Различия в проявлении мотивов творческой активности в группах респондентов с разными видами социальной активности

Мотивы творческой активности	Спорт	Религия	Туризм
Политика		1,98*	
Культура		2,78**	
Развлекательные мероприятия	1,48*	1,85*	0,96
Спорт		3,55***	
Религия			2,82**

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Более развитые творческие мотивы в группе спортсменов по сравнению с группой активных в сфере религии респондентов объясняются, скорее всего, тем, что достижение спортивных результатов требует от субъектов спортивной деятельности новых и эффективных действий, продуцирования новых идей развития своих физических данных. Возможно, мотивы творчества у активных в сфере культуры по направленности и качеству иные, чем у спортивно активных молодых людей, но развиты они одинаково сильно в обеих группах.

В поддержке жизнеобеспечения статистически значимых различий между группами не наблюдается, однако довольно велики различия между группами респондентов, проявляющих политическую активность ($M = 11$), и религиозно активных ($M = 14$). Занятие политикой требует много времени и внимания к окружающей социальной обстановке. В особенности это суждение применимо к людям, политическая деятельность которых является к тому же и профессиональной. Субъекты политической активности в меньшей степени обеспокоены процессами, обеспечивающими их повседневную жизнь, чем студенты, активные в сфере религии. Люди, занимающиеся религиозной деятельностью, с большим вниманием относятся к себе и своим близким, мирские заботы им гораздо ближе, чем политикам. Это, очевидно, связано с более размеренной и

вдумчивой жизнью верующих студентов, сопровождающейся осмыслением своих действий в повседневной жизни.

Анализ показателей мотивации комфорта позволил выявить различия между группой политически активных ($M = 21$) с одной стороны и группами людей, проявляющих свою социальную активность в сферах спорта, религии и туризма, – с другой ($M = 19$). У большинства спортсменов и туристов потребность в комфорте ниже, чем у субъектов с другими видами активности. Политика ассоциируется со статусностью, благополучием, успехом и внешними атрибутами комфорта. Все эти ценности чужды верующим, для них важны не комфорт, а насыщенная духовная жизнь и вера, пропагандирующая другие ценности и заповеди. Мотивация к комфортной обстановке у политических деятелей, возможно, обусловлена их рабочим местом, которое чаще всего представляет собой офис, зал заседаний и т. п. Долговременное нахождение в подобной обстановке вызывает напряжение и стрессовое состояние, частичное подавление их возможно при помощи создания комфортного окружения, элементами которого могут являться удобная мебель, декор, комнатные растения и т. п.

В шкале мотивации общения выделяются значимые различия в группе религиозно активных ($M = 18$) и группах культурно активных, проявляющих активность в сфере развлечений, и спортсменов ($M = 20$). Очевидно, что люди, склонные к развлечениям (посещению дискотек, концертов, ночных клубов, праздников), имеют ярко выраженную потребность в общении, особенно если сравнивать их с теми, кто посещает религиозные мероприятия. У последних нет острой потребности в общении с социальным окружением, им комфортно наедине с собой и в общении с богом. По сравнению с религиозно активными студентами спортивно активные имеют большую мотивацию к общению. Обычно занятия спортом подразумевают командную работу и в любом случае – общение с тренером. От каждого члена команды требуются развитые коммуникативные навыки, как вербальные, так и невербальные, и этим объясняется высокий уровень потребности в общении.

Стоит отметить тот факт, что при суммировании согласно выбранной методике значений шкал жизнеобеспечения, комфорта и общения значимых различий выявлено не было. Это может быть объяснено тем, что описанные мотивационные профили у респондентов в каждой группе социальной активности компенсируют друг друга.

В шкале мотивационного профиля «Общая активность» также не выявлено ни одного значимого различия. Такие показатели объясняются тем, что каждый активный респондент проявляет определённый вид социальной активности: вы-

бранные в исследовании группы соответствуют этим видам деятельности. Если имеет место проявление каждого вида активности в целом, то значимых различий в рассматриваемой шкале мотивационного профиля возникнуть не может.

Следующая шкала характеризует мотивы социальной полезности. Наибольшее число различий наблюдается в группе респондентов, проявляющих социальную активность в сфере религии, по сравнению с другими группами испытуемых. Побуждение к проявлению социально-полезной деятельности у опрошенных данной группы ($M = 18$) выражено в меньшей степени, чем у опрошенных, демонстрирующих другие виды социальной активности ($M = 19-20$). Возможно, это связано с тем, что деятельность и мероприятия религиозных сообществ направлены прежде всего на участников этого сообщества. Деятельность других групп, в особенности культурных и спортивных, ориентирована на широкую социальную среду, члены этих групп стремятся популяризовать тот вид деятельности, на который направлена их социальная активность. Также существуют различия между группой социально активных студентов в развлекательной сфере и группами респондентов, проявляющих активность в спорте и туризме (у последних активность выше). Деятельность людей, посещающих развлекательные мероприятия, ориентирована на удовлетворение собственных потребностей и не имеет социальной пользы. Туристы и спортсмены, напротив, пропагандируют здоровый образ жизни как ценность, имеющую важное значение в жизни общества в целом. Кроме того, занимающиеся туристической деятельностью люди, как правило, хорошо знакомы с историей родного края и могут передавать свои знания другим, участвуя, тем самым, в общем образовательном процессе, присвоении и пропаганде культурных ценностей.

Таблица 2

Различия в суммарном проявлении мотивов общей активности, творческой активности, социальной полезности в группах респондентов с разными видами социальной активности

Суммарный результат мотивов активности	Спорт	Религия	Туризм
Политика		1,75	
Культура		2,86**	
Развлекательные мероприятия	1,33*	1,5*	1,18
Спорт		3,87***	
Религия			3,27**

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

По методике В. Э. Мильмана необходимо проанализировать сумму значений шкал «Общая активность», «Творческая активность» и «Соци-

альная полезность», в анализе также используется *t*-критерий Стьюдента. В шкале мотивационного профиля «Творческая активность» был выявлен наиболее значимый уровень различий, которые и сформировали конечный результат (табл. 2). Мотивы творчества, таким образом, являются определяющими в общей мотивационной структуре личности и наиболее влиятельными для социальной активности студентов.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: в группе студентов, проявляющих активность в сфере религии, значительно ниже развиты мотивы творческой активности, жизнеобеспечения и социальной полезности. У политически активных студентов, по сравнению с другими, сильно развиты мотивы комфорта. Мотивационные профили творческой активности, жизнеобеспечения и комфорта у респондентов в каждой группе социальной активности компенсируют друг друга. Мотивационный профиль общей активности, творчества и

социальной полезности определяется в основном творческой активностью студентов.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнопсихологические детерминанты взаимосвязи социальной активности и субъективного благополучия личности» (грант №11-06-00026а).

Примечания

- ¹ Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 14.
- ² Петровский В. А. Человек над ситуацией. М., 2010. С. 32.
- ³ См.: Психология : словарь. С. 15.
- ⁴ Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002. С. 507.
- ⁵ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

УДК 316.6+159.923

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ И КОПИНГ-ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ УЧАЩИХСЯ И СТУДЕНТОВ

И. В. Малышев

Саратовский государственный университет
E-mail: iv.999@list.ru

В статье рассматривается проблема социально-психологической адаптации личности в контексте преодоления ею сложных и стрессовых ситуаций. Представлены результаты анализа социально-психологических характеристик адаптации личности и основных копинг-поведенческих стратегий учащихся старших классов и студентов младших курсов. Установлена взаимосвязь изучаемых явлений и намечены пути эффективного преодоления стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: адаптационные характеристики, социально-психологическая адаптация личности, стратегии копинг-поведения.

Interrelation of the Social-Psychological Adaptation of a Personality and the Coping-Behaviour Strategies of Pupils and Students

I. V. Malyshev

The problem of social-psychological adaptation of a personality in the context of the overcoming difficult and stressful situations is considered in the article. The result of an analysis of socio-psychological characteristics of personality adapts and the basic coping-behaviour

strategies of pupils of the higher forms and underclassmen. Interaction between the studied effects is established and the ways of an effective overcoming of the stressful situations are nominated.

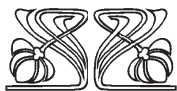
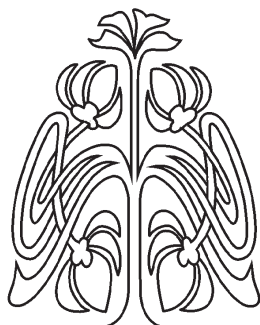
Key words: adaptation characteristics, social-psychological adaptation of a personality, coping-behaviour strategies.

Проблематика социально-психологической адаптации личности занимает ведущее положение в современных исследованиях. Во многом это определено трудностями адаптации личности в сложных условиях взаимодействия с обществом, что нередко приводит к негативным последствиям, выраженным в её дезадаптированности.

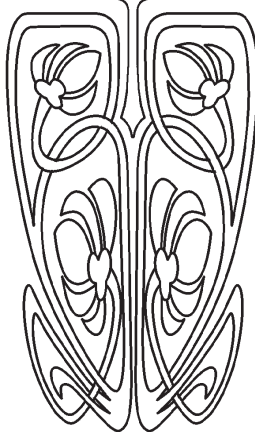
Социально-психологическая адаптация является ведущим и определяющим механизмом социализации личности. Одной из существенных адаптационных характеристик становится не только устойчивость к длительному воздействию стрессов, но и способность к их эффективному преодолению: активно противостоять стрессам невозможно без изучения совладающего пове-

ПСИХОЛОГИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

УДК 159.9:316.37

ФУНКЦИИ ЗАВИСТИ

Т. В. Бескова

Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: tatbeskova@yandex.ru

В статье проводится критический анализ социально-психологических работ по проблеме зависти с целью систематизации и обобщения знаний о ее функциях и назначении в социальной жизни субъекта; выделяются стимулирующая, утверждающая, защитная, регулятивная и контролирующая функции с указанием компонентов, их осуществляющих.

Ключевые слова: зависть, функции, стимулирование, утверждение, защита, регуляция асимметричного положения, социальный контроль.

Functions of Envy

T. V. Beskova

The article is devoted to conducting a critical analysis of social and psychological works on the problem of envy. The purpose of this analysis is ordering and generalization of knowledge of its functions and appointment in the personal's social life. Stimulating, affirming, protective, regulatory and controlling functions and the components of their offering are allocated to the article.

Key words: envy, functions, stimulation, statement, protection, regulation of asymmetric situation, social control.

На протяжении всей истории, на всех стадиях культурного развития и в чрезвычайно сильно отличающихся друг от друга обществах люди осознавали наличие зависти как фундаментальной проблемы их существования. Упоминание о ней можно встретить в древнейших текстах человечества, однако Д. Кэмпос отмечает: «Гордость, стыд, вина, смущение, зависть и ревность всегда были областью поэтов и прозаиков, но не исследователей поведения. У человека с улицы это вызывает недоумение: почему столь распространенные в человеческой жизни эмоции столь редко становятся предметом научного исследования?»¹. Е. В. Золотухина-Аболина в этой связи пишет: «Есть проблемы, которые, пронизывая всю человеческую историю, остаются тем не менее как бы в тени. Являясь болевыми точками практической жизни, они редко становятся предметом теоретических размышлений. Ученые обходят их, быть может, считая не столь уж важными, недостойными специального анализа. Так не повезло теме зависти»².

В последнее время ситуация несколько изменилась – феномен зависти все чаще становится предметом научного анализа в рамках философии (В. А. Гусова, К. Л. Ерофеева, Е. В. Золотухина-Аболина, А. Ю. Согомонов), социологии (И. С. Кон, Г. Шек) и психологии (Л. С. Архангельская, О. Р. Бондаренко, Н. В. Дмитриева, И. Б. Котова, В. А. Лабунская, У. Лукан, К. Муздыбаев, Е. Е. Соколова, Р. М. Шамионов, Ю. В. Щербатых). Однако необходимо признать, что современная наука все же испытывает недостаток как теоретико-

методологических изысканий, так и эмпирических исследований по данной проблематике, и в первую очередь систематизации и обобщения имеющихся разрозненных знаний.

Теоретический анализ работ, в которых рассматривается проблема зависти в межличностных отношениях субъектов, позволяет говорить о данном феномене как сложном и неоднозначном социально-психологическом явлении. Исходя из авторской концепции структура зависти рассматривается как совокупность когнитивного, аффективного, нравственного, рефлексивного, мотивационного и поведенческого компонентов, неразрывно связанных между собой. Выделение в ее структуре названных компонентов позволяет охватить многообразие и многоаспектность исследуемого феномена, дать его сущностное определение. Под завистью нами понимается *социально-психологическое отношение к другому человеку, обусловленное субъективной оценкой его превосходства в значимых сферах, сопровождающееся комплексом негативных эмоций, снижением самооценки и желанием нивелировать это превосходство.*

На наш взгляд, одной из главных задач в данной области исследования являются выделение функций зависти, поиск ответов на вопрос о ее назначении в социальной жизни субъекта. В этой связи отметим, что многие авторы психологических работ говорят о парадоксальности зависти, т. е. об отсутствии у нее какой-либо биологически обусловленной цели, ее бессмысленности и бесполезности, связанных с тем, что она не приносит субъекту «никакой пользы, поскольку не позволяет ему получить предмет зависти, которым обладает объект зависти (предметом зависти может быть и качество объекта зависти, и мнение о нем социального окружения)»³. Несмотря на то что в настоящее время не существует системного знания о функциях зависти, отдельные попытки выделения ее функциональных особенностей (как на межличностном, так и на общественном уровне взаимодействия субъектов) были предприняты К. Муздыбаевым.

Итак, целью настоящего теоретического исследования являются систематизация и обобщение знаний о функциях зависти. Наиболее часто социальные психологи ведут дискуссии, касающиеся *стимулирующей функции зависти*, которые сводятся к поиску ответа на вопрос, может ли зависть стимулировать развитие человека, выступать в роли «двигателя прогресса». Стимулирующая функция зависти в развитии человека признается В. А. Гусовой, считающей, что, «несмотря на доминирующий негативный оттенок, который содержится в феномене зависти, функционально он может играть и положительную роль, стимулируя дух соперничества, конкуренции, стремления к успеху, или, во всяком случае,

к изменению своего социального положения»⁴. Придерживаясь тех же позиций, А. В. Прокофьев пишет: «Без моей зависти я не был бы тем, кем я являюсь сегодня, именно зависть заставляет меня стучаться головой об стену до боли <...> Именно наша зависть позволяет нам определить <...> кто мы есть. Зависть – наш жизненный гид и гуру»⁵. Весьма показательны в этой связи и размышления о зависти С. М. Зубарева: «Испортить жизнь она может серьезно <...> но, при всем том, вектор этого чувства мотивирует на жизнь. Особенно после того, как редуцированы агрессивные фантазии по поводу уничтожения конкурентов, после “отбеливания”, зависть способна стать хорошим жизнеутверждающим мотиватором»⁶.

Наша позиция в отношении стимулирующей функции зависти несколько расходится с позицией цитируемых авторов – зависть может *побуждать человека к активности*, однако тезис о том, что она стимулирует развитие человека, его самосовершенствование, на наш взгляд, является весьма спорным. Стимулирующая функция зависти относится к функциям мотивационного и аффективного компонентов. Отнесенность к первому обусловлена тем, что «мотивация» в самом широком смысле понимается как побуждение к действию, как совокупность внешних и внутренних условий, вызывающих активность субъекта (направленность которой может быть как созидательной, так и разрушительной). Эмоции и чувства также выступают активаторами психической деятельности человека. Даже ситуативные негативные эмоции, такие как досада, обида, раздражение, злость, гнев, сопровождающие зависть, вполне способны «навязать» человеку определенные поступки, порой нежелательные для него.

Ю. М. Орлов пишет: «В лице зависти культура создала совершеннейший инструмент стимулирования людей к активности»⁷. Зависть может приводить человека к победам, разрушая при этом его личность. Данный тезис иллюстрируется примером из спортивной жизни, приведенным в интервью Д. А. Леонтьева: «Что ведет за собой зависть? Агрессию, злобу, ненависть, злорадство. Эти чувства разрушительны для самого человека. Психолог Рудольф Загайнов, много лет работавший с выдающимися отечественными и зарубежными спортсменами, очень интересно в одной из книг описывает историю своей работы с известным теннисистом Борисом Беккером. Есть такой тип спортсменов, которым, чтобы показывать лучшие результаты, нужна агрессия, ненависть. Беккер был из таких. Когда у него не получалось вызвать в себе ненависть, он проигрывал. Когда это стало окончательно ясно и самому Беккеру, Загайнов его поставил перед выбором: или ты будешь продолжать побеждать, но будешь себя разрушать – или нужно уходить из спорта. И Беккер выбрал уход из спорта – чтобы

сохраниться как личность. Потому что личность важнее, чем победа»⁸. Р. М. Шамионов, обращаясь к проблеме зависти в социальной жизни субъекта, также говорит о том, что зависть «связана с разрушением не только чужой жизни, но и своей, так как завидующий сам в немалой степени испытывает деструкции на уровне своей личности, что не позволяет ему добиваться реального успеха, и становится преградой в самореализации»⁹.

Существует мнение, что зависть, являясь своего рода «органом познания» собственных стремлений, выполняет **функцию утверждения, признания ценности, значимости предмета зависти**¹⁰. На наш взгляд, эта функция связана с присутствием когнитивного и рефлексивного компонентов в структуре зависти. В процессе социального познания субъект прибегает к сравнению себя с другими, соотнося различные собственные характеристики с качествами других. При этом определяющую роль играют субъективные социальные представления о некоторых социальных и социально-психологических явлениях (превосходстве Другого, объекте зависти, успешности), а также избирательный характер восприятия, благодаря которому из бесчисленного множества окружающих предметов и явлений субъект выделяет лишь некоторые. По мнению К. Баррет, зависть играет роль механизма выделения в сознании, сохранения или достижения доступа к тому, что нравится, сообщая одновременно другим, что ценно для данного человека¹¹. То, что не значимо и не ценно, к чему у человека нет «пристального интереса», не вызывает завистливого отношения. Зависть словно маркирует значимые для человека предметы, при этом вовсе не подразумевая их абсолютной ценности для других людей и человечества в целом – иначе говоря, скажи мне, кому и чему ты завидуешь, и я скажу, какие у тебя ценности и к чему ты стремишься.

В психологической литературе при обсуждении функций зависти достаточно часто встречается мнение, что одной из основных ее функций является **защитная**. *Зависть как способ защиты самооценки* рассматривают М. Силвер и Дж. Сабини: «...реакция зависти в форме критики и агрессии направлена на то, чтобы сохранить самооценку»¹²; М. А. Малышев: «...род эгоистической защиты»¹³; Н. В. Дмитриева: «...зависть – защитная реакция на угрозу Я, возникающая при невозможности реализовать свою потребность, например, в любви, власти, тяге к знаниям и др.»¹⁴. Однако существует и иное мнение, когда зависть *рассматривается как показатель бесполезности предпринятых усилий защиты самооценки и возникает при ее неудавшейся защите*. Обоснование данного подхода представлено в работе О. Р. Бондаренко и У. Лукан¹⁵. Авторы считают, что если способы защиты самооценки не помогли и самооценка начинает снижаться, тут же

возникает зависть, т. е. она является результатом неудавшихся попыток регуляции самооценки. На наш взгляд, при первом подходе речь идет о процессе возникновения и формирования зависти в социальной жизни субъекта и предполагается, что субъект посредством защитных механизмов может поддерживать свою самооценку, тогда как при втором фиксируется устойчивая обратная связь между рассматриваемыми феноменами. Однако необходимо учитывать и то, что даже если механизмы защиты изначально «не сработали» и превосходство Другого в значимой сфере привело к возникновению зависти, сопровождающейся осознанием собственной «ущербности» и негативным отношением к Другому, это не означает завершения их работы – теперь они направлены на стабилизацию (восстановление) самооценки. Иначе говоря, зависть приводит к снижению самооценки, а сопровождающие ее реакции призваны эту самооценку отрегулировать.

Кроме защиты самооценки самого субъекта с помощью зависти обеспечивается *защита его социальной репутации*. Когда превосходство Другого становится «невыносимым», для субъекта зависти становится важным защитить не только свою самооценку, но и свое «социальное» лицо. В. А. Лабунская отмечает, что в качестве фактора, определяющего итоги сравнения, выступает страх быть обесцененным в результате достижений другого человека¹⁶. Преимущества Другого могут восприниматься как угроза собственным статусу, карьере, популярности, репутации. Чтобы минимизировать разрыв с объектом зависти, субъект прибегает к тем же способам, что и при защите самооценки (дискредитация объекта и предмета зависти, смещение сфер сравнения и т. д.), с одним лишь отличием – в этом случае обличительные речи о превосходящем объекте предназначены для других. Иначе говоря, защищая самооценку, субъект старается убедить себя в том, что объект не идеален, а предмет не так уж и хорош, а при защите своей социальной репутации главным становится нивелирование различий в глазах значимых других. Данная функция зависти, посредством которой происходит маскировка своих неудач в разных жизненных сферах (семейной, трудовой, материальной и др.), некомпетентности, направлена в первую очередь на реализацию субъектом потребности в признании.

К. Муздыбаев наделяет зависть **функцией регуляции асимметричного положения между индивидами и группами**, говоря о том, что «в стремлении зависти устранить различия в превосходствах людей присутствуют моральные критерии. Последние связаны с контролируемостью и неконтролируемостью причин. Дело в том, что некоторые различия между людьми складываются в результате “природного неравенства” <...>. Кроме того, стартовое положение разных индивидов

также не равно <...> Подобные неуправляемые факторы, производящие серьезные различия между людьми, вводят моральный элемент в недовольство завистника»¹⁷.

Многие авторы считают, что стремление к равенству и регуляции асимметричного положения между индивидами в современных общественных движениях является выражением зависти. Однако А. П. Глухов, базируясь на концепции моральной личности Дж. Ролза, говорит о том, что эгалитарные требования проистекают не из негативных этических установок (в том числе и зависти. — Т. В.), а из фундаментального стремления к обретению признания, неотъемлемо присущего социальной природе человека¹⁸. Основой для подобных выводов служит его положение о том, что *зависть*, у истоков которой лежит отрицание притязаний на значимость и чувство собственного достоинства у представителей низших слоев, можно определить как *негодование*. Это негодование (возмущение) возникает из чувства, что с индивидами обращаются несправедливо, и связано в первую очередь с тем, что лучше устроенные, отвергая притязания менее удачливых на большее равенство, проявляют по отношению к ним недоброжелательность. Негодование людей, находящихся в худшем положении, по мнению автора, не является простой рационализацией эмоциональных импульсов зависти. Оно гораздо более рационально, включает представления о разумных пределах личных притязаний и направлено против нарушения норм справедливости и естественного права — иначе говоря, требования социального равенства являются этически легитимными, если основаны не на зависти, а на негодовании из-за несправедливого обращения. Однако грань между ними настолько тонка, что желание справедливости может стать принимаемым в обществе оправданием зависти, безгранично расширяющим границы ее действия и делающим ее вседозволенной и даже поощряемой.

Неоднозначность данной функции с точки зрения как ее конструктивности, так и нравственной очевидна. Главным критерием здесь, видимо, становятся способы восстановления неравенства и регуляции асимметричного положения между индивидами и группами.

Г. Шек, выделяя еще одну функцию зависти — *контролирующую*, — пишет: «...некоторые нормы социального контроля, частично зависящие от способности к зависти, не только необходимы для поддержания в обществе статус-кво, но и иногда являются ключевыми для процесса развития»¹⁹. Социальный контроль, состоящий из социальных норм и санкций, присутствует как в общественной, так и в личной жизни субъекта. Человек, получивший какие-либо существенные преимущества, становится объектом пристального внимания, и если его преимущества незаконны, на

него воздействуют. Задавшись вопросом, откуда у простого врача деньги на покупку трехкомнатной квартиры, любой может обратиться в соответствующие инстанции для прояснения законности ее приобретения. Однако с большой долей вероятности это сделает завистливый человек. По мнению М. Оссовской, особенностью завистливых людей является склонность к «ревнивому контролю за чужой жизнью»²⁰.

При рассмотрении социального контроля как функции зависти и бесспорном признании его необходимости для любого общества вновь встает вопрос о нравственных основаниях. С одной стороны, социальный контроль оказывается сдерживающим фактором для противозаконных и безнравственных действий членов общества, с другой — возможность его осуществления может спровоцировать завистливого человека «расквитаться» с объектом своей зависти, применяя низменные методы его уничтожения (клевету, наговор, очернительство).

Подводя итоги, представим выделенные нами функции зависти с указанием компонентов, их осуществляющих:

1) *стимулирующая*, связанная с побуждением к активности (созидательной или разрушительной) человека (мотивационный, аффективный компоненты);

2) *утверждающая (констатирующая)*, обеспечивающая утверждение, признание ценности, значимости предмета зависти (когнитивный, рефлексивный компоненты);

3) *защитная*, посредством которой происходит защита самооценки и социальной репутации субъекта (рефлексивный, поведенческий компоненты);

4) *регулятивная*, заключающаяся в регуляции асимметричного положения между индивидами и группами посредством эгалитарных требований (нравственный компонент);

5) *контролирующая*, посредством которой в обществе осуществляется социальный контроль (нравственный компонент).

Примечания

¹ Цит. по: Бреслав Г. М. Психология эмоций. 3-е изд., стер. М., 2007. С. 296.

² Золотухина-Аболина Е. В. Зависть // Молодой коммунист. 1989. № 7. С. 48.

³ Бондаренко О. Р., Лукан У. Психологическое консультирование : зависть и психическое здоровье // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социология. Психология. Философия. 2008. № 2. С. 265.

⁴ Гусова В. А. Зависть как социальный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 12.

⁵ Прокофьев А. В. Зависть : извинительная, продуктивная, конструктивная? URL: <http://www.ethicscenter.ru/f/16.html> (дата обращения: 18.10.2009).

- 6 *Зубарев С. М.* Смертельное чувство // Психотерапия. 2009. № 11. С. 51.
- 7 *Орлов Ю. М.* Стыд. Зависть. М., 2005. С. 62.
- 8 *Леонтьев Д. А.* Пожирательница души. URL: <http://www.nsad.ru/index.php?issue=80§ion=10029&article=1421> (дата обращения: 5.03.2012).
- 9 *Шамионов Р. М.* Завистливость и «оправдание» зависти // Профессиональное и личностное самоопределение в современной России : материалы третьей Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2010. С. 47.
- 10 *Муздыбаев К.* Психология зависти // Психол. журн. 1997. Т. 18, № 6. С. 7.
- 11 *Barret K. C.* A Functionalist Approach to Shame and Guilt / eds. Tangney J. P., Fisher K. Self-conscious emotions : The psychology of shame guilt, embarrassment, and pride. N. Y., 1995. P. 25–63.
- 12 *Silver M., Sabini J.* The social construction of envy // J. of the Theory of Social Behavior. 1986. № 8. P. 45–59.
- 13 *Мальшев М. А.* Человек и мир его переживаний. Екатеринбург, 2000. С. 82.
- 14 *Дмитриева Н. В.* Психология зависти // Сибирск. психол. журн. 2005. № 2. С. 133.
- 15 См.: *Бондаренко О. Р., Лукан У.* Указ. соч. С. 270.
- 16 См.: *Лабунская В. А.* Зависть, безнадежность и надежда как способы преобразования бытия субъекта // Личность и бытие : субъектный подход. Личность как субъект бытия : теоретико-методологические основания анализа. Краснодар, 2005. С. 120–137.
- 17 *Муздыбаев К.* Указ. соч. С. 6, 10.
- 18 *Глухов А. П.* Обоснование легитимности идеи социального равенства : этико-психологическая и социально-интегративная перспективы // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (социология). 2006. Вып. 12(63). С. 62–69.
- 19 Там же. С. 496.
- 20 *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали / пер. с польск. К. В. Душенко ; общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1987. С. 359.

УДК 316.37

МОТИВАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЁЖИ

А. В. Григорьев

Саратовский государственный университет
E-mail: muadibone@gmail.com

Статья посвящена проблеме мотивации социальной активности учащейся молодежи. Выявляются различия в мотивационной структуре личности молодых людей в зависимости от вида социальной активности.

Ключевые слова: социальная активность, мотивация, личность, деятельность.

Motivation Social Activity of Youth

A. V. Grigoryev

The article is devoted to the motivation of social activity for students. Revealed differences in the motivational structure of the personality of young people, depending on the type of social activity.

Key words: social activity, motivation, personality, activity.

Проблема активности и её детерминации традиционна для психологии. Активность рассматривается как «всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика, как источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром»¹. По мнению А. В. Петровского, «судьба понятия “активность” в психологии является своеобразным зеркалом ее исторического становления и обособления в качестве самостоятельной науки»².

Для социальной психологии важна прежде всего социальная активность личности, которую можно определить как способность человека производить социально значимые преобразования в мире на основе присвоения культурных ценностей и единства мировоззрения и деятельности³. Изучение социальной активности личности предполагает анализ её нормативности, сфер прилежания, интенсивности и наиболее значимых побудителей. Определение последних позволит определить условия развития социально полезной активности членов общества, задать вектор социального развития человека.

Учитывая особенности мотивационной структуры личности, можно добиться эффективного социального взаимодействия. Особенно выражена такая взаимосвязь в общественно значимой деятельности активной молодёжи. Большинство социально активной молодёжи составляют студенты вузов – ежедневно они контактируют с другими учащимися и своими педагогами. В процессе этого социального взаимодействия выделяются субъекты, играющие исключительную роль в понимании и формировании мотивационной структуры личности студентов, – это педагоги, преподаватели, кураторы, тренеры, научные и по-

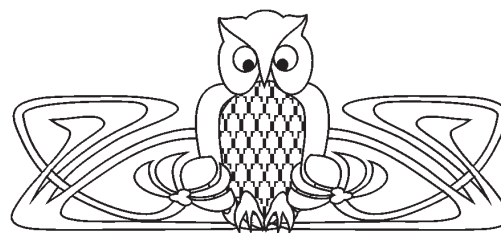

УДК 101.1.316

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ КАК ОСНОВА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

С. М. Фролова

Поволжский институт им. П. А. Столыпина, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

В статье повседневность рассматривается как фундаментальная составляющая процесса институализации; проанализировано влияние на формирование норм социального взаимодействия таких составляющих, как жизненный опыт, здравый смысл, нормы, ценности.

Ключевые слова: повседневность, институционализация, повседневное бытие, институциональность общества, социализация общества.

Daily Life as a Basis of Institutionalization of Society

S. M. Frolova

Daily life is considered as a fundamental component of the institutionalization process. The influences of such components as life experience, common sense, norms, and values on the formation of social interaction norms are analyzed.

Key words: daily life, institutionalization, daily being, institutional character of the society, socialization.

Процесс «организационного упорядочения», или институализации, как известно, ориентирован на удовлетворение важнейших социальных потребностей, его возникновение обусловлено общественной необходимостью, которая отражает взаимосвязь социальной группы и среды ее существования. Определяется необходимость и важность создаваемого института для общественного развития только практикой и социальным взаимодействием в процессе повседневной жизнедеятельности индивидов. Следовательно, доминирующей составляющей институциональных процессов является повседневность, поскольку все, что познается, создается и укрепляется в обществе, проходит апробацию через действия субъектов в их повседневной жизнедеятельности, поэтому представление о повседневности как о ««низшем» регистре социальной реальности» по меньшей мере несправедливо.

Причины восприятия повседневности как примитивной сферы обусловлены, согласно В. В. Корневу, тем, что «процессы повседневности развиваются намного быстрее», чем осознание их необходимости, поэтому сегодня важна «корректировка ряда важнейших <...> положений современного научного дискурса в сфере анализа повседневного мира»¹. Эти процессы активно

воздействуют на системообразующий фактор социальных действий – институционализацию.

Становление социальных институтов – сложный и длительный процесс. Формирование первых из них привязано к созданию социальных механизмов адаптации человека к среде обитания. Для сохранения человеческой общности в процессе повседневного бытия вырабатывались социальные стандарты, нормы поведения, которые упорядочивали социальные отношения, структурировали жизненное пространство и обеспечивали социальную устойчивость общественного развития. Повседневность можно понимать как фундаментальную основу, ядро, благодаря которому формируется институциональность общества.

Сегодня проблема институализации становится объектом исследования в разных областях гуманитарного знания. В области социологической проблематики особого внимания заслуживает теория С. Г. Кирдиной, изложенная в работе «Институциональные матрицы и развитие России». В ней автор, анализируя развитие восточного и западного общества, выделяет институциональные матрицы (X и Y) как устойчивые исторически сложившиеся системы базовых институтов, регулирующих экономическую, политическую и идеологическую подсистемы общества². Институциональная матрица обеспечивает воспроизводство социальной структуры в разных типах общества и способствует выживанию и сохранению целостности общества в разных материально-технических условиях.

Сложно не согласиться с автором работы, что социальный институт является глубинным регулятором общественных явлений. Он может быть оформлен как «в официальном порядке», т. е. через правовое регулирование, так и «неформально» – через обычаи, традиции, нормы поведения; заметим, что второй путь формирования возник значительно раньше первого и неотделим от повседневной деятельности человека.

Возникновение «базового института», полагает Кирдина, происходит *только тогда*, когда «установлена устойчивая форма связи социальных субъектов» которая существует постоянно и «воспроизводится одновременно на формальном и неформальном уровнях, пронизывая все

сферы общественной жизни»³. Таким образом, существование институциональной матрицы возможно только при условии становления институтов «официального порядка». При этом подчеркивается, что понятие базового института не редуцируется к его составляющим, т. е. является целостным.

Если целостность понимать как взаимообусловленность и взаимосвязанность всех составляющих, то остается неясным, почему только базовые институты (к которым отнесены политика, экономика и идеология) могут «регулировать основные общественные сферы», а также непонятно, какой единый фактор способствовал формированию этих базовых институтов. Ответ на данный вопрос пытается дать С. В. Цирель. Анализируя инновационный подход С. Г. Кирдиной, он предположил, что, возможно, основу и устойчивость институциональной матрицы могут составлять феномены коллективного бессознательного, «закрепляющие в народной памяти “правильный образ” своего народа...»⁴ и подводящие под этот образец любое изменение институциональных и культурных форм. Вероятно, в этом контексте «правильный образ» соответствует выработанным в процессе повседневной жизни установкам, регулирующим не только институциональные, но и любые происходящие в социуме процессы.

Повседневность соответствует термину «матрица» (лат. *matrix, matrices* – материнская утроба). Любое онтологическое основание, прежде чем закрепиться в обществе как «правильный образ», должно пройти путь апробации (развитие внутри социальной группы) и только после этого может быть утверждено (рождено) как правило, как формализация установленного комплекса действий в определенных ситуациях. Поэтому повседневность как постоянная составляющая бытия любого общества является основой институционализации, определенные Кирдиной характеристики институциональной матрицы – «глубинность» и «историческая устойчивость» – могут быть соотнесены с такими неизменными регуляторами повседневной жизни, как жизненный опыт и здравый смысл.

Если исходить из того, что главными функциями повседневности являются сохранение, выживание, воспроизводство человека, общества, культуры⁵, то для этого необходимы такие составляющие повседневного бытия, как «жизненный опыт» и «здравый смысл», вбирающие в себя груз многовекового прагматически обусловленного бытийственного опыта человека и социума. Жизненный опыт и здравый смысл как «система представлений и ценностей, несущих функцию “общего языка” (основы взаимопонимания и гаранта возможности самой жизни социума), опирающиеся на общепринятость и/или обще-

значимость»⁶, являются своего рода архетипическими социальными формами, смысловыми матрицами, заложенными в основу любых общественных отношений, а следовательно, играют доминирующую роль в институционализации, т. е. формировании социальных установок и действий.

Жизненный опыт, опорой которому служит здравый смысл, берет начало в повседневной практике. Любой человек интуитивно понимает, что практическое постижение общепринятых устоев общества, в котором он родился, является для него жизненно необходимым и значимым. Фундаментом опыта, базирующегося на традициях и обычаях (которые есть не что иное как унаследованная стереотипная форма социальной регуляции деятельности определенного общества), является повседневная практическая деятельность многих поколений. Основанная на здравом смысле, на навыках поиска компромисса между различными социальными группами жизненная практика не требует критического осмысления и доказательства своей значимости, выработанные ею нормы принимаются как не обсуждаемый критерий, как образец бытия.

Здравый смысл не выходит за рамки повседневности – более того, как полагают исследователи, это «фундамент, на котором строится повседневная жизнь»⁷, формируется опыт, внедряются новации, не нарушая стабильного существования общества. Здравый смысл формировался в повседневной практике коллектива и благодаря ей подтвердил свою значимость и необходимость, сумев (опираясь на жизненный опыт) сложное сделать понятным через установку общезначимых норм. Нормы, выработанные в обыденной среде, впоследствии порождают институты и являются исходным пунктом институционализации. Таким образом, *процесс институционализации выступает как элемент внутренней установки, основанный на повседневном опыте поколений, способствующий укреплению в сознании людей социального порядка.*

Социальный порядок, согласно утверждению П. Бергера и Т. Лукмана, существует лишь как продукт человеческой деятельности, поскольку внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его обеспечить «стабильное окружение для своего поведения»⁸. Для выяснения причин формирования и существования социального порядка обратимся к детально исследуемому П. Бергером и Т. Лукманом процессу эволюции институализации. Рассматривая механизм формирования институализации на уровне повседневности, они используют методологию конструирования реальности и утверждают, что любая повторяющаяся изо дня в день деятельность подвергается «естественной» институционализации, включающей хабиутализацию, типизацию и легитимизацию (объективизацию)⁹.

Хабитуализация – «опривычивание» – выстраивает для социальных субъектов «задний план», преобразуя их привычную деятельность в рутинную, которая трансформируется в образец поведения и тем самым сокращает варианты выбора действия индивида в привычной ситуации и экономит его энергию и внимание для неизбежных инноваций. Таким образом, хабуализация типизирует и деятельность, и действия социального субъекта.

Типизация опривыченных действий – второй этап «естественной» институционализации – связана с предвидением действия другого, а установка «он делает это снова» трансформируется в «мы делаем это снова», что значительно расширяет сферу совместных рутинных действий субъектов и делает их опыт более доступным. Необходимо отметить, что А. Шютц также полагал, что институционализация является «элементом сети типизаций». Основной процесс типизации, по Шютцу, «состоит в исключении того, что делает индивида единственным и незаменимым»¹⁰, т. е. способствует уравниванию черт при определенном действии или принятии решений.

Этап легитимации тесно связан с процессом экстернализации, благодаря которому социальные практики обретают устойчивость в сознании субъекта как реальность, не поддающаяся изменению, и теперь институциональный мир «воспринимается как объективная реальность». На этом этапе установка «мы делаем это снова» трансформируется в «именно так это делается», а предсказуемые действия индивида становятся для него принудительно обязательными. При этом легитимация – объяснение этих действий – опирается на традицию и историчность.

Таким образом, заданная в прошлом установка дает эффект «исторической обусловленности» и оказывает значительное влияние на настоящее, замыкая в определенные рамки выбор будущего и обеспечивая тем самым единую временную структуру функционирования. Каждый человек в повседневном бытии принимает определенные стандарты поведения, исходящие из социальной среды, которые сложились в процессе многолетнего каждодневного существования людей и помогают преодолеть индивидууму возможные непредсказуемые жизненные ситуации. Приобретенный в процессе повторяющихся действий в повседневной жизнедеятельности багаж знаний способствует закостенелости, стандартности в принятии решений для привычных ситуаций, но при этом процесс институционализации нельзя назвать статичным. Благодаря постоянному апробированию норм повседневной жизни он динамичен и непрерывен, поскольку повседневность – это всегда активный процесс, проявляющийся в действиях субъектов.

Институционализация как непрерывный «диалектический процесс» способствует рас-

ширению границ повседневного бытия, ведь субъект «со дня своего рождения вовлекается в мир норм, стандартов, знаков, шаг за шагом осваивает особым образом интегрированные поведенческие практики, творящие его как социальное существо»¹¹, помогающие адаптироваться к окружающему миру, неотделимому от организационного порядка.

Организационный порядок (или организация) наделен признаками и характеристиками социального института, поскольку оба феномена являются результатом вынужденной необходимости в процессе развития социума. Д. Норт в работе «Институт, институциональные изменения и эффективность экономики» разводит понятия института и организации, полагая, что институты – это «правила игры в обществе», а организации – это субъекты социальной жизни¹². Но здесь важно учитывать, что основой организации (как и института) являются нормы, «правила игры», выработанные для субъектов, которые составляют основу и института, и организации. Организация выполняет функцию «упорядочивания и социального контроля действий ее членов», определяется «набором специфических социальных норм, регулирующих соответствующие типы поведения»¹³ и является основным условием обеспечения устойчивости социальной системы, основанной на выработке определенных норм совместного бытия.

Г. Спенсер характеризовал организацию как «социальный организм», в котором работа каждого органа должна подчиняться единому центру и не может нарушать слаженной системы деятельности всего организма, что предполагает существование сдерживающих или запрещающих структур. Английский мыслитель полагал, что «все организации, к какому бы роду они ни принадлежали, иллюстрируют для нас тот закон, что успешность какой-либо деятельности может идти только рука об руку со специализацией как строения, так и функций, – специализацией, которая неизбежно предполагает сопутствующее ей ограничение»¹⁴. Институты являются определяющими в возникновении социальных характеристик и появляются независимо от воли и желания человека: имеется в виду совершение людьми каждодневных практик, которые естественны для социальной среды и соответствуют нормам и ограничениям определенной исторической эпохи, устанавливающей свои правила и стандарты, обязательные для исполнения всеми субъектами общества, дабы не нарушать его стабильного существования.

Стабильность социальных институтов обеспечивается также аксиологическими установками, так как их эффективное функционирование возможно только в случае их соответствия требованиям человека, его ценностным структурам,

«отселекцированным» повседневной практикой как наиболее безопасным и необходимым. В этой связи заслуживает внимания замечание В. Б. Устьянцева о недостаточности исследования природы институционального человека только через его отношение к институциональным порядкам и социальным структурам, поскольку такая методология, как справедливо полагает автор, не учитывает формирования институционального человека «через отношения с другими людьми»¹⁵. С данным утверждением невозможно не согласиться, ведь повседневность – это не просто рутинная и бесконечная череда дней, это прежде всего становление ценностей, обретение навыков, выработка *смысла существования* и действий человека.

Смысл человеческой жизни, согласно замечанию Г. Риккорта, возможно истолковать «лишь тогда, когда мы знаем ценности, придающие ей смысл»¹⁶. Но проблема в том, что понимание ценности субъективно и в повседневном бытии восприятие одной ценности может сопровождаться двумя не сводимыми одно с другим мнениями, т. е. что полезно и ценно для одного, для другого в лучшем случае безразлично. Для преодоления такого дуалистического восприятия обществом на протяжении веков вырабатывались общепризнанные ценности, соответствующие реалиям человеческого бытия, которые «совпадают с уровнями повседневной жизни или структурой познавательной деятельности»¹⁷, способствуют духовному развитию человечества, помогают определить нормы совместного бытия и обрести смысл существования.

Повседневная жизнедеятельность, с одной стороны, способствует определению общих ценностей, одинаково важных для общества, испытывая их «на прочность» в меняющихся аксиологических приоритетах, с другой – препятствует осознанию в полной мере их возможностей в регуляции повседневной жизнедеятельности. Человек, находясь в постоянном взаимодействии с другими людьми, приходит к необходимости выработки «социокодов, связанных с существованием групп, качественно отличающихся от его собственной»¹⁸. Как уже было сказано выше, кодами, определяющими повседневное бытие, являются жизненный опыт и здравый смысл. В рамках смыслового определения человеческой жизни таким кодом выступают общезначимые для человеческого бытия ценности.

Ценности – феномен, определяющий практически каждую сторону институализации и социализации общества, поскольку эти процессы находятся в прямой зависимости от норм и предпочтений социума. Так, для Античности, когда существовала полисная система, наиболее значимым было достижение человеком определенных успехов в политике, поэтому особенно

почитались ценности политической жизни; в период Средневековья ценности понимались только через определение религиозных устоев и традиций, под которые неизменно подводились даже редко возникающие инновации; в эпоху Возрождения возросла роль гуманистических ценностей; Новое время обозначило ценности научного знания и утвердило ценности техногенной цивилизации, оказавшие существенное влияние на формирование аксиологических приоритетов современного мира.

Ценности не возникают спонтанно и не являются неизменной онтологической данностью, а ведь «изменить мир невозможно, оставаясь лишь в плену старых ценностей и смыслов»¹⁹. Поэтому изменение аксиологических предпочтений обусловлено историческим преобразованием общества, а их закреплению способствует институционализация, при условии что они не противоречат общим установкам социума. Ценности как нормативный стандарт, как социальный код не только отражают культурную особенность общества, но и являются показателем его социальной интеграции, поскольку воспринимаются и принимаются человеком в процессе повседневного освоения действительности, отражают происходящие в социуме социокультурные процессы, мотивируют действия субъекта, определяют смысл его бытия и долженствования.

Таким образом, в процессе формирования норм социального взаимодействия определяющей является повседневность. Это обусловлено тем, что в каждодневных практиках, руководствуясь жизненным опытом и здравым смыслом, общество упорядочивает, стабилизирует, утверждает особенности поведенческих установок и ценностей, которые впоследствии способствуют выработке общих норм социальной деятельности, обеспечивающих организационный порядок и устойчивость нормативной системы через координацию действий субъектов. В процессе институционализации повседневность является универсалией, структурной составляющей субъективного опыта, всегда знающей и с готовностью дающей ответ на вопрос «как?», отражая особенности и специфику общества.

Примечания

- ¹ Корнев Г. Г. *Вещь в сфере повседневности : антропологический подход : автореф. дис. ... д-ра филос. наук.* Барнаул, 2012.
- ² Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. URL: KIRDINA.RU (дата обращения: 10.02.2012).
- ³ Кирдина С. Г. Институциональные матрицы : макросоциологическая объяснительная гипотеза. URL: http://www.kirdina.ru/index.php?option=com_

- content&view=article&id=221 (дата обращения: 10.02.2012).
- ⁴ Цирель С. В. Еще раз о теории институциональных матриц // Соисс. 2003. № 10. С. 146.
- ⁵ См.: Розенберг Н. В. Аналитика культуры повседневности Поволжья : философский аспект : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тамбов, 2010.
- ⁶ См.: Круглов А. Здравый смысл (общепринятый и/или общезначимый) // Словарь. Психология и характеристология понятий. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.
- ⁷ См.: Полякова И. П. Повседневность в социально-философском контексте : теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2010.
- ⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 88.
- ⁹ Там же. С. 90–103.
- ¹⁰ См.: Шютц А. Равенство и смысловая структура социального мира // Шютц А. Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии. М., 2003. С. 268.
- ¹¹ Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски : ценностный и институциональный аспекты. Саратов, 2006. С. 38.
- ¹² См.: North D. Institutions, Institutional Changes and Economic Performance. Cambridge, 1990. P. 3.
- ¹³ Коростелева Е. А. Социальная организация. Социальный институт // Всемирная энциклопедия : Философия / под ред. А. А. Грицанова. М. ; Минск, 2001. С. 986, 997.
- ¹⁴ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск, 1999. С. 1355.
- ¹⁵ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 43–45.
- ¹⁶ Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 283.
- ¹⁷ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 29.
- ¹⁸ Гусев С. С. Смыслы возможного. Коннотационная семантика. СПб., 2002. С. 173.
- ¹⁹ Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 25.

- ⁸ История русской духовной миссии в Китае / под ред. С. Л. Тихвинского, В. С. Мясникова, А. С. Ипатова [и др.]. М., 1997. С. 12.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² См.: *Шишмарев Я. П.* Русский консул в Монголии : отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
- ¹³ См.: *Рожков В. П.* Методологическая поляризация русского марксизма и русской религиозной философии на рубеже XIX–XX столетий // *Русская философия : единство и многообразие* / под ред. проф. В. А. Фриуфа. Саратов, 2010. С. 26–44.
- ¹⁴ Приветственное слово Преосвященнейшего Лонгина, Епископа Саратовского и Вольского // *Православная культура: ценности классической науки, образования и искусства* : в 2 т. Саратов, 2010. Т. 1. С. 4.
- ¹⁵ См.: *Устьянцев В. Б.* Амбивалентный человек в обществе риска // *Православный миссионерский форум ПФО. Православная культура как основа духовного возрождения России.* Саратов, 2007. С. 79.
- ¹⁶ См.: *Латов Ю. В., Латова Н. В.* Страны восточнославянской цивилизации на ментальной карте мира по методике Хофстеда // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества ... Кн. 3. С. 186.
- ¹⁷ См.: *Мартыненко Н. П.* «Вэньцзы» и истоки китайской культуры // *Вопр. философии.* 2004. № 9. С. 115.
- ¹⁸ См.: *Линь Яньмэй.* О теории социалистического гармоничного общества // *Вопр. философии.* 2007. № 5. С. 38–44.
- ¹⁹ См.: *Россия – Китай : образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. : сравнительный анализ* / отв. ред. Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяо Мэнь. М., 2007. С. 7.
- ²⁰ *Боровская Н. Е.* Образовательная империя в социалистическом Китае // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Март. С. 70–71.
- ²¹ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²² *Россия – Китай ...* С. 470.
- ²³ *Полтерович В.* Стратегии реформ в Китае и России // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Февраль. С. 34–37.
- ²⁴ *Бажанов Е.* Наблюдение из посольства. Начало 80-х // Там же. С. 38–41.
- ²⁵ См.: *Бурдьё П.* Дух государства : генезис и структура бюрократического поля. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. ; СПб., 1999. С. 125–166.
- ²⁶ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. М., 2006. С. 85.
- ²⁷ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²⁸ См.: *Кантор В. К.* Евг. Трубецкой : совместимы ли христианская демократия и русская идея равенства? // *Вопр. философии.* 2007. № 11. С. 20.

УДК 1:[316.473+316.3+316.334]

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. М. Соколова

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению двух моделей социальности – субстанциональной и коммуникативной. Автор отмечает, что каждая из этих моделей описывает только один аспект социального бытия, в связи с чем возникает необходимость поиска новой модели социальности. Одной из таких моделей является теория институциональных матриц.

Ключевые слова: социальность, общественное бытие, коммуникация, социальный институт, институциональная матрица.

The Substantial and Communicative Models of Sociality: the Comparative Analysis

D. M. Sokolova

The article provides discussion of substantial and communicative models of sociality. The author notes that each of these models

describes only one aspect of the social being. That's why there is a need of searching of new models of sociality. The theory of institutional matrices is one of such models.

Key words: sociality, social being, communication, social institution, institutional matrix.

В истории философии можно выделить два направления, в которых осуществлялась концептуализация социального. Исторически первой сложилась субстанциональная модель; ее истоки восходят к философии Платона, однако учитывая тот факт, что античность не знала представления о социальном, считать его основоположником данной концепции было бы ошибочным. Г. В. Ф. Гегель, которого принято считать автором субстанциональ-

ной модели социальности, в «Философии права» утверждает, что субстанциональность как таковая осталась не осмысленной Платоном¹. Идея, которая в скрытом виде содержалась в его диалогах и подспудно присутствовала в учениях средневековых и новоевропейских мыслителей, впервые была высказана в немецкой классической философии Гегелем, наделившим субстанцию свойствами саморазвития и самодвижения и предложившим рассматривать ее в качестве субъекта – Абсолютного духа, который является источником всего существующего. Установленные в обществе нормы признаются легитимными только в силу того, что они вытекают из природы вещей, в порядок которых встроен человек как наиболее совершенное проявления субстанции – Абсолютного духа, – но не более чем проявление. Таким образом, социальное, по Гегелю, представляет собой нечто в себе и для себя всеобщее, нечто субстанциональное.

В субстанциональной модели социальности не важна роль субъекта. Это выразил Гегель, когда говорил о том, что не следует бояться, что к власти придет человек, не наделенный способностями к управлению, ибо от его свободной воли почти ничего не зависит. Установка на нивелирование человеческой личности была воспринята К. Марксом, для которого субстанцией социального является капитал². После открытия М. Вебером значения взаимоотношений для понимания природы общества интерес к субстанциональным теориям уменьшился. Второе рождение субстанционализм получил в трудах ряда постмодернистов, отказавшихся от классического понимания субстанции и ищущих новые субстанциональные формы для выражения подлинной глубины социальной реальности. В качестве таких форм могут выступать социальные тела (у М. Фуко и Ж.-Л. Нанси), бессознательные структуры (у К. Леви-Строса и Л. Альтюссера), большой Другой (у С. Жижека)³. Субстанциональные формы до сих пор используются в теоретических конструкциях социальной философии, некоторыми качествами субстанции обладают символический капитал и знание, понимаемое в качестве связки социального, как это постулируется концепцией общества знаний. Однако в настоящий момент мы должны констатировать уход от субстанциональной модели. Это во многом объясняется ее тяготением к преодолению всего того, что выбивается из общей схемы, и поиску единой и универсальной основы социальных явлений. Для современного мира, стремящегося к единству в многообразии, различия, напротив, приобретают фундаментальную значимость и становятся исходным принципом организации общественного бытия. Кроме того, в субстанциональном подходе отрицается роль субъекта, что не может быть принято эпохой, главной ценностью которой провозглашается человеческая личность.

Активный социальный субъект и главенствующая роль коммуникаций в генезисе социального – основные принципы коммуникативной модели, согласно которой социальное есть нечто становящееся и постоянно воспроизводящееся в актах непрерывной коммуникации. В основе концепции коммуникативной социальности находится понятие интерсубъективности, обозначающее основу общности и коммуникации разрозненных Я, образующих целостный и единый социум. Его разработка осуществлялась в рамках феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца, утвердившей следующее понимание интерсубъективности в качестве универсального кода, владея которым Я может понимать те смыслы, которые вкладывают в мир другие, и наоборот⁴. Интерсубъективность как основание коммуникации рассматривает Ж.-Ф. Лиотар. Согласно его концепции, нынешнюю социальную реальность можно охарактеризовать как распыленную и дискретную, разбитую на множество взаимодействующих между собой частиц. Существующая между ними социальная связь основана на речевых «приемах», которые он вслед за Л. Витгенштейном обозначает термином «языковые игры». Это понятие используется для обозначения любого взаимодействия индивидов, любой социальной практики, в том числе отношений и власти и подчинения. По сути, коммуникация и есть не что иное как фундаментальная языковая игра⁵. Социальность при этом представлена атомами, включенными в гибкие сети языковых игр. К.-О. Апеля сокращает количество языковых игр, полагая, что человек в процессе социализации обучается одной единственной, но вместе с ней усваивает и языковую компетенцию, которая дает возможность воспринимать другие игры и становиться их равноправным участником.

Эта позиция была воспринята и разработана последователем К.-О. Апеля Ю. Хабермасом, наделившим первостепенной значимостью не реалии социального мира, а их трактовку, рождающуюся в процессе повседневных коммуникативных практик. Ю. Хабермас утверждает, что для того, чтобы понять то или иное событие, необходимо быть его участником, так как социальность рождается в диалоге, объединяющем всех членов языковой общности. Утверждение какого-либо смысла, претендующего на социальную значимость, возможно только при его принятии в процессе коммуникативного действия, подразумевающего всеобщее участие в дискуссии: «...та или иная норма лишь в том случае может претендовать на значимость, если все, до кого она имеет касательство, как участники практического дискурса достигают (или могли бы достичь) согласия в том, что эта норма имеет силу»⁶. При этом достижение согласия является целью и средством коммуникативных практик. Нарушение консенсуса приводит к возникновению конфликтов, отри-

панию принятых социальных норм и, в конечном итоге, прерыванию интеракции. Восстановление согласия возможно только в дискуссии.

В современной социальной философии коммуникативный подход популярен. В отечественной литературе он представлен двумя основными концепциями. Диспозиционно-коммуникативная модель в лице ее представителей (П. К. Гречко, И. А. Мальковской, С. В. Рудановской и др.⁷) утверждает, что социальное в первом приближении представляет собой многообразные отношения между субъектами, а именно – взаимоотношения. Оно воспроизводит себя не как труд, а как язык и мышление, причем континуально взятые, как язык-и-мышление. Говорящий и мыслящий субъект как «человек жизни» является «первокирпичиком» социального: «Социальное <...> состоит не из “общений”, а из отношений, коммуникативных и интересубъективных по своей природе»⁸. Авторы концепции полисубъектной социальности В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов, С. А. Азаренко предлагают отказаться от редукции социального к внешним по отношению к индивидам структурам и системам коммуникативного и другого взаимодействия⁹. Концепция полисубъектной социальности противостоит метафизическим концепциям, всегда редуцировавшим социальность к неким абсолютам, каковыми являлись дух, материя, божественное начало. Смысл социального бытия всегда виделся за пределами самого социального, подвергаемого объективации и субстантивации: «...социальность – это не общая субстанция, форма или общее бытие. Социальность – это бытие-вместе»¹⁰.

Реалии современного мира ставят под сомнение истинность обеих моделей, ибо ни одна из них не отражает социальной реальности во всей ее полноте. Понятие социального зачастую отождествляется с родственными ему понятиями общества и социума. В определенной степени это справедливо, так как все они используются для обозначения совокупности многообразия отношений, возникающих в совместной жизни людей и непрерывно воспроизводимых ими в процессе деятельности¹¹. Однако понятие социального, или социальности, представляется более широким по сравнению с теми, которые часто используются как его синонимы, поэтому необходимо провести между ними четкое разграничение.

Социальное – понятие онтологическое, в высшей степени абстрактное. Оно выражает предельные основания общественного бытия. П. К. Гречко определяет его как «пространство взаимного отношения, взаимного присутствия, взаимности»¹². При этом важной интегральной частью социального оказывается смысл, который никогда не является предзаданным, но всегда рождается в актах коммуникации.

Между тем это не единственно возможное понимание общественного бытия. В. Е. Кемеров

в своих работах отмечает, что существует два понимания его природы: согласно первому социальное – это то, что существует «в людях» и «через людей», согласно второму – то, что существует «рядом с людьми» и «над ними». Таким образом, второе понимание оказывается за гранью определения, даваемого современными исследователями. Сейчас в философии преобладает трактовка социальности, связывающая ее не с сущностями и субстанциями, а со взаимодействием и актами коммуникации, однако это не единственно возможный способ восприятия социальности.

В настоящее время в гуманитарной науке идет поиск новых концепций, в которых были бы преодолены крайности как субстанционального, так и коммуникативного проектов. В частности, в рамках нового институционализма, или постинституционализма, формируется особое видение социальной реальности сквозь призму социальных институтов, представляющих собой не жесткий каркас норм и стереотипизированных моделей поведения, а «гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия»¹³. В постинституционализме под институтами понимают правила, «которые регулируют практики повседневной деятельности и поддерживаются ими»¹⁴. Эти правила не являются результатом договора или соглашения, они складываются в результате социального развития и предопределены его динамикой. Социальные доминанты, оказывающие влияние на формирование институтов и институциональных образований в постинституционализме, получили название институциональных матриц.

Теория институциональных матриц – это один из вариантов преодоления ограниченности субстанциональной и коммуникативной концепций социального. Она предлагает рассматривать общественное бытие сквозь призму тех отношений, в которые вступают между собой не индивиды или социальные общности, а различные институты и институциональные образования. Эта теория, несмотря на то что она зародилась в экономике и преимущественно разрабатывалась социологами, носит междисциплинарный характер. Ее авторы, среди которых следует особо выделить Д. Норта¹⁵, С. Г. Кирдину¹⁶, О. Э. Бессонову¹⁷, не умаляют роли коммуникации в становлении форм организации общественной жизни, но отмечают, что ее возможности всегда ограничены, ибо они детерминированы той институциональной матрицей, в пределах которой происходят изменения. Иными словами, институциональные матрицы несут в себе некий социальный код, который хранит информацию о формах социальности и сложившихся моделях социальных отношений. Заложение основ институциональных матриц происходило еще в архаическую эпоху, и в данной связи представляется далеко не случайным тот

факт, что каждый раз при попытках вживления чуждого институционального порядка или в момент социальных потрясений начинаются реставрация архаических институтов и воспроизводство архетипических социальных практик.

Впервые понятие институциональных матриц применяет Д. Норт, когда утверждает, что специфика социального развития зависит от природы институциональных образований, сложившихся в том или ином конкретно взятом обществе. Согласно Д. Норту, институциональные матрицы состоят из комплекса взаимозависимых правил и неформальных ограничений, совокупность которых определяет экономическую деятельность. Их устойчивость определяется тем, что они обладают свойствами самоподдерживаться и самовоспроизводиться. Даже при активном вмешательстве со стороны институциональные матрицы продолжают оказывать доминантное воздействие на все протекающие в обществе процессы. Именно этим объясняется то, что направление социального развития очень сложно изменить.

Идея о том, что любые изменения, которые происходят в обществе, испытывают влияние сложившихся в обществе институциональных форм и именно от характера последних зависит успех или неудача всех социальных преобразований, была воспринята российскими исследователями С. Г. Кирдиной и О. Э. Бессоновой, в работах которых была осуществлена разработка понятия институциональных матриц. Исходя из этой теории социальные практики обусловлены глубинными и исторически обусловленными формами организации общественного бытия, закрепленными в базовых институтах. Ее главное положение гласит, что институциональные формы, присущие одной институциональной матрице, не могут быть эффективны в обществе с другим типом такой матрицы. Именно этим объясняется неудача реформ, сводящих модернизацию к насаждению институций, присущих более развитым государствам.

В целом теория институциональных матриц обладает определенными преимуществами по сравнению с субстанциональной и коммуникативной моделями социальности. Однако она также не охватывает социальной реальности во всей полноте, делая акцент на ее структурных составляющих. При этом не выясненным до конца остается вопрос, каково место личности в таком обществе, оказывает ли она влияние на социальные процессы или же полностью растворяется в институциональных образованиях, взаимодействующих между собой. Синтез субстанциональной и коммуникативной моделей должен осуществляться таким образом, чтобы учитывались достоинства обеих. Субстанциональная модель описывает фазы стабильности, коммуникативная – переходные состояния общества, т. е. и та

и другая описывают социальную реальность, но в разных временных структурах. Поэтому имеет смысл говорить, что в основе общества лежат два начала – субстанциональное и интересубъективное, так как интересубъективность делает возможной коммуникацию.

Примечания

- 1 См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 230.
- 2 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 4 т. Т. 1. Процесс производства капитала. М., 1988. С. 165–166.
- 3 См.: Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006 ; Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М., 2002 ; Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2001 ; Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М., 2009 ; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999 ; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
- 4 См.: Гуссерль Э. Картезианские рассуждения. СПб., 1998 ; Шюц А. Избранное : Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
- 5 См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М. ; СПб., 1998.
- 6 Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 91.
- 7 См.: Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы. М., 2009 ; Мальковская И. А. Знак коммуникации : Дискурсивные матрицы. М., 2008.
- 8 Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы. С. 59.
- 9 См.: Азаренко С. А. Сообщество тела. М., 2007 ; Кемеров В. Е. Полисубъектная социальность и проблема толерантности // Толерантность и полисубъектная социальность : Материалы конф. Екатеринбург, 2001. С. 12–19 ; Керимов Т. Х. Неразрешимости. М., 2007.
- 10 Керимов Т. Х. Неразрешимости. С. 21.
- 11 См.: Социальная философия : словарь / сост. и ред. В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов. М. ; Екатеринбург, 2006. С. 310.
- 12 Социальное : истоки, структурные профили, современные вызовы. С. 48.
- 13 Радаев В. В. Новый институциональный подход // Журн. социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 3. С. 113.
- 14 Там же. С. 112.
- 15 Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- 16 Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000 ; Кирдина С. Г. Теория институциональных матриц : в поисках новой парадигмы // Журн. социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV, № 1. С. 101–115.
- 17 Бессонова О. Э. Интегрально-институциональная парадигма цивилизационного развития как новая методология познания // Журн. социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI, № 2. С. 15–32.

УДК 1:316.4

СФЕРА ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

В. А. Ручин

Саратовский государственный университет
E-mail: r-vl@yandex.ru

Статья посвящена проблеме образования в контексте взаимодействия культур России и Китая. На основе понятий *сфера образования, международная коммуникация и межкультурная коммуникация* обосновываются тождественность культуры и образования, культурный контекст образования, влияние образования на фундаментальное явление современной общественной жизни – межкультурный диалог.

Ключевые слова: культура, образование в узком и широком смысле, сфера образования, международная коммуникация, межкультурная коммуникация, межкультурный диалог.

The Problem of Education in the Context of Russian-Chinese Cultural Dialogue

V. A. Ruchin

The article deals with the problem of education in the context of cultural interaction of Russia and China. Basing on the definitions *educational sphere, international communication and intercultural communication*, the identity of culture and education, cultural educational context, influence of education on the fundamental phenomenon of the contemporary social life – intercultural dialogue – are grounded.

Key words: culture, education in the narrow and wide sense, educational sphere, international communication, intercultural communication, intercultural dialogue.

Образование в широком смысле представляет собой *сферу образования* – синтез господствующих в обществе идей, взглядов, закреплённых социальными институтами, т. е. социальное пространство в его ценностном выражении. В данной статье образование рассматривается в контексте взаимодействия культур России и Китая, при этом понятие *международная коммуникация* изначально определяется как совокупность разнообразных информационных потоков (порой противодействующих), понятие *межкультурная коммуникация* – как общепринятая форма международных контактов, а понятие *межкультурный диалог* – как двустороннее общение, базирующееся на принципах взаимоуважения, взаимопонимания и сотворчества.

Образование в узком смысле – это не просто профессиональная подготовка или обучение как таковое, а подготовка и обучение, скорректированные стремлением индивида к определённому нравственному образцу, каковое стремление формулируется и формируется, естественно, на основе не только созданной человеком культуры,

но и *самости* образования как социального явления. Образование существует ради человека, для которого оно – связь с целым миром, судьба, явленность, открытость и даже – сверхчувственное. Такого рода предопределение есть не что иное как сущее, т. е. в какой-то мере чувственно-идеальное, в его связи с реальностью, исходящее от явленности бытия сущего. Следовательно, образование – это личностный подход к образу, следование идеалу, и с точки зрения идеала такое образование однозначно позитивно. «Жить и творить должен каждый сам. И это удастся ему [человеку] тем больше и тем лучше, чем глубже он укоренится в своем собственном, выстраданном и вымоленном духовном опыте...»¹. Такому подходу придается смысл «почвы», «опоры» всех взглядов на образование. И если происходит отрыв от данных *установок*, то начинается падение образования, по сути – разрушение его сферы.

Если исходить из того факта, что образование в узком смысле действительно есть установка, своего рода «предназначение», то это не только индивидуальное предназначение, но и целостная предназначённость наций, их культур. В таком случае образование не может быть обращено отдельным человеком на «самого себя», так как выходит за рамки субъективного и может рассматриваться в одном ряду с другими социально-объективными явлениями.

Исторически образование и в узком, и в широком смысле способствовало достижению двуединой цели: с одной стороны, обеспечению соответствующих времени условий развития личности и общества, а с другой – национальной самоидентификации. Достижение данной цели увязывалось с решением ряда ключевых задач: освоением необходимого уровня научно-технического прогресса, сохранением на основе традиций культурно-исторического генотипа. А потому образование всегда – существеннейший фактор международного общения и межкультурного диалога.

Основная характеристика слагаемых любой культуры – ценность, «а само культурное наследие в целом – воплощение разумного человека, восхождение его практической деятельности от простых форм к более сложным, показатель *овладения* им мира, когда особую роль играет духовный

аспект: знания и наука, образование и искусство и т. д.»². Культура имеет многозначный понятийный смысл, и «было бы удобнее провести и какое-либо терминологическое различие, но вообще лучше не вводить новых терминов, пока не появится в том крайней необходимости»³. Однако упростить проблему при всем желании невозможно – это одна из центральных идей философии. При этом размежевание подходов отнюдь не является стремлением противопоставлять одно другому – здесь осмысление истины, которая, в свою очередь, показала бы *историю* становления и истолкования особенностей феноменов культуры и образования.

Если с исторических позиций подвергнуть анализу практику культуры начиная с древнейших времен, то ее можно представить в виде следующих больших отделов:

- материальная сторона (пища и способы ее добывания);
- формы хозяйствования, орудия труда, оружие, бытовая утварь, жилище, одежда;
- организация форм общения и управления обществом, власть;
- союзы, брачные отношения;
- уровень знаний и познания в областях естественной и социальной природы;
- духовность (мифология, религия, мораль, музыка, танцы и т. п.).

Таким образом, под культурой можно подразумевать экзистенцию без какого-либо противопоставления народов друг другу в материальной и духовной областях. Культура – это одновременно и все то, что связано с исторически-результативной деятельностью человека, и индивидуализированное явление по признаку качества специфически выраженного в связи с отдельным народом – то, что О. Шпенглер называл габитусом культур⁴.

Очевидно, наличие культурного контекста образования позволяет говорить о тождественности феноменов «культура» и «образование». Доминирующая зависимость второго от первого очевидна: образование не обладает ни характером сущности, ни собственной бытийственностью, его «судьба» – быть «подсистемой» в системе «культура» или «посредником» между культурой и человеком. В то же время человек – потребитель культуры, а в системе образования он осуществляет только отбор ценностей⁵. Общее в культуре и образовании – человек, идеальное (относящееся к идеям, к деятельности мышления), духовное, чувственно-психическое, т. е. все то, что противоположно материальному. При выяснении тождества «культура – образование» следует исходить из родо-видовых свойств сущностей: культура – род, а ее видовые «сущности» многозначны, виды же наращиваются, разветвляются в процессе исторического развития культуры.

Сказанное выше необходимо для сравнения образовательной сферы России и КНР в контексте

российско-китайского межкультурного диалога, которое может быть перспективным как для понимания общих закономерностей развития образования в транзитивные периоды общественного развития⁶, так и для выявления специфики межкультурного диалога, поиска его конструктивного содержания. Анализ культурного контекста российского и китайского образования целесообразно начать с констатации исторического отличия их духовных основ, с истоков – в одном случае православия, а в другом конфуцианства⁷, – а также с обозначения современной специфики развития образования (сходства значимых для его развития факторов – глобализации и транзитивного характера развития общества).

Важно подчеркнуть, что контекст межкультурного диалога России и Китая складывался из различных этапов развития обеих культур и соответствующих им состояний сферы образования. Как правило, этот диалог опирался на принципы взаимоуважения, взаимопонимания и сотворчества (назовем это принципом обоюдности), которые отражали согласие сторон на те или иные формы и методы культурного взаимодействия. В целях анализа сферы образования обеих стран условно разделим исторические периоды межкультурного диалога России и Китая таким образом: империи, советский период, глобализация.

Период империй: официальные отношения России и Китая берут начало с момента основания в Пекине (в России правит император Петр I, в Китае – император Канси) Русской православной духовной миссии, деятельность которой была направлена на изучение китайской культуры, развитие стабильных дипломатических отношений, укрепление «духовных и культурных связей <...> между народами-соседями и государствами-соседями – Россией и Китаем»⁸. Бесспорно, и сферу образования, и структуру ценностей в обществе, и нравственный облик своих представителей в Китае формировало православие. Помимо чисто дипломатической функции миссия выполняла и функцию образовательную, став своеобразным центром, где готовились дипломаты и откуда вышли первые ученые-китаеведы, среди которых особое место принадлежит выдающемуся российскому востоковеду И. Я. Бичурину (о. Иакинфу).

В период работы миссии были заложены основы сотрудничества в области образования, созданы первые учебники китайского языка, совместные российско-китайские школы, а также началось издание на территории Китая журналов и книг на русском языке. Именно тогда была заложена прекрасная база для будущего российско-китайских отношений. Российские православные миссионеры, находясь в Китае, всегда были верны принципу «невмешательства в какие бы то ни было гражданские дела, особенно же относительно мира, любви и братского общения

со всеми»⁹. Китайское правительство, «относясь с большим уважением к российским монархам, <...> благосклонно и доверчиво смотрело и на российских миссионеров»¹⁰. В историческом итоге деятельность православной миссии в Пекине оказалась вполне солидарной с политикой России, которая «всегда была далека от цели ослабления жизненных сил Китая и от стремления навязать жителям его блага христианской цивилизации в ущерб их национальной самостоятельности, к чему клонится деятельность других европейских миссий»¹¹. Подобной же позиции уважительного отношения к традициям придерживались официальные представители Российского государства и в Монголии¹², входившей тогда в состав Китая. Таким образом, царское правительство и российская дипломатия проводили, как принято говорить сегодня, взвешенную политику на Востоке, чем во многом способствовали развитию доброго отношения к России, создав на основе первоклассного востоковедения условия для межкультурного диалога будущих поколений.

Советский период, который можно назвать победой «русского марксизма» над «русским спиритуализмом»¹³ и периодом коммунистического миссионерства, был временем наиболее активного и массового сотрудничества двух государств. Сфера российского образования, ее ценности определялись коммунистической риторикой, а образ советского человека представлял собой героическую личность, борца за идею, неутомимого труженика. Кстати, такие черты характера советского человека, как целеустремленность и трудолюбие, были близки и импонировали китайцам. В этот период активизировались прямые контакты между различными социальными слоями в двух странах. Огромное количество российских военных специалистов, работников промышленности, культуры и образования непосредственно обучало китайских специалистов, китайские студенты и аспиранты обучались в СССР, т. е. образовательная компонента межкультурного диалога была значительной. Отметим, что до сих пор эти люди сохраняют и во многом определяют доброе отношение к нашей стране и российскому образованию.

События 1960–1980-х гг. принесли охлаждение в наши отношения. Последующая стабилизация была приостановлена процессами в нашей стране, связанными с так называемой перестройкой, обозначившей резкий идеологический переход. В это время начинается активизация контактов Китая с Западом в экономике, а затем и в образовании. Именно в этот период происходит изменение качества общения между нашими народами. Уровень общения прошлых лет, периода взаимодействия с культурной частью российского общества, снизился до уровня частных коммерческих контактов россиян и приграничной миграции

китайских граждан. Неорганизованность и внутригосударственные проблемы в России сыграли в этом новом познании друг друга отрицательную роль, на смену духу советского патриотизма пришел дух декаданса. В этот период имидж граждан России как образованных и ответственных людей изменился, конечно, не без помощи российских СМИ – тогда-то китайцы и узнали других русских. Однако эти негативные явления не разрушили окончательно доброго восприятия России Китаем. Причина тому – вклад старших поколений, совместная борьба за независимость. Китайский народ и сегодня бережно сохраняет могилы советских воинов на территории КНР.

В *период глобализации*, на первый взгляд, создается «единый мир», который «обладает многими достоинствами и удобствами, он выглядит очень привлекательным. Однако за внешними достижениями глобализации скрываются многие негативные процессы: тотальная унификация, нивелировка, исчезновение национальных культур, упрощение всех видов культуры современной»¹⁴. Глобализация в сочетании с последствиями «смутного времени», пережитого Россией, оказала сильное влияние на сферу российского образования и общество, в котором все еще сохраняется состояние мировоззренческой растерянности, не позволяющей в полной мере определить выход из «ментального вакуума»¹⁵. В то же время «китайское чудо» конца XX в. лишнее раз подтвердило, что в странах с восточной культурой экономическая модернизация эффективно осуществляется в рамках более этатистских, менее либеральных политических и экономических режимов, чем в странах с западной культурой¹⁶. В Китае в широкий оборот введено понятие «Вэнь» (вся сумма культурных представлений, унаследованных от предков), которое стало своеобразной формулой сохранения социальной стабильности¹⁷. Руководством КНР развивается мысль о том, что демократическое управление должно строиться на основе законов, справедливости, искренности и дружбы, раскрытия жизненных сил. В материалах, принимаемых на основе правительственных и партийных решений, отмечается, что такой путь является современным проявлением великой жизненной силы китайской традиционной культуры, выдвигается идея социальной гармонии, названная главным ценностным ориентиром¹⁸. Сосредоточенность на достижении нового качества трудовых ресурсов неразрывна с образованием молодежи. Такой подход – ставка на молодое поколение – прослеживается в политике современного китайского государства, патерналистского по своей сути.

Последние десятилетия в Китае (министр образования КНР Чжоу Цзы назвал это время периодом Нового Китая¹⁹) – это время реформ. Основная идея, положенная в их основу, выра-

жена в короткой фразе архитектора современного облика КНР, автора китайской перестройки Дэн Сяопина, который прозорливо предвидел, что в современном мире для выживания пригодится все – и современная промышленность, и вековой потенциал, накопленный народом, и инновационное образование: «Образование должно повернуться лицом к модернизации, к миру, к будущему»²⁰. Почему образование? Потому что со времен Конфуция это путевка в жизнь, а дети – это не обуза, а будущее Китая²¹.

Современная модернизация китайского общества, по мнению китайских идеологов, опирается на три понятия: «реформы – развитие – стабильность»²². Отличительной чертой китайских экономических реформ является тщательный отбор наиболее оправданных шагов: «...старые институты не вытеснялись мгновенно, а постепенно вытеснялись новыми»²³. Реформы, разработанные китайским руководством, спасли общество, и особенно молодежь, от состояния неопределенности, растерянности, фрустрации со всеми его последствиями – депрессией, пассивностью, агрессивностью. Сегодня китайская молодежь упорно учится как в Китае, так и по всему миру.

Секрет эффективности политики реформ – в сочетании положительных сторон старых традиций и новых достижений цивилизации, сохранении преемственности в развитии сферы образования, опоре на национальную культуру. Известно, что практика построения коммунизма с китайской спецификой была основой разногласий китайского и советского руководства²⁴. Как оказалось, советские коммунисты-интернационалисты были не правы – идея, оторванная от национальной почвы, желаемых всходов не дала. Сегодня практика внутренней и внешней политики Китая – глобализация с китайской спецификой – приносит ощутимые плоды. Новая и старая идеология органично соединилась с традиционной конфуцианской этикой. Конфуцианская идея самосовершенствования, традиционное уважение к знаниям и идеи социальной справедливости, взаимопомощи используются в наши дни для решения новых задач. Немаловажно, что патриотизм, наряду с трудолюбием и упорством, – основное качество современного гражданина Китая.

Таким образом, межкультурный диалог как фундаментальное явление современной общественной жизни имеет устойчивую связь со сферой образования, определяющей не только культурный облик страны, общества, но и дух государства²⁵. Достижение консенсуса в культурном диалоге – всегда результат намерений и усилий участников общения, признающих иную структуру и иерархию ценностей, объективно оценивающих слабые и сильные стороны партнера в интересах сохранения паритета интересов.

Следует признать, что современный характер межкультурного диалога России и Китая свидетельствует об утрате российским образованием былых позиций – прежде всего в его культурном контексте. Другими словами, личность, которая рождается в существующей сфере российского образования, утратила черты «духовной очевидности»²⁶, традиционной для культуры России. В соответствии с китайскими представлениями мы «теряем лицо», а потому недостаточно готовы к равноправному межкультурному диалогу. Если использовать спортивную терминологию, в отличие от российского китайское общество находится в лучшей форме. Командный дух, сплоченность, ощущение новых побед²⁷, социальная стабильность, защищенность от чрезмерных поучений «доброжелателей» обеспечивают китайскому обществу победный настрой.

На наш взгляд, сегодня как никогда важно обращаться к исторической памяти и историческому опыту «духовного делания», опираться на традиции, присущие российской культуре²⁸, на сильные стороны российской образованности, традиционно построенной на нравственных установках, приложить все силы к тому, чтобы вернуть сфере образования ее целостность, т. е. гармоничность образования в узком и широком смысле, тем самым достигнув равноправия России и Китая в диалоге культур.

Выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечание

- ¹ См.: Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2006. С. 86.
- ² Кузнецова В. В. Человек в контексте социальных форм жизнедеятельности. Саратов, 1995. С. 105.
- ³ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 161.
- ⁴ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 267.
- ⁵ См.: *Большаков В. И., Худяков С. И.* Объединяющая культура // *Объединяющая культура*. М., 2008 ; *Буева Л. П.* Культура и образование. Проблемы взаимодействия // *Вопр. философии*. 1997. № 2 ; *Сесюнина И. Б.* Философские проблемы образования // *Образование в Сибири*. 1995. № 1.
- ⁶ См.: *Фурсенко А. А.* Задачи, стоящие перед образованием // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. / отв. ред. В. Ясин. М., 2012. Кн. 1. С. 88–98 ; *Абанкина И. В., Красилова А. Н., Ястребова Г. А.* Проблемы и перспективы развития образования в сельской местности в странах с переходной экономикой (на примере России и Китая) // Там же. Кн. 2. С. 351–360.
- ⁷ *Духовная культура Китая : энцикл.* : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 2006. Т. 1.

- ⁸ История русской духовной миссии в Китае / под ред. С. Л. Тихвинского, В. С. Мясникова, А. С. Ипатова [и др.]. М., 1997. С. 12.
- ⁹ Там же. С. 14.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 26.
- ¹² См.: *Шишмарев Я. П.* Русский консул в Монголии : отчет Я. П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства. Иркутск, 2001.
- ¹³ См.: *Рожков В. П.* Методологическая поляризация русского марксизма и русской религиозной философии на рубеже XIX–XX столетий // *Русская философия : единство и многообразие* / под ред. проф. В. А. Фриуфа. Саратов, 2010. С. 26–44.
- ¹⁴ Приветственное слово Преосвященнейшего Лонгина, Епископа Саратовского и Вольского // *Православная культура: ценности классической науки, образования и искусства* : в 2 т. Саратов, 2010. Т. 1. С. 4.
- ¹⁵ См.: *Устьянцев В. Б.* Амбивалентный человек в обществе риска // *Православный миссионерский форум ПФО. Православная культура как основа духовного возрождения России.* Саратов, 2007. С. 79.
- ¹⁶ См.: *Латов Ю. В., Латова Н. В.* Страны восточнославянской цивилизации на ментальной карте мира по методике Хофстеда // XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества ... Кн. 3. С. 186.
- ¹⁷ См.: *Мартыненко Н. П.* «Вэньцзы» и истоки китайской культуры // *Вопр. философии.* 2004. № 9. С. 115.
- ¹⁸ См.: *Линь Яньмэй.* О теории социалистического гармоничного общества // *Вопр. философии.* 2007. № 5. С. 38–44.
- ¹⁹ См.: *Россия – Китай : образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. : сравнительный анализ* / отв. ред. Н. Е. Боровская, В. П. Борисенков, Чжу Сяо Мэнь. М., 2007. С. 7.
- ²⁰ *Боровская Н. Е.* Образовательная империя в социалистическом Китае // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Март. С. 70–71.
- ²¹ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²² *Россия – Китай ...* С. 470.
- ²³ *Полтерович В.* Стратегии реформ в Китае и России // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Февраль. С. 34–37.
- ²⁴ *Бажанов Е.* Наблюдение из посольства. Начало 80-х // Там же. С. 38–41.
- ²⁵ См.: *Бурдьё П.* Дух государства : генезис и структура бюрократического поля. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. ; СПб., 1999. С. 125–166.
- ²⁶ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. М., 2006. С. 85.
- ²⁷ См.: *Куликова Г. В.* Дети – посланцы дружбы // *Россия – Китай. XXI век.* 2007. Апрель. С. 42–43.
- ²⁸ См.: *Кантор В. К.* Евг. Трубецкой : совместимы ли христианская демократия и русская идея равенства? // *Вопр. философии.* 2007. № 11. С. 20.

УДК 1:[316.473+316.3+316.334]

СУБСТАНЦИОНАЛЬНАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Д. М. Соколова

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению двух моделей социальности – субстанциональной и коммуникативной. Автор отмечает, что каждая из этих моделей описывает только один аспект социального бытия, в связи с чем возникает необходимость поиска новой модели социальности. Одной из таких моделей является теория институциональных матриц.

Ключевые слова: социальность, общественное бытие, коммуникация, социальный институт, институциональная матрица.

The Substantial and Communicative Models of Sociality: the Comparative Analysis

D. M. Sokolova

The article provides discussion of substantial and communicative models of sociality. The author notes that each of these models

describes only one aspect of the social being. That's why there is a need of searching of new models of sociality. The theory of institutional matrices is one of such models.

Key words: sociality, social being, communication, social institution, institutional matrix.

В истории философии можно выделить два направления, в которых осуществлялась концептуализация социального. Исторически первой сложилась субстанциональная модель; ее истоки восходят к философии Платона, однако учитывая тот факт, что античность не знала представления о социальном, считать его основоположником данной концепции было бы ошибочным. Г. В. Ф. Гегель, которого принято считать автором субстанциональ-

Примечания

- ¹ Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Венера в мехах. М., 1992. С. 363.
- ² Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос 1991–2005. Избранное : в 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 437.

- ³ Рассел Б. Во что я верю // Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 78.
- ⁴ Райх В. Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. М., 1999. С. 404.
- ⁵ Адлер А. Мотив власти // Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. С. 235–241.

УДК 316

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА ПОНИМАНИЯ

Л. С. Перевозчикова

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru

В статье раскрывается содержание эпистемологической процедуры понимания в межкультурном взаимодействии, проясняются когнитивные механизмы толерантности.

Ключевые слова: толерантность, понимание, эпистемологическая процедура понимания, межкультурное взаимодействие.

Tolerance in the Intercultural Interaction: Epistemological Procedure of Reading

L. S. Perevozchikova

The content of the epistemological procedure of reading in the intercultural interaction is developed in the given paper, and cognitive mechanism of tolerance is revealed.

Key words: tolerance, reading, interpretation, epistemological understanding of the procedure intercultural interaction.

В эпоху глобализации, изменившей условия межкультурного взаимодействия, проблема понимания и восприятия – диалога культур – приобретает особую актуальность. В современном мире, благодаря коммуникационным технологиям и росту социальной мобильности, увеличивается плотность межличностных, межгрупповых и международных отношений. Сегодня возникает настоятельная необходимость включения в сферу коммуникации устойчивых механизмов взаимодействия без отторжения, вражды, ненависти и насилия. В связи с этим воспитание толерантности как основы межсубъектного взаимодействия в межкультурных коммуникациях становится важнейшей проблемой.

Понятие «толерантность» многозначно. Оно характеризует и качество личности, и моральное правило, и принципы деятельности и отношений между индивидами. Толерантность как качество

личности выражает способность индивида к договоренностям, склонность к доброжелательности, доброте, уважению к инакомыслию. Как моральное правило она означает требование исполнения всеобщего нравственного закона, согласно которому к человеку следует относиться как к цели и высшей ценности, а не как к средству. Как принцип деятельности и поведения она указывает на признание множественности равноценных позиций и равенства прав других, согласование и примирение интересов. Толерантность как принцип отношений между индивидами характеризует стремление к взаимопониманию, сотрудничеству, диалогу и компромиссу.

В философском плане принцип толерантности в концентрированном виде содержит идею позитивного восприятия инаковости и многообразия, признания тождества вопреки различиям. По мнению И. Иовеля, она представляет «способность признать человеческое в других как отзвук и отклик человеческой сущности в нас самих. Это не должно истолковываться ни как сочувствие, ни как близкие личные отношения <...> наоборот, толерантность присутствует, когда обе стороны чужды друг другу во всех личных и эмоциональных отношениях, и, однако, я способен признать в других что-то основное <...> что относится не к моим особым качествам или свойствам, а относится к моему существованию»¹.

В самом общем смысле толерантность – это основанная на ценностных ориентациях готовность субъекта к осознанным личностным действиям, направленным на выстраивание отношений с представителями иной социальной, нравственной, культурной среды на конструктивной основе, на достижение гуманистических

отношений между людьми, имеющими различное мировоззрение, разные ценностные ориентации, стереотипы поведения, на расширение собственного опыта путем приобщения к иным культуре, взглядам, окружающей среде, самому себе. Цель статьи – прояснить когнитивные механизмы толерантности, раскрыть содержание эпистемологической процедуры понимания в межкультурном взаимодействии.

По нашему мнению, эпистемологический компонент толерантности состоит в осознании и принятии человеком многомерности жизненной реальности и вариативности ее восприятия, понимания и оценивания разными людьми, а также относительности, неполноты и субъективности собственных представлений и своей картины мира. Центральным моментом здесь является признание сложности и нередуцируемого многообразия мира, и интерпретативной природы индивидуальных суждений о нем, а потому невозможности сведения всего многообразия точек зрения к «общей истине» и неизбежной множественности индивидуальных картин мира. Именно эти аспекты подчеркиваются в «Декларации принципов толерантности», когда утверждается, что толерантность – это прежде всего «правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»². Отсюда следует, что ключевую роль в социальном взаимодействии на основе принципа толерантности играет эпистемологическая процедура «понимание», и стоит более внимательно разобраться, что это значит³.

В традиционной трактовке «понимание» как термин означает постижение смысла. Понять нечто значит усвоить (постигнуть) смысл этого нечто – это познавательный акт. В понимающий познавательный акт в случае коммуникации структурно входят познающий разум и объект понимающей деятельности, который может быть назван текстом в качестве знаково-символической информационной системы разнообразного происхождения и предназначения. Тексты являются результатом познавательной, созидательной и творческой деятельности людей – иными словами, это некие продукты деятельности, имеющие знаковую и, в широком смысле, языковую природу. Текст, по выражению Ф. Шлейермахера, – это «факт языка, застывшая речь». Но в то же время он содержит в себе и субъективно психологические особенности внутреннего мира автора, «факты эмоций, чувств и мышления».

Таким образом, если «понять» означает «усвоить смысл», то понять можно только то, что до процесса понимания обладало смыслом и, следовательно, имеет знаковую природу, будучи важным не само по себе, а как выражение чего-то иного. Смыслом наделены не только тексты, но

и все то, что является продуктом деятельности человека, в который он вкладывает свои мысли, чувства, цели, желания и т. п.

Понимание есть процесс личностного присвоения смыслов. С такой трактовкой в интуитивно-психологической традиции, берущей свое начало в концепциях Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, тесно связано представление о понимании как процессе, не только и не столько направленном вовне, сколько происходящем в пространстве человеческой души. «Под пониманием, – дает определение В. Дильтея, – я подразумеваю процесс, в котором мы используем чувственно данные объективации для достижения знания духовной жизни»⁴.

Каков же психологический механизм понимания? Субъектом понимания является индивид. Смыслы, приписываемые им объектам понимания, он черпает из своего внутреннего мира – индивидуального сознания, образующего основу понимания. Этот мир формируется на основе языка и чувственных впечатлений и включает в себя чувственные и абстрактные образы, связь между ними, знания, верования индивида, его морально-этические нормы. Все эти образы мира теснятся вокруг единого центра, дающего им жизнь, – индивидуального «Я», личности человека.

Каким же образом достигается понимание в межкультурной коммуникации? В философии описываются различные методологические модели. Одна из них базируется на предположении о существовании метакультурного значения, общего для всех культур концептуального фона. Это предположение исходит из представления о культуре как выражении некоего трансцендентного смысла (Бытия, Логоса, Бога), который сообщает объективность своим репрезентациям или описаниям. Культуры, семиотически поняты как такие описания, обладают одинаковыми выразительными возможностями, «взаимопереводимы» в том смысле, что для каждого предложения одного языка (или кода культуры) найдется по крайней мере одно предложение в любом другом естественном языке (другом культурном словаре), которое имеет тот же смысл. Несмотря на все различие культур как описаний или шифров трансцендентного, носители различных культур способны понимать друг друга вследствие того, что существует общий для всех индивидов концептуальный фон, гарантирующий определенную общезначимость того содержания, которое они понимают, схватывая смысл. При подобной трактовке «иных культур» никакой принципиальной проблемы их понимания возникать не должно. Разнообразие языков и культур в какой-то степени компенсируется сосуществованием и использованием в рамках единого семантического (в данном случае – языкового) пространства метакультуры,

или метасловаря, наличием которого обусловлена возможность понимания других культур. Работа философов и лингвистов по прояснению значения слов и по установлению правил их точного перевода является следствием имплицитного допущения наличия такого метасловаря, с помощью которого можно совершить кодификацию терминов всех остальных культурных словарей и перевести термины одного словаря в термины другого. Коммуниканты, принадлежащие к различным культурам, изначально располагают общим для всех языком, который превосхищается и говорящим, и тем, кто претендует на осмысление, онтологически гарантируя успех взаимопонимания.

Другая методологическая модель ориентирована на понимание культуры как определенного способа самоописания, который не связан требованием выражения какого-либо внекультурного значения. Различные культурные словари рассматриваются не с точки зрения метаязыка, обозначающего общий для всех возможных описаний трансцендентный смысл, а как альтернативные языковые игры или формы жизни, которые не отсылают к чему-то помимо самого языка. Культурный код не требует своего обоснования через отнесение к некоей реальности, которая не является частью самой языковой игры. Описание культуры в этом смысле становится самореферентным, отсылающим только к самому себе.

Однако эта автореферентность культуры не означает принципиальной невозможности понимания других культур. При попытке проникнуть в содержание иной лингвистической культуры коммуникант вынужден создавать по сути новый культурный код, используя разнообразные непредвиденные комбинации выражений, адаптируя язык к новым ситуациям и контексту, накладывая новые схемы на содержание нашего опыта. Это языковое творчество является основным условием коммуникации. Ведь в том случае, если индивиды оперируют различными описаниями, основным для их взаимопонимания будет способность достичь такого кода коммуникации, который будет общезначим для всех ее участников. Таким образом, языковое творчество позволяет носителям культур выйти за пределы своего актуального лингвистического опыта и найти «общий язык» даже в том случае, когда коммуниканты принадлежат к различным формам культуры.

Проблема понимания в методологическом плане связана с проблемой интерпретации. По нашему мнению, понимание как интерпретация действий и фактов должно включать следующие моменты: а) не только когнитивные, но и иные эстетические и этические компоненты; б) понимание не тождественно «вчувствованию», а интерпретация не сводится к компьютерному аналогу интенциональных состояний; в) отсутствие

общего закона или алгоритма понимания, всегда являющегося индивидуальным искусством, «языковым творчеством», которому нельзя научиться теоретически; г) удачное понимание – это не совпадение собственной интерпретации с внутренним состоянием другого, а соответствие ее сети интерпретаций другого, которая в данное время считается другим субъектом нормальной; д) нельзя сводить выражения другого к собственному интерпретативному горизонту; е) понимание связывает коммуникантов не законосообразно, как элементы множества, но всегда прагматически; ж) коммуниканты сами должны не ждать, а заботиться о понимании и предлагать его другому; з) понимание не является однотипным и существует большая разница между пониманием научной гипотезы и, к примеру, религиозной веры.

Таким образом, понимание в широком смысле можно рассматривать как процесс, который не выходит за пределы сети условий возможности интерпретации. Главной нитью его является «понимание понимания» не в духе метапонимания, а в том, что «внутреннее понимание» переходит в процесс интерпретации. Непосредственное понимание – пограничный случай интерпретативного понимания как понимания знаков без объяснения. Оно имеет место, например, при понимании выражения чужого лица. Неверно было бы сказать, что воспринимают сначала лицо, а потом его выражение – наоборот, лицо воспринимается сразу как веселое или грустное. Введение различий благодаря интерпретации представляет собой переформулирование значения того, что понимается в знаках. Поскольку другой коммуникант должен акцептироваться не только на основе нашей собственной оптики и понятийного аппарата, постольку мы должны добиваться резонанса интерпретаций. На наш взгляд, именно этот резонанс способствует выработке окончательного понимания.

Специалисты в сфере межкультурной коммуникации отмечают, что интерпретация находится в прямой зависимости от той картины мира, на которую опирается культура коммуникантов. В процессе коммуникации следует учитывать ту национальную историческую систему понятий, представлений и ценностей, от которых отталкивается тот или иной коммуникант. Иными словами, всегда следует иметь в виду, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем мы, поскольку является носителем иной ментальности. В данном случае ментальность – это определенная совокупность устоявшихся форм мировосприятия, присущих какой-либо группе людей, которые определяют общие черты отношения и поведения этих людей применительно к феноменам бытия. Российский культуролог А. Я. Гуревич называл менталитет своего рода психологической оснасткой любой

социальной общности, позволяющей по-своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя. Он проявляется в характерном для данной общности мироощущении и мировоззрении, имеющих эмоциональное, психологическое и поведенческое выражение.

Содержание менталитета, по А. Я. Гуревичу, представляет собой некий сложившийся образ, внутреннюю картину мира, отражающую культуру общества. Картина мира включает в себя, в частности, представления о личности и её отношении к социуму, о свободе, равенстве, чести, добре и зле, о праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории, о ценностях времени, о соотношении старого и нового – и она в принципе неисчерпаема. Именно картина мира, унаследованная от предыдущих поколений и непрерывно изменяющаяся в процессе общественной практики, лежит в основе человеческого поведения⁵. Менталитет проявляется в позиции, ценностной ориентации, мировоззренческих и поведенческих стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей, в языке. Формируясь в ходе исторического процесса, менталитет образует ту духовно-поведенческую специфичность, которая делает представителей одного народа непохожими на представителей других, и в силу этого он становится важным фактором самоидентификации той или иной общности.

Отметим, что существует реальная взаимосвязь ментальности как определенной социальной психологической характеристики субъекта культуры и тех вербальных форм, которые продуцируются как выражение деятельной реакции конкретных носителей культуры на воздействующие семантические факторы. Вербальность словесно опредмечивает конкретный тип ментальности и делает его реальностью как вид социально-смыслового фактора. Каждый тип ментальности имеет свой логико-вербализированный способ построения. Ментальность во многом является той скрытой реальностью культуры, которая почти не заметна, но фактически реальна как детерминанта всего остального пространства артефактов культуры.

Идея определяющей роли ментальности в культуре общества нашла свое отражение в концепции лингвистической относительности Й. Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа, которая базируется на концепции языковой картины мира. Понятие языковой картины мира ввел Й. Л. Вайсгербер, делая ее фундаментальной принадлежностью языка. «Словарный запас конкретного языка, – писал он, – включает в целое вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность мыслительных средств, которыми располагает языковое общество; и, по мере того как каждый носитель языка изучает

этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества»⁶. Согласно точке зрения Вайсгербера, от языковой картины мира, коренящейся в ментальности, в принципе никто освободиться не может. Люди, говорящие на разных языках, живут в разных мирах, а вовсе не в одном и том же, на который навешаны лишь разные ярлыки: француз видит мир из своего языкового окна, русский – из своего. Сформулированную Й. Л. Вайсгербером идею языкового мировидения, основанную на представлении о лексическом способе категоризации окружающего мира, активно развивали американские лингвисты Э. Сепир и Б. Л. Уорф. С точки зрения Э. Сепира:

1) «Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершенная система обозначения <...> Переход от одного языка к другому психологически подобен переходу от одной геометрической системы отсчета к другой»⁷;

2) «Каждый язык обладает законченной в своем роде и психологически удовлетворительной формальной ориентацией, но эта ориентация залегает глубоко в подсознании носителей языка»⁸;

3) «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов»⁹.

С понятием языковой картины мира тесно связано понятие культурно-семантической адекватности. Она – проявление того, как каждый субъект коммуникации ориентирован в социокультурном семантическом, символически значимом пространстве, как он понимает сам себя в качестве реального носителя культурных характеристик и как видит с этой точки зрения другие феномены культуросмысловой реальности.

Отсюда следует, что обретение субъектом коммуникации культурно-семантической адекватности является необходимым условием понимания. С этих позиций важным условием для успешного ведения диалога между представителями разных культур является состыковка кодов и концептов взаимодействующих культур. Трансформирование этих кодов выражается в формировании некой связи между внутренним универсально-предметным кодом и новым, внешним, которым овладевает личность для участия в межкультурном диалоге. В этом случае имеет место языковое творчество. Для успешной состыковки кодов и концептов от конкретного коммуниканта требуется модифицировать свою картину мира путем совмещения исходного и вновь осваиваемого образа действительности в рамках своей ментальности. Достижение от-

носителем тождественности ментальности структур обеспечивает возможность успешной коммуникации. Если же такая тождественность не будет достигнута, возможно не только недопонимание, но и полное непонимание.

Подчеркнем, что острота проблемы диалога разных культур в глобальном мире ощущается как в социокультурных реалиях, так и во всех исследовательских направлениях гуманитарного знания. Это требует соответствующего философского осмысления и, как следствие, появления новых теорий и проектов.

Философские проблемы диалога культур были рассмотрены В. С. Библером¹⁰. Отметим, что поиск удовлетворительного объяснения причин социальной патологии, в том числе и во взаимодействии культур, стимулировал появление новых философских парадигм.

В ходе исследования культурных и институциональных рамок употребления языка, процессов коммуникации предпринимаются попытки объединения философии языка и философии общества. В частности, Ю. Хабермас выдвигает проблему достижения социального консенсуса на основе понимания. Он разрабатывает теорию коммуникативного действия, в которой развивает концепцию понимания как предпосылку общественного согласия¹¹. Очевидно, что все многообразие процессов межкультурного взаимодействия не может сводиться к коммуникации. Однако введение в поле социально-философского исследования тех сфер, которые до этого оставались за рамками исследования (прежде всего сфер употребления языка, коммуникации), безусловно является новаторской.

По нашему мнению, необходимо продолжение детального анализа понимания как эпистемологической предпосылки толерантности в межкультурном взаимодействии в аспекте теории коммуникативного действия в условиях социальной реальности XXI в.

В заключение отметим, что в современных условиях социального бытия толерантность выступает в качестве атрибутивного конструкта субъектности. Ее следует рассматривать как одну из важнейших аксиологических форм, организующих совместную человеческую жизне-

деятельность, которая должна пронизывать все сферы жизнедеятельностного взаимодействия. В мировоззренческом плане толерантность – это особый принцип построения личностью своей картины мира, в основе которой лежат понимание множественности и многообразия бытия, признание неизбежности факта существования и необходимости сосуществования различий. Толерантность базируется на особой стратегии взаимодействия – диалоге, который способствует соединению ценности личности и общечеловеческой солидарности. Именно воспитание человека, открытого к диалогу, становится всеобщей важнейшей задачей современных образовательных систем (образовательных парадигм), ибо это, на наш взгляд, наиболее естественный и полноценный способ бытия человека как личности.

Примечания

- ¹ Yovel Y. Tolerance As Groce And as Right // La tolérance aujourd'hui (Analyses philosophiques). Document de travail pour le XIX Congrès mondial de philosophie (Moscou, 22–28 août 1993). P., 1993. P. 115–116.
- ² Декларация принципов толерантности // Век толерантности. 2001. № 1. С. 62.
- ³ Проблеме «понимания» посвящена обширная литература (см.: Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 186).
- ⁴ Dilthey W. Dilthey W. Gesammelte Schriften : 26 Bd. Bd. 5. Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens. Halfel. Abhandlungen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. Stuttgart, 1957. XVII, 442 s.
- ⁵ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 56.
- ⁶ Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. С. 232.
- ⁷ Сепир Э. Язык и среда // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 84.
- ⁸ Там же. С. 86.
- ⁹ Там же. С. 93.
- ¹⁰ Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура (Идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей : человек в истории. М., 1989. С. 21–59.
- ¹¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. СПб., 2000. С. 208.

сферы, таким образом, нуждается в изменении структуры вся сложившаяся институциональная система. Проблемы, возникающие в этом поле, приобретают социально-этическую окраску.

Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая» (а 12-33-09003).

Примечания

- ¹ См.: Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2006. С. 158.
- ² См.: Козловски П. Постулаты экономической этики. СПб., 1999.
- ³ См.: Fung Yeou-Lan. Chinese Philosophy and a Future World Philosophy // The Philosophical Review. 2006.

№ 57. Р. 18–78.

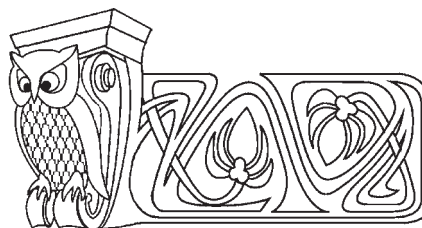
- ⁴ Ibid. Р. 21.
- ⁵ Ibid. Р. 24.
- ⁶ Ibid. Р. 39.
- ⁷ Ibid. Р. 42.
- ⁸ Ibid. Р. 44.
- ⁹ Цит. по: Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Этика устойчивого развития в информационную эпоху. Улан-Удэ, 2002. С. 56–60.
- ¹⁰ Fung Yeou-Lan. Op. cit. Р. 51.
- ¹¹ Ibid. Р. 38.
- ¹² См.: Козловски П. Указ. соч. С. 60–71.
- ¹³ Там же. С. 76.
- ¹⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁵ Там же. С. 71–74.
- ¹⁶ Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов, 2008. С. 184.

УДК 316.3

МОРАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

А. И. Парфёнов

Саратовский государственный университет
E-mail: anteater1@yandex.ru

Общество должно располагать эффективными средствами регуляции поведения индивидов, оно использует мораль как универсальную систему принуждения. Мораль является средством социализации, демаркации социальных и асоциальных элементов и наказания. Понятиями, используемыми для идентификации социально неприемлемых действий, служат непристойность, стыд, вина, позор. Их содержание определяется социальными нормами, актуальными в определённом культурном контексте.

Ключевые слова: мораль, общество, насилие, вина, позор.

The Moral Regulation as a Form of Social Violence

A. I. Parfenov

Society should get effective instrument of regulation of individuals' behavior. Society uses morality as a universal system of compulsion. Morality is also used as an instrument of socialization and demarcation between social and asocial elements, and as an instrument of punishment. Concepts used to identify socially unacceptable actions are: obscenity, shame, guilt. The content of these concepts is determined by social norms relevant in the specific cultural context.

Key words: morality, society, violence, shame, guilt.

Общество нуждается в эффективных средствах регуляции поведения индивидов, кроме правовой и всегда сопутствующей ей пенитен-

циарной систем общество использует мораль как универсальную систему принуждения, средство воспитания – социализации – и демаркации социально-полезных и социально-опасных субъектов, в качестве средства наказания. Одним из моральных понятий, используемых для идентификации социально неприемлемых действий, является понятие «непристойность».

Данное понятие всегда социально, его содержание определяется общественными нормами, актуальными в определённом культурном контексте, моралью, религией. Ни один объект, ни одно действие не могут быть непристойны сами по себе: другими словами, никакой «непристойности» в онтологическом смысле не существует. Она возникает как результат восприятия, формируется в пространстве коммуникации между сознанием и предметом созерцания, который определяется нашим взглядом в качестве «непристойного» или «пристойного». Когда мы определяем что-либо как «непристойное», то не высказываем «свою» точку зрения, мы занимаем позицию анонимного наблюдателя – носителя моральных критериев, обобщённого социального субъекта. Таким образом, понятие непристойности интерсубъективно, оно ассоциирует субъекта

с другим, причём в качестве «другого» выступает нормативная структура социального поля.

Предикат непристойности – форма отрицания, характеристика социально неприемлемого, непривычного, выходящего за рамки общепринятого, это средство дискредитации, контроля и уничтожения. Маркировка чего-либо как непристойного – одно из средств манипулирования сознанием толпы, которая готова растерзать любого объявленного её врагом. Моральное негодование – чувство, рождённое из зависти, – источник иррациональной ненависти, придающей толпе импульс движения, превращающей толпу либо в охранителя существующего социального порядка, либо в его разрушителя. Никакая власть не может обойтись без непристойности, она продуцирует её, затем «борется» с ней и в результате сливается с ней в гомеостазе.

Любая политика может быть определена как «непристойность» не всегда в силу своего содержания, но в силу своей репрезентации, зачастую порнографически вульгарной. Политическая пропаганда, агитация, всё, что именуется сегодня модным словом PR, воспринимается в обществе именно как непристойность, как свидетельство «потери стыда». Несостоятельность дихотомий тоталитаризма и демократии, подавления и освобождения, эротики и порнографии, в которых мы мыслим, заставляет обратиться к прояснению смысла данных словесных конструкций в их отношении к феноменальному полю социально-политической реальности.

Особенно эффективна моральная регуляция в обществе традиционного типа, которое продуцирует предельно ясные представления о моральном и аморальном, о достойном и непристойном. Представления такого рода фундируются религиозными табу, строго иерархической системой власти, которой соответствует иерархия моральных ценностей, а каждое сословие располагает собственными моральными стандартами. Примеров экзистенциального единения насилия и позора бесконечно много, символом такого единения можно считать наказание у позорного столба. Человек, подвергшийся публичному позору, ставший объектом глумления толпы, уже не может после экзекуции восстановить прежнюю социальную идентичность и претендовать на уважение в обществе. Это своего рода обряд, переводящий его на более низкую социальную ступень, а иной раз даже «расчеловечивающий». Этот путь в низ социальной иерархии или за её пределы, как правило, односторонен: пути назад нет. «Опозоренный» получает клеймо на всю оставшуюся жизнь, отчуждается от прав, принятых в той общности, которая отвергла его как чужеродный элемент.

В современной юридической психологии существует понятие, определяющее предрас-

положенность человека к тому, чтобы оказаться объектом насилия, – виктимность. Прежде всего это потенциальные жертвы насильственных действий, те кто когда-либо подвергались насилию, особенно со стороны знакомых (статистика свидетельствует, что наибольшее количество женщин подвергается насилию не злодеями, подло нападшими из-за угла, а приятелями, не вызывавшими подозрений, до определённого момента не проявлявшими к пострадавшим сексуального интереса). Пострадавшие от насилия знакомых чаще сталкиваются с негативным отношением окружающих, испытывают чувства вины и стыда за то, что не сумели предвидеть опасности, их чаще обвиняют в «ненадежном» поведении. Состояние жертвы в таких случаях усугубляется фактом злоупотребления ее доверием.

Комплекс жертвы усиливается, когда факт насилия становится предметом массового обсуждения (и осуждения) в обществе, когда потерпевшая сторона становится объектом жалости, зачастую ещё более унижительной, чем само насилие. Смирение, осуждение и сострадание вызывают негативный эффект: жертва придаёт случившемуся всё большее значение, «трогательное» внимание близких может оказаться утончённым издевательством, третированием пострадавшей личности. Социальный прессинг усиливает в сознании жертвы иррациональное чувство стыда. Эмоция стыда – это, с одной стороны, совокупность негативных сосудисто-вегетативных реакций, а с другой – следствие общественных установлений и идеологии. Но главным образом это один из психических механизмов, через которые общество воздействует на индивида. Стыд всегда сопровождается лишением личности социального авторитета, угрозой исключения из числа «своих».

Стыд становится неотъемлемым атрибутом психической ущербности жертвы как личности, наиболее подверженной манипулированию посредством социальных установлений. Воздействуя на эмоцию стыда, субъекты власти любого сегмента социума стремятся контролировать поведение личности, жёстко привязывая её к существующему социальному порядку. «Стыдливость» в аспекте социальных функций – то же самое, что и виктимность, это предикат потенциальной жертвы, и в первую очередь социального насилия – насилия подавления. Таким образом, одним из эффективных средств социально-психологического насилия оказывается «побуждение к стыду».

Понятия вины и стыда невозможно противопоставить. Даже если признать чувство вины связанным с переживанием личностью своего несоответствия Я-идеалу, необходимо помнить, что идеальной образ себя, как и идентичность вообще, формируется на интересубъективном

социальном уровне через соотнесение своего Я с Другим. И вина, и стыд, и позор – чувства социальные. Они негативны и вредны для психологического здоровья. Провозглашать их панацеей нравственности и социальной ликвидности по меньшей мере негуманно. Воспитывать в человеке чувство вины – то же самое, что поддерживать в его организме высокую концентрацию вредных веществ с тем, чтобы его самочувствие было как можно более дискомфортным.

Общество, принуждающее личность к осознанию вины и стыду, стремится воспитать её, социализировать, побудить к соблюдению порядка, но вместе с тем запускает механизм психологического сопротивления, выраженный в получении удовольствия от морального унижения. Ещё З. Фрейд определил данный феномен как «моральный мазохизм». Далёкий от метафизики нравственности, Фрейд отождествлял чувство вины и «потребность в наказании» (желание стать жертвой насилия). Сверх-Я – действующая в Я совесть – суровый палач по отношению к Я. Садизм совести и мазохизм Я прекрасно дополняют друг друга. Казалось бы, налицо механизм морального подавления влечений – вина, стыд как орудия садистствующей совести заставляют личность отказываться от асоциальных желаний. Но на самом деле всё иначе: мораль оказывается самым эффективным инструментом производства асоциальных желаний, в первую очередь эротических. «Через моральный мазохизм мораль вновь сексуализируется»¹.

В реальности людей, способных получать удовольствие от насилия и унижения, немного, напротив, в большинстве своём они испытывают панический страх перед возможностью быть униженными через социальное отчуждение. Наиболее тяжким социальным запретом, лишением в числе прочих является запрет на инаковость: человек, насильственно перестающий быть «таким как все», отмеченный клеймом позора, становится чуждым той тождественности, к которой стремится всякий субъект, интегрированный в культуру. Пресловутая культурная идентичность становится инструментом насилия, средством идентификации «своих» и «чужих». «Если насилие порождается угнетением, то ненависть зарождается, когда человека отправляют на помойку»². Отчуждение и унижение позором действительно рождают в человеке иррациональное чувство ненависти. В этом случае отчуждённый субъект не исправляется, а напротив, становится социально опасным, «отчаянным», способным на несимметричное применение насилия.

Так, жертва социальной обструкции, которой не удалось сохранить путей к ресоциализации, к восстановлению своего утраченного социального статуса, сама становится источником угрозы. Не секрет, что индивиды, подвергавшиеся уни-

жениям в структуре таких социальных тел, как школа, армия, тюрьма и т. п. и низводившиеся на маргинальный уровень «изгоя», «опущенного», склонны компенсировать свой позор посредством насилия над более слабыми (как правило, женщинами и детьми). Жертва насилия в прошлом (или настоящем) стремится к воспроизводству новых жертв, сама совершая акты насилия. Боль и унижение другого могут стать средством психологической разрядки для того, кто недавно сам оказался в роли жертвы.

По той же схеме формируется «агрессия морального осуждения» как одна из форм насилия: не секрет что большинство «борцов за нравственность» – люди глубоко порочные, испытывающие на этой почве комплекс неполноценности. Моральное осуждение – форма психологической защиты людей уязвимых в силу тех или иных обстоятельств: старый ненавидит молодого, больной здорового; старая дева ненавидит мужчин, а импотент – супружескую неверность. Не счесть, сколько преступлений люди творили во имя нравственности. Нельзя не привести слова Б. Рассела, написанные им о защитниках традиционной морали: «Для них ценность морали в узаконивании их собственного желания причинять другим людям боль <...> чтобы сделать приятное этим моралистам, миллионы человеческих существ обречены на жизнь столь мучительную, что лучше было бы им вовсе не появляться на свет»³. Моральный садизм как наиболее жестокая форма насилия продуцирует бесчисленное множество «жертв» морального остракизма.

Агрессия морального осуждения великолепно исследована В. Райхом, её сущность раскрывается в понятиях «эмоциональная чума» и «моральное помешательство» (*moral insanity*): «Организм, имеющий нарушения подвижности с рождения, сформировывает искусственные формы движения. Он хромает или пользуется костылями. Сходным образом индивид двигается по жизни при помощи того, что мы называем эмоциональной чумой, если присущие ему жизненные проявления с рождения подавлялись»⁴. Другими словами, к морализаторской истерии склонны люди неполноценные, сублимирующие собственную жизненную энергию в патологическую форму моральной ненависти. Но самое страшное, что моральное помешательство институализируется, находит прибежище в социальных институтах – органах управления, учебных заведениях или семьях. В результате человек деградирует, утверждая себя через пассивное и активное стремление к власти (самоутверждение посредством насилия представляется многим самоочевидной мыслью, простейшим путем ко всякому благу кажется именно путь к власти⁵), партийную жизнь, садистские методы воспитания, мазохистскую терпимость к подобным

методам или восстание против них, переходящее в преступление, слухи и клевету, бюрократию, идеологию агрессии и т. д.

Чем выше в обществе уровень морализаторства (морального насилия), тем сильнее это общество актуализирует деструктивные импульсы человеческой природы, порождая насильников, маньяков, извращенцев и прочие социально опасные элементы. Морализаторство, как правило, используется для маскировки аморального поведения: за притворной маской проповедника «высоких моральных стандартов» зачастую скрывается чудовище.

Казалось бы, в современном обществе традиционные моральные ценности девальвировались, но антимораль – тоже мораль, если не содержательно, то структурно, да и механизм психологической «привязки» такой же, аналогичны и идентификация себя с некими моральными / аморальными авторитетами, и следование поведенческим стереотипам. Если субъект привязан к стандартам той или иной субкультуры и морально зависим от «значимых других», то он неизбежно соотносит свои действия с некими нормами, пусть даже они противоречат традиционной морали. В любом случае попадание в моральную зависимость сродни наркомании, оно практически не оставляет человеку шансов на личную свободу, низводит его до уровня жертвы. Морально человек может зависеть от конкретных людей, от норм поведения, от моды и т. п. Так называемое стадное чувство особенно ярко характеризует механизм моральной зависимости.

Утрата индивидуальности через идентификацию своего Я с идеальным образом морального авторитета – верный путь к превращению в подобие растения, которое в большей мере зависит не от собственной воли к жизни, а от тех веществ, которые находятся в почве. Большинство людей, в особенности молодых, вполне осознанно избирают этот путь, отдавая свою жизнь на произвол внешней социальной детерминации и не делая ничего для собственного развития. Но утрата индивидом цельности своей природы, вернее, неспособность её обретения «расшатывает» структуру его психики, превращает его самого в «болезнь». Такой человек беззащитен перед реальностью, единственное, что ему остаётся, – это лгать самому себе, измышляя ложь свободы, морали, любви, благополучия. Материальное благополучие особенно эфемерно, но именно оно определяет сегодня «состоятельность» человека в глазах толпы.

Жизнь неизбежно разрушает иллюзии, в результате больших и малых разочарований, преследующих человека каждодневно, он начинает чувствовать себя жертвой и стыдится этого: стыдно быть «неудачником» в обществе, возводящем материальное благополучие и «успех» в ранг

важнейшей «моральной» ценности. В результате молодой человек или девушка, только входящие в социальную жизнь, оказываются под тяжестью собственных комплексов и неврозов. Люди могут не быть жертвами каких-то определённых насильственных действий, но быть представителями социального типа «жертвы». Они становятся таковыми в нездоровом социальном контексте, в силу своей «заброшенности», ненужности, невостребованности, бесперспективности и т. д.

Сегодня всё чаще люди становятся жертвами насилия и даже не догадываются об этом. Попадая в моральную зависимость от кого-либо (будь то индивидум или общность), жертва редко отдаёт себе в этом отчёт. Другое дело – зависимость материальная, хотя обычно они связаны. Более того, многие инстинктивно стремятся попасть в зависимость, упрощая механику принятия решения в той или иной ситуации: эта «страсть» к зависимости определяется колоссальным дефицитом общения, с которым сталкивается современный человек. Экзистенциально стремясь к коммуникации со «значимыми другими», человек в определённый момент оказывается в коммуникативном «коллапсе» и, стремясь преодолеть его, готов признать «близких людей» в ком угодно. Естественно, в этом случае велика вероятность того, что его будут эксплуатировать, принуждать к чему-либо, не встречая никакого сопротивления. Напротив, жертва будет признательна за оказанное «внимание», за ощущение «нужности» (кому-либо), «пригодности» (для чего-либо), переживая иллюзию «настоящего человеческого счастья».

«Привязанность» к определённому человеку, к идее, к повседневным практикам или, напротив, перманентное желание всё изменить в равной степени присущи человеческому существованию, в своих крайних проявлениях это свидетельствует об утрате человеком своей самости и об отчаянной попытке найти идентичность, зачастую в ущерб собственному Я. Это относится не только к личностям, но и к общностям: профессиональным, религиозным, этническим, политическим и т. д. «Комплекс жертвы» испытывают целые нации, а их элиты тем временем пытаются заработать на этом максимальный политический и экономический капитал. Афроамериканец заявляет о дискриминации не потому, что она коснулась его лично, но потому, что «угнетённость» – предикат его расы. Компенсировать позор угнетения он стремится, акцентируя внимание на негативных последствиях насилия, учинённого над его соплеменниками задолго до его рождения белыми угнетателями. Он – «жертва» номинально, но это его выбор, не будь он «жертвой», он не получал бы льгот и пособий. В обществе, построенном на принципах «толерантности», жертвой быть выгодно.

Примечания

- ¹ Фрейд З. Экономическая проблема мазохизма // Венера в мехах. М., 1992. С. 363.
- ² Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос 1991–2005. Избранное : в 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 437.

- ³ Рассел Б. Во что я верю // Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С. 78.
- ⁴ Райх В. Характероанализ: Техника и основные положения для обучающихся и практикующих аналитиков. М., 1999. С. 404.
- ⁵ Адлер А. Мотив власти // Адлер А. Наука жить. Киев, 1997. С. 235–241.

УДК 316

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА ПОНИМАНИЯ

Л. С. Перевозчикова

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
E-mail: perevozch@vgasu.vrn.ru

В статье раскрывается содержание эпистемологической процедуры понимания в межкультурном взаимодействии, проясняются когнитивные механизмы толерантности.

Ключевые слова: толерантность, понимание, эпистемологическая процедура понимания, межкультурное взаимодействие.

Tolerance in the Intercultural Interaction: Epistemological Procedure of Reading

L. S. Perevozchikova

The content of the epistemological procedure of reading in the intercultural interaction is developed in the given paper, and cognitive mechanism of tolerance is revealed.

Key words: tolerance, reading, interpretation, epistemological understanding of the procedure intercultural interaction.

В эпоху глобализации, изменившей условия межкультурного взаимодействия, проблема понимания и восприятия – диалога культур – приобретает особую актуальность. В современном мире, благодаря коммуникационным технологиям и росту социальной мобильности, увеличивается плотность межличностных, межгрупповых и международных отношений. Сегодня возникает настоятельная необходимость включения в сферу коммуникации устойчивых механизмов взаимодействия без отторжения, вражды, ненависти и насилия. В связи с этим воспитание толерантности как основы межсубъектного взаимодействия в межкультурных коммуникациях становится важнейшей проблемой.

Понятие «толерантность» многозначно. Оно характеризует и качество личности, и моральное правило, и принципы деятельности и отношений между индивидами. Толерантность как качество

личности выражает способность индивида к договоренностям, склонность к доброжелательности, доброте, уважению к инакомыслию. Как моральное правило она означает требование исполнения всеобщего нравственного закона, согласно которому к человеку следует относиться как к цели и высшей ценности, а не как к средству. Как принцип деятельности и поведения она указывает на признание множественности равноценных позиций и равенства прав других, согласование и примирение интересов. Толерантность как принцип отношений между индивидами характеризует стремление к взаимопониманию, сотрудничеству, диалогу и компромиссу.

В философском плане принцип толерантности в концентрированном виде содержит идею позитивного восприятия инаковости и многообразия, признания тождества вопреки различиям. По мнению И. Иовеля, она представляет «способность признать человеческое в других как отзвук и отклик человеческой сущности в нас самих. Это не должно истолковываться ни как сочувствие, ни как близкие личные отношения <...> наоборот, толерантность присутствует, когда обе стороны чужды друг другу во всех личных и эмоциональных отношениях, и, однако, я способен признать в других что-то основное <...> что относится не к моим особым качествам или свойствам, а относится к моему существованию»¹.

В самом общем смысле толерантность – это основанная на ценностных ориентациях готовность субъекта к осознанным личностным действиям, направленным на выстраивание отношений с представителями иной социальной, нравственной, культурной среды на конструктивной основе, на достижение гуманистических

у нас не возникло бы визуального впечатления причинной связи, хотя она есть, потому что здесь нет механического воздействия мяча на свет.

Баттерфилл утверждает, что мы видим каузальные связи не так, как мы видим форму объектов. Восприятие формы объекта – это способ осознания его формы. Восприятие каузальных связей не является способом осознания причинного взаимодействия⁶. Он ссылается на длительный разрыв между категориальным восприятием каузального взаимодействия и появлением способности к рассуждению. Дети воспринимают каузальное взаимодействие с девяти месяцев, а способность составить суждение о каузальной связи у них возникает в 2,5–3 года. Однако такой же разрыв между восприятием и осознанием,

возможно, существует и в восприятии формы. Поэтому, скорее, мы видим каузальные связи так же, как мы видим форму объекта.

Примечания

- ¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. : в 2 т. М., 1966, Т.1. С.173.
- ² Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М., 1995. С.101–103.
- ³ Siegel S. The Visual Experience of Causation // *Philosophical Quarterly*. 2009. № 59(236). P. 2.
- ⁴ См.: Butterfill S. Seeing causes and hearing gestures // *Ibid*. P. 410.
- ⁵ Siegel S. *Op. cit.* P. 20.
- ⁶ Butterfill S. *Op. cit.* P. 427.

УДК 316.4

ДИНАМИКА ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СТРАТЕГИИ ЕВРОПЫ И КИТАЯ

М. О. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Тесная связь между экономической, культурной и политической сферами Америки, Европы и Китая приводит к тому, что малейшие кризисные ситуации, возникшие в одной из этих областей, объективно сказываются и на других, поэтому требуются грамотное управление, социальный контракт, роль которого сейчас выполняют принципы социально ориентированного государства. Позитивное значение в этом отношении приобретает и поиск оптимальных моделей дискурсивной регуляции глобальной трансформации.

Ключевые слова: социокультурные отношения и экономика Европы и Китая, глобализация, социальная динамика, социокультурные изменения.

Dynamics of Globalizing Economy in Discursive Management Context: European and Chinese Strategies

М. О. Orlov

Close connection between economic, cultural and political sphere of America, Europe and China leads to situation that the slightest crisis in one of these areas objectively affects the others. Competent management, the social contract which role is carried out now by principles of the socially-focused state therefore is required. Positive value for that matter gets also searching of optimum models of discursive regulation of global transformations.

Keywords: sociocultural relations and economy of Europe and China, globalization, social dynamics, social and cultural changes.

Экономические условия оказывают прямое воздействие на политическую сферу социума. Политика определяет стремления и действия людей в соответствии с их материальными потребностями и интересами. Она выполняет лишь организационную и структурирующую функцию. Очевидно, что экономически господствующий класс обладает одновременно и политическим господством. Сегодня социальная динамика глобальных процессов напрямую связана с капитализмом, с его западноевропейской моделью, что актуализирует ценность социальной справедливости и равноправия как на индивидуальном, так и на институциональном уровне.

В пространстве современной философии практически без внимания и полноценной рефлексии оказывается такая ведущая сфера социальной деятельности как экономика, а такая область знания как философия экономики не имеет должного развития и очевидных перспектив. В современных условиях ее категориальный аппарат, предметная область крайне сузились. Философия экономики была сведена к уровню экономической теории. Современная экономика превратилась в набор неких стандартных функций и правил, по которым должна действовать вся мировая обще-

ственность. Экономические стратегии ограничиваются сейчас лишь «сложением и вычитанием». Такое плачевное состояние особо ощутимо в условиях перестройки социальной системы. Экономика, как и политика и идеология, есть неотъемлемая область культуры и, следовательно, она имеет самое непосредственное отношение к вопросам этики, политики и социальной философии. Обсуждение и решение фундаментальных экономических проблем должно происходить в купе с актуальными философскими и культурологическими вопросами.

Зарождение экономики как науки произошло не без влияния этики и философии. Адам Смит, признанная фигура в экономической сфере, связывал экономику с индивидуальными и коллективными поведенческими стратегиями, целью которых было достижение благосостояния наций. В. Б. Устьянцев осуществляет рефлексию экономической сферы сквозь призму рискологической проблематики: появление системных экономических рисков сегодня актуализирует связь экономики и этики¹. Недостаток мировых ресурсов заставляет общественность находить точки соприкосновения между экономикой и моралью. Рыночные отношения, которые чаще всего сводятся к процессам обмена и взаимодействия производителя, посредника и потребителя, прекрасно укладываются в понятийное поле дискурсивного управления, в котором принцип универсальной взаимности играет главенствующую роль. П. Козловски рассматривает рыночную систему в экономике неотрывно от демократической составляющей. Он констатирует, что рынок и демократия являются по своим социально-онтологическим свойствам, во-первых, индивидуалистическими, а во-вторых, дискурсивными институтами формирования решений, где решения принимаются согласно выражению воли потребителя либо избирателя².

Китайский философ Фунг Йео-Лян также разрабатывал возможность применения этических принципов в анализе экономической коммуникации³. Основным направлением его научных изысканий является разработка в социоэкономическом и неоконфуцианском поле концепции «коммуникативного этически ориентированного кодекса предпринимательства», в котором провозглашается приоритет ценностной рациональности перед системной и стратегической⁴. Здесь перед нами попытка китайского философа отказаться от западноевропейской модели «человека экономического», которая сейчас безраздельно господствует в экономической теории. Согласно Фунг Йео-Ляну, функция управления сводится к созданию социальных условий в экономической сфере, с помощью которых станет возможным создание экономических дискурсов без каких-либо видимых препятствий, а значит, будет

осуществлен конструктивный экономический диалог. В результате этих действий предполагаются существенное повышение эффективности экономики и реализация принципа экономической справедливости. Достигнуть этого можно путем создания политико-экономического сообщества согласования и понимания, где представлены не только непосредственные участники сделки, но и все стороны, ею затрагиваемые. Сообщество согласования выполняет регулятивную функцию. Китайский философ строит модель предпосылок сообщества согласования. Первая ступень установления коммуникативной рациональности – это учреждение нормативного фундамента, далее – «процедуры согласования» в форме заключения общественно-экономической социальной конвенции и принятия основополагающего предпринимательского кодекса, который, в свою очередь, будет реализовываться в деятельности конкретных общественных институтов⁵.

Затрагивая проблему соотношения жизненного мира человека и системы общества, их взаимодействия, он предлагает использовать в ее решении традиционные принципы конфуцианства, согласно которым нельзя осуществлять эксплуатацию жизненного мира. А последнее происходит из-за господства в современном мире всепроникающих системных закономерностей, усложнения социальной структуры, отхода общества от функциональных структур экономики. Нужно учитывать, что динамика экономической сферы вплетена в пространство жизненного мира. Восстановить должный порядок можно только путем провозглашения и реализации идеи консенсуального управления⁶.

Итак, дискурсивный подход в экономике сводится к идее, что в процессе обсуждения и реализации важных экономических решений должны принимать участие все заинтересованные стороны. С помощью глобализации же необходимо преодолеть те территориальные и правовые границы, которые мешают достижению сообществом коммуникативного идеала. Периферийные капиталистические страны требуют признания своего права на достижения того же экономического уровня, что и развитые. В связи с этим возникла мысль о необходимости новой парадигмы мышления. Существующее ранее концептуальное представление о частной собственности также должно быть изменено. Собственность – динамический институт, в котором происходит аккумуляция совокупности прав распоряжения социальными благами⁷. Концепция частной собственности реализует в себе все распорядительные права, которыми может обладать индивидуальный субъект. Фунг Йео-Лян обращает внимание на возможность возникновения внешних эффектов при производстве материальных благ. Недостаток

либерального устройства социума заключается в том, что в его рамках экономика рассматривается как замкнутая система, в которой внешние эффекты практически не учитываются. Между тем при возникновении последних мы можем констатировать, что происходит интервенция общества в сферу частной собственности, что чаще всего выливается в государственный интервенционизм⁸.

В условиях глобализации меняется структура института частной собственности. Китайский социолог Ли Лушэн также занимается исследованием изменения понятия «частная собственность», которое является одним из ключевых в экономической науке. Сегодня отчетливо видны разделение собственности и распоряжение ею. В крупных компаниях функцию распоряжения и управления наличными ресурсами выполняет группа профессиональных менеджеров. Роль же собственника ограничивается предоставлением необходимых ресурсов и распределением прибыли. Ограничение прав собственности происходит посредством правовой регуляции, если интересы собственника затрагивают интересы сообщества. Либеральная модель общественного устройства, настаивающая на полном совпадении прав собственности и прав распоряжения, препятствует расширению группы участников диалога по поводу негативных последствий материального производства. Частное право здесь обладает такой характеристикой, как эксклюзивность, четко указывающая на рамки, за которыми должна находиться общественность, даже если затрагиваемые проблемы касаются блага всего человечества. Эксклюзивное качество частной собственности можно преодолеть в источнике ее происхождения только в том случае, если из самого факта ее использования как данности будет следовать коммуникативное право⁹.

Для того чтобы границы частной собственности не оказывали негативного влияния на процесс решения проблем мирового масштаба, необходимо налаживание совершенно особого процесса коммуникации, при котором наличие частной собственности является условием участия в этом процессе. Достигнуть этого можно в результате нейтрализации капитала, что означает лишение собственника эксклюзивного права распоряжаться своей собственностью¹⁰. Посткласическая социально-философская парадигма, в рамках которой возвращается к жизни умеренная социалистическая программа, дает возможность собственнику иметь право присвоения прибыли, однако реальное управление остается в руках общественности. Таким образом, реализуется идея этико-политического коммуникативного сообщества. «Нейтрализация» капитала снимает реальную угрозу интервенционизма государства. Эта модель, при которой собственностью могут

управлять все заинтересованные, возможна, по мнению Фунг Йео-Ляна, только при наличии демократической формы правления¹¹.

Развитие частной собственности, ее эксклюзивность не лучшим образом сказываются на способах достижения идеального коммуникативного сообщества, экономической справедливости, поэтому сегодня так остро ощутима потребность в эффективных социально-управленческих программах, которые могут поставить надежный заслон стихийным действиям владельцев частной собственности. Реализация программы нейтрализации капитала создает благоприятную обстановку для утверждения коммуникативной рациональности. Однако в рамках концепции, которую разработал Фунг Йео-Лян, нет необходимой дифференциации экономической и политической систем и сопротивления идее подчинения экономической сферы политической. Лейтмотивом его теории является обобществление производства, что с полным правом можно назвать утопизмом. Ученый не учитывает прагматических интенций экономической системы, тем самым исключая из поля зрения принцип дискурсивного управления. *Дискурсивно-этическое вмешательство в процесс социальной динамики экономических институтов прежде всего осуществляется на уровне конституирования системы правил и возникновения формального рыночного порядка, в то время как сами решения и действия акторов экономической сферы должны оставаться целерациональными и стратегическими.*

Отметим, что более эффективным является проект дискурсивного управления, в рамках которого можно свести к минимуму элементы утопизма дискурсивной этики. Прежде чем подвергать перестройке институциональную сферу в соответствии с коммуникативными идеалами, более рационально выявить дискурсивный потенциал в существующих институтах рынка¹². Политическая регуляция уступает место дискурсивной, которая, по словам П. Козловски, в отличие от политической, способна охватить всех тех, кто заинтересован в процессе принятия и реализации решений¹³. К примеру, экономический обмен основан на взаимной договоренности и согласии потребителя приобрести тот или иной вид товара. Демократические же решения неминуемо предполагают подчинение меньшинства воле большинства даже вопреки интересам первого. Далее экономическая концепция маркетинга предполагает ведение такого рода деятельности, в результате которой происходит изменение продукта согласно требованиям потребителей. Демократические выборы создают продукт, который нельзя адаптировать к сложившимся требованиям «потребителя», так как они появились позднее. Таким образом, в демократической системе от-

сутствует эффективная обратная связь, наличествующая в маркетинге. В пространстве рынка существует множество локальных дискурсов – демократические выборы не предполагают этого, так как важно согласование воли всех. Опираясь на вышесказанное, нетрудно сделать вывод, что рынок безусловно обладает своим дискурсивным потенциалом. Например, Дж. Бьюкенен определял его как систему пропорциональной репрезентационной деятельности, которая однозначно является эффективной. Посредством дискурсивного взгляда на социальную реальность мы можем выявить в ней признаки универсальности и гетерогенности ее сегментов. Природа экономических дискурсов отлична от политических: здесь не предполагается сопротивления, неотъемлемого от коммуникации политической сферы. Прагматизм купли-продажи предполагает свободное неконфликтное волеизъявление продавца и покупателя.

Фунг Йео-Лян пытается реабилитировать критикуемую Марксом идею нейтрализации капитала, основанную на теории «примитивного коммунизма». В связи с этим способы регулирования экономики китайский философ предлагает исключительно политические, которые при определенных обстоятельствах могут приобретать насильственную форму. Близость концепций подтверждает практика социализма, когда отсутствие у работника частной собственности не позволяло ему стать полноправным участником коммуникации и фактически превращало его в вид трудовых ресурсов. В то же время китайский философ не принимает во внимание интенциональной природы коммуникации.

Эффективность экономических дискурсов заключена и в их дешевизне: затраты на осуществление коммуникации входят в расчет трансакций. Заметным недостатком коммуникативной теории является недостаточное внимание к величине стоимости дискурсов. Но нельзя забывать, что эта стоимость является важнейшим элементом исследования факторов реализации коммуникативного сообщества. Установлено, что расходы на принятие и реализацию решений будут наименьшими при реализации ценностной максимы – включения в коммуникативное пространство квалифицированного большинства. Это – стратегический синтез единогласия и диктатуры¹⁴.

Недостаточная финансовая поддержка становится причиной исключения огромного числа потребителей из экономического процесса, однако и в развитых странах, где создается и культивируется «общество благосостояния», предметы роскоши также оказываются исключаемыми из рынка¹⁵. В этих тенденциях видно дискурсивное действие коммуникативного сообщества – массовый спрос доминирует над эксклюзивным.

Таким образом, массовый спрос систематизирует общественные стандарты, формирует направления развития рыночных отношений и производства, это важный элемент динамики глобализирующейся экономики.

Кроме того, рыночные дискурсы имеют эффективно репрессивный характер, конституируют следующие тенденции социально-экономической динамики. Во-первых, происходит стандартизация потребления товаров массового спроса; эксклюзивная и индивидуальная продукция сдает свои позиции. Методологически оправданным является утверждение С. Тихоновой, что «символический характер потребления предполагает, что оно способно влиять на социальные отношения и связи. Именно в этом качестве потребление попадает в фокус исследования философских наук»¹⁶. Во-вторых, с течением времени достигается предел для ориентиров экономического процесса и они становятся неактуальными. Вместе с тем появляется опасность, что интенция рынка будет определяться старшим поколением, невосприимчивым к новым веяниям. В-третьих, в условиях рынка принцип удовольствия доминирует над принципом реальности. В экономическом дискурсе теряется ценность солидарности: предпочтение здесь отдается индивидуализму. Дискурсы такого характера имеют четкую локализацию и не выходят на мировой масштаб политического дискурса. Это создает риск и опасность последствий «тирании эгалитарных решений», так как индивидуальные предпочтения и интересы далеко не всегда соответствуют коллективным решениям, воплощенным в жизнь. Бессистемные и маломасштабные действия на рынке часто приводят к явлениям, которые не могли быть спрогнозированы в данной ситуации.

В пространстве социальной динамики глобальных процессов риск принятия стихийных решений катастрофически возрастает, выражаясь в непредсказуемой реакции динамики глобальных рынков. Экономические дискурсы, которые действительно обладают многими положительными сторонами, неспособны составить достойную конкуренцию и стать заменой коммуникативному сообществу. В экономике как институциональной сфере очень четко работают законы системной и стратегической рациональности. Рынок также не подходит и на роль идеала коммуникативного общества. Глобализация в условиях экономики вызывает угрозу, что рынок потеряет способность к саморегуляции на локальном уровне, так как этот уровень исчезает. Перестройка экономической сферы под гнетом глобализации – довольно сложный процесс: здесь невозможно обойтись «разовой инъекцией». Кроме большой временной протяженности, этот процесс затрагивает буквально все слои экономической

сферы, таким образом, нуждается в изменении структуры вся сложившаяся институциональная система. Проблемы, возникающие в этом поле, приобретают социально-этическую окраску.

Публикация выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Духовно-нравственные основы межкультурного диалога России и Китая» (а 12-33-09003).

Примечания

- ¹ См.: Устьянцев В. Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2006. С. 158.
- ² См.: Козловски П. Постулаты экономической этики. СПб., 1999.
- ³ См.: Fung Yeou-Lan. Chinese Philosophy and a Future World Philosophy // The Philosophical Review. 2006.

№ 57. P. 18–78.

- ⁴ Ibid. P. 21.
- ⁵ Ibid. P. 24.
- ⁶ Ibid. P. 39.
- ⁷ Ibid. P. 42.
- ⁸ Ibid. P. 44.
- ⁹ Цит. по: Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Этика устойчивого развития в информационную эпоху. Улан-Удэ, 2002. С. 56–60.
- ¹⁰ Fung Yeou-Lan. Op. cit. P. 51.
- ¹¹ Ibid. P. 38.
- ¹² См.: Козловски П. Указ. соч. С. 60–71.
- ¹³ Там же. С. 76.
- ¹⁴ Там же. С. 56.
- ¹⁵ Там же. С. 71–74.
- ¹⁶ Тихонова С. В. Коммуникационные структуры социальной мифологии. Саратов, 2008. С. 184.

УДК 316.3

МОРАЛЬНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

А. И. Парфёнов

Саратовский государственный университет
E-mail: anteater1@yandex.ru

Общество должно располагать эффективными средствами регуляции поведения индивидов, оно использует мораль как универсальную систему принуждения. Мораль является средством социализации, демаркации социальных и асоциальных элементов и наказания. Понятиями, используемыми для идентификации социально неприемлемых действий, служат непристойность, стыд, вина, позор. Их содержание определяется социальными нормами, актуальными в определённом культурном контексте.

Ключевые слова: мораль, общество, насилие, вина, позор.

The Moral Regulation as a Form of Social Violence

A. I. Parfenov

Society should get effective instrument of regulation of individuals' behavior. Society uses morality as a universal system of compulsion. Morality is also used as an instrument of socialization and demarcation between social and asocial elements, and as an instrument of punishment. Concepts used to identify socially unacceptable actions are: obscenity, shame, guilt. The content of these concepts is determined by social norms relevant in the specific cultural context.

Key words: morality, society, violence, shame, guilt.

Общество нуждается в эффективных средствах регуляции поведения индивидов, кроме правовой и всегда сопутствующей ей пенитен-

циарной систем общество использует мораль как универсальную систему принуждения, средство воспитания – социализации – и демаркации социально-полезных и социально-опасных субъектов, в качестве средства наказания. Одним из моральных понятий, используемых для идентификации социально неприемлемых действий, является понятие «непристойность».

Данное понятие всегда социально, его содержание определяется общественными нормами, актуальными в определённом культурном контексте, моралью, религией. Ни один объект, ни одно действие не могут быть непристойны сами по себе: другими словами, никакой «непристойности» в онтологическом смысле не существует. Она возникает как результат восприятия, формируется в пространстве коммуникации между сознанием и предметом созерцания, который определяется нашим взглядом в качестве «непристойного» или «пристойного». Когда мы определяем что-либо как «непристойное», то не высказываем «свою» точку зрения, мы занимаем позицию анонимного наблюдателя – носителя моральных критериев, обобщённого социального субъекта. Таким образом, понятие непристойности интерсубъективно, оно ассоциирует субъекта

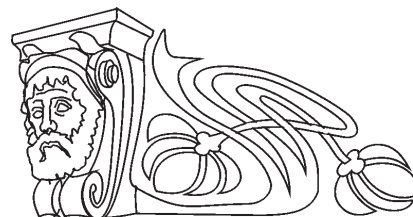
- никогда не создавал драматических ситуаций» (см.: Делёз Ж. Переговоры. СПб., 2004. С. 118).
- ³ См.: Малкина С. М. Проблема конца философии : логические аспекты // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика, вып. 2. С. 52–57.
 - ⁴ См.: Habermas J. Op. cit. P. 6.
 - ⁵ См.: Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопр. философии. 1992. № 4. С. 53–57.
 - ⁶ См.: Грицанов А. А. Трансцендентальный эмпиризм // История философии : энциклопедия. Минск, 2002. С. 1114–1115.
 - ⁷ Бадью А. Делёз. Шум бытия. М., 2004. С. 19–20.
 - ⁸ Делёз Ж. Логика смысла. М. ; Екатеринбург, 1998. С. 239.
 - ⁹ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М. ; СПб., 1998. С. 25.
 - ¹⁰ Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1997. С. 12.
 - ¹¹ Делёз Ж. Кино. М., 2004. С. 50–51.
 - ¹² Делёз Ж. Тысяча плато : капитализм и шизофрения. Екатеринбург ; М., 2010. С. 37.
 - ¹³ Делёз Ж. Фуко. М., 1998. С. 37.
 - ¹⁴ Badiou A. Being and Event. N.Y., 2005. P. 4.
 - ¹⁵ Запрет на существование множества всех множеств. Один из известных вариантов парадокса – вопрос об истинности утверждения жителя Крита, который говорит, что все критяне лжецы.
 - ¹⁶ $\forall a (a \neq \emptyset \rightarrow \exists b (b \in a \wedge a \cap b = \emptyset)$, где $a \cap b = \emptyset \Leftrightarrow \forall c (c \in b \rightarrow c \notin a)$ – «У каждого непустого множества есть элемент, пересечение которого с самим множеством пусто», или: «Не существует бесконечной последовательности вложенных множеств».
 - ¹⁷ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. М., 2004. С. 55.
 - ¹⁸ Там же. С. 58.
 - ¹⁹ Там же. С. 67.
 - ²⁰ Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1999. С. 26.
 - ²¹ Там же. С. 75.
 - ²² Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 2001. S. 240. По каким-то причинам данное предложение оказалось выпущенным из перевода В. В. Бибикина (см.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 240).
 - ²³ Derrida J. The gift of death. Chicago, 1995. P. 45.
 - ²⁴ Ibid. P. 51
 - ²⁵ Ibid. P. 60.

УДК 1.122

МОЖЕМ ЛИ МЫ ВИДЕТЬ ПРИЧИННУЮ СВЯЗЬ?

С. Ф. Нагуманова

Казанский государственный медицинский университет
E-mail: nagouman@mail.ru

Некоторые философы и психологи утверждают, что мы можем видеть причинную связь в определенных случаях. В статье на основе анализа взглядов Сюзанны Зигель и Стивена Баттерфилла делается предположение, что мы можем непосредственно видеть причинную связь только в случаях простых механических движений.

Ключевые слова: причинная связь, визуальное переживание, категориальное восприятие.

Can We See Causal Relation?

S. F. Nagumanova

Several philosophers and psychologists contend that we can see causal relation in some cases. In this article it is suggested – based on the analysis of Susanna Siegel and Steven Butterfill views – that we can see causal relation only in cases of simple mechanical movements.

Key words: causal relation, visual experience, categorical perception.

Бесспорно, мы не способны видеть многих причинных связей – например, мы не видим, как радиация воздействует на наш организм. Но можем ли мы видеть причинную связь в простых

случаях, например при столкновении бильярдных шаров? Известен отрицательный ответ Д. Юма: «Движение одного тела при столкновении считается причиной движения другого тела. Рассматривая же эти объекты с величайшим вниманием, мы видим только, что одно тело приближается к другому и что движение первого предшествует движению второго, причем, однако, перерыва [в движении] не замечается»¹. В другом сочинении он поясняет: «Когда человек впервые видит передачу движения путем толчка, например при столкновении двух бильярдных шаров, он не может заключить, что одно из этих явлений связано с другим, а решает только, что они соединены друг с другом; об их связи он заключает лишь после наблюдения нескольких однородных случаев. Но разве произошло какое-нибудь изменение, в силу которого в нем возникла эта новая идея связи? Никакого, если не считать того, что теперь он чувствует связь этих явлений в своем воображении и легко может предсказать существование одного при наличии другого. Итак, говоря, что один объ-

ект связан с другим, мы при этом подразумеваем только, что они оказались связанными в наших мыслях...»².

Согласно Юму, как можно судить по вышеприведенной цитате, когда человек чувствует причинную связь, он чувствует ее в своем воображении, но не видит непосредственно. Это чувство возникает в силу привычки, которая формируется на основе многих наблюдений однородных случаев.

Некоторые философы и психологи утверждают, что мы можем видеть причинную связь в определенных случаях. К ним, в частности, относятся Сюзанна Зигель и Стивен Баттерфилл. Анализируя их взгляды, мы предположили, что можем непосредственно видеть причинную связь только в случаях простых механических движений, в остальных же, когда явления воспринимаются как причинно связанные, мы непосредственно не видим такой связи, а домысливаем ее на основе многократного наблюдения сходных связей в прошлом или знания механизма действия.

В своей статье «Визуальное переживание причинной связи» С. Зигель выдвигает и защищает каузальный тезис: «Некоторые визуальные переживания репрезентируют каузальную связь»³. Чтобы сделать каузальный тезис максимально интересным (нетривиальным), Зигель обозначает, что следует считать переживаемой репрезентацией причинной связи (*experiential representation of causal relation*). Во-первых, она полагает, что убеждение в существовании причинной связи между двумя явлениями не является переживаемой репрезентацией. Если таковой является убеждение, то каузальный тезис становится тривиальным. Во-вторых, ученый отвергает позицию некоторых философов, придерживающихся точки зрения, что переживание есть соединение суждений и ощущений, причем суждение внутренне не связано ни с какой феноменологией, а ощущение – ни с какой репрезентацией причиной связи. Эта оговорка тоже понятна. В самом деле, если суждение о причинной связи никак не связано с феноменологией, то вряд ли такое переживание можно считать переживанием причинной связи. Есть еще одна трактовка переживания, которая тоже, на наш взгляд, делает каузальный тезис тривиальным: утверждается внутренняя связь сенсорного и когнитивного компонентов. Наконец, остается еще одна возможность трактовки переживания, которая сводит его только к сенсорному компоненту, и именно её придерживается Зигель. Но и в ней каузальный тезис является нетривиальным.

Зигель обращается к результатам исследований психолога А. Мишотта. Взрослым испытуемым демонстрировали симуляцию причинного взаимодействия, например как деревянный шар «толкает» световое пятно и приводит его в движение. Хотя испытуемые знали, что здесь нет при-

чинной связи, они описывали свои переживания в терминах этой связи. На этом основании Мишотт постулировал существование «впечатления причинной связи», т. е. такой репрезентации причинной связи, которая отличается от убеждения в существовании причинной связи. На основе проведенных многочисленных экспериментов психолог пришел к выводу, что восприятие причинности является таким же сенсорным фактом, как и восприятие цвета или звука, пространства или времени.

Зигель признает, что каузальный тезис вытекает из результатов Мишотта только в соединении с теоретической предпосылкой о том, как связаны переживания, убеждения и отчеты испытуемых. Если содержание переживания – это то, во что бы мы поверили, если бы полагались на свои знания о наблюдаемых вещах, то содержанием переживания участников эксперимента является определенный паттерн непрерывного движения шара и светового пятна. Если же содержание переживания – это то, во что бы мы поверили, взяв в скобки то, что знаем о природе наблюдаемых вещей, то содержание переживания было бы другим – шар является причиной движения светового пятна.

Поскольку результаты Мишотта совместимы с разными трактовками, Зигель прибегает к другой стратегии: она предлагает метод сравнения парных случаев, между которыми есть феноменальные различия. Что может объяснить это феноменальное различие наилучшим образом? Предположим, что во время игры мяч попадает в горшок с растением и после этого гаснет свет. Возможны два варианта: в одном случае может показаться, что между двумя событиями есть причинная связь, а в другом такого впечатления может не быть. С точки зрения каузального тезиса феноменальное различие между двумя вариантами объясняется тем, что в первом случае переживание репрезентирует причинную связь, а в другом – нет. Зигель считает, что каузальный тезис является наилучшим объяснением феноменального различия, что и доказывает его истинность.

С. Баттерфилл выдвигает следующие возражения против метода парных случаев, предложенного Зигель. Он неприменим к стимулам в экспериментах Мишотта. Для этого необходима такая пара случаев, чтобы в одном субъект видел, как шар толкает световое пятно (т. е. видел каузальную связь), а в другом тот же самый стимул воспринимался бы как одно движение, следующее за другим. Таких пар нет и не может быть, потому что в симуляции толкания характерная феноменология, которая описывается как каузальная, кажется навязанной.

Кроме того, указывает Баттерфилл, Зигель не различает феноменологию восприятия и феноменологию мышления. Возможно, когда мяч падает в

горшок и свет гаснет, мы *подумали*, что свет погас, потому что мяч попал в горшок⁴.

Зигель отвечает на традиционные возражения против каузального тезиса: причинная связь – это или контрфактическая зависимость, или передача энергии, или закономерная необходимая связь, в этом Юм совершенно прав. Ничто из этого не может быть репрезентировано в визуальном переживании. В ответ на это Зигель возражает: «Даже если некоторая черта X является свойством, которое и есть причинность согласно некоторой теории, и даже если эта теория верна, возможна репрезентация в переживании, что одна вещь является причиной другой, без репрезентации X в переживании»⁵.

Теоретически причинная связь является необходимой, необходимая связь действительно не может быть воспринята в чувственном опыте. В то же время можно согласиться с Зигель: возможна репрезентация в визуальном переживании, что одна вещь является причиной другой без репрезентации необходимой связи. Как это возможно, она не объясняет, но ответ на этот вопрос можно найти в статье Баттерфилла, который утверждает, что каузальное восприятие является формой категориального восприятия. Под «каузальными восприятиями» он понимает перцептуальные переживания (*perceptual experiences*), которые связаны с визуальными стимулами, включающими или имитирующими каузальное взаимодействие.

Баттерфилл развивает идеи Мишотта, исследовавшего условия, при которых у участников эксперимента возникает эффект толкания: относительную скорость движения двух объектов, задержку между движением первого и второго объекта, траекторию их движения. Его интересовало, почему именно при этих условиях возникает подобный эффект. Если окажется, что лучшим объяснением является утверждение, что мы видим каузальную связь, то это и будет доказательством данного утверждения.

Баттерфилл предлагает следующие аргументы:

- 1) каузальное восприятие является категориальным; существуют границы между категориями;
- 2) эти границы соответствуют определенным типам каузальных связей;
- 3) факты (1) и (2) нуждаются в объяснении;
- 4) лучшее объяснение этим фактам включает в себя утверждение, что объекты восприятия являются каузальным взаимодействием.

В обоснование первой посылки Баттерфилл приводит данные из исследований Мишотта. Характерной чертой категоризации является повышенная дискриминативная способность вблизи границы категории: небольшие изменения, которые обычно не замечаются, на границе могут привести к изменению восприятия. Разница между

интервалами движений двух объектов в двух испытаниях в 28 мс обычно не замечалась, но в области 112–140 мс на шкале интервалов разница в 28 мс становилась существенной: если интервал между движением был меньше 112 мс, стимул воспринимался как толкание, а если больше 140 мс – как последовательное движение.

Чему соответствуют категории? Мишотт полагал, что условия, при которых возникает эффект толкания, соответствуют физическим законам, управляющим столкновением. Он думал, что соответствие настолько близкое, что можно изучать физику столкновения, изучая восприятие. Баттерфилл предлагает более скромную гипотезу: существует некое соответствие между условиями, в которых возникает ощущение, и условиями, в которых эти каузальные связи имеют место. Он оговаривается, что для подтверждения этой гипотезы необходимы тщательные эмпирические исследования.

Почему существует это соответствие? Баттерфилл предполагает, что каузальное восприятие является частью восприятия объектов. Визуальная система, отвечающая за идентификацию и отслеживание объектов, должна различать определенные типы каузального взаимодействия, чтобы идентифицировать объект в случаях противоречивых подсказок (*cues*). Если одни и те же принципы отвечают и за сегментацию объектов, и за определение событий как физически возможных и физически невозможных, то принципы, объясняющие восприятие объекта, объясняют также и то, как работает каузальное восприятие.

Вышеприведенные рассуждения Баттерфилла представляются нам вполне правдоподобными. Если восприятие некоторых каузальных связей встроено в визуальную систему, то неудивительно, что определенная феноменология невольно воспринимается как каузальная, даже если этому противоречат знания воспринимающего (световое пятно не может толкать деревянный мяч).

Баттерфилл не определяет границы каузального восприятия, он указывает лишь, что мы можем видеть некоторое каузальное взаимодействие. Представляется, что мы можем непосредственно видеть причинную связь только в случаях механического взаимодействия, когда один объект толкает, поднимает, тянет, блокирует, поддерживает и т. п. другой объект. В этих случаях механизм причинной связи очевиден. Кроме того, это согласуется с предположением о том, что каузальное восприятие является частью восприятия объектов.

В примере, который выбрала Зигель (мяч попадает в горшок и гаснет свет), не может возникнуть визуального впечатления причинной связи, потому что здесь нет феноменологии механического взаимодействия объектов. Даже если бы мяч попал в лампочку и после этого погас свет,

у нас не возникло бы визуального впечатления причинной связи, хотя она есть, потому что здесь нет механического воздействия мяча на свет.

Баттерфилл утверждает, что мы видим каузальные связи не так, как мы видим форму объектов. Восприятие формы объекта – это способ осознания его формы. Восприятие каузальных связей не является способом осознания причинного взаимодействия⁶. Он ссылается на длительный разрыв между категориальным восприятием каузального взаимодействия и появлением способности к рассуждению. Дети воспринимают каузальное взаимодействие с девяти месяцев, а способность составить суждение о каузальной связи у них возникает в 2,5–3 года. Однако такой же разрыв между восприятием и осознанием,

возможно, существует и в восприятии формы. Поэтому, скорее, мы видим каузальные связи так же, как мы видим форму объекта.

Примечания

- ¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. : в 2 т. М., 1966, Т.1. С.173.
- ² Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М., 1995. С.101–103.
- ³ Siegel S. The Visual Experience of Causation // *Philosophical Quarterly*. 2009. № 59(236). P. 2.
- ⁴ См.: Butterfill S. Seeing causes and hearing gestures // *Ibid*. P. 410.
- ⁵ Siegel S. *Op. cit.* P. 20.
- ⁶ Butterfill S. *Op. cit.* P. 427.

УДК 316.4

ДИНАМИКА ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ: СТРАТЕГИИ ЕВРОПЫ И КИТАЯ

М. О. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

Тесная связь между экономической, культурной и политической сферами Америки, Европы и Китая приводит к тому, что малейшие кризисные ситуации, возникшие в одной из этих областей, объективно сказываются и на других, поэтому требуются грамотное управление, социальный контракт, роль которого сейчас выполняют принципы социально ориентированного государства. Позитивное значение в этом отношении приобретает и поиск оптимальных моделей дискурсивной регуляции глобальной трансформации.

Ключевые слова: социокультурные отношения и экономика Европы и Китая, глобализация, социальная динамика, социокультурные изменения.

Dynamics of Globalizing Economy in Discursive Management Context: European and Chinese Strategies

М. О. Orlov

Close connection between economic, cultural and political sphere of America, Europe and China leads to situation that the slightest crisis in one of these areas objectively affects the others. Competent management, the social contract which role is carried out now by principles of the socially-focused state therefore is required. Positive value for that matter gets also searching of optimum models of discursive regulation of global transformations.

Keywords: sociocultural relations and economy of Europe and China, globalization, social dynamics, social and cultural changes.

Экономические условия оказывают прямое воздействие на политическую сферу социума. Политика определяет стремления и действия людей в соответствии с их материальными потребностями и интересами. Она выполняет лишь организационную и структурирующую функцию. Очевидно, что экономически господствующий класс обладает одновременно и политическим господством. Сегодня социальная динамика глобальных процессов напрямую связана с капитализмом, с его западноевропейской моделью, что актуализирует ценность социальной справедливости и равноправия как на индивидуальном, так и на институциональном уровне.

В пространстве современной философии практически без внимания и полноценной рефлексии оказывается такая ведущая сфера социальной деятельности как экономика, а такая область знания как философия экономики не имеет должного развития и очевидных перспектив. В современных условиях ее категориальный аппарат, предметная область крайне сузились. Философия экономики была сведена к уровню экономической теории. Современная экономика превратилась в набор неких стандартных функций и правил, по которым должна действовать вся мировая обще-

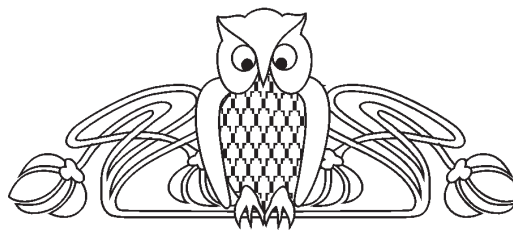

УДК 1:316.7

ГЕНЕАЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О. М. Ломако

Саратовский государственный университет
E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена философскому анализу социальной памяти при помощи сравнительно-исторического метода генеалогии, который позволяет рассмотреть человека в его целостности с миром, т. е. в единстве культурных и социальных связей поколений. Возможность применения философского метода генеалогии к феномену социальной памяти раскрывается через категориальное сопоставление истоков социального бытия и традиции.

Ключевые слова: социальная память, генеалогический метод, социальная философия, традиция, герменевтика, опыт, деструкция.

Genealogy and Social Memory: a Methodological Analysis

О. М. Lomako

The article is devoted to the philosophical analysis of the social memory with the comparative historical method of genealogy, which allows to consider a person in its entirety with the world, that means in the unity of the cultural and social links between generations. The possibility of using a philosophical genealogy method to the phenomenon of the social memory is revealed through the categorical comparison of the source of social life and customs.

Key words: social memory, genealogical method, social philosophy, tradition, hermeneutics, experience, destruction.

Человек живет между прошлым и будущим, подобно *границе*, которая как соединяет их через приобщение к истокам социальной памяти, так и разъединяет через забвение своего происхождения. Сейчас становится как никогда актуальным поиск такой методологии, которая позволяет рассмотреть человека в единстве культурных и социальных связей поколений. Одним из таких методов является генеалогия, направленная на выявление истоков социального бытия, неотделимого от социальной памяти. Во-первых, генеалогия – движение вниз, *к началу*, возвращение в «место первичного бытия», связанное с инстинктивным стремлением к естественному общинному состоянию. Во-вторых, этот метод способствует не столько *изложению*, сколько *осуществлению*. Рассмотрение истории происхождения (Herkunft) и поиск предельного основания явления, почвы, на которой оно возникло (Urgrund), становятся не просто процессом, а *процедурой*, напоминающей символическое действие, вскрытие, а не логическое рассуждение. Именно поэтому важнейшими методологическими приёмами генеалогии как

философского метода становятся герменевтика и деструкция, а центральным понятием – опыт, который включает в себя *старое* в виде проверенных знаний и ценностей и *новое* в виде экзистенциального состояния, переживания, испытания, события. «Подлинный опыт, – утверждает Г. Г. Гадамер, – есть тот, в котором человек осознает свою конечность <...> Подлинный опыт – это опыт собственной историчности»¹. Как отмечает В. Б. Устьянцев, «ценностный, целенаправленный характер деятельности социопамати во многом связан с духовными устремлениями человека, с его потребностями в социальном опыте прошлого. Проблема человека в истории может трактоваться как проблема субъектов социопамати. Субъектом памяти выступает как отдельный индивид, так и социальная группа, способная воспринимать, отображать, делать понятными для современников знания и опыт прошлых поколений»².

Защита прошлого неоднозначна, поскольку оно существует в виде *традиции* (консервация прошлого) и в виде *начала* (живое воспроизведение прошлого). Далеко не всякая традиция верна истине, поэтому необходимо различать традицию и исток. Традиция предполагает двойственное положение человека: он живет *внутри* памяти и в то же время выходит за ее границы, пребывает в настоящем, оценивая прошлое и отстраняясь от него. Положительная оценка прошлого порождает стремление сохранить, защитить, «музеефицировать» его в виде отдельных элементов как нечто дорогое и близкое, которое страшно потерять. Отрицательная оценка прошлого приводит к отказу от него, к разрушению его как чего-то «чужого», ненужного, мешающего освоить новое³.

Слово «исток» в метафизическом смысле родственно целому ряду понятий: родоначальник, основатель, законодатель. Исток обладает онтологическим преимуществом перед традицией, которая, подобно руслу реки, может изменяться и отклоняться. Она хранит наследие, полученное от основоположника, но изменяется, приспосабливаясь к обстоятельствам. Поиск «начала», «истока» требует *деструкции*, главная задача которой – сохранение традиции путем очищения её от паразитических наслоений и тем самым очерчивание её четких границ⁴. Смысл подобного разрушения может быть объяснен озабоченностью поиском

подлинной связи, лежащей за пределами дискурсивной практики, в глубинах человеческого бытия. Задачей дискурса становятся в таком случае прояснение и показ направлений, путей движения человеческих усилий к подлинному бытию и его подлинному пониманию⁵.

Традиция не открывает, а напротив, скрывает «начало», и для его обнаружения необходима деструкция. «Начало», скрываемое вещью, непросто уловить. Деструкция представляется как процесс, направленный против оскотенения и окаменения прошлого в форме традиции, которая способствует забвению происхождения. Это вопрос о глубине и поверхности: лежащее на поверхности более подвижно и изменчиво, но именно оно удаляется от первоначала, истока. Определяя деструкцию как «удостоверение происхождения» и «выдачу свидетельства о рождении», М. Хайдеггер вводит в «Бытии и времени» генеалогическую тему: «Традиция делает происхождение вообще забытым»⁶.

Применение к анализу социальной памяти генеалогического метода как феномена социальной философии предполагает обнаружение генеалогического истока такой памяти: исторически первоначальной организацией является *память тотемной общности*, неотделимая от магии и магического мышления и выступающая исходной формой отличия собственной общности от других. Первобытная коллективность, выражая в знакотеме свое происхождение, формирует прообраз более сложных форм идентичности. С усложнением родовых форм жизни возникает новая форма социальной памяти – *мифологическая*⁷.

При первобытном родовом строе порядок жизни был продиктован принципом выживаемости. Требование порядка лежит в основании самого первобытного мышления⁸. Мифологичность сознания древнего человека обуславливала его жизнь в соответствии с опытом предков, нашедшим свое воплощение в обрядах, ритуалах, табу. Мир древнего человека включал в себя и мир предков, представляя неразрывное единство двух уровней социального бытия и первую форму коммуникации – живых и мёртвых.

Социальное бытие не осуществляется только как накопление информации и смена знаков – необходим поиск первичных *смыслов*, без них человек обречен на неприкаянность. Важнейшей задачей генеалогии Ф. Ницше является, по определению П. Слотердайка, открыть заново фундаментальной истины греков, вступая «в родильную палату, где европейская культура заново рождается в качестве культуры трагической»⁹.

Дионисийская трагедия – огороженный, прирученный через искусство хаос. Это пространство единения можно обозначить как некое *хоровое, собирающее место*, где человек учился без страха смотреть в лицо смерти и без

отвращения воспринимать ужасы жизни, видеть разгул людских страстей и достойно переживать скорбь утраты близких. Это место встречи с бессознательным, с инстинктами, где спасаются через *объединение*. Смерть становится не явлением *во времени*, а переживанием *в пространстве*. Чтобы победить всеразрушающее время, необходимо создать *гетерогенное пространство*, в котором нет зрителей, а все оказываются участниками совместного действия. В действии, передаваемом древнегреческим глаголом *χορεύω* (дать место), подразумевается обретение места в социальной жизни. Ницше рассматривает хор как «живую стену, воздвигаемую трагедией вокруг себя, чтобы отгородиться от действительного мира» с его страхом смерти и ужасами жизни и «сохранить для себя идеальную почву и поэтическую свободу»¹⁰. Предлагаемый им проект движения к «истоку» человеческого означает возвращение к первичной фундаментальной интенции – осознанию человеком себя как смертного существа и протесту против этого ухода через событийность как причастность к «началу», – поэтому человек в генеалогии Ницше рассматривается в неразрывном единстве жизни и смерти.

Единый стиль жизни античности – пространство соревнования. Первоначальное значение *ἀγών* – место сбора, затем место состязания и уже позднее спортивное состязание, а *ἀγών λόγων* – состязание в речах. Приходится лишь удивляться, насколько вся античная жизнь и мышление связаны именно с пространством, переживаемым и осознаваемым как «место». Русское слово *вместе* – *в-месте* – замечательно передает эту интенцию. Основная мысль Ницше состоит в том, что индивид не может спастись в одиночку – выход в хоровой жизни, в возвращении к дионисийскому искусству, первейшее назначение которого заключается именно в том, чтобы преодолеть пропасть между людьми чувством единения.

Трагедия как ограниченный, «прирученный» хаос каждый раз заново воспроизводит миф, будучи своеобразным буфером между хаосом и аполлоническим порядком космоса. Чтобы быть выносимым, трагическое познание нуждается в защите и целебном действии искусства.

Поэтическое искусство содержит в себе безграничную возможность духовного переноса, только оно обладает одновременно той всеобщностью и непосредственной полнотой чувств, которые признаются важнейшим условием воспитательного воздействия. Поэзия превосходит как действительную жизнь, так и философскую рефлексию, ибо она философичнее, чем реальность, и в то же время жизненнее, чем философия. Поэзия гомеровского эпоса – духовно сложная величина, не сводимая к одной формуле. Гомер многократно изображает картины, в которых главным действующим лицом выступают поэты-

певцы – *аэды*, из песен которых вырос эпос. Певец призван сохранить воспоминание о делах людей и богов в *после-мире* (Nachwelt). В первой книге «Одиссеи» певец назван Фемисом, т. е. несущим весть, вестником славы. В имени феакийского певца Демодокса кроется указание на публичность, открытость его профессии. Это воззрение не только эллинистическое, оно исходит из естественной неразрывной связи всей поэзии с мифом, вестью о великих делах *пред-мира* (Vorwelt) и обуславливает гетерогенную, воспитательную в высоком смысле слова функцию поэта. Она заключается не в сознательном умысле повлиять на слушателей, а в тенденции удерживать живую славу в пении, что само по себе оказывает воспитывающее воздействие. Певец не просто передает информацию, не только сообщает факты, он оценивает и восхваляет то, что должно быть оценено и воспето.

Героическое сказание обладает неисчерпаемым запасом примеров, которые составляют духовное богатство нации и из которых мышление черпает свои идеалы и нормы совместной жизни. Миф – это носитель нормативных значений, поскольку они могут быть выражены не словесно, а в образной форме. Герой является вестником великого и возвышенного, обеспечивает передачу «изначального времени» (Vorzeit), а не любого материала. Связь гомеровской поэзии с мифом указывает на применение мифической парадигмы во всех мыслимых ситуациях, где человек предстает для Другого, советуя, предупреждая, взывая, воодушевляя, запрещая или приказывая. В речах эпических героев миф служит задающей масштаб инстанцией, к которой апеллирует говорящий. Иначе нельзя представить связь поэзии и мифа, ставшую у греков твердо установленным законом.

Эпос с самого начала представляет идеальный мир, а все низкое, презренное и ужасное в эпическом мире как бы исключается. Героическое пение по своей сути идеально «образовательно». По своему воспитательному значению оно далеко превосходит все виды поэзии тем, что объективно отражает целостность жизни человека в кругу судьбы и высшей цели. Влияние эпоса сказывается на стихосложении и элегии, хоровом пении и трагедии, которая является прямым продолжением эпоса. Только благодаря связи с эпосом, подчеркивает В. Йегер, а не дионисийскому происхождению трагедия приобретает воспитательное воздействие¹¹. Она связана с возникновением поэзии из героического пения, с идеей славы, хвалы героям и подражанием героям. Но источник самой поэзии и эпоса остается неясным.

Гомер ставил в центр Героя, преодолевающего испытания, побеждающего природу, почитающего муз и хранящего верность земле предков. Пытаясь в своих поэмах передать во всей полноте дорациональные слои античности, Гомер поступал достаточно последовательно. И хотя

он пользовался образами, а не понятиями, в его поэзии все четко определено и находится на своих местах. Так, появляется следующий смысловой ряд: *память – воображение – воскрешение*. В диалоге «Федр» Платон устанавливает иерархию человеческих типов в зависимости от близости к божественной истине. Первое место занимает человек, преданный музам и любви. Философы ни на мгновение не допускали, что Истина может обойтись без муз. Недаром сам дом Платона, где располагалась Академия, назывался домом муз, мусейоном.

Стремление Платона организовать свою школу осуществляется в 80–70-х гг. IV в. до н. э. Уже в «Федре» основной проблемой становится возможность взаимопонимания в логосе, что связано с критикой риторики. Только логос делает познаваемое очевидным, а значит, и возможным для практического обращения, обеспечивая вероятность взаимного *уживания* с другими людьми. В школе Платон стремится восстановить атмосферу приобщения к *особенному* и *высокому*, которую сам ощущал в присутствии Сократа. В действительности ему приходится создавать эту атмосферу заново: возвращение к прошлому становится творческим приемом, и «высокая педагогическая игра» иницирует дружеский настрой в среде слушателей-учеников. Однако для всякой игры нужны правила, первым сводом которых и стал диалог «Протагор», где стилистическим ограничением и отличительной чертой служило подчеркнутое обращение Платона к прошлому – ко времени его ученичества. Основное правило игры было простым – не выходить за хронологические рамки жизни Сократа. Современность оказалась под запретом, она была «вынесена за скобки» заданной ситуации, в рамках которой беседующие должны были артистически воспроизводить прошедшее время. Школа Платона становится местом проигрывания эпохи Сократа. В этом смысле она – и музей, и театр, и библиотека, где сохранялись имеющиеся тексты, вдохновлявшие на самостоятельное литературное творчество. Сократ предстает как воплощение *начала*, как центр особого социального пространства – школы.

В античности все школы находились под покровительством муз и первый опекаемый государством научный центр в Александрии – музей – стал ее итогом. Античную цивилизацию можно назвать *апологией памяти*. Взросление человека, его ответственность связаны с памятью. Музы, дочери памяти, объявляются всезнающими и прекрасными, а значит, свободными. *Знание, свобода, красота* – основные ценности античности. Как носительницы социального начала музы возвышают и объединяют людей через сопричастность к источнику всеведения, т. е. знания своих истоков, первоначальных событий, в которых они лично не участвовали, но которым все равно обязаны своим

существованием. Тот, кто вдохновлен музами, не подвластен реке забвения Лете. Поэзия (ποίησις) первоначально означала сотворение, созидание, творчество, принятие в число граждан. Местом поэтического творчества был музей, Мусейон – святилище муз, образовательное учреждение.

Слово «муза» (μοῦσα) многозначно: это и женское божество искусства, и образование, и ученость, и просвещенность. Глагол μοῦσοῦσθαι означает обучать мусическим искусствам, просвещать, а прилагательное μουσικός – обученный, опытный, искусный. Музы близки образованию: музыка, пение, речь, слово, искусство, эпос, поэзия, образование, ученость, просвещенность – все это произошло от муз, дочерей богини памяти Мнемозины. Вначале считалось, что существуют только три музы: Μνήμη (память), Μελέτη (забота, обучение, завет) и Αοιδή (песнь, сказание). С помощью сказаний передавалось знание-забота, знание-завет, началом и итогом которого была память, и сила ее возрастала от дружного, совокупного действия всех муз искусства. Это совокупное действие и есть музей. Развитие и дифференциация сознания влекла за собой и усложнение памяти. С точки зрения античного гуманизма музы – память, единение, знание истоков, творческая активность, бессмертие в истории, а сирены – разрыв связей человека с космосом, пассивность, забвение, хаос. Их жертвы остаются непогребенными, безымянными. Сирены, от которых закрыт источник памяти, поглощают всего человека, не оставляя никакого признака для запоминания, даже имени. Этот порок назывался Siren desidia – лень-обольстительница. Противостояние муз и сирен, Аполлона и Диониса – стремление победить темные природные страсти через *пайдейю*. Сложность и противоречивость этого процесса запечатлена в образе Терпсихоры, несущей важную смысловую нагрузку: во-первых, он указывает на природное родство муз и сирен, подчеркивая в то же время их различие, а во-вторых, имеет довольно сложное самостоятельное значение, которое проясняется с помощью лингвистического анализа.

В «Одиссее» поэт в аллегорической форме посредством отношений муз и сирен показывает победу социального начала над природными инстинктами. Терψιχώρα (муза танца и хоровода) символизирует инстинктивное наслаждение, переживаемое индивидуально (τέρψις – удовольствие, наслаждение), и радость, которая переживается сообща (χόρα – радость, восторг, отсюда – хоровод). Такая радость социально направлена, имеет воспитательное значение, возвышает и облагораживает. Чтобы стать человеком, необходимо избавиться от собственных страстей, инстинктов, переживаний, т. е. от индивидуальности. Непредсказуемость чувств – хаос – опасна для блага целого, поэтому и изгоняется на

острова, объявляется *смертельной* для человека. Подлинно и прекрасно лишь социальное, оно и провозглашается *первичным*, началом. Терпсихора – муза, соединяющая природные наслаждения с общественным их воплощением в хороводе, – объявляется матерью сирен – естественных инстинктов, женского начала. Социальное начинает управлять через эстетическое *первичным*, природным. Получив память как дар, человек должен был *забыть*, что он – природное существо. В языке связь знания и памяти выражена со всей очевидностью: древнегреческое μνήσις означает мысль и воспоминание, а латинское mēns – ум и воспоминание¹². Таким образом, познание, обучение, воспитание и образование изначально не гносеологические проблемы, а антропологические и социальные, что означает работу с социальной памятью, которая представляет собой единство истока и традиции.

Социально-философский анализ социальной памяти сравнительно-историческим методом генеалогии устанавливает генетическое родство генеалогии памяти и генеалогии социальности через выявление их общего истока, коим является гетерогенность жизни/памяти и смерти/забвения. В этом смысле речь должна идти о сотериологическом назначении социальной памяти. Древнегреческая *сотерия* (σωτηρία) понималась многозначно: как спасение, избавление, сохранение, благо, счастье. Социальная память направлена на *спасение* от бесчеловечности, избавление от страха беспомощности и забвения, на сохранение единства социального бытия как высшего блага.

Примечания

- ¹ Гадамер Г. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 420.
- ² Устьянцев В. Б. Социальная память : этапы исторической динамики // Ученые записки : Труды психологической лаборатории пединститута СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Вып. 8. Саратов, 2012. С. 100.
- ³ См.: Марков Б. В. Знаки бытия. СПб., 2003. С. 415–416.
- ⁴ Там же. С. 88–90.
- ⁵ См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. С. 151.
- ⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 144.
- ⁷ См.: Устьянцев В. Б. Указ. соч. С. 101.
- ⁸ См.: Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 121.
- ⁹ Слотердайт П. Философ на сцене // Ницше Ф. Рождение трагедии. М., 2002. С. 580.
- ¹⁰ Nietzsche F. Die Geburt der Tragödie // Nietzsche F. Kritische Ausgabe : 15 Bd. Berlin ; N.Y., 1988. Bd 1. S. 808–809.
- ¹¹ См.: Jäger W. Paideia : 3 Bd. Bd. 1. Die Formung des griechischen Menschen. Berlin ; Leipzig, 1936. S. 70.
- ¹² См.: Ломако О. М. Генеалогия воспитания : фило-софско-педагогическая антропология. СПб., 2003. С. 230–233.

рассмотрения она не полагается изначально, а прослеживается через последовательные онто-исторические этапы, т. е. обладает подвижной онто-исторической структурой. Рассмотрим это на примере ницшеанского и хайдеггеровского описания вышеупомянутых шести этапов сущностной истории (Geschichte) онтологического нигилизма. Вот что говорит сам Хайдеггер о специфике данного подхода: «Описание всех шести этапов <...> задумано таким образом, что “истинный мир” <...> каждый раз соотносится с определенным видом человека, который относится к этому миру. Поэтому “перевертывание” платонизма и, в конце концов, выход из него изменяют самого человека <...> Под “сверхчеловеком” Ницше подразумевает не какое-то чудесное сказочное существо, но человека, который превосходит прежнего. Однако прежний человек есть тот, существование которого и его отношение к бытию определяется платонизмом в какой-либо форме или смещением нескольких форм»²³.

Иными словами, для постижения сущности «сверхчеловека» нам необходимо знание «прежнего человека», отношение которого к бытию опять же определяется одной из онто-исторических форм платонизма. Таким образом, создается подвижная структура сущности, где «конец как конец становится виден только из начала. Или наоборот»²⁴. То же самое касается и сущности онтологического нигилизма, выявляющей себя при онто-историческом подходе только в единстве целостного усмотрения и последовательного анализа этапов исторического оформления этой сущности.

УДК 316.35:1

ФЕНОМЕН КРЕАТИВНОГО КЛАССА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

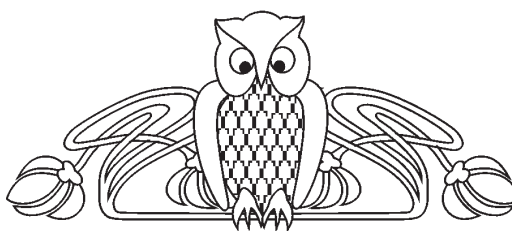
Б. С. Клементьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Boris-1@td.ru

В статье рассматривается феномен появления креативного класса, формирование которого приводит к трансформации структуры общества. Представители нового класса рассматриваются с социальных, экономических, личностных и профессиональных позиций. Происходит формирование понятия «креативность», которое воспроизводит отличную от традиционного форму мышления, что дает возможность повышения уровня инновационного развития общества. Проводится сравнение традиционного и креативного типа сообществ, рассматриваются их положительные и отрицательные черты; креативный класс анализируется в поле отечественного социального пространства.

Примечания

- ¹ Ясперс К. Ницше : Введение в понимание его философии. СПб., 2004. С. 344.
- ² Там же. С. 334.
- ³ См.: Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. : пер. с нем. СПб., 2007. Т. 2. С. 21–23.
- ⁴ Там же. С. 297.
- ⁵ Там же. С. 79–80.
- ⁶ Ницше Ф. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 2005. Т. 12. С. 193.
- ⁷ Там же. С. 195.
- ⁸ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 572.
- ⁹ См.: Ницше Ф. Воля к власти : опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 29.
- ¹⁰ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. Т. 1. С. 204–205.
- ¹¹ Там же. С. 205.
- ¹² Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁴ Деррида Ж. Шпоры : стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 136.
- ¹⁵ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁹ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ²⁰ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 210.
- ²¹ Там же. С. 210–211.
- ²² Деррида Ж. Указ. соч. С. 134.
- ²³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 209.
- ²⁴ Там же.

Ключевые слова: креативный класс, социальное пространство, инновации, традиции, социальный капитал, креативный капитал.

The Phenomenon of the «Creative Class» in the Social Space

B. S. Klementyev

Article discusses the phenomenon of the «creative class», which formation leads to a transformation in the structure of society. Representatives of the new class are considered from the social,

economic, personal and professional positions. Modern concept of creativity plays different from the traditional form of thinking. This makes it possible to increase the level of innovation development of society. Compares traditional and creative types of communities are considered their positive and negative features. Creative class is analyzed in the field of domestic social space.

Key words: creative class, social space, innovation, tradition, social capital, creative capital.

Современная эпоха – своеобразный переход от власти машины к власти интеллекта, что дает возможность для развития всех необходимых предпосылок в формировании абсолютно нового социального пространства. На основании множества проведенных исследований можно предположить, что одним из основополагающих факторов в развитии подобного пространства является появление абсолютно нового социального класса. В исследованиях современных западных теоретиков общества на основании данных политологии, социологии, экономики и культурологии его называют креативным. Наравне с уже существующими классами феодальной аристократии, буржуазии и рабочих происходит выделение так называемого креативного класса. В качестве решающего фактора его появления можно выделить потребность в креативной деятельности. Она легко объяснима с точки зрения непрерывного развития общества и повышенного внимания к инновационному развитию в условиях современной социальности. С формированием креативного класса связаны также многие изменения в структуре общества. К ним можно отнести изменение привычек и трансформацию устоявшихся социальных традиций, коррекцию привычных методов и условий работы, смену ценностей привычных жизненных ориентиров в условиях социальной повседневности. Новый класс неоднороден, и проявление его свойств в конкретной ситуации будет зависеть от персональных характеристик представителей этого класса в том или ином обществе.

Если принять креативность за один из основополагающих факторов инновационного развития социально-экономической среды, то креативный класс в подобных условиях вполне может претендовать на доминантное положение в современном социуме. Поэтому необходимо разобраться в феномене появления креативного поколения, определить динамику смены его ценностных ориентиров, что даст возможность проследить и прогнозировать дальнейшее развитие общества и по возможности влиять на процессы, происходящие в условиях непрерывно развивающихся социальных систем.

Активная творческая деятельность представителей нового класса отражается во многих сферах социальной действительности. Своеобразие его экономического положения обусловлено но-

вым принципом функционирования экономики. В первую очередь речь идет о способе финансового существования креативных специалистов. Если принять во внимание, что основным доходом представителей феодальной аристократии традиционно был наследственный контроль земельных владений, среди представителей буржуазии наиболее часто можно было встретить коммерсантов и фабрикантов, а основным финансовым источником для рабочего класса и обслуживающего персонала является выполнение плановых работ, то «креативный класс зарабатывает деньги, проектируя и создавая что-то новое, и делает это с большей степенью автономии и гибкости, чем другие классы»¹. Как уже говорилось, структура нового класса неоднородна и в ней можно выделить «суперкреативное ядро». К нему можно отнести людей, которые занимаются продуцированием принципиально новых технологий, методов и идей, обладающих другим уровнем креативного содержания. Большинство представителей креативного ядра можно найти в сфере творческих профессий – медицине и здравоохранении, архитектуре и дизайне, литературе и изобразительном искусстве, науке и инженерии, финансовой и правовой системе, – а также в сфере высоких технологий². По роду своих обязанностей они занимаются решением сложных задач, для чего необходимы независимость мышления, высокий уровень образования и человеческого капитала. Таким образом, в большинстве случаев речь идет о людях, существенно влияющих на формирование общественного мнения. В связи с этим происходит «подстраивание» экономической ситуации, что не означает существования этого класса за счет труда других, так как он является достаточно продуктивным. Отсюда вытекает еще одна особенность креативной социальности – независимый от других классов принцип функционирования.

Таким образом, речь идет о создании инновационных идей и самодостаточном принципе существования, что, однако, не исключает определенных сложностей во взаимоотношениях креативного слоя с другими представителями культурного сообщества. Одной из них можно считать уникальность создаваемых идей и принципов. Зачастую между появлением и принятием обществом инновационных идей и проектов проходит достаточно долгое время, что вынуждает креативных мыслителей не дожидаться признания, но выполнять проекты, соответствующие потребностям и запросам современного им общества.

Как указывалось ранее, представители этого класса формируют свой доход за счет создания инновационных идей в различных сферах человеческой деятельности. При этом методика работы является более гибкой, принятие реше-

ний – достаточно автономным, а производители этих идей готовы нести всю полноту ответственности за их реализацию. В связи с этим большинство компаний и социальных организаций, ориентированных на инновационные сферы производства, ведет нестандартную кадровую и финансовую политику. В качестве примера можно привести нестационарность таких компаний: зачастую главный офис или центр управления является мобильным и располагается в местах повышенной концентрации креативных людей как потенциальных сотрудников подобных организаций. В свою очередь представители креативного класса предпочитают места, способствующие взаимодействию креативных профессионалов и обладающие большим количеством потенциальных стимулов для креативной деятельности. Д. Хокинс в своей книге выделяет около пятнадцати отраслей, в которых преобладает количество представителей креативного класса³.

Внутренняя кадровая политика в подобных компаниях отличается открытостью, прозрачностью, толерантностью и творческой атмосферой. Так происходит формирование абсолютно нового типа предприятий, которые М. Кастельс классифицирует как сетевые. В подобных системах отдается предпочтение сотрудникам, склонным к полипрофессионализму и инициативности, обладающим особым уровнем управленческого и технического творческого потенциала. Таким образом, внутри сообщества происходит своеобразная «перегруппировка сил» с позиции капитала. Приоритетные позиции занимает финансовый капитал, обладающий наибольшей мобильностью и эффективностью. На смену пирамидальным и вертикальным структурам управления постепенно приходят горизонтальные, что уже доказало свою эффективность во многих сферах не только экономического, но и социального управления. На основании всего сказанного необходимо отметить, что особым условием формирования креативного класса является непрерывное динамическое развитие политических и общественно-социальных структур. Социокультурная среда, не восприимчивая к инновациям в социально-экономической области, не может быть динамичной, что ведет к существенной задержке её развития.

Динамичные условия работы необходимы для представителей креативного класса, также предпочитающих выстраивать свою карьеру в горизонтальной плоскости, которая, в отличие от существующих систем вертикали власти, формирует запрос на решение интересных задач. Это во многом объясняет повышенную мобильность креативных кадров, которые выбирают рабочие места, соответствующие их намерению решать те или иные сложные профессиональные задачи. Необходимо упомянуть, что представители

креативного класса обладают особой мотивацией в сфере профессиональной деятельности. Основными факторами удовлетворенности своим трудом для них является не столько финансовое вознаграждение, сколько возможность повышения своей профессиональной квалификации, содержание выполняемой работы, решение инновационных задач, реализация принципиально новых проектов, требующих повышенной концентрации творческих сил и внимания, признание их профессиональных заслуг. Ярким примером, иллюстрирующим все вышесказанное, может служить сфера дистанционного образования, где, наряду с применением инновационных методик в области науки, техники и образовательных технологий, наиболее высок процент креативных профессионалов. Личные качества представителей креативного класса формируются за счет специфической трансформации социокультурных ценностей, когда на первое место выдвигаются принципы свободы и индивидуализма, что вполне объяснимо с точки зрения основного профиля деятельности нового класса.

Творческая активность сознания часто является наиболее плодотворной для осознания и реализации внутренней свободы как специфической человеческой избирательной способности. Рассмотрение креативного класса с этой стороны неслучайно, так как свободно ориентированное сознание обуславливает самостоятельное осуществление того или иного выбора. В условиях общей смены приоритетов – от производства культуры к ее потреблению – представители нового класса отличаются волевым началом, альтернативным стилем мышления и способностью принять на себя ответственность за реализацию поставленных задач.

Говоря о все большей актуализации креативного класса, необходимо отметить появление ряда новых показателей, служащих для оценки современной социокультурной действительности: к ним можно отнести понятия индекса креативности, социального и креативного капитала. Под первым понятием Р. Флорида объединяет четыре основных фактора для определения динамики развития креативного сообщества: доля креативно мыслящего населения в масштабах города или страны; инновационность социокультурной среды (индекс, который рассчитывается в зависимости от количества патентов на душу населения); динамика развития отраслей высоких технологий; открытость региона по отношению к новым людям и идеям. Учет этих факторов дает наиболее точные данные о креативном потенциале того или иного региона, так как недостаточно просто зафиксировать наличие креативного класса, надо еще и проследить социальную динамику его развития, представить результаты деятельности, выявляя индекс продуктивности. Регионы,

где по совокупности полученных данных индекс креативности достаточно высок, можно условно считать креативными центрами.

Сам по себе термин «социальный капитал» не является инновационным, так как его появление отнесят к началу XIX в. и он достаточно часто встречается в работах классиков европейской социологии⁴. Что касается современных исследований на эту тему, то наиболее интересными являются концепции Дж. Коулмана⁵, П. Бурдьё⁶ и Р. Патнема. Необходимо заметить, что понимание этого термина у каждого исследователя свое. Если под социальным капиталом Коулмен подразумевает всю полноту пользы социальных взаимоотношений для каждого человека, то Бурдьё рассматривает его в более узкой сфере социальных взаимоотношений, а именно как участие индивида в различных социальных группах и объединениях с определенной выгодой для его социального положения⁷. Несколько иной позиции придерживается Р. Патнэм, рассматривая подобный вид капитала как форму социального взаимодействия, основанного на взаимовыгодных отношениях. При этом основой Патнэм считает взаимное доверие и гражданственность. Периоды упадка социального капитала расцениваются им как кризис гражданственности, отражающийся на многих сферах функционирования общества – от системы семейных отношений и образования, до потрясения демократических устоев государства⁸.

Один из основателей теории креативного класса Р. Флорида утверждает, что произошло существенное изменение традиционных типов социальных сообществ, которые ранее являлись гарантом экономического процветания и были залогом социальной стабильности. Логика автора весьма проста: традиционные типы социальных групп представляют собой косные структуры, медленно и неохотно подстраивающиеся под какие-либо инновационные методики и тяготеющие к подавлению экономического роста. Таким образом, консервативность в пределах социума превращается в ограничивающий фактор экономического роста, а сами методы экономического развития на сегодня подверглись существенной трансформации. Все это означает, что сам социальный капитал можно расценивать и как позитивный, и как негативный фактор.

Известный специалист в области статистики и социологии Р. Кушинг провел ряд исследований, касающихся взаимозависимости социального и экономического капитала. Он выделил три критерия регионального роста – креативный, социальный и человеческий капитал. Наиболее адекватное отражение с учетом многих показателей регионального роста демонстрируют критерии не социального капитала, как предполагалось ранее, а человеческого и в более широком

смысле – креативного. Кроме того, был выявлен факт разнонаправленного движения креативных сообществ, являющихся центрами инновационного развития, и сообществ социального капитала, тяготеющих к консервативным социокультурным формам⁹. К положительным сторонам регионов с традиционно высоким уровнем социального капитала можно отнести высокий уровень стабильности, связанный с социальной изоляцией как одним из критериев безопасности. Вместе с тем, основываясь на статистических данных различных регионов США, по множеству показателей более успешными могут считаться те, в которых отмечается наибольшая концентрация креативных специалистов. Вполне логично, что города с высоким коэффициентом креативных жителей занимают ведущие позиции в мировой индустрии высоких технологий, по росту занятости населения, инновационной деятельности и человеческого капитала.

Впрочем, ситуация формирования креативного класса в структуре современного социума содержит в себе и определенные риски. При достаточно прочном укреплении позиций креативного населения существует опасность раскола общества. В социуме, обладающем стабильным уровнем как социального, так и креативного капитала, вынужденно будут развиваться два различных вида экономики и, как следствие, формироваться различные институциональные формы и общественные организации, будет существенно различаться уровень доходов населения, возрастет вариативность политических и религиозных взглядов. Очевидно, что общество с высоким уровнем концентрации креативных специалистов, скорее всего, будет доминировать в экономических сферах. Однако в отличие от общества с традиционным укладом в нем существует больший риск формирования взаимной отчужденности.

К рассмотрению креативного класса можно применить следующие методологические подходы. С позиций глобальной экономики предшественников нового сообщества относят либо к отраслевой, либо к трудовой сфере. Это легко подтверждается на примере анализа законодательных систем Англии и США, где юридически закрепляются различные креативные профессии и отрасли, а значит, и само формирование креативного класса в каждой стране в зависимости от исходных условий, темпов развития, коэффициента социального капитала и прочих индивидуальных критериев будет протекать своим совершенно уникальным способом¹⁰. Аналогичные процессы происходят и в условиях российского общества.

Анализируя понятие креативного класса в пространстве российской действительности, целесообразно обратиться к историческому фе-

номену творческой интеллигенции, которая традиционно рассматривалась как немногочисленная группа высокообразованных людей, решающих сложнейшие проблемы социального развития, занимающихся творческим трудом, активно действующих в сфере образования и культурного развития. Особое значение имеет в настоящее время появление в России креативного класса. Необходим качественный рост человеческого капитала – как интеллектуальный, так и физический, – это актуально в связи с критическим сокращением численности населения и процессами миграции высококлассных специалистов за рубеж. Подобную ситуацию можно исправить качественным изменением условий жизни и существенным повышением уровня образования. Приоритетными направлениями в формировании креативного сообщества в рамках отечественной культуры должны стать подготовка высокопрофессиональных специалистов, поддержка ученых и всестороннее содействие в развитии научных областей. Владение научными знаниями и способность к восприятию и трансформации получаемой информации, инновационная деятельность и внедрение новых методик на разных уровнях человеческой деятельности становятся основными задачами креативного класса.

Р. Флорида проводил анализ последних социокультурных показателей в России и пришел к выводу, что при ведении грамотной социальной, а как следствие, миграционной и образовательной политики у России есть огромный потенциал для воспитания талантливого креативного поколения. Однако это не единственное условие для формирования пространства новой социальной России, по мнению социолога, надо научиться исправлять совершенные исторические ошибки и переоценить отношение к человеческому ресурсу, научившись использовать «глобальные потоки таланта»¹¹. Для этого необходимо изменение социального пространства на многих уровнях, чтобы региональные и городские структуры стали привлекательны для отечественных креативных специалистов и зарубежных профессионалов – это формирует принципиально новый социальный климат. В рейтинге Р. Флорида по количеству высокопрофессиональных креативных

специалистов Россия занимает второе место после США, опережая некоторые западные страны. При этом коэффициент креативности невелик, если соотнести его с общей долей трудящегося населения страны. Следовательно, у отечественной креативной культуры существует высокий потенциал повышения индекса креативности, что, однако, невозможно без социальной трансформации. В мировом опыте уже существует прецедент подобных изменений, в том числе и в ряде американских городов, которые смогли приобрести статус мировых креативных центров, предварительно создав наилучшие условия для развития инновационных методик, использования творческих идей и формирования нового образа общественной и деловой жизни.

Примечания

- ¹ См.: Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М., 2005.
- ² См.: Маэда Дж. Законы простоты. Дизайн, технологии, бизнес, жизнь. М., 2008.
- ³ См.: Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М., 2011.
- ⁴ См.: Токвиль А. Демократия в Америке : пер. с франц. / предисл. Г. Дж. Ласки. М., 2000 ; Зиммель Г. Избранное : в 2 т. М., 1996 ; Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. М., 1995 ; Вебер М. Избранное. Образ общества : пер. с нем. М., 1994.
- ⁵ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
- ⁶ Bourdieu P. The Social Structures of the Economy. Cambridge, 2005.
- ⁷ Бурдьё П. Социология и демократия : пер. с фр. // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. М. ; СПб., 1999. С. 119–124.
- ⁸ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
- ⁹ Cushing R. Creative Capital, Diversity and Urban Growth. Austin, Texas, 2001.
- ¹⁰ Хокинс Дж. Указ. соч.
- ¹¹ Флорида Р. Указ. соч.

УДК 111+929 Ницше

СТАНОВЛЕНИЕ СУЩНОСТИ: НИЦШЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НИГИЛИЗМА

В. Г. Косыхин

Саратовский государственный университет
E-mail: KosyhinVG@rambler.ru

Статья посвящена исследованию вопроса о ницшеанском понимании историчности становления этапов нигилизма. Автор рассматривает характерную для онтологического историзма Ницше и Хайдеггера тенденцию полагания сущности, являющей себя только в исторических этапах становления. Особое внимание уделяется сравнению герменевтики нигилистического становления в онтологическом дискурсе Хайдеггера и Деррида.

Ключевые слова: онтология, историзм, нигилизм, Ницше, становление, сущность.

Formation of the Essence: Nietzsche and the Ontological History of Nihilism

V. G. Kosykhin

The article deals with the investigation of the question of Nietzsche's understanding of historicity of the stages of nihilist formation. The author examines the tendency of the positioning of formation of the essence which is distinctive for Nietzsche's and Heidegger's ontological historicism. Special attention is devoted to comparison of the hermeneutics of nihilist formation in the ontological discourse of Heidegger and Derrida.

Key words: ontology, historicism, nihilism, Nietzsche, formation, essence.

Ницше стал первым мыслителем, исторически подошедшим к осмыслению феномена нигилизма, который до него ни Якоби, ни Ф. Достоевским, ни кем бы то ни было еще не понимался как историческое свершение, обладающее собственными этапами непрерывного возрастания и усиления. На этот историзм мышления Ницше в свое время обратил внимание и К. Ясперс, полагавший, что «ядро притязаний Ницше вопреки всем его разоблачениям губительного воздействия изолирующего самое себя исторического сознания, вопреки его позиции, с которой прошлое временами казалось ему лишь оковами, образует *страстная привязанность к истории*»¹.

Подобной страстной привязанности соответствует и исторический стиль мышления Ницше, в котором Ясперс выделяет три аспекта: 1) созерцание исторической действительности, в котором происходит постановка вопроса о причинных связях и сущностных характеристиках этой действительности; 2) размышление над действительностью исторического сознания, в котором предметом особого внимания оказываются мотивы, формы и следствия исторической

памяти; 3) проникновение в суть современной исторической эпохи, в чем, собственно, и состоит главная цель исторического мышления Ницше.

Свое обсуждение ницшеанского историзма Ясперс заканчивает достаточно интересным выводом о том, что «хотя, в отличие от предшествовавшей ему христианской и гегелевской философии истории и их производных, Ницше не может исходя из знания мировой истории в целом определить место, в котором мы пребываем, он, тем не менее, фактически вдохновлен тем же пафосом тотальности исторического сознания, какой был присущ им»².

Тотальная историчность ницшеанского мышления, по-своему ни в чем не уступающая историчности гегелевской, отчетливо прослеживается в самом способе, каким Ницше истолковывает нигилизм. Здесь можно говорить об исторически понятой онтологической сущности этого феномена и о проявлениях сущности нигилизма в смене его разнообразных исторических форм. Разберем эти два момента, касающихся сущности и проявлений онтологического нигилизма в ницшеанской перспективе, подробнее, отметив в качестве сопутствующего примечания, что различие между ними в принципе соответствует введенному Хайдеггером различию между *Geschichte* и *Historie*, где первое обозначает «потаенную историю» какого-либо феномена, собственно историю онтологическую, а второе – видимые внешние формы и проявления «потаенной истории»³. Естественно, что потаенность этой истории требует для своего раскрытия не историографического, но метафизического, а по Хайдеггеру, и принципиально онтологического подхода, так как в качестве потаенной выступает история бытия и его истины.

В седьмой главе своего фундаментального труда о философии Ницше, имеющей характерное название «Бытийно-историческое определение нигилизма», М. Хайдеггер, указывая на онтологический и исторический характер сущности нигилизма, говорит: «Там, где сущее объявляется ничем, можно обнаружить нигилизм, но нельзя напасть на его *сущность*, которая только там появляется впервые, где nihil касается самого бытия. Сущность нигилизма есть история, в которой само бытие ввергается в ничто»⁴. Тем самым становится очевидным, что для Хайдеггера раз-

говор о какой-либо вне-исторической сущности нигилизма вообще лишен смысла, поскольку сама эта сущность онто-исторична, т. е. принадлежит *Geschichte* как «потопленной истории» бытия. Более того, для Хайдеггера «нигилизм есть история. Здесь мы имеем в виду не только мысль о том, что называемое нами нигилизмом “имеет” некую “историю”, поскольку его можно проследить исторически в его хронологическом развитии. Нигилизм *есть* история. Ницше считает, что нигилизм является сущностью западноевропейской истории <...> Нигилизм определяет саму историчность этой истории, и поэтому для понимания его сущности не так уж важно рассказывать его историю, приходящуюся на те или иные века, и описывать его форму <...> Поэтому понимание сущности нигилизма заключается не в ознакомлении с какими-либо явлениями, которые с исторической точки зрения можно представить как нигилистические: это понимание заключается в осмыслении соответствующих шагов, промежуточных ступеней и промежуточных состояний»⁵.

Мы привели здесь столь обширную цитату из Хайдеггера из-за ее крайней важности для понимания того, что означают онто-исторически интерпретируемые сущность и явление. Они имеют весьма мало общего как с *quidditas* Аристотеля, так и с диалектической трактовкой сущности и явления в духе Гегеля. Именно поэтому сущность нигилизма в ницшевском понимании следует искать не на страницах «Воли к власти», где дана диагностика нигилизма как феномена и описание его исторических форм, но там, где Ницше пытается выявить эту сущность в онтологическом смысле, демонстрируя поэтапное онто-историческое «ввержение бытия в ничто».

Поняту так искомую сущность нигилизма в истолковании Ницше, со всеми ее шагами и промежуточными ступенями, мы обнаруживаем в небольшом фрагменте из книги «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом», написанной в августе 1888 г., то есть относящейся к самому позднему периоду ницшеанского творчества. Косвенным подтверждением нашей позиции по данному вопросу служит и тот факт, что летом 1886 г. в самом первом плане посвященного европейскому нигилизму сочинения «Воля к власти» четвертая, заключительная книга называлась «Вечное возвращение как молот». Впоследствии она реализовалась в виде отдельного произведения и не вошла в издание Ферстер-Ницше. Приведем этот набросок плана Ницше полностью:

«Нигилизм: гибель всеобщей тяги к почитанию (то есть моральному) нет новых интерпретирующих сил.

К истории ценностей.

Воля к власти и ее метаморфозы.

Вечное возвращение как молот»⁶.

Сразу же вслед за этим в дневниках Ницше

идет запись, излагающая 16 сущностных тезисов о европейском нигилизме, где тезис № 6 напрямую связывает нигилизм с онтологически интерпретируемым «вечным возвращением»: «Представим себе эту мысль в ее самой ужасной форме: бытие как оно есть, без смысла и цели, но неуклонно приходящее вновь, без концовки – превращения в ничто: “вечное возвращение”. Вот она, наиболее радикальная форма нигилизма: ничто (“бессмыслица”) на веки вечные!»⁷.

Постулируемая в данном отрывке наиболее радикальная форма нигилизма – нигилизм онтологический – будет в развернутом виде представлена Ницше во фрагменте из отдельно изданной книги «Сумерки идолов, или Как философствуют молотом». Фрагмент, о котором идет речь, озаглавлен «Как “истинный мир” наконец стал басней. История одного заблуждения». В нем онто-историческая сущность нигилизма представлена в виде шести последовательных шагов, или этапов, каждый из которых описывает все более усиливающееся нигилистическое состояние в понимании истины бытия.

Первый этап описывается Ницше как «истинный мир, достижимый для мудреца, для благочестивого, для добродетельного, – он живет в нем, *он есть этот мир*.

(Старейшая форма идеи, относительно умная, простая, убедительная. Перифраза положения: “я, Платон, *есль* истина”)⁸.

Итак, точкой отсчета здесь выбран «истинный мир», в котором истина, соединенная с добродетелью, представляется не только достижимой, но и допускающей пребывание в ней. В определенном смысле здесь можно усмотреть даже своего рода место обитания истины бытия, из которого, собственно, в дальнейшем нигилизм, этот «самый жуткий из всех гостей», как выразится о нем Ницше уже в самом начале «Воли к власти»⁹, начнет свое движение. Русский перевод «жуткий» для слова *unheimlich* в оригинале («*unheimlichste aller Gäste*») охватывает лишь одно из значений данного понятия, отсылающего также к бездомности и неприютности, к тому, что противоположно дому, служащему убежищем (*Heim*). То есть движение из этого пункта и обозначило вектор нигилизма – движение в нигилистическую неприютность, где «истинный мир» уже не может найти себе места.

Хайдеггер в своем комментарии к этому отрывку из Ницше, опираясь на упоминание в ницшевском тексте Платона, полагает, что здесь имеется в виду истолкование бытия через осмысление идей как его сверхчувственной сущности¹⁰. При этом «истинный мир» существует самостоятельно, вне зависимости от интерпретации: «“Истинный мир” – не предмет учения, а сила вот-бытия, сверкающее присутствующее, чистое, ничем не окутанное сияние»¹¹.

Соглашаясь с тем онтологическим содержанием, которое хайдеггеровская трактовка вносит в понятие «истинного мира», отметим, однако, что для Ницше «истинность» этого мира сомнительна. На это указывают кавычки, заключающие понятие «истинного мира». С точки зрения Ницше, «истинность платонизма» является, по сути дела, отправным пунктом движения нигилизма, отрицающего жизненную силу и ценности этого мира в пользу «истины» сверхчувственного, другого мира, который обладает вечным и неизменным божественным бытием. Этот процесс усиливается на втором этапе.

«2. Истинный мир, недостижимый нынче, но обетованный для мудреца, для благочестивого, для добродетельного (“для грешника, который кается”).

(Прогресс идеи: она становится тоньше, запутаннее, непостижимее, – она становится женщиной, она становится христианской...)»¹².

Здесь перед нами первый этап выхода «истинного мира» в нигилистическую бесприютность. На этом этапе он становится «недостижимым». Недостижимость его объясняется Хайдеггером тем обстоятельством, что «сверхчувственное больше не находится в сфере человеческого вот-бытия, оно не присуще ему и его чувственному: все человеческое существование становится посюсторонним, поскольку сверхчувственное истолковывается как потустороннее. Теперь истинный мир тем истиннее, чем сильнее он вырывается из посюстороннего и уносится прочь от него»¹³. Этот разрыв между мирами, отдаление истинного мира за пределы земного бытия фиксируются в религиозной метафизике христианства, где истинный мир уже является не предметом знания мудреца, но лишь предметом веры. По сути дела, это означает начало эпохи нигилистического изгнания «истинного мира» философии.

Как комментирует этот фрагмент Ж. Деррида, «вторая эпоха, эпоха становления женщиной идеи как присутствия или как выхода на сцену истины, – это, стало быть, момент, когда Платон не может уже сказать “я емь истина”, когда философ не есть уже истина, отделяясь от нее и от самого себя, он ищет ее лишь по оставленным ею следам, отправляется в изгнание или же сам отправляет в изгнание идею. Тогда начинается история, начинаются истории»¹⁴.

Естественно, что здесь имеется в виду не начало истории как историографии (Historie), но именно начало сущностной истории бытия и истины (Geschichte), истории забвения или покидания «истинного мира» по Ницше или истории забвения бытия по Хайдеггеру. Фактически здесь начинается онто-историческое понимание сущности нигилистического движения «из центра в Икс».

Впрочем, и для Ницше, и для Хайдеггера этот «центр» не был действительным центром, поскольку «истинный мир» платонизма для обоих немецких мыслителей являлся лишь формой заблуждения относительно истины и бытия, т. е. «истинным» он являлся только как начальный пункт нигилистической шкалы отсчета. Отсюда проистекает весьма важное следствие: онтологический нигилизм с онто-исторической точки зрения проявляется не как углубление разрыва с истиной, ибо нигилизм не имеет к ней вообще никакого отношения, но как история все сильнее углубляющегося заблуждения относительно бытия и его истины. Мы полагаем, что в этом плане Хайдеггер оказывается в гораздо большей степени ницшеанцем, чем он когда-либо был склонен признавать.

«3. Истинный мир, недостижимый, недоказуемый, немогущий быть обетованным, но уже как мыслимый, утешение, долг, императив.

(Старое солнце, в сущности, но светящее сквозь туман и скепсис: идея, ставшая возвышенной, бледной, северной, кенигсбергской)»¹⁵.

Перед нами третий шаг нигилизма или упадка идеализма. Его иллюстрирует для Ницше кантовская философия, подобно тому как, с точки зрения Хайдеггера, этим шагом станет рационализм Декарта. Если на втором, «христианском» этапе истинный мир достигался не в этой жизни, но в принципе как мир «обетованный», то в кантовском трансцендентальном идеализме он становится своего рода вещью самой по себе, доказать существование которой разум уже не в силах. Отсюда смещение направления взгляда мудреца: от «истинного мира» к истинным условиям его познаваемости и императиву морального должностования, когда «истинный мир» постулируется практическим разумом. Однако при этом сама возможность существования «истинного мира» еще не отрицается.

Плавное нигилистическое соскальзывание «в Икс» сменяется резким нигилистическим рывком на четвертом этапе, где этот «Икс» проявляется вполне отчетливо.

«4. Истинный мир – недостижимый? Во всяком случае недостижимый. И как недостижимый, также *неведомый*. Следовательно, также не утешающий, не спасающий, не обязывающий: к чему может обязывать нас нечто неведомое?..

(Серое утро. Первое позевывание разума. Петуший крик позитивизма)»¹⁶.

Позитивизм уже ничего не знает о том «истинном мире», который вдохновлял мыслителей-метафизиков. Он не хочет ничего знать также и о самой метафизике, которая объявляется излишней. Тем самым история истины приходит к своему концу, превращаясь в «Икс», в нигилистическое неизвестное. На переломный характер этого этапа указывают слова Ницше о

«первом позевывании разума», становящегося из необязательно метафизического метафизически необязательным в том смысле, что он уже не чувствует никакой обязывающей, хотя бы в виде кантовского морального постулата, необходимости в существовании «истинного мира».

«5. “Истинный мир” – идея, ни к чему больше не нужная, даже более не обязывающая, – ставшая бесполезной, ставшая лишней идея, *следовательно*, опровергнутая идея – упраздним ее!

(Светлый день; завтрак; возвращение bon sens и веселости; краска стыда Платона; дявольский шум всех свободных умов)»¹⁷.

В своем комментарии этого пятого этапа шествия нигилизма Хайдеггер отмечает, что впервые выражение «истинный мир» Ницше употребляет в этом месте в кавычках (если, конечно, не считать кавычек в заглавии всего фрагмента из «Сумерек идолов»). Хайдеггер пишет: «“Истинный мир” упраздняется, но обратим внимание на причину: потому что он стал бесполезным, лишним <...> Платонизм преодолен, поскольку сверхчувственный мир как истинный упразднен, но зато остается чувственный мир, находящийся во власти позитивизма»¹⁸. На данной ступени начинается открытое, уже ничем не замаскированное пришествие нигилизма, он становится «естественным» состоянием бесприютности (Unheimlichkeit) истины вследствие полной утраты «истинного мира» в качестве места ее обитания. Но и это еще не последний этап.

«6. Мы упразднили истинный мир – какой мир остался? быть может, кажущийся?... Но нет! *вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!*

(Полдень; мгновение самой короткой тени; конец самого долгого заблуждения; кульминационный пункт человечества; INCIPIT ZARATHUSTRA)»¹⁹.

Итак, перед нами – «кульминационный пункт», завершение поэтапного выдвижения истины бытия в нигилистическую бесприютность. Здесь мы обнаруживаем двойное отсутствие – как истинного мира, так и кажущегося. Однако нигилистическое сведение как истинного, так и кажущегося к ничто высвобождает место для нового утверждения ценностей, что для Ницше означает наступление эпохи Заратустры с ее сверхчеловеческой волей к чеканке новых, преодолевающих нигилизм ценностей. Хайдеггер комментирует: «Что происходит, когда вместе с истинным миром упраздняется и кажущийся? “Истинный мир”, сверхчувственное, и кажущийся мир, чувственное, вместе составляют то, что противостоит чистому ничто. Когда оба мира упраздняются, то тогда все низвергается в пустое ничто. Ницше не может этого допустить, ибо он стремится к преодолению нигилизма в любой форме»²⁰.

Ницшеанское преодоление нигилизма видится Хайдеггеру в выстраивании новой иерархии, основанной не на отвержении чувственного и сверхчувственного, а на принятии чувственного и нечувственного, ибо сверхчувственный истинный мир как изначально ложную идею Ницше считает нужным упразднить окончательно. Фактически все шесть перечисленных стадий являлись формами распада платонизма, и преодоление нигилизма Ницше, а вслед за ним и Хайдеггер будут видеть в «переворачивании» (Umdrehung) и преодолении платонизма, соответственно, понимаемого достаточно широко – как господство сферы сверхчувственного (Ницше) или в качестве построенной на мышлении о сущем господствующей традиции метафизики (Хайдеггер).

Подводя итог своему рассмотрению данных шести этапов нигилистического нисхождения «истинного мира», Хайдеггер задается весьма важным вопросом о том, насколько широко и глубоко происходит «переворачивание платонизма» в философии Ницше, стремящегося к преобразованию платоновской иерархической схемы²¹.

Как отмечает Ж. Деррида, «Хайдеггер, таким образом, прослеживает действие Ницше до той точки, где оно выходит за пределы метафизики и платонизма. Но не для того ли только (здесь, по крайней мере), чтобы задать вопрос, оформленный все еще герменевтикой и, следовательно, тем философским строем, которое подобное действие призвано *рас-строить*: удалось ли Ницше то, что он действительно задумал, и “до какой степени” он действительно преодолел платонизм? Хайдеггер называет это “критическим вопросом” (Fragen der Kritik), который должен направляться “пере-продумыванием самой сокровенной мыслительной воли Ницше”, ее самого глубинного смысла»²².

С нашей точки зрения, «критическим вопросом» здесь является не столько вопрос о том, удалось ли Ницше, а вслед за ним и Хайдеггеру «преодолеть платонизм», сколько проблема понимания этими мыслителями самого платонизма. По крайней мере, работы А. Ф. Лосева и других исследователей платонизма у нас и за рубежом по восстановлению не искаженной позднейшими интерпретациями традиции платонизма заставляют задуматься над тем, не являлся ли тот «платонизм», о котором говорили Ницше и Хайдеггер, следствием нигилистического истолкования философии Платона в эпоху Нового времени.

Оставляя этот вопрос открытым, сформулируем выводы, к которым мы пришли относительно онто-исторического способа рассмотрения нигилизма. Этот способ особым образом полагает и даже предполагает наличие связанных между собой онто-исторических сущности и явления исследуемого феномена. В отличие от традиционного понимания сущности при данном способе

рассмотрения она не полагается изначально, а прослеживается через последовательные онто-исторические этапы, т. е. обладает подвижной онто-исторической структурой. Рассмотрим это на примере ницшеанского и хайдеггеровского описания вышеупомянутых шести этапов сущностной истории (Geschichte) онтологического нигилизма. Вот что говорит сам Хайдеггер о специфике данного подхода: «Описание всех шести этапов <...> задумано таким образом, что “истинный мир” <...> каждый раз соотносится с определенным видом человека, который относится к этому миру. Поэтому “перевертывание” платонизма и, в конце концов, выход из него изменяют самого человека <...> Под “сверхчеловеком” Ницше подразумевает не какое-то чудесное сказочное существо, но человека, который превосходит прежнего. Однако прежний человек есть тот, существование которого и его отношение к бытию определяется платонизмом в какой-либо форме или смещением нескольких форм»²³.

Иными словами, для постижения сущности «сверхчеловека» нам необходимо знание «прежнего человека», отношение которого к бытию опять же определяется одной из онто-исторических форм платонизма. Таким образом, создается подвижная структура сущности, где «конец как конец становится виден только из начала. Или наоборот»²⁴. То же самое касается и сущности онтологического нигилизма, выявляющей себя при онто-историческом подходе только в единстве целостного усмотрения и последовательного анализа этапов исторического оформления этой сущности.

УДК 316.35:1

ФЕНОМЕН КРЕАТИВНОГО КЛАССА В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

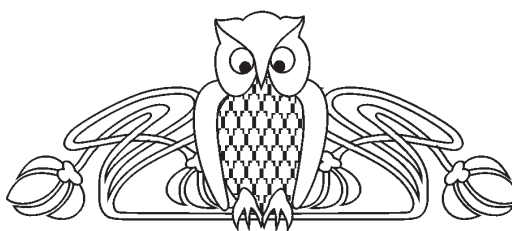
Б. С. Клементьев

Саратовский государственный университет
E-mail: Boris-1@td.ru

В статье рассматривается феномен появления креативного класса, формирование которого приводит к трансформации структуры общества. Представители нового класса рассматриваются с социальных, экономических, личностных и профессиональных позиций. Происходит формирование понятия «креативность», которое воспроизводит отличную от традиционного форму мышления, что дает возможность повышения уровня инновационного развития общества. Проводится сравнение традиционного и креативного типа сообществ, рассматриваются их положительные и отрицательные черты; креативный класс анализируется в поле отечественного социального пространства.

Примечания

- ¹ Ясперс К. Ницше : Введение в понимание его философии. СПб., 2004. С. 344.
- ² Там же. С. 334.
- ³ См.: Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. : пер. с нем. СПб., 2007. Т. 2. С. 21–23.
- ⁴ Там же. С. 297.
- ⁵ Там же. С. 79–80.
- ⁶ Ницше Ф. Полн. собр. соч. : в 13 т. М., 2005. Т. 12. С. 193.
- ⁷ Там же. С. 195.
- ⁸ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 572.
- ⁹ См.: Ницше Ф. Воля к власти : опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 29.
- ¹⁰ См.: Хайдеггер М. Указ. соч. Т. 1. С. 204–205.
- ¹¹ Там же. С. 205.
- ¹² Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁴ Деррида Ж. Шпоры : стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С. 136.
- ¹⁵ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 208.
- ¹⁹ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 572.
- ²⁰ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 210.
- ²¹ Там же. С. 210–211.
- ²² Деррида Ж. Указ. соч. С. 134.
- ²³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 209.
- ²⁴ Там же.

Ключевые слова: креативный класс, социальное пространство, инновации, традиции, социальный капитал, креативный капитал.

The Phenomenon of the «Creative Class» in the Social Space

B. S. Klementyev

Article discusses the phenomenon of the «creative class», which formation leads to a transformation in the structure of society. Representatives of the new class are considered from the social,

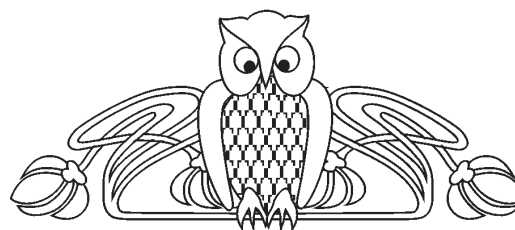

УДК 130.2(470) +929

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

И. Л. Каменчук

Саратовский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования
E-mail: irinakamenchuk@gmail.com

В статье представлены различные подходы к исследованию проблемы толерантности: в контексте особого природно-детерминированного качества личности или же усвоенного в процессе воспитания; как характеристика межличностных отношений в малых группах; как принцип социального взаимодействия в рамках философии либерализма. Раскрыты современные методологические подходы к проблеме.

Ключевые слова: мультикультурализм, аксиологический, идеально-типический, онтолого-исторический, конфликтный, отклонение, несогласие, неотторжение, консоциативное, справедливость, благо, терпимость.

Tolerance: Approaches to the Problem

I. L. Kamenchuk

Article presents various approaches to the problem of tolerance: in context of special natural qualities of the personality, or assimilated into the educational process, as a characteristic of interpersonal relationships in small groups as a principle of social interaction within the framework of the philosophy of liberalism. Current methodological approaches to the problem are highlight.

Key words: multiculturalism, axiological, ideal-typical, ontological-historical, conflicted, deviation, disagreement, unrejection, conscious, justice, good, tolerance.

Толерантность представляет собой весьма сложное понятие. В современном мире оно стало не просто широкоупотребительным и модным, его активизация отражает актуальность самой проблемы межличностного и социального взаимодействия членов социума. Проблема толерантности сейчас оказывается предметом внимания многих наук: философии, политологии, религиоведения, социологии, конфликтологии, психологии и др. Термин *толерантность*, употребляемый в разных научных парадигмах, наполняется собственным содержанием – например, она выступает как условие сохранения разнообразия, основание демократического согласия. Исторически и по существу она является альтернативой насилию в конфликтах, обусловленных противоположностью мировоззренческих позиций, т. е. представляет собой ненасильственный способ их разрешения. Она делает возможным сотрудничество между индивидами, которые придерживаются несовместимых убеждений и верований. Проблема толерантности в условиях этнических, социальных, политических, религи-

озных различий в плюралистическом обществе становится важнейшей, требующей междисциплинарного исследования.

Как предмет философского анализа категория толерантности ранее рассматривалась в контексте особого качества личности – природно-детерминированного (Л. Фейербах, М. Монтень) или же усвоенного в процессе воспитания (З. Фрейд, Э. Фромм). Основы представлений о толерантности как характеристике межличностных отношений в малых группах разработаны представителями «диалогической философии» (М. Бубер, Э. Левинас, М. Бахтин). Сейчас актуален подход к толерантности как принципу социального взаимодействия. Одной из наиболее разработанных является концепция, существующая в рамках философии либерализма. В западной науке сложилось устойчивое представление, что основы теории толерантности были заложены Д. Локком в его «Послании о веротерпимости», в XIX веке развиты Д. С. Миллем в его эссе «О свободе». Современную версию этой теории, соответствующую плюралистическому обществу, дал Д. Роулз в работах «Теория справедливости» (1971) и «Политический либерализм» (1993). Среди современных англоязычных авторов, занимающихся этой проблематикой, можно выделить М. Уолцера, П. Николсона, Д. Хейда, С. Мендус, Б. Уильямса.

В качестве самостоятельного понятия толерантность появилась в эпоху Просвещения и с тех пор, как считает Й. Подгорецкий, остается одним из наиболее фундаментальных компонентов культуры. Перемещение центра общественной жизни из религиозной сферы в политическую породило проблему расширения политических прав и свобод. И по сей день толерантность рассматривается как норма политического взаимодействия. Без политических оснований, по мнению С. Г. Ильинской, концепция либеральной терпимости не была бы сформулирована Локком, если бы в XVII столетии протестанты смогли уничтожить католиков (или наоборот)¹.

Идея толерантности Дж. Локка основана на общественном договоре и разделении частной и общественной жизни каждого человека: «Прежде всего я считаю необходимым различать вопросы государственные и религиозные

и должным образом определить границы между церковью и государством»². В своих «Письмах о веротерпимости» философ констатирует, что религиозные верования невозможно обосновать никаким способом, и делает вывод о недопустимости вмешательства государства в личную жизнь граждан. «Гражданскому правителю забота о спасении души принадлежит не более чем остальным людям. И бог не поручал ему этого, ибо нигде не сказано, что бог предоставил людям право насильно заставлять других людей принимать чуждую им религию»³. Это убеждение Локк обосновывает тем, что государственная власть правителя основана на принуждении, а «истинная же и спасительная религия состоит в глубокой внутренней вере души, без которой ничто не имеет силы в глазах Господа. Природа человеческого разума такова, что никакая внешняя сила не способна принудить его»⁴. Современным звучат сегодня мысли Дж. Локка о необходимости разделения государственной власти и церкви. «Она (церковная власть. – И. К.) должна быть ограничена пределами церкви и никоим образом не может распространяться на дела гражданские, поскольку сама церковь полностью и совершенно отделена от государства и гражданских дел. Пределы и для той и для другого твердо установлены и нерушимы. Смешивать два этих совершенно различных по своему происхождению, цели и предмету сообщества – все равно что смешивать столь несовместимейшие вещи, как небо и земля»⁵. Основанием терпимости Дж. Локк справедливо считает нравственность, призывая *прививать те ценности, которые позволяют обществу стать терпимым*, – великодушие, мягкость нравов. «Моральная сторона поступков относится к компетенции двух судов – внешнего и внутреннего – и подлежит власти как гражданского, так и домашнего владыки, т. е. государя и совести»⁶. В своем «Третьем письме» Дж. Локк провел анализ понятия «толерантность», основывая его на необходимости покориться истине. Здесь его взгляды перекликаются с позицией Вольтера, полагавшего, что существует связь между терпимостью и истиной. Являясь сторонником неравенства, Вольтер не усматривал ничего предосудительного в том, что некоторые религии играли решающую роль в отдельных обществах, а их последователи получали важные политические должности, и поэтому считал естественным, что эти должности могут принадлежать меньшинству.

Другой аспект понятия «толерантность» рассматривал Дж. С. Милль в своем эссе «О свободе». Толерантность здесь становится частью свободы индивида не только от государственного вмешательства в его частную жизнь, но и от давления гораздо более широкого – влияния большинства общества. Милль призывал сторон-

ников толерантности поддерживать отдельных индивидов, особенно тех, кто выходил за рамки существовавших в обществе правил. Представляя общество как некий дискуссионный клуб, он видел в толерантности средство стимулирования дискуссии, в ходе которой формулируются общественно полезные выводы: «Способность обсуждать обе стороны предмета, когда слышат только защитников одной стороны, – такая способность встречается едва ли не реже, чем какой-либо другой умственный атрибут, и поэтому где не могут высказываться все стороны, там совершенно безнадежно, чтобы могла быть познана истина, и наоборот: тем надежнее достижение истины, когда каждая ее сторона, каждое мнение, заключающее в себе ту или другую ее часть, находит себе защитников, и притом таких, которые умеют возбудить к себе внимание людей»⁷. Обосновывая необходимость свободы мнений и их выражения, автор эссе подчеркивает необходимость активной толерантности, которая должна прийти на помощь людям, когда подводит разум. Возражая против эгоистической индифферентности, автор считает, что благосостояние индивида прежде всего касается его самого и совершенно безразлично другим членам общества, а соответственно, «индивидуум не подлежит никакой ответственности перед обществом в тех своих действиях, которые не касаются ничьих интересов, кроме его собственных, в тех действиях, которые вредны для интересов других людей, индивидуум подлежит ответственности и может быть справедливо подвергнут социальным или легальным карам, если общество признает это нужным»⁸. Таким образом, толерантность у Милля ограничивается, во-первых, вредом, наносимым другим членам общества, и во-вторых, моральной зрелостью человека и общества, но является ценностью, поскольку содействует совершенствованию человека и общества.

Аксиологического подхода к толерантности придерживается П. Николсон. По его мнению, «толерантность есть добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, хотя бы они и отклонялись в чем-то важном от мнения или действия субъекта толерантности и хотя последний морально не согласен с ними <...>. Толерантность – благо»⁹. Говоря о толерантности как о благе, П. Николсон в то же время считает это свойство толерантности наиболее дискуссионной характеристикой понятия.

Определяя границы толерантности в работе «Толерантность как моральный идеал», П. Николсон считает, что её следует проявлять к любому выражению мнения, включая и те, которые защищают интолерантное поведение. Существенную проблему автор видит в необходимости отличать выражение мнений, к которому всегда следует

относиться толерантно, от действий на основе этих мнений, к которым не всегда следует относиться терпимо. Подвергая критике данный подход, М. Б. Хомяков пишет, что Николсон производит подмену понятия «толерантность» уважением к личности человека, которое является более широким. Позиция Николсона напоминает христианскую заповедь о ненависти к греху, но любви к грешнику. При подобном определении, считает Хомяков, утрачивается всякая ценность понятия толерантности, поскольку под ней понимается практически любое допущение иного во всяком обществе¹⁰.

Идеально-типический подход к рассматриваемому понятию берет свое начало в философии И. Канта, придавая абсолютный характер этическим ограничениям, которые он накладывает на практическую деятельность человека. Для определения нравственных позиций Кант также отсылает человека не к Богу, а к самому себе, к человеческой совести. И в области религии человек должен иметь мужество жить собственным умом, не поддаваясь соблазну купить безопасность ценой рабского подчинения чужой воле. С точки зрения разума в гражданском обществе различные формы веры должны иметь равные права. Сомнение – также право разума. Поэтому лишь толерантность обеспечивает нормальную совместную жизнь людей. Мораль как социальное понятие означает терпимость и справедливость, исключая превращение свободы в произвол, вседозволенность. Сформулированные И. Кантом законы морали, и прежде всего категорический императив, действуют в универсальном мире, и потому он лишен онтологических оснований, ибо Кант утверждает, что императив есть априорная форма человеческого разума.

Онтолого-исторический подход в исследовании толерантности демонстрирует работа М. Уолцера «О терпимости», в которой автор размышляет о проблемах мультикультурализма: «Предметом моего исследования является терпимость или, лучше сказать, то, что делает терпимость возможной, а именно мирное сосуществование групп людей с различной историей, культурой и идентичностью». Уолцер различает пять толерантных режимов, или пять типов политического устройства, допускающих терпимость: многонациональные империи, образчиками которых являются система миллетов Османской империи и Советский Союз; международное сообщество; консоциативные (со-общественные) устройства, такие как в Бельгии и Швейцарии; национальные государства, например Франция, где в ранге меньшинств находятся все, кроме одной, доминирующей группы, и иммигрантские общества (примером последнего является США).

В международном сообществе, самом толерантном из всех, по мнению автора, объектом

толерантности являются отдельные государства, обладающие суверенитетом. Толерантность является неотъемлемой чертой суверенитета. Все те, кто находится по ту сторону границы, не смогут вмешаться в происходящее по эту сторону, и суверенитет служит гарантией этому.

Суверенитет, замечает далее М. Уолцер, особенно в современных условиях, имеет свои пределы, четко обозначенные в правовой доктрине гуманитарного вмешательства. Когда государство неспособно контролировать гуманитарный конституционный порядок и внутригосударственный конфликт угрожает международному миру и безопасности, международное сообщество вмешивается во внутренние дела этого государства и ограничивает его суверенитет.

Исторически «мирное сосуществование групп людей с различными историями, культурами и идентичностями» являет собой, чрезвычайное достижение: «Терпимость делает возможным существование различий; различия же обуславливают необходимость терпимости»¹¹. По мнению М. Уолцера, терпимость легче достигается в тех обществах, где нет большого экономического неравенства, в которых индивиды обладают возможностями для продвижения вверх и где сильны ассоциации промежуточного типа – семейные, этнические, профсоюзные, политические.

Анализируя концепцию М. Уолцера, можно согласиться с позицией Э. Соловьёва, который критикует одномерность её проекции. Меньшинства – объект терпимости, но не субъект. Между тем «толерантность, как и компромисс, не может быть односторонней. Гарантией устойчивого демократического развития <...> может быть только взаимная толерантность социальных, конфессиональных, этнических и других групп»¹².

В контексте толерантности в русской философии можно анализировать идеи А. С. Хомякова, В. С. Соловьёва, Л. Н. Толстого. Осмысление проблематики социального взаимодействия отразило ряд отличительных особенностей социальных связей – духовно-нравственную содержательность, несводимость лишь к формальным контактам. Вся русская философия пронизана мыслью, что жизнь личности шире и глубже общественной. В качестве наиболее эффективного способа совершенствования общества представлялось прежде всего духовно-нравственное развитие человека, хотя нельзя сказать, что проблема значимости механизмов социального регулирования была обойдена вниманием.

С появлением в отечественной науке понятия «толерантность» в качестве синонимов стали выступать «терпение», «терпимость». Но эти понятия несут и особую смысловую нагрузку. Терпение не «пассивная слабость» или «тупая покорность» – это активная напряжённая борьба духа. «Отнимите у человека терпение, и всё рас-

падает в ничтожество: верность, скромность и смирение; любовь, сострадание и прощение», – писал И. А. Ильин¹³.

Среди современных отечественных исследователей толерантности представляет интерес работа С. Г. Ильинской «Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика», где толерантность рассматривается не как этическая категория, не как «ценность в себе», а как политическая категория. В качестве аргументов в обосновании такого подхода автор приводит необходимость переосмысления трудов классиков политической философии в соответствии с реалиями современности, а также кризис либеральных концепций толерантности.

Автор последовательно отстаивает точку зрения, что так называемые конфликты культур чаще всего имеют социально-экономическую природу, касаются вопросов доступа к власти и ресурсам. Определяя толерантность в современной России как «однобокую», С. Г. Ильинская считает, что она до сих пор не является составной частью продуманной государственной политики, поэтому в общественном сознании чаще «воспринимается не как терпимость между индивидами, а как терпимость государства по отношению к группам»¹⁴, связанным прежде всего отчётливо выраженной общностью этнического происхождения.

Формулируя отечественный вариант развития толерантности, С. Г. Ильинская указывает на возможность «избежать как некритического заимствования чужих моделей, характерных для “западничества”, так и “почвеннической” теории “особого пути” России», связывая развитие толерантности в России с существованием в отечественной философии категории Правды в отличие от универсальной Истины». Нельзя не согласиться с автором, что «эта категория, целиком принадлежащая русской традиции и одновременно сочетающая в себе два совершенно разных понятия истины и справедливости, определяет перспективы толерантности в России в форме событий различных культурных традиций»¹⁵. Между тем важно отметить, что размышляя о толерантности, нужно говорить не только о справедливости, о которой пишет С. Г. Ильинская, объясняющая «запросом на социальную справедливость <...> этническую политизацию общества и антииммигрантские настроения», но и о совести, которая высвечивает не чужую, а только собственную вину. Оценка мира – голос совести, это мысль или осознаваемое ощущение субъекта. Мы всегда жаждем справедливости, желая ее, естественно, только для себя, но часто вполне искренне считая, что и для других. Обращая внимание на специфику толерантности в России, Ильинская не исключает, а скорее, предполагает включенность ее в общемировой

процесс «стандартизации» плюралистической демократии.

Эволюция идеи толерантности начиная с эпохи Реформации с ее борьбой за веротерпимость через просветительскую концепцию автономии человека, его неотъемлемого права на свободу совести и слова, а следовательно, на религиозную и политическую толерантность в XX в. достигает своеобразной кульминации. Признание особого статуса толерантности как одного из принципов, которому надо следовать для построения справедливого, цивилизованного общества, можно рассматривать, с одной стороны, как закономерный итог многовековых споров вокруг этого понятия, а с другой – как новый этап в развитии самой идеи.

Примечания

- ¹ С. Г. Ильинская выделяет несколько основных методологических подходов к толерантности: аксиологический, трактующий терпимость как ценность саму по себе; идеально-типический, в котором толерантность выступает своего рода моральным идеалом общественного устройства; онтолого-исторический, рассматривающий эволюцию толерантности в ходе исторического развития групп; конфликтный, в центре которого борьба между группами, культурами, убеждениями в границах разумного.
- ² Локк Дж. Послание о веротерпимости // Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 93.
- ³ Там же. С. 95.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 103.
- ⁶ Там же. С. 119.
- ⁷ Милль Дж. С. О свободе // О Свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века) / пер. с англ. А. Н. Неведомского. М., 2000. С. 288–392.
- ⁸ Там же. С. 311.
- ⁹ Матраверс М. Д. Проблема толерантности в англо-американской философии // Толерантность : Материалы летней школы молодых ученых «Россия – Запад : философские основания социокультурной толерантности» : в 2 ч. / под ред. М. Б. Хомякова. Екатеринбург, 2001. Ч. 2. С. 3.
- ¹⁰ См.: Хомяков М. Б. Толерантность : парадоксальная ценность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 4. С. 100.
- ¹¹ Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 123.
- ¹² Соловьев Э. Толерантность в политической истории человечества : предпосылка или продукт демократии // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 4. С. 118.
- ¹³ Ильин И. А. Поющее сердце. М., 2007. С. 301.
- ¹⁴ Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия : история, теория, практика. М., 2007. С. 27.
- ¹⁵ Там же. С. 240–241.

ективности. Первый метафизический постулат он связывал с данностью собственного трансцендентального опыта и бесконечной областью многообразных отдельных опытов. Второй затрагивал познание широты трансцендентально-феноменологического опыта, поле которого не ограничивается только собственным трансцендентально очищенным *ego* философствующего, но расширяется до раскрывающихся в этом *ego* благодаря трансцендентальному вчувствованию многообразных *alter ego* и трансцендентального открытого бесконечного Я-сообщества, которое в меняющейся ориентации трансцендентально оповещает о себе в каждом *ego*.

Подвергая анализу философские искания Э. Гуссерля относительно категории «опыт», было бы весьма логично задаться вопросом: что же в действительности искал Э. Гуссерль, обращаясь к философскому наследию Р. Декарта? Видел ли он в фигуре французского философа непримиримого оппонента или великого учителя? Логический поиск ответов на поставленные вопросы подводит к «Феноменологии», написанной Э. Гуссерлем для Британской энциклопедии и опубликованной после смерти философа в 1939 г. Несмотря на достаточно скромный объем, «Феноменология» далась Гуссерлю с невероятным трудом. В ней мы находим законченное определение феноменологии как науки, сформулированное с позиции радикальной феноменологии, единственным представителем которой он продолжал оставаться. С обозначенной в статье позиции все рациональные проблемы, которые по той или иной причине стали рассматриваться как «философские», имеют свое место в рамках

феноменологии, обнаруживаются в предельном источнике трансцендентального опыта. В этом утверждении «скрывается» причина настойчивого и последовательного рассмотрения философом категории опыта.

Завершая один из своих последних научных трудов, Э. Гуссерль связывал с феноменологической философией не только возможность постижения трансцендентальности человеческой «жизни», но и развитие основных тенденций древнегреческой философии с главенствующим мотивом философии Декарта. Именно в феноменологии он видел методическую основу, способную «вдохновить науку, которая не будет иметь пределов».

Примечания

- ¹ Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С. 101.
- ² Там же. С. 16.
- ³ Гуссерль Э. Парижские доклады // Логос. 1991. № 2. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 9.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Там же. С. 17.
- ¹² Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 121.
- ¹³ Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1994. № 5. С. 16.

УДК [502.5:1](0,75.8)

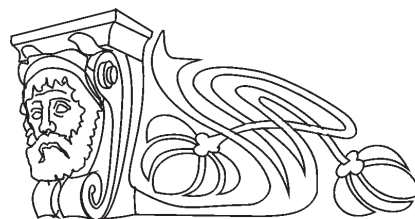
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЛАНДШАФТА КАК ПЕЙЗАЖА

Н. Я. Веретенников

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

В статье рассматриваются философский аспект восприятия ландшафта и отображение его в пейзаже. Особое внимание автор уделяет методологии исследования ландшафта и пейзажа, включающей междисциплинарность, синергичность, конвергентность, а также ментальный, сакральный характер этих феноменов.

Ключевые слова: ландшафт, пейзаж, окружающая среда, человек, философия, восприятие.

Philosophical Aspect of Perceiving Landscapes as Sceneries

N. Ya. Veretennikov

The article deals with the philosophical aspect of perceiving landscapes and reflecting the same in sceneries. The author pays particular attention to landscape and scenery research methodology, this methodology covering interdisciplinarity, synergy

and convergence alongside with mental and sacral nature of these phenomena.

Key words: landscape, scenery, environment, human being, philosophy, perception.

Рефлексивное поле познавательного процесса, исследования ландшафта и пейзажа включает в себя такие типы познаний, как междисциплинарность, синергичность, конвергентность, а также внимание к ментальному и сакральному характеру указанных феноменов.

Междисциплинарность как методологический инструмент исследования ландшафта при эпистемологическом рассмотрении предполагает ситуацию выхода за пределы отдельной дисциплины и взаимодействия различных, обладающих своими методами познания. Так, при исследовании географического ландшафта как сочетания различных природных компонентов (рельефа, климата, почв, растительного покрова) можно опираться на такие научные дисциплины, как география, геология, биология, экология, а также гуманитарные и общественные – философию, историю, искусство, психологию и т. д. Все это осуществляется в рамках фундаментальной концепции «природа – общество – человек». Социально-философский аспект исследования ландшафта несет большой мировоззренческий смысл: природный ландшафт как выражение материи един и в то же время многообразен по формам своего бытия, составляющим его природным компонентам, по его включенности в экзистенциальные взаимоотношения с человеком и обществом. Это также свидетельствует о его многомерности. Таким образом, междисциплинарность как коммуникация дисциплин дает всестороннюю полноту знаний об исследуемом объекте; одновременно с этим формируется и особый способ мышления человека.

Методологическая рефлексия, основанная на синергетической парадигме, позволяет исследовать ландшафт как сверхсложную открытую динамическую систему с внешним источником энергии, динамическими связями внутри неё, определяющими ее организацию путем информационного и энергомассообмена между компонентами земной оболочки – рельефом, растительным покровом, гидросферой и т. д. В то же время ландшафтная оболочка испытывает воздействие антропогенных факторов.

Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа представляет собой процесс целостного отражения, рождающегося при непосредственном его воздействии на рецепторные зоны органов чувств. Восприятие как вид познания предполагает осмысление и истолкование чувственных данных. Решающую роль здесь играет семантический подход к пейзажу, реализуемый в рамках феноменологии и герменевтики, т. е.

постижение смысла и символов, изначально заложенных автором живописного, поэтического или других типов отображения ландшафта. Пейзаж должен быть переосмыслен и поставлен в рамки соотнесенности его с бытием человека. Он предстает идеальной позицией для индивидуального видения мира. Природа никогда не может явить себя человеку в своей самости: уже под его взглядом она всегда очеловечивается, антропизируется. Он ее созерцает, воспринимает, оценивает, превращает в артефакт, ставит в контекст собственного опыта и традиции. Понимание как ландшафта, так и пейзажа предполагает прежде всего онтологическое самоопределение субъекта, его сращенность с бытием: пробуждается осознание того, что судьбы человечества и природы едины.

Природный ландшафт, отображенный в пейзаже, служит частью не только внешнего, но и внутреннего пространства человека: он причастен к сферам разума, духа. В ландшафте движется не только человек, но и его взгляд, мысль и переживания. Пейзаж являет собой духовное, умозрительное освоение окружающего мира, где в сознании находит место гармония естественного и культурного. Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа используется в контексте конструирования философской парадигмы многогранности бытия и человеческого мышления.

Пейзаж как идеальный образ ландшафта существует в различных видах и жанрах искусства: в живописи, литературе, графике, архитектуре. Их смысловая ценность подчинена раскрытию идеи существования природы и человека многообразных формах взаимовлияния. Философское осмысление природы соединяется с идеей ее преобразования. Каждой эпохе свойственно свое образное видение природы. Начиная с неолита в пейзажах воплощаются представления о природе как сфере действия человека и преобладают тенденции, присущие именно этой эпохе.

В русской натурфилософии природа рассматривается в первую очередь в отношении к Богу, а не человеку. Природа выступает как откровение высшего разума и сверхъестественной воли. Сакральное в пейзаже выполняет роль структурообразующего начала. Вокруг церкви на возвышенном месте располагаются другие элементы: тихая светлая речушка, сельские дворики, березки, крестьянское поле, луговое разнотравье и сами труженики русской земли. В аксиологии сакральное задает вертикаль ценностных ориентаций: оно в пейзаже воспринимается сознанием как принципиально отличное от обыденной реальности и исключительно ценное.

О философской методологии восприятия и познания сакрального в природе пишет И. А. Ильин: «В познании проявляются две аксиомы фило-

софской методологии. Суть первой состоит в том, что философское знание выстраивается на предметном опыте, на адекватном восприятии изучаемого предмета. Однако это совсем не означает, что всякий опыт есть чувственный опыт, то есть что он состоит в восприятии вещи телесными “чувствами”. Бесспорно, всякий чувственный опыт есть опыт, но далеко не всякий опыт есть опыт чувственный. И вот философия творится именно нечувственным опытом; в этом вторая аксиома философской методологии»¹. Далее философ замечает, что обычное сознание занято по большей части чувственным восприятием: звуками, красками, пространственными образами, формулируемыми ощущениями тела. Но душа человека, по Ильину, может испытывать многое нечувственное. Искание сверхчувственной истины по-особому обнаруживается: сверхчувственное в человеке при восприятии пейзажа рождается при аффекте как душевном волнении, религиозно обращенном к Богу, этически к добру и познавательно – к Истине.

Сакральное в пейзаже – святые места – это запечатленное остановившееся время, отраженная «вечность». В изображении святых мест пейзаж символизирует священную историю, но одновременно и является ею. Святые места пейзажа предстают как земля, благословенная самим Господом: например, Святая земля, на которой находился Эдем – райские кущи, избранные Господом для явления Мессии. В религиозной духовности представления о сакральности конкретизируются благодаря священным местам, образам и священному слову – Логосу. Для крестьянского сознания на Руси земля – это лоно человеческой жизни, этическое, нравственно-духовное начало. В сакральном пейзаже как объективированном духе мы снова познаем живой дух, который говорит с нами через это живописное произведение.

В исследовании пейзажа необходимо увидеть его слитность с менталитетом народа, с его душевным складом, образом мыслей, ценностями, моделями поведения и жизни. Связь с элементами ландшафта предстает как идентификация, уподобление, обожествление. В региональных ландшафтах и пейзажах особенно ярко заметны специфические черты менталитета пребывающих в этом географическом месте народа, нации. В менталитете проявляются наиболее устойчивые структуры моделей поведения, отношения к родной земле, которые не изменяются со сменой поколений. Природа, оказывая большое влияние на людей, формирует у них во взаимоотношениях с ней жизненные, практические способы хозяйствования, устойчивый образ родного края, традиции, обряды, чувство патриотизма, эмоциональное состояние, которое находит место в философской лирике, в творениях живописцев. Мо-

делирование фольклорного образа окружающего природного пространства происходит на основе соотношения реального наблюдаемого людьми ландшафта и его мифологической проекции в сознании носителей традиционной культуры. Так, Л. Н. Виноградов пишет: «В оценочном восприятии географического пространства, которое отмечается по данным славянского фольклора и мифологии, менее значимыми оказываются такие утилитарные характеристики местности, как пространственная протяженность, ориентация по частям света, хозяйственная пригодность и т. п. Более важным являются приписываемые природным локасам свойства мест “хороших” и “плохих”, “святых” и “нечистых”, опасных или безопасных, основанных человеком и диких участков»². «Дьявольские» места приобретают общенегативный смысл. А вот дороги и тропы, переправы «говорят» о связях, отношениях с другими общностями людей, их культурой, обычаями, о желательных и нежелательных встречах и контактах, о том, в какие стороны ведут.

Если в славянском мире ландшафт, представленный в пейзаже, оказывает большое влияние на формирование ментальных черт той или иной социальной общности, то в китайской культуре осмысление ландшафта смыкается с философией и воспринимается как зримое воплощение философских принципов, практическая демонстрация их функционирования. Здесь ландшафт воспринимается не только как природный мир, но и как некая символическая реальность. «Ландшафт, предстающий перед нами в китайской пейзажной живописи, поэзии, ландшафтной архитектуре, не списан с натуры. Он является своего рода <...> изображением мира во всей его совокупности, создающим при взгляде на картину чувство ирреальности, подобное тому, что возникает во сне»³. Заложенные в китайской философии представления о мироустройстве охватывают не только пространство и время, но и все вещи, все элементы ландшафта, которые соединены в целостную структуру и оживлены единым ритмом, называемым также Дао. Все сущее, таким образом, существует не в статике, а в динамике, постоянно преображаясь, изменяясь, претерпевая различные метаморфозы. Пейзаж в китайской культуре, философии конструируется мыслью, неизменными атрибутами его являются горы и воды, символизирующие два мироустроительных начала. В рукотворном пейзаже более всего ценились не простота и естественность, а его «фантастичность». Здесь каждый объект уводит в лабиринт символов, ассоциаций, воспоминаний. В пейзаже раскрывается принцип единственности макро- и микрокосмоса – базисная интенция китайского философского мышления. Главное его достоинство в том, что наиболее полно он постигается в сознании.

С. Л. Франк отмечает: «Природный хаос – наше материнское лоно – таится в глубине нашей собственной души, и поэтому он при всей его таинственности откликается в каждом человеческом сердце»⁴. В славянских странах, где связь человека с природой была гораздо менее опосредована культурой и цивилизацией, сложилась цельная система гармонического со-бытия Бога, природы, святых и простых людей, занятых на земле своим делом, ведущих свой образ жизни и вырабатывающих самобытное отношение к природе. И все это отражалось, правда, в более позднее время, в русских пейзажах. Концепция географического детерминизма была предложена философами позже.

Исследование российского ландшафта, как и живописного пейзажа, усложняется особенностями географии нашей страны, которая представляет собой разнообразные климат и ландшафты. Н. А. Бердяев писал: «Много загадочного в русской истории, в судьбе русского народа и русского государства. Но не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные пространства»⁵. Самобытность жизни русского человека прежде всего связана с землей-матушкой, что нашло отражение в пейзаже русских живописцев, в философской лирике, в литературе. В искусстве раскрывается целостный национальный образ русской природы. Интерпретация своеобразия национальной природы как источника состояния русского духа есть у большинства отечественных поэтов.

Первооткрывателями национального пейзажа в русской лирической натурфилософии явились А. С. Пушкин и П. А. Вяземский, у них мы находим романтически точные детали, характерные для среднерусского пейзажа. «Ветер скучной осени», «воды тусклые», «ветви голые», «дуб чернел в лесу пустом», «природа бледная с унылостью в чертах» – эти подробности предвосхищают «бедный», «невзрачный» пейзаж. Это говорит о неприхотливости, неяркости, неживописности, вызывающей умиление и тоску, жалость и горечь. В более поздних стихах Пушкина преобладает точка зрения не созерцателя, но путешественника – дорога словно впервые распаивает перед поэтом всю ширь родной природы, вводит в самый процесс ее пространственного и духовного освоения. И все-таки обобщенный национальный пейзаж у него («19 октября», «Роняет лес багряный свой убор...», «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы») менее ярок и красочен, чем у русских живописцев, – бескрайняя однообразная равнина («Одна равнина справа, слева»), и по этой уплощенной земле кое-где разбросаны низенькие деревеньки. Постройки и сооружения как бы врастают в природу, ветшают, приобретают неприхотливый, неприметный вид, становятся

частью естественного ландшафта: «Скривилась мельница, насилиу крылья // Ворочая при ветре»; «...калитка, сломанный забор»; «...во рву, водой размытом, под разобранным мостом».

И в природе господствуют подвижные стихии – дождь и ветер, растворяющие все твердые очертания: дорога изрыта дождями, ветер крутит снежные вихри, тучи выются. Природа переживается как обступающая, неотвратимая – не как географический или климатический фактор, а как сама судьба, принявшая наглядные, осязаемые черты. И сквозь эту мглистую пелену порой прорываются черты другой, ослепительно яркой природы. «Национальный пейзаж у Пушкина очень сложен, далек от какой бы то ни было эмоциональной однозначности. Здесь и печаль, и любовь, и суровость, и кроткость – все то, чем может жить душа, находя в природе прообраз своих страданий и своего просветления»⁶.

В поэзии М. Ю. Лермонтова впервые наглядно заявлена тема родного простора – не той географически развернутой панорамы, где называются лишь края (от ... до), но постигаемого изнутри. Пейзаж наполнен запахом дыма, пронизан печальными огнями деревень, одушевлен чувством дороги и приметам малой теплящейся жизни. В «Родине» речь идет о степи: этот распластанный простор, зримый в южной России, – самое главное и дорогое для Лермонтова в русской природе:

Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

«Родина» – первый в русской поэзии опыт обобщенного и вместе с тем духовно наполненного пейзажа, сочетающий возвышенность лирического гимна с реализмом «бедных» подробностей.

Поэзия С. Есенина – самый значительный этап в формировании национального пейзажа, который наряду с традиционными мотивами грусти, запустелости, нищеты включает удивительно яркие, контрастные краски, словно взятые из лубков: «Синее небо, цветная дуга, / Край мой! Любимая Русь и Мордва!»; «О Русь, малиновое поле / И синь, упавшая в реку...»; «Ой ты, Русь моя, милая родина, / Сладкий отдых в шелку купырей». Этот образ яркой и звонкой, васильковой России со сладкими запахами, шелковистыми травами, голубой прохладой именно Есениным был привнесен в самосознание народа. По-новому изображает Есенин небесные и атмосферные явления – более картинно, изобразительно, используя зооморфные и антропоморфные сравнения – так, ветер у него живое существо: «рыжий ласковый осленок», «отрок», «тонкогубый», «пляшет трепака»; очеловечиваются образы березы, клена. Береза, во многом благодаря Есенину, стала национальным поэти-

ческим символом России. С особой болью он говорит о мучительных взаимоотношениях природы и побеждающей цивилизации: «...живых коней победила стальная конница»; «...сдавили за шею деревню / Каменные руки шоссе».

Поэзия, разумеется, не представляет природу в системе понятийных категорий так, как это делает философия. Но она, по М. Н. Эпштейну, богатая живыми лексическими корнями, вырастает в мир природы. «Небо», «огонь», «вода», «свет», «воздух» – наглядные, конкретные представления и вместе с тем предельно общие, неразложимые понятия, которыми пользуются и поэзия, и философия, тем самым через природу «природняясь» друг другу.

Творения великих художников оказывают глубочайшее влияние на нашу жизнь, они направляют наши переживания, пробуждают скрытое видение, изменяют уровень осмысления реальности, раскрывают знаки духовных путей в земном пространстве. Огромное значение имеют пейзажи Н. К. Рериха, которые открывают нам географический мир, самобытную жизнь народов многих стран, помогают осмыслить прошлое в его символическом созвучии с настоящим, представить основные вехи в истории человечества как цепь многократных мировых катаклизмов, как эпизоды единой «космической» эволюции. В философии, архитектуре его живописных полотен выражен многообразный ментально-духовный мир народов Востока.

Русские художники В. М. Васнецов, И. Е. Репин, В. А. Серов, А. К. Саврасов, И. И. Левитан и другие благодаря особому пейзажному мышлению раскрывают духовную гармонию русского человека с окружающим ландшафтом, развивают эстетическое чувство.

О взаимоотношенности российской ментальности и русского пейзажа свидетельствует самобытный характер жизни русского человека, связанной с землей-матушкой. Русский человек – человек земли: «И вся народная русская земля есть лишь глубинный слой каждого русского человека, а не вне его и вдали лежащая обетованная земля»⁷. Без изначальной и стихийной любви к России невозможен никакой пейзаж. О ментальном в русском пейзаже говорят русское миропонимание и русская душа. В философской литературе о пейзаже нашли отражение типичные направления мышления и духовные мотивы русского национального характера. Подобный опыт слияния с окружающей природой, опыт внутреннего переживания гармонии мира, глубокой внутренней полноты природного мира раскрывает Даниил Андреев: «И когда луна вступила в круг моего зрения, бесшумно передвигаясь за узорно-узкой листвой развесистых ветвей, начались те часы, которые остаются едва

ли не прекраснейшими в моей жизни <...> Я слышал, как Нерусса (река в Брянских лесах. – Н. В.) струится не позади, в нескольких шагах за мною, но как бы сквозь мою собственную душу <...> в поток, струившийся сквозь меня, влилось все, что было на земле, и все, что могло быть на небе <...> И все, что мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством»⁸.

На всемирно известном полотне И. И. Левитана «Вечерний звон» церковь символизирует место лучших чувств и мыслей: сюда русский человек нес свой ум и свое сердце. И все в пейзаже – церковь, река, лес, уходящие вдаль просторы полей – в удивительной гармонии подчеркивает согласие природы и людей в их совместном бытии. Русские художники-передвижники направили свое внимание на размышления о русском ландшафте и бескрайних просторах родины, на тяжелый труд, величие, силу, мудрость русского народа. Пейзажи передвижников отличаются психологизмом и социальным обобщением.

Эвристические возможности пейзажа обогатились, когда со времен Великих географических открытий в состав экспедиций стали включать художников. Часто «чтение» ландшафта приближается к аксиологическому, когнитивному научному уровню. Переноса взгляд с одного конкретного места ландшафта или пейзажа на другое, познающий человек как бы перемещается от одного события к другому, возникает особый хоронотоп, своеобразный пространственно-временной континуум – синтез географии и истории, – расширяющий духовный мир.

Философский аспект восприятия ландшафта как пейзажа заполняет теоретический вакуум, что нуждается в рациональном осмыслении и обсуждении.

Примечания

- ¹ Ильин И. А. Религиозный смысл философии. М., 2003. С. 37.
- ² Виноградова Л. Н. Ментальный образ ландшафта в народной культуре // Ландшафты культуры. М., 2007. С. 45.
- ³ Волчкова Е. В. Конструирование ландшафта в китайской традиционной культуре // Там же. С. 335.
- ⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 484.
- ⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 2004. С. 95.
- ⁶ Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 20.
- ⁷ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 106.
- ⁸ Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. М., 1991. С. 43.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.62 (430) + 929 Гуссерль

МЕСТО ОПЫТА «ДРУГОГО» В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

А. А. Алебастрова

Саратовский государственный университет
E-mail: alebastrova_70@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению опыта в поздних работах Э. Гуссерля посредством обращения к философскому наследию Р. Декарта. Через осмысление опыта философия XX века раскрывает отношение человека к «Другому» индивиду. Обращаясь к опыту, Э. Гуссерль видел в нем основы феноменологии как науки более высокой формации.

Ключевые слова: «Другой», опыт, феноменология, Dasein, «Другое Я», Э. Гуссерль.

Experience of «The Other» in Husserl's Phenomenological Project

A. A. Alebastrova

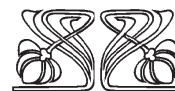
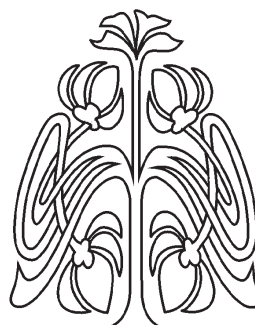
Article is devoted to consideration of experience in late Husserl's works through the appeal to Descartes' philosophical heritage. Through judgment of experience the philosophy of the 20th century opens the relations the person to «The Other» individual. Addressing to E. Husserl experience, saw in it phenomenology bases as sciences of higher formation.

Key words: «The Other», experience, phenomenology, Dasein, «Alter ego», Husserl.

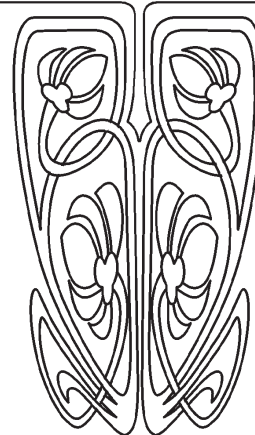
Человечество, вступая в эпоху информационного общества и в очередной раз переживая мучительный процесс взросления, напоминает хрупкого мальчика-подростка, ищущего в «Других» недостающий ему опыт, ибо, по меткому замечанию Фихте, разумное существо не имеет ничего вне опыта. Он содержит в себе весь материал человеческого мышления: лишь в этом случае возникает живая жизнь, порождающая из себя другую жизнь. И в этом контексте кажется далеко не случайным философское осмысление опыта как темы дискурса, развернувшегося вне времени и вне эпохи, берущего на себя право определения основных направлений развития человечества. В нем находит отражение трансформация восприятия человека в философии новейшего времени в контексте сосуществования отношений человека к иному индивиду как к «Другому» через деятельное соучастие с мирами иных «Я».

Обращение Э. Гуссерля к категории «опыт» в философских трудах, созданных в первой четверти XX столетия, можно рассматривать как закономерный итог непростых и порой мучительных рассуждений ученого, пытавшегося языком философии осознать противоестественность кризиса, обрушившегося на Европу и проявившегося в том числе и в кризисе европейской науки. Именно в этой «неслучайности» апелляции к категории «опыт» проявляется особая специфика деятельности философа, ищущего «связный порядок категорий» в «связном дискурсе», трансформировавшемся со временем в «логику философии».

В императивах философии опыт воспринимается как фундамент непонятного знания о действительности. Герменевтика, в XX в.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

приобретшая черты философской дисциплины и испытывавшая на себе существенное влияние идей феноменологии, разработанных Э. Гуссерлем, выделяет «опыт» человечества с позиции духа и морали, сравнивая его с уникальным сокровищем, которое человек накапливает на протяжении всей своей жизни. При этом «человек могущий» («l'homme capable») не в состоянии воспроизвести «культурный опыт» великих – Сократа, Декарта, Леонардо да Винчи, – поскольку сохраняя воспоминания о жизни величайших представителей человечества и после их смерти, мы не «обладаем памятью о человечестве в целом, которая значительно глубже и вместе с тем неуловимее памяти об этих людях»¹. В то же время это не мешает философии признавать за человеком XXI в. способность вступать в общение с «Другими», вмешиваться в ход вещей, рассказывать о своей жизни, формируя свою собственную идентичность, основываясь на своих воспоминаниях (опыте), и осознавать себя субъектом, неся ответственность как вменяемое лицо².

Осмысление Э. Гуссерлем категории опыта происходило на фоне изменяющейся научной составляющей интеллектуальной парадигмы. Образ науки, сформировавшийся в Новое время как сокровищница уже готового знания, замещается таким, в котором она превращается в инструмент для достижения нового знания, «из склада готовой продукции» – в «фабрику» по созданию знаний.

Принято считать, что европейская феноменологическая школа родилась в 1904 г. в Мюнхене, во время встречи Э. Гуссерля с Т. Липпсом, положившей начало первым заседаниям Психологического союза, превратившегося со временем в настоящий дискуссионный философский клуб. С 1910 по 1912 г. Э. Гуссерль активно выступает с докладами, проводит занятия и семинары. В 1910 г. он публикует свою знаменитую работу-манифест «Философия как строгая наука». Трагические события начала XX в., спровоцировавшие кризис «старой Европы», прервали развитие феноменологического движения. Вновь «возродившаяся» в послевоенный период во Фрайбурге феноменология, отдавая дань времени, достаточно легко уходит от проблем взаимоотношений естествознания и философии, заменяя их проблематикой историчности.

Формально с 1930 г. Э. Гуссерль остается единственным философом, представляющим радикальное крыло феноменологии. Именно в этот период появляются знаменитые «Парижские доклады» (1929) и «Картезианские размышления» (1931), отличавшиеся от ранее написанных работ осознанной ясностью и четкостью формулировок, открывающих новые грани феноменологии. Главным виртуальным оппонентом Гуссерля в его осознании феноменологии как нового научного

метода становится «отец новоевропейской философии» Р. Декарт. В представлении Э. Гуссерля Декарт являлся не просто великим мыслителем Франции, но подлинным праотцом феноменологии, поскольку благодаря ему появляется философия нового вида. Философия, предложенная миру Р. Декартом, позволила совершить «радикальный поворот от наивного объективизма к трансцендентальному субъективизму»³.

Отдавая дань уважения философскому наследию Декарта и определяя себе роль «радикально начинающего философа», Э. Гуссерль предлагает вместе пройти путь, ведущий к трансцендентальной феноменологии, начало которого лежит в «донаучной жизни», в мире, где науки лишены какой-либо значимости, но в котором Э. Гуссерлю необходимо присутствие «Другого».

Относя к миру все существующие науки, включая практическую (*handelnde*) жизнь, Э. Гуссерль связывает бытие (*Dasein*) мира понятием «Другой», находя в этой связи логическую закономерность, не вызывающую сомнений. «Бытие (*Dasein*) мира понимает само собой прежде всего “Другого” – настолько, что никто не может даже подумать о том, чтобы эксплицитно выразить его в каком-либо положении. Ведь мы имеем опыт мира, в котором этот мир как постоянно и несомненно суший находится перед нами»⁴.

Не признавая серьезности критики Р. Декарта, прибегавшего к чувственному опыту, «доказывая мыслимость небытия мира», Э. Гуссерль предлагает лишить наивной значимости опыт мира, поскольку «бытие мира не может более быть для нас само собой разумеющимся фактом, но лишь проблемой значимости»⁵.

Но отрицая значимость мира, не утрачивает ли человечество бытийной почвы, столь необходимой для обоснования универсальности философии? Отвечая на этот вопрос, Э. Гуссерль совершает «поворот», возвращающий его к, казалось бы, забытому наследию Р. Декарта, чтобы обосновать сформулированное им же основание радикальной философии: «...полностью следуя Декарту, мы делаем великий поворот, который, правильно осуществленный, ведет к трансцендентальной субъективности: поворот к *ego cogito* как к аподиктически достоверной и последней почве для суждения, на которой должна быть основана всякая радикальная философия»⁶.

Э. Гуссерлю важно понять, почему радикальная философия, к представителям которой он относит себя, может не иметь ни значимой науки, ни сущего мира, несмотря на возможность существовать, осознавать значимость бытия в сфере опыта, довольствуясь лишь притязанием на бытие. Но кто же тогда скрывается под маской «Другого»? Для Э. Гуссерля это не только люди, но и звери, которых человек воспринимает лишь благодаря своему чувственному опыту. «Вместе

с Другими я, конечно, теряю также и весь строй социальности и культуры, короче говоря, весь конкретный мир есть для меня не сущий, но лишь феномен бытия»⁷.

Вводя феноменологическое эпохэ, определяемое Р. Декартом как *cogito*, Э. Гуссерль использует его для обозначения универсального запрещения по отношению к объективному миру. Феноменологическое эпохэ есть «все относящееся к миру, все пространственно-временное бытие <...> благодаря тому, что я испытываю его, воспринимая его, вспоминаю, сужу или как-либо мыслю о нем, оцениваю его или стремлюсь к нему»⁸.

Однако, постигая субъективность трансцендентальной философии, Р. Декарт с позиций феноменологии так и не сумел преодолеть границы истинной трансцендентальной философии. «Свободное эпохэ в отношении бытия <...> как раз и показывает этот величайший и удивительнейший из всех фактов <...> что я и моя жизнь остаются незатронутыми в своей бытийной значимости независимо от того, существует мир или нет, и вообще независимо от какого-либо по этому поводу решения. Если я в естественной жизни говорю: «Я есть, я мыслю, я живу», то это значит: Я, эта человеческая личность среди Других людей в мире, благодаря моему телу находящаяся в реальной связи природы, в которую теперь включены также и мои *cogitationes*, мои восприятия, воспоминания, суждения и т. д. как психофизические факты»⁹.

Следовательно, человек может вступать в трансцендентальный опыт, не удовлетворяясь смутным *ego cogito*. В то же время трансцендентальное эпохэ в отношении сущего мира со всеми узанными в опыте объектами как феноменами опыта составляет главную тему феноменологической дескрипции. «Следовательно, достигая последней мыслимой для опыта и познания точки зрения, в которой я становлюсь незаинтересованным созерцателем моего естественно-мирского Я и жизни Я, которое есть при этом лишь особая часть или особый слой моей раскрытой теперь трансцендентальной жизни»¹⁰.

Итогом размышлений в «Парижских докладах», затрагивающих кризис европейских наук, становится сравнение Э. Гуссерлем повседневной практической жизни с наивным опытом, благодаря которому происходит вживание в мир, при этом осуществляющий опыт не имеет ни малейшего представления ни о повседневной практической жизни: «...не знает он ничего и о работающем мышлении: числа, предикативные положения вещей, ценности, цели, творения появляются благодаря скрытой работе [сознания]»¹¹.

Аппрезентация опыта «Другого» Э. Гуссерлем развивается в «Картезианских размышлениях», самым своим названием определивших

генетическую связь с именем Р. Декарта, в латинском варианте звучащим как Картезий. Раскрывая трансцендентальность опыта «Другого», еще не осмысленного им как человеческий опыт, Э. Гуссерль определяет его лишь как способ осознания действительности применительно к опыту, в котором дан некий человек. Не осмысляя «Другого» как человека, Э. Гуссерль допускает его живое воплощение, поскольку ни переживания «Другого», ни его проявления не могут выступать изначальной данностью, что позволяет говорить об аппрезентации. В этом сочинении Гуссерль выводит из структуры сознания трансцендентальное *ego*, или «мое “Я”», оставаясь одним и тем же, проживает то или иное *cogito*. При этом поле опыта трансцендентального *ego* представляет сферы собственного опыта и опыта «Другого». Вводя понятие «Другой», Э. Гуссерль делает шаг в сторону от восприятия «Другого» посредством чувственного опыта. «Мы можем руководствоваться смыслом слова “Другой” – “Другое Я”; *alter* означает *alter ego*, и *ego*, которое здесь имплицитно содержится, это я сам, конституированный внутри моей собственной сферы первого порядка, и притом конституированный в своей единичности как психофизическое единство (первопорядковый человек) – как личное Я, непосредственно властвующее в моем (единственном) живом теле»¹².

При этом, подводя итог «Картезианских размышлений», Э. Гуссерль стремился показать необходимость исследования трансцендентального опыта посредством познания человеком опыта самого себя и опыта «Другого». Призывая довериться этому опыту в силу его жизненной очевидности, философ видел в нем «контуры необъятной проблематики» феноменологии как науки более высокой формации.

В «Амстердамских докладах» (1925) Гуссерль впервые обращается к осмыслению категории внутреннего опыта, подвергая критике Р. Декарта. По его убеждению, Декарт лишь приблизился посредством обоснования метода сближения к идее «чистого сознания», заложившей основы новоевропейской философии, но так и не сумел ее раскрыть, а лишь только «разбудил» трансцендентальную мысль.

В философской концепции Э. Гуссерля трансцендентальная мысль означает, что все вокруг является объективно реальным, следовательно, и мир, окружающий человека, может иметь «для нас бытие и так-бытие только как действительное и возможное *cogitatum* нашего собственного *cogitatio*, как возможное опытное содержание наших собственных опытов»¹³.

Апеллируя к Р. Декарту, Гуссерль формулирует два основных постулата существования трансцендентальной философии как строгой науки, выстраиваемой на почве опыта интерсубъ-

ективности. Первый метафизический постулат он связывал с данностью собственного трансцендентального опыта и бесконечной областью многообразных отдельных опытов. Второй затрагивал познание широты трансцендентально-феноменологического опыта, поле которого не ограничивается только собственным трансцендентально очищенным *ego* философствующего, но расширяется до раскрывающихся в этом *ego* благодаря трансцендентальному вчувствованию многообразных *alter ego* и трансцендентального открытого бесконечного Я-сообщества, которое в меняющейся ориентации трансцендентально оповещает о себе в каждом *ego*.

Подвергая анализу философские искания Э. Гуссерля относительно категории «опыт», было бы весьма логично задаться вопросом: что же в действительности искал Э. Гуссерль, обращаясь к философскому наследию Р. Декарта? Видел ли он в фигуре французского философа непримиримого оппонента или великого учителя? Логический поиск ответов на поставленные вопросы подводит к «Феноменологии», написанной Э. Гуссерлем для Британской энциклопедии и опубликованной после смерти философа в 1939 г. Несмотря на достаточно скромный объем, «Феноменология» далась Гуссерлю с невероятным трудом. В ней мы находим законченное определение феноменологии как науки, сформулированное с позиции радикальной феноменологии, единственным представителем которой он продолжал оставаться. С обозначенной в статье позиции все рациональные проблемы, которые по той или иной причине стали рассматриваться как «философские», имеют свое место в рамках

феноменологии, обнаруживаются в предельном источнике трансцендентального опыта. В этом утверждении «скрывается» причина настойчивого и последовательного рассмотрения философом категории опыта.

Завершая один из своих последних научных трудов, Э. Гуссерль связывал с феноменологической философией не только возможность постижения трансцендентальности человеческой «жизни», но и развитие основных тенденций древнегреческой философии с главенствующим мотивом философии Декарта. Именно в феноменологии он видел методическую основу, способную «вдохновить науку, которая не будет иметь пределов».

Примечания

- ¹ Рикёр П. История и истина. СПб., 2002. С. 101.
- ² Там же. С. 16.
- ³ Гуссерль Э. Парижские доклады // Логос. 1991. № 2. С. 6.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 9.
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Там же. С. 17.
- ¹² Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998. С. 121.
- ¹³ Гуссерль Э. Амстердамские доклады // Логос. 1994. № 5. С. 16.

УДК [502.5:1](0,75.8)

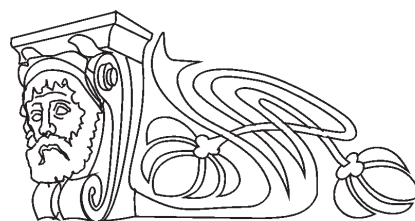
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ВОСПРИЯТИЯ ЛАНДШАФТА КАК ПЕЙЗАЖА

Н. Я. Веретенников

Саратовский государственный университет
E-mail: felkon.87@mail.ru

В статье рассматриваются философский аспект восприятия ландшафта и отображение его в пейзаже. Особое внимание автор уделяет методологии исследования ландшафта и пейзажа, включающей междисциплинарность, синергичность, конвергентность, а также ментальный, сакральный характер этих феноменов.

Ключевые слова: ландшафт, пейзаж, окружающая среда, человек, философия, восприятие.

Philosophical Aspect of Perceiving Landscapes as Sceneries

N. Ya. Veretennikov

The article deals with the philosophical aspect of perceiving landscapes and reflecting the same in sceneries. The author pays particular attention to landscape and scenery research methodology, this methodology covering interdisciplinarity, synergy